

в.я. лаверычев

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ
В ТЕКСТИЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

РОССИИ

В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ
КАПИТАЛ
В ТЕКСТИЛЬНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
РОССИИ
(1900—1917 гг.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1963

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

УДК 37.01
БИБ. УЧЕБ.
ИМЕН
З. И. ЛЕНИНА

1964 г. -

8441

~~515775~~

ВВЕДЕНИЕ

Империализм является высшей и последней стадией развития капитализма, непосредственно предшествующей социалистической революции. «Империализм, — писал В. И. Ленин, — есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917-го года в всемирном масштабе»¹.

Изучение истории России в эпоху империализма имеет огромное значение для выявления политических и экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. При этом, наряду с исследованием важнейших проблем политической истории (истории революционного движения в первую очередь), огромный интерес представляет изучение особенностей экономического развития страны, процесса монополизации крупнейших и ведущих отраслей промышленности. Советские историки и экономисты уделяли серьезное внимание изучению деятельности крупнейших монополистических объединений, существовавших в царской России. Особенно интенсивная исследовательская работа развернулась в этой области в последние годы. Изданы фундаментальные исследования о монополиях в топливной, металлургической и машиностроительной промышленности, о сращивании банковского капитала с промышленным.

Однако до сих пор остается почти совершенно неразработанным вопрос о путях развития, типах и формах монополистических объединений в текстильной промыш-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 182.

ленности, об удельном весе монополий текстильной промышленности в экономике страны.

Между тем текстильное производство являлось самой крупной (по сумме валовой продукции и численности рабочих) отраслью фабрично-заводской промышленности России, важнейшей составной частью легкой промышленности. Удельный вес последней в промышленном производстве был значительно выше, чем в передовых капиталистических странах, а влияние иностранного капитала — несравненно менее значительным, чем в горнодобывающей, металлургической и машиностроительной промышленности, где действовали наиболее крупные и до последнего времени лучше всего изученные монополистические союзы («Продамет», «Продуголь» и др.). Кроме того, текстильная промышленность является одной из наиболее старых отраслей хозяйства России, и в ее развитии отчетливо проявились многие особенности экономической истории страны.

Без учета степени монополизации текстильной промышленности невозможно правильно оценить степень развития монополистического капитализма и всесторонне определить особенности государственно-монополистического капитала в России.

Настоящая работа имеет своей задачей, во-первых, определение основных направлений и особенностей процесса монополизации текстильной промышленности, типов и форм монополистических объединений, преобладавших в текстильном производстве, выявление связей текстильных предприятий с московскими и петербургскими банками. Вторая задача заключается в изучении главнейших направлений развития крупных монополистических объединений в годы первой мировой войны, их роли в системе государственно-регулирующих органов, в развитии элементов государственно-монополистического капитализма, являвшегося, как указывал В. И. Ленин, полнейшей материальной подготовкой социализма, его преддверием². Наконец, наша третья задача состоит в раскрытии хищнической деятельности монополистов текстильной промышленности в военные годы.

При разрешении намеченных автором задач неоценимую помощь оказали классические труды В. И. Ле-

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 333.

нина, в которых детально выявлены особенности развития капитализма в эпоху империализма и ярко охарактеризовано состояние российской экономики в годы войны и между двумя революциями («Империализм, как высшая стадия капитализма», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?» и др.).

Исследование истории монополизации текстильной промышленности затрудняется тем обстоятельством, что в архивохранилищах отсутствуют фонды важнейших отраслевых предпринимательских объединений. Перед нами стояла задача изучить многочисленные фонды различных центральных и местных учреждений и по крупицам собирать интересующий нас материал. Наиболее интересные сведения удалось обнаружить в фондах крупнейших текстильных предприятий и различных ведомств царского правительства, где частично отложилась документация крупнейших предпринимательских объединений.

В процессе сбора материала автор обследовал фабричные фонды восьми областных архивов. Однако большинство фабричных фондов дошло до наших дней в совершенно неудовлетворительном состоянии. Документы, отражающие деловые связи предприятий, как правило, сохранились в незначительном количестве и имеют случайный характер. Часть фабричного делопроизводства погибла, видимо, в период революции в результате «чисток» архивов предприятий фабрикантами. Некоторые материалы утрачены после недостаточно продуманной «обработки» фабричных фондов в 20 — 30-е годы, когда в них оставлялись преимущественно наиболее яркие документы о положении рабочих и рабочем движении и так называемый «справочный» материал. Редкое исключение представляют лишь отдельные фабричные фонды, среди которых особенно выделяется фонд Куваевской мануфактуры (Государственный архив Ивановской области), содержащий всю текущую коммерческую и производственную переписку предпринимателей.

Наряду с неопубликованными архивными материалами в работе широко использовались данные буржуазной периодической печати. Материалы таких газет, как «Утро России», «Коммерческий телеграф», «Биржевой

курьер» и некоторых других, являются ценным источником, частично восполняющим отсутствие архивных документов. Эти газеты хорошо информировались о положении дел в текстильной промышленности. Сопоставление некоторых газетных сообщений с журналами и протоколами заседаний и циркулярами руководящих органов предпринимательских объединений дает основание утверждать, что редакции указанных газет имели доступ к официальным документам.

Интересные данные о развитии текстильной промышленности и некоторых сторонах деятельности предпринимательских организаций имеются также в их уставах, отчетах, докладах и иных опубликованных официальных материалах.

Почти вся мемуарная литература, использованная в работе, принадлежит деятелям старого режима и лидерам буржуазной оппозиции, которые, оказавшись после 1917 г. не у дел, занялись сочинением воспоминаний. Эти «труды» требуют самого строгого критического подхода. Историческая концепция авторов опирается на их контрреволюционные и антисоветские взгляды, что приводит к передержкам, искажениям, клеветническим утверждениям. Однако в некоторых из подобных работ содержится определенное рациональное зерно в виде конкретного фактического материала.

Мемуары П. А. Бурышкина «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954), например, содержат интересные факты и сведения. Автор — активный деятель торгово-промышленных организаций, созданных московской буржуазией, бывший глава крупной мануфактурной фирмы в Москве, владевший значительным пакетом паев хлопчатобумажного предприятия — т-ва Э. Циндель. Безусловно, в свое время он был хорошо информирован о политических настроениях и деятельности московских торгово-промышленных кругов. Многие его свидетельства подтверждаются другими источниками. Однако лейтмотивом книги является беспредельное восхваление купеческого сословия, представленного в качестве главного носителя прогресса и культуры. П. А. Бурышкин сверх всякой меры идеализирует московскую старину и московское купечество, превознося его как активную творческую силу, восхваляя меценатство, филантропию и благотворительность московских толсто-

сумов, которых он объявляет образцом честности и патриархальности нравов. Он настолько увлекается, что допускает явную «передержку», записывая в актив купечеству заслуги видных деятелей культуры и науки (К. С. Станиславского, например), порвавших со своим сословием. Он «забывает» сказать о самом существенном — источнике богатства московских промышленников, о том, что их многомиллионные доходы получались за счет обмана, ограбления, эксплуатации народных масс. В воспоминаниях, написанных в эмиграции много лет спустя после Великой Октябрьской социалистической революции, П. А. Бурышкин делает попытку определить причины поражения своего класса. Однако и здесь он не смог сказать ничего определенного и вразумительного, за исключением выявления некоторых политических просчетов и промахов буржуазных лидеров.

Полемизируя с П. И. Ляшенко, Бурышкин отрицает принадлежность крупных текстильных фабрикантов к финансовой олигархии и монополистический характер важнейших предпринимательских объединений в текстильной промышленности. При этом показательно, что финансовый капитал П. А. Бурышкин понимает односторонне, как захват банками промышленных предприятий. Захват крупными текстильными фабрикантами старых банков или организация ими собственных банков, использование этих банков для овладения крупными предприятиями или установления над ними опеки и контроля, по его мнению, не имеют никакого отношения к возникновению и развитию финансовой олигархии.

Память нередко изменяет П. А. Бурышкину, а свой личный архив он частично утратил после поспешного бегства из Москвы в 1918 г. Поэтому в книге имеются многочисленные фактические ошибки.

Несмотря на крайне слабую изученность проблемы, являющейся предметом специального рассмотрения в настоящей работе, отдельные ее аспекты в той или иной степени уже подвергались исследованию.

Процесс монополизации текстильной промышленности привлекал внимание историков и экономистов еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Первые, хотя и скудные, сведения о монополистических союзах в текстильной промышленности содержались в трудах ряда буржуазных ученых. Всем этим работам в

разной степени присуща апологетика монополий в скрытой и завуалированной форме, хотя некоторые стороны их деятельности критиковались в них с буржуазно-филистерских позиций.

Л. Б. Кафенгауз 11 февраля 1910 г. в докладе «Синдикаты и тресты» упоминал, что в текстильной промышленности России существуют простейшие конвенции фабрикантов. Однако он не нашел нужным сообщить какие-либо данные о составе, характере и направлении деятельности этих конвенций и указать источники полученных сведений³. По всей видимости, под конвенциями подразумеваются регулярно возобновлявшиеся картельные соглашения московских и иваново-вознесенских ситцевиков. И. М. Гольдштейн перечисляет более ста известных ему монополистических соглашений и в том числе ряд союзов, существовавших в текстильной промышленности. Кроме того, И. М. Гольдштейн приводит некоторые интересные данные о международном ниточном тресте и хлопчатобумажных предприятиях, контролируемых Кнопам⁴. Однако в его работах, как правило, отсутствуют сведения о перечисляемых им соглашениях текстильных фабрикантов и нет ссылок на источник полученной информации.

С. О. Загорский, используя материалы периодической печати, сделал попытку более детального изучения отдельных монополистических союзов. Он приводит некоторые, хотя и не всегда точные, сведения об их организации, составе, деятельности. С. О. Загорский обратил внимание на тот факт, что после 1906 г. некоторые «синдикаты» стали легализоваться под видом так называемых «профессиональных» обществ капиталистов⁵. Более детально этот вопрос исследовал Е. С. Лурье⁶.

³ «Труды императорского вольно-экономического общества», т. 1, вып. 1. Спб., 1911, стр. 15.

⁴ См. И. М. Гольдштейн. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика, ч. I, изд. 2. М., 1912, стр. 397; И. М. Гольдштейн. Экономическая политика, вып. 1, изд. 2. М., 1913, стр. 142—143, 239, 252—254.

⁵ См. С. О. Загорский. Синдикаты и тресты. Спб., 1914, стр. 107—108, 245.

⁶ См. Е. С. Лурье. Организация и организации торгово-промышленных интересов в России. Спб., 1913, стр. 122, 132, 157—158.

После Великой Октябрьской социалистической революции намечается коренной перелом в изучении проблем как политической, так и экономической истории России в эпоху империализма.

Вскоре после революции вышла в свет книга Г. В. Цыперовича, значительно расширенная в повторных изданиях. В этой книге обобщен интересный материал о монополистических объединениях в различных отраслях экономики России. Однако как в первом, так и в последующих изданиях книги о монополистических объединениях в текстильной промышленности имеются лишь разрозненные и случайные сведения⁷.

Дальнейшему исследованию процессов монополизации текстильной промышленности существенным образом препятствовали те взгляды на пути развития монополистического капитализма в России, которые утвердились в историко-экономической литературе 20-х годов.

В работах, примыкавших к дореволюционной буржуазной литературе, развитие финансового капитала в России рассматривалось в плане изучения особенностей иностранного капитала. Удельный вес иностранного капитала явно преувеличивался, а его роли давалась неправильная оценка⁸.

В деле становления правильных научных взглядов на развитие монополистического капитализма в России огромное значение имели работы М. Н. Покровского и его учеников. Они стремились исследовать процессы монополизации экономики страны с марксистско-ленинских позиций. Тем не менее потребовалось значительное время, чтобы в результате большой творческой работы, борьбы мнений и горячих дискуссий сложились научно правильные представления по важнейшим вопросам истории империализма в России.

В ранних своих работах М. Н. Покровский по существу отрицал наличие системы финансового капитала в России, а затем воспринял ошибочные схемы развития

⁷ См. Г. В. Цыперович. Синдикаты и тресты. Пг., 1918.

⁸ См. В. С. Зив. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917; П. В. Оль. Иностранные капиталы в России. НКФ. Институт экономических исследований. Труды института, № 3. Пг., 1922; его же. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Пг., 1925.

российского империализма, предложенные Н. И. Ванагом, С. А. Рониным и др. исследователями⁹.

Н. И. Ванаг отрицал господство финансового капитала до 1905 г., а решающую роль в его формировании он отводил иностранному капиталу. По мнению Н. И. Ванага, через частные коммерческие банки международный капитал подчинил русскую промышленность. В свете этой концепции Н. И. Ванаг мимоходом рассматривает и историю развития текстильной промышленности. В его работе содержатся интересные сведения о связях отдельных текстильных предприятий с банками. Однако весь этот материал подобран односторонне, с целью подтвердить основной тезис о безраздельном и решающем господстве иностранного капитала. Текстильная промышленность, где иностранный капитал не имел серьезного значения, естественно, не могла служить, по мнению автора, примером развития монополистического капитализма в России. Н. И. Ванаг прямо заявлял, что «в этой области промышленности, конечно, не было монополистического капитализма, как господствующей системы», что «к кануну войны речь может идти только об отдельных элементах монополистического капитализма»¹⁰. М. Н. Покровский, ссылаясь на исследования Н. И. Ванага, утверждал: «Только текстильная промышленность России перед войной сохраняла еще свой старый индивидуалистический характер»¹¹.

Господство подобных взглядов на пути развития империализма в России объясняет тот факт, что в ряде работ¹², специально посвященных изучению истории текстильной промышленности, появившихся в 20—30-е годы, отсутствует даже постановка проблемы монополизации

⁹ См., например, М. Н. Покровский. Империалистическая война. Сборник статей. 1915—1930 гг. М., 1931, стр. 112—113, 240—244 и др.

¹⁰ Н. И. Ванаг. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. М., 1925, стр. 177.

¹¹ М. Н. Покровский. Ук. соч., стр. 112.

¹² См. Ф. Евгеньев. Развитие русской шерстяной промышленности (историко-экономический очерк). «Шерстяное дело», 1923. № 6, 7/8, 10/13; 1924, № 3/4, 5/6, 7/8; Б. И. Сыромятников. Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства. Иваново-Вознесенск, 1925; Н. Заволжский. История развития льняной промышленности в СССР. М.—Л., 1931.

этой отрасли промышленности. Некоторое исключение представляет лишь книга М. Цвибака. Автор делает ряд интересных наблюдений о связях текстильных предприятий с банками, указывает на монополистический характер общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, называет Русское экспортное товарищество первым синдикатским объединением, утверждает, что «синдицирование хлопчатобумажной промышленности носило тайный характер». М. Цвибак выдвигает также идею о существовании двух центров объединения хлопчатобумажных фабрикантов (Крестовникова-Кнопа и Рябушинских). В конечном итоге он приходит к более правильным выводам о путях развития монополистических союзов в текстильном производстве, чем Н. И. Ванаг, хотя прямо с ним не полемизирует. К сожалению, наиболее ценные наблюдения и выводы изложены автором в самой общей форме и недостаточно обоснованы конкретным фактическим материалом¹³.

Несмотря на явное преобладание рассмотренных выше концепций, еще в середине 20-х годов наметился сдвиг в направлении выработки более правильных взглядов на пути развития монополистического капитализма в России. Концепция Ванага — Ронина, одобрявшаяся М. Н. Покровским, подвергалась основательному критическому разбору в трудах Е. Л. Грановского, Г. В. Цыперовича, А. Л. Сидорова и И. Ф. Гиндина. Эта группа историков доказывала, что в России складывалась самостоятельная система монополистического капитализма¹⁴. Однако в трудах этих исследователей центральной темой являлись сюжеты, далекие от текстильной промышленности¹⁵. Более того, по

¹³ См. М. Цвибак. Из истории капитализма в России. Хлопчатобумажная промышленность в XX веке. Л., 1925.

¹⁴ Подробнее об этом см. К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма и вопросы периодизации истории советской исторической науки. «История СССР», 1960, № 3.

¹⁵ См. Г. Цыперович. Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР. Из истории организационных форм промышленности за последние 50 лет, изд. 4. Л., 1927; Е. Л. Грановский. Монополистический капитал в России. Л., 1929; А. Сидоров. Влияние империалистической войны на экономику России. В кн. «Очерки по истории Октябрьской революции». Работы истор. семинара Ин-та Красной профессуры, т. I. М.—Л., 1927; И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность в России. К вопросу о финансовом капитале в России. М.—Л., 1927.

вопросу о степени монополизации текстильной промышленности взгляды некоторых из них мало отличались от точки зрения Ванага — Покровского. Так, Е. Л. Грановский в одной из своих статей утверждал, что монополизация текстильной промышленности к началу войны находилась «в зачаточном состоянии»¹⁶.

Менее всего исследованной в 20-е годы оказалась проблема государственно-монополистического капитализма в России. Господствующие взгляды о полукOLONиальной зависимости царской России, об особенностях развития монополистического капитала препятствовали изучению государственно-монополистических институтов в плане выявления материальных предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Так, М. Н. Покровский на Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов утверждал, что «все чисто экономические показатели были за неуспех Октябрьской революции»¹⁷. В книге Я. Рудого¹⁸ подчеркивалась слабость государственного капитализма в России по сравнению с передовыми капиталистическими странами и утверждалось, что даже в годы войны здесь не сложились условия для системы государственно-монополистического капитализма. Свое основное внимание автор сосредоточил на деятельности особых совещаний. Работа органов, регулирующих текстильную промышленность, оказалась вне поля зрения. Несколько подробнее вопросы регулирования текстильной промышленности в годы первой мировой войны рассматривались Я. М. Букшпаном. Однако в его работе проблема государственно-монополистического капитализма даже не поставлена. Регулирование народного хозяйства России и других капиталистических стран рассматривается в плане экономической политики. Характеризуя основные направления деятельности регулирующих органов текстильной промышленности в целом правильно, хотя и схематично, он не раскрывает зависимости последних от монополи-

¹⁶ Е. Грановский. Спорные вопросы проблемы финансового капитала в России (вместо выступления на I Всесоюз. конференции историков-марксистов). «Историк-марксист», т. 12, 1929, стр. 102.

¹⁷ «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов» (28/XI 1928 — 4/I 1929). М., 1930, стр. 374.

¹⁸ Я. Рудой. Государственный капитализм в России во время империалистической войны. Л., 1925.

стических союзов фабрикантов¹⁹. Более правильная оценка роли предпринимательских организаций в деле государственного регулирования текстильной промышленности содержится в работах, посвященных исследованию экономической политики Временного правительства и вопросов рабочего контроля²⁰.

В 30—40-е годы на исследовании проблем монополизации экономики России сказывались отрицательные последствия культа личности И. В. Сталина. Тезис о полуколониальной зависимости России от крупнейших империалистических держав, получивший официальную санкцию в таких широко распространенных и популярных в свое время трудах, как первый том «Истории гражданской войны в СССР» и краткий курс «Истории ВКП(б)», не мог не препятствовать творческому изучению особенностей империализма в России и, в первую очередь, затормозил исследование проблемы государственно-монополистического капитализма в плане выявления определенных материальных предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

Тем не менее, несмотря на неблагоприятную обстановку, исследовательская работа по изучению монополистического капитала в России все же продолжалась. Некоторое оживление ее наблюдается после Великой Отечественной войны и особенно после XX съезда КПСС. Следует отметить появление ряда интересных статей, рассматривающих деятельность высших форм монополий²¹. Заметно продвинулась разработка проблемы государственно-монополистического капитализма,

¹⁹ См. Я. М. Букшпан. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914—1918 гг. М.—Л., 1929.

²⁰ См. А. Лозовский (С. А. Дридзе). Рабочий контроль. Пг., 1918; З. Лозинский. Экономическая политика Временного правительства. Л., 1929; В. Рейхардт. Русская буржуазия в борьбе за сохранение экономического господства (февраль — октябрь 1917 г.). «Красная летопись», 1930, № 1 (34).

²¹ См. П. В. Волобуев. Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903—1914). «Исторические записки», т. 52; К. Ф. Шацлло. Финансовый капитал и развитие морской судостроительной промышленности России накануне первой мировой войны. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 3; В. И. Бовыкин. Банки и военная промышленность России накануне первой мировой войны. «Исторические записки», т. 64 и др.

особенно после XX съезда партии. Несмотря на наличие ряда спорных и дискуссионных вопросов, в специальных исследованиях эта проблема освещается с правильных позиций и неразрывно увязывается с вопросом о материальных предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции. К сожалению, государственно-монополистический капитализм в России изучается пока лишь на примере отдельных отраслей экономики (сахарная, металлургическая, машиностроительная и некоторые другие отрасли промышленности)²². Текстильная промышленность и протекавшие в ней процессы все еще далеки от наиболее популярных объектов исследовательской работы в этом направлении. В обобщающих работах деятельность государственно-монополистических институтов, сложившихся в текстильной промышленности, в лучшем случае характеризуется очень кратко²³, а иногда совершенно не освещается²⁴. С другой стороны, исследователи экономики текстильной промышленности также не касались этой проблемы, ограничившись беглым рассмотрением отдельных сторон процесса монополизации.

В работах П. А. Хромова²⁵ содержится интересный материал о развитии хлопчатобумажной промышленности в дореволюционный период, о концентрации и комбинировании производства. Однако сведения о мо-

²² См. А. Л. Сидоров. Железнодорожный транспорт России в первую мировую войну и обострение экономического кризиса в стране. «Исторические записки», т. 26; Я. Гефтер. Из истории монополистического капитализма в России (сахарный синдикат). «Исторические записки», т. 38; К. Н. Тарновский. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны (на примере металлургической промышленности). Изд-во МГУ, 1958; П. В. Волобуев и В. З. Дробижев. Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства в СССР. «Вопросы истории», 1957, № 9 и др.

²³ См. А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России. Очерк истории. Соцэкгиз, М., 1959; П. В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства. Изд-во АН СССР, М., 1962.

²⁴ См. В. И. Бовыкин, И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский. Государственно-монополистический капитализм в России (к вопросу о предпосылках социалистической революции). «История СССР», 1959, № 3.

²⁵ П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1946; его же. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. Госполитиздат, М., 1950.

нополистических объединениях не выходят за рамки уже известных в историко-экономической литературе фактов. П. И. Лященко²⁶ обобщил интересный материал о концентрации текстильной промышленности, о возникновении концернов Рябушинских и Н. А. Второва. Однако некоторые ответственные утверждения сделаны П. И. Лященко без необходимых объяснений и вызывают недоумение. Так, например, совершенно не ясно, что он вкладывает в понятие «полусиндикат», которое он применяет по отношению к обществу фабрикантов хлопчатобумажной промышленности.

В недавно опубликованных работах К. А. Пажитнова²⁷ главное внимание уделяется анализу состояния различных отраслей текстильной промышленности и динамике текстильного производства. Процессов монополизации текстильной промышленности К. А. Пажитнов, к сожалению, касается вскользь, повторяя неточности, содержащиеся в работах его предшественников. В отдельных случаях он вводит в научный оборот и новые интересные данные.

В большом обобщающем исследовании Я. И. Лившина²⁸, появившемся в 1961 г., имеются полезные наблюдения по ряду важнейших вопросов монополизации экономики России. Однако сколько-нибудь цельной картины развития текстильной промышленности эта монография не дает.

Попытка освещения процесса монополизации всей текстильной промышленности была предпринята К. И. Бобковым²⁹. В его статье наибольшую ценность

²⁶ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. II. Госполитиздат, М., 1948.

²⁷ К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. (Далее: «Очерки...», т. 1.) Изд-во АН СССР, М., 1955; К. А. Пажитнов. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. (Далее: «Очерки...», т. 2.) Изд-во АН СССР, М., 1958.

²⁸ Я. И. Лившин. Монополии в экономике России (экономические организации и политика монополистического капитала). Соцэкгиз, М., 1961.

²⁹ К. И. Бобков. Из истории концентрации производства и монополизации текстильной промышленности России (1900—1917). «Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки». Министерство высшего образования. Московский гос. экономический институт. Научн. тр., вып. 16. М., 1959.

представляют статистические выкладки о концентрации производства в хлопчатобумажной промышленности. Однако в рамках сравнительно небольшой статьи, при недостаточном выявлении источников, и прежде всего архивных материалов, К. И. Бобкову не удалось раскрыть особенности важнейших монополистических объединений текстильной промышленности. Как правило, он оперирует уже известными фактами, а некоторые новые данные, взятые им по преимуществу из периодической печати, случайны.

Более плодотворными, на наш взгляд, являются статьи, посвященные четко ограниченному сюжетам. Э. Крузе достаточно обстоятельно и в целом правильно показала историю создания и основные направления деятельности ниточного треста в России³⁰. В статье Т. М. Китаниной имеются некоторые новые сведения о деятельности в текстильной промышленности группы Стахеева³¹. Следует также отметить содержательную статью И. Ф. Гиндина, в которой обобщены неизвестные ранее данные и имеются интересные выводы об особенностях московских банков и о связях с ними крупнейших текстильных фабрикантов³².

Некоторые стороны процесса монополизации хлопчатобумажной промышленности рассматриваются в наших статьях, вошедших, с соответствующими дополнениями и уточнениями, в виде составных частей в настоящую работу³³.

Особое место занимает белоэмигрантская и зарубежная буржуазная литература. Белоэмигранты, изменившие своему народу, долгое время выступали в качестве ударной силы международной контрреволю-

³⁰ Э. Крузе. Табачный и ниточный тресты. В. кн.: «Из истории империализма в России». Тр. Ленингр. отд. Ин-та истории, вып. 1. Изд-во АН СССР, М. — Л., 1959.

³¹ Т. М. Китанина. Из истории образования концерна Стахеева. В кн.: «Из истории империализма в России».

³² И. Ф. Гиндин. Московские банки в период империализма (1900—1917 гг.). «Исторические записки», т. 58.

³³ См. В. Я. Лаврычев. К истории государственного регулирования текстильной промышленности России в годы первой мировой войны. «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1958, № 2; В. Я. Лаврычев. Процесс монополизации хлопчатобумажной промышленности России. «Вопросы истории», 1960, № 2; В. Я. Лаврычев. Антирабочие союзы капиталистов в 1917 г. «Вестн. Моск. ун-та», сер. истории, 1960, № 5.

ции на идеологическом фронте. Естественно, что их «научные» концепции складывались под влиянием минувшей и продолжающейся политической борьбы, как бы представляя политику, опрокинутую в прошлое. Они исходили из тех идейных установок, которые российская буржуазия выработала, усвоила и усиленно пропагандировала между двумя революциями в 1917 г. Еще в то время буржуазные профессора (Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, Б. П. Вышеславцев и др.) в своих выступлениях, статьях и брошюрах пытались доказывать, что в России не созрели еще условия для социалистической революции, что экономика страны должна развиваться по капиталистическому пути. Этот тезис в белоэмигрантской исторической литературе был положен в основу ее концепции относительно Великой Октябрьской социалистической революции. Во всех работах в той или иной степени доказывалось, что социалистическая революция является результатом случайного стечения обстоятельств, следствием ошибок тех или иных буржуазных лидеров.

Эта обветшавшая «концепция», принятая на вооружение современными идеологами империализма, продолжает развиваться вплоть до наших дней³⁴.

* *
*

Замысел настоящего исследования возник у автора под влиянием той оживленной работы по изучению экономической истории России в эпоху империализма, которая после Великой Отечественной войны развернулась на историческом факультете МГУ и в Институте истории Академии наук СССР под руководством проф. А. Л. Сидорова. Отдельные разделы рукописи и вся работа в целом обсуждались на кафедре истории СССР периода капитализма исторического факультета Московского университета. Пользуясь случаем, автор выражает самую глубокую признательность всем участ-

³⁴ Подробнее об этом см. А. П. Бутенко. Вокруг работы Розы Люксембург «Русская революция». «История СССР», 1958, № 2, стр. 177—179; Г. Б. Ардаев. Борьба вокруг проекта программы социалистической партии Австрии и вопросы истории советского общества. «История СССР», 1958, № 6, стр. 205—206; В. И. Салов. Как извращается история советского общества в работах Б. Мейснера. «История СССР», 1959, № 1, стр. 242.

никам обсуждений, поделившись своими мыслями, соображениями и замечаниями.

Автор дает себе отчет в том, что в предлагаемой работе далеко не все стороны процесса монополизации текстильной промышленности рассматриваются с необходимой полнотой. О некоторых монополистических союзах дается самое общее представление, а важнейшие направления деятельности других характеризуются слишком схематично. Более детальное и глубокое изучение этих вопросов возможно лишь в результате коллективных усилий ряда исследователей на основе выявления и обобщения новых документальных материалов.

Раздел I

МОНОПОЛИЗАЦИЯ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ в 1900—1914 гг.

ГЛАВА I

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

§ 1. Структура, размещение и концентрация текстильного производства

Текстильная промышленность царской России в конце XIX — начале XX в. по сумме валовой продукции и численности рабочих являлась самой крупной отраслью фабрично-заводского производства. В 1897 г. стоимость продукции текстильных предприятий достигала 946,3 млн. рублей, составляя около 33% стоимости продукции всех учтенных отраслей промышленности. На текстильных фабриках сосредоточивалось 642,5 тыс. рабочих (31%) из 2098,8 тыс. человек, занятых на всех фабрично-заводских предприятиях. Наиболее крупной отраслью текстильного производства являлась хлопчатобумажная промышленность. В 1897 г. стоимость продукции 947 хлопчатобумажных предприятий составляла 430,2 млн. руб., т. е. около 15% стоимости продукции фабрично-заводской промышленности России. На хлопчатобумажных фабриках насчитывалось 316,1 тыс. рабочих, или около 15% фабрично-заводского пролетариата страны¹. В 1913 г. сумма производства хлопчатобумажной промышленности достигла 958,5 млн. руб., т. е. 22,3% суммы производства всей фабрично-заводской промышленности. На предприятиях хлопчатобумажной промышленности имелось уже 512 800 рабочих — 23,1% всех промышленных рабочих страны².

¹ См. П. И. Лященко. Ук. соч., т. II, стр. 149—150.

² Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 23, оп. 27, д. 479, л. 1.

К концу XIX в. хлопчатобумажная промышленность царской России сосредоточивалась в трех основных промышленных районах: Центральном, Петербургском и Лодзинском. В 1890 г. в шести губерниях центра европейской части России (Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Тверской и Рязанской) сосредоточивалось 47,2% всех прядильных веретен и 73% ткацких станков. На хлопчатобумажных фабриках центра в этом году производилось 55,4% всей хлопчатобумажной пряжи и изготовлялось 72% хлопчатобумажных тканей. К 1910 г. удельный вес Центра в хлопчатобумажной промышленности еще более увеличился. Там сосредоточивалось 60,6% прядильных веретен и 75,4% ткацких станков³.

Именно в этом районе хлопчатобумажная промышленность в пореформенный период имела особенно благодатную почву для развития, подготовленную предшествующими десятилетиями. Кустарное и мануфактурное производства создали широкий слой квалифицированных рабочих, необходимых для крупной фабрики. Многие хлопчатобумажные фабрики Центра создавались в сельской местности, в районах скопления избыточного населения, стремившегося сочетать работу в сельском хозяйстве с работой на фабрике. В пореформенный период интенсивно протекал процесс впитывания ручных ткачей-надомников фабрикой. Если в середине XIX в. в Суздальском уезде Владимирской губернии, например, в хлопчатобумажном производстве насчитывалось около 40 тыс. домашних ткачей (т. е. почти все взрослое население), то к 1901 г. их осталось всего около 3,5 тыс. человек (преимущественно дети, женщины, старики)⁴. Значительная часть ткачей-надомников ушла на соседние фабрики. Многие из них перебрались на иваново-вознесенские предприятия, о чем свидетельствуют материалы паспортных книг крупных иваново-вознесенских фабрик. Постепенно такие рабочие окончательно теряли связь с землей. Даже в XX в. в сельскохозяйственных районах Московской и Владимирской губерний, где имелось местное избыточное население,

³ «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производств за 1900—1910 годы». СПб., 1911, стр. IV.

⁴ «Труды съезда деятелей по кустарной промышленности северных губерний 20—24 августа 1903 г.». Ярославль, 1904, стр. 46—47.

продолжали возникать (большей частью на базе последних светелок и раздаточных контор) хлопчатобумажные фабрики, работавшие по заказам левнафанов текстильного производства. Фабриканты, используя связь местных рабочих с землей, установили пониженную заработную плату, что позволяло им многократно компенсировать значительные транспортные расходы даже в тех случаях, когда предприятие возникало в десятках километрах от железнодорожных магистралей.

Ведущее положение в хлопчатобумажном производстве Центра России, удаленного от источников сырья, обеспечивалось и политикой царского правительства, которое в угоду русским капиталистам не допускало возникновения текстильных предприятий в Средней Азии.

Главная роль в хлопчатобумажной промышленности центральных районов принадлежала представителям национального капитала. Без всякого преувеличения можно сказать, что это была цитадель крупной отечественной буржуазии. Хлопчатобумажные предприятия являлись здесь единоличной собственностью Морозовых, Рябушинских, Прохоровых, Гарелиных и прочих столпов российского купечества, родословная которых большей частью начиналась с конца XVIII — начала XIX в. в подмосковных промышленных селах. Удельный вес иностранного капитала в российской хлопчатобумажной промышленности был сравнительно небольшим. Он составлял в 1911/12 г. около 19% основного капитала хлопчатобумажных предприятий, достигая 84,5 млн. руб.⁵ Представители иностранного капитала (по преимуществу французского и германского) контролировали лишь отдельные хлопчатобумажные фабрики Центра России. В некоторых случаях московские купцы прибирали к рукам предприятия, основанные иностранными капиталистами (т-во Э. Циндель, например). Вместе с тем иностранный капитал и в XX в. продолжал просачиваться в хлопчатобумажную промышленность Центра России.

Еще в конце XIX — начале XX в. льнопрядильная и бумажная мануфактура в Костроме, принадлежавшая Г. И. Михину, перешла в руки франко-бельгийских предпринимателей, образовавших в Брюсселе анонимное об-

⁵ См. М. Цвибак. Ук. соч., стр. 51.

щество Костромской льнопрядильной и бумажной м-ры русских фабрик Гратри, Жерар и Мухиной с основным капиталом в 10 млн. франков⁶. В 1912 г. открыло действия акц. анонимное о-во Дедовской м-ры. Общество принадлежало французским капиталистам, выделившим для ведения операций в России 12 млн. франков⁷. Накануне войны в периодической печати сообщалось о намерении бельгийских капиталистов приобрести крупную мануфактуру во Владимирской губернии⁸. Швейцарские капиталисты контролировали два предприятия (Цюрихское акционерное о-во и о-во Московской текстильной м-ры), возглавлявшиеся одним директором. Германские капиталы имели значительный удельный вес в предприятиях Л. Рабенек, Ф. Рабенек, Реутовской, Серпуховской и Волжской м-рах⁹.

Вторым значительным районом сосредоточения хлопчатобумажной промышленности являлся Петербургский (г. Петербург, Петербургская и Эстляндская губернии). Здесь в 1890 г. сосредоточивалось 35% веретен и 12,7% ткацких станков. На петербургских фабриках изготовлялось 24,4% пряжи и 11,4% тканей от общероссийского производства¹⁰. Значительная часть прядильных предприятий этого района поставляла свою продукцию в центральные губернии России. В конце XIX — начале XX в. позиции петербургских фабрикантов в связи с расширением хлопчатобумажной промышленности в Центре страны и в Лодзинском районе неуклонно ослаблялись. В 1910 г. здесь имелись лишь 21% общего количества прядильных веретен и 7,4% ткацких станков¹¹. Значительная часть петербургских хлопчатобумажных предприятий принадлежала крупным английским капиталистам (Невская ниточная, Невская бумагопрядильная, Новая бумагопрядильная, Сампсониевская м-ры и др.), которые в XX веке постепенно начинали продавать малопродуктивные фабрики, нуждавшиеся в реконструкции.

⁶ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. 516, оп. 1, д. 2, л. 1; д. 186, лл. 51—52, 57.

⁷ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 51, оп. 10, д. 1956, лл. 6, 11, 35.

⁸ «Коммерсант», 17 апреля 1914 г.

⁹ См. М. Цвибак. Ук. соч., стр. 96.

¹⁰ «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производств за 1900—1910 годы», стр. IV.

¹¹ Там же.

В Лодзинском районе (Петраковская губерния) в 1890 г. насчитывалось всего 6% веретен и 12% ткацких станков. В 1900 г. эти показатели изменились, достигнув 14,6% и 15,6%¹². Хлопчатобумажная промышленность Лодзинского района имела тесные связи с немецким капиталом и чем дальше, тем больше контролировались германскими банками. В большинстве крупных предприятий доля германского капитала составляла от 35 до 40%¹³.

В 80-х годах XIX в. между лодзинскими хлопчатобумажными предприятиями и фабрикантами Центрального промышленного района началась ожесточенная конкурентная борьба. Петербургские фабриканты в этой борьбе не участвовали, ибо, за небольшим исключением, они не имели непосредственных связей с рынком, поставляя полуфабрикаты (суровая пряжа, митраль и т. п.) предприятиям Центрального промышленного района. Главное направление борьбы развертывалось по линии получения наиболее благоприятных для своего района железнодорожных тарифов на хлопок и хлопчатобумажные изделия. В результате ее лодзинские предприятия потерпели поражение. Они все больше переключались на производство смешанных пестротканых и тяжелых набивных хлопчатобумажных тканей, уступив ситцевый рынок фабрикантам Центрального района¹⁴. При этом следует отметить, что внутри Центрального промышленного района к началу нового столетия наметилась более дробная специализация. Часть предприятий (иваново-вознесенские фабрики) изготавливали по преимуществу дешевые ситцы и другие легкие ткани. Крупные московские ситценабивные мануфактуры (Прохоровская, Даниловская и др.) специализировались на производстве ситцев и легких тканей более высокого качества. Предприятия Морозовых в Орехово-Зуеве и Богородске, имея самый разнообразный ассортимент продукции, все более сосредоточивались на производстве одежных и тяжелых набивных тканей. Наряду со специализацией предприя-

¹² «Статистика бумагопрядильного и ткацкого производств за 1900—1910 годы», стр. IV.

¹³ См. М. Цвибака. Ук. соч., стр. 54; П. В. Оль. Ук. соч., стр. 88—90.

¹⁴ См. У. А. Шустер. Экономическая борьба Москвы с Лодзью. «Исторические записки», т. 5, стр. 198—199.

тий, изготавливающих готовую продукцию на рынок, в начале XX в. совершенно определенно наметилось размежевание и в производстве полупродукта.

К началу XX в. в экономике Российской империи значительный удельный вес по-прежнему занимала шерстяная промышленность. В 1900 г. насчитывалось 916 шерстяных предприятий с 136,7 тыс. рабочими. Сумма производства этих предприятий составляла более 167 млн. руб. К 1908 г. число предприятий возросло до 1031, а количество рабочих — до 149,7 тыс. человек. Сумма производства увеличилась до 225,2 млн. руб. В 1913 г. в шерстяной промышленности империи насчитывалось уже более 167,5 тыс. рабочих. Первое место по числу рабочих занимал Лодзинский район; второе место принадлежало Московской губернии. В 1908 г. в шерстяной промышленности имелось 1,3 млн. прядильных веретен, 32 тыс. механических ткацких станков и немногим более 11 тыс. ручных ткацких станков. Более половины прядильных веретен сосредоточивалось на территории Польши. В камвольном производстве этот перевес был еще более значительным. В центральном промышленном районе, в отличие от Польши, где большее развитие получили шерстопрядильное производство и изготовление камвольных тканей, преобладало производство тонких сукон. Грубая суконная промышленность в основном сосредоточивалась в Симбирско-Пензенском, Тамбовском и Клинецком районах¹⁵.

Суконная промышленность находилась в руках представителей отечественного капитала. Значительная часть суконных предприятий была известна еще как помещичьи и посессионные мануфактуры, возникшие в XVIII — начале XIX в. и затем перестроившиеся на капиталистические рельсы. В шерстяной промышленности Польши заметное влияние имели германские финансовые круги. Одно из крупнейших шерстяных предприятий, находившееся в Петербурге, принадлежало английским капиталистам Торнтонам¹⁶.

В льняной промышленности России, по данным Всероссийского общества льнопромышленников, в 1900 г.

¹⁵ См. К. А. Пажи т н о в. Очерки..., т. 1, стр. 183—187, 239—243.

¹⁶ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 1266, оп. 1, д. 960, л. 1; д. 552, л. 16.

имелось 305,2 тыс. прядильных и 32,2 тыс. крутильных веретен, 9627 механических ткацких станков и 1374 ручных. На предприятиях льняной промышленности насчитывалось 47,5 тыс. рабочих. К 1907/1908 г. наблюдалось значительное расширение производства: количество прядильных веретен увеличилось до 355,3 тыс., крутильных — до 40,1 тыс. и число рабочих до 75 тыс.¹⁷. Перед первой мировой войной (в 1913/14 г.) в льняной промышленности имелось уже 373,5 тыс. прядильных веретен, 42,8 тыс. крутильных веретен и 14,4 тыс. механических ткацких станков. Число же рабочих сократилось до 66,3 тыс. человек¹⁸. Это сокращение являлось следствием повышения интенсивности труда и усиления эксплуатации рабочих на льняных предприятиях, а также введения нового более усовершенствованного оборудования в прядильном производстве.

Большая часть льняных предприятий размещалась в Центре России, главным образом в Костромской, Владимирской и Ярославской губерниях. За редким исключением, все льняные фабрики принадлежали русским капиталистам. Из крупных предприятий лишь Романовская м-ра находилась в собственности у Торнтонов — владельцев крупного шерстяного предприятия в Петербурге¹⁹.

В джутовой промышленности в 1900 г. насчитывалось всего 12 предприятий с 10,5 тыс. рабочих и суммой производства 12,2 млн. руб. На этих предприятиях имелись 40 576 веретен и 2671 ткацкий станок. Их производительность достигала 2 млн. пудов мешковины и упаковочной ткани. К 1908 г. сохранилось только 10 предприятий с 10,6 тыс. рабочих. Однако количество ткацких станков увеличилось до 3000, а сумма производства возросла до 16,4 млн. руб.²⁰.

Крупнейшие предприятия джутовой промышленности, перерабатывавшей импортное сырье, ввозимое преимущественно из Индии, находились в портовых городах

¹⁷ «Всероссийское общество льнопромышленников. К вопросу о пошлинах на джут». М., 1914, стр. 4.

¹⁸ «Всероссийское общество льнопромышленников. Отчет о деятельности совета общества за 1914 г.». М., 1915, стр. 118—119.

¹⁹ ГИАЛО, ф. 1266, оп. 1, д. 1475, л. 1.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 1, д. 1205, лл. 1—2; ГИАЛО, ф. 1378, оп. 1, д. 41, л. 2.

(Рига, Петербург, Одесса, Нарва) или в сравнительной близости от моря, в городах, имевших прямую железнодорожную связь с портами (Ченстохов, Харьков, Варшава). Большинство из них принадлежало иностранцам или контролировалось заграничными финансовыми кругами через крупнейшие петербургские банки коммерческого кредита. Руководящая роль в джутовой промышленности принадлежала германским финансистам, сосредоточившим большую часть акций общества льняной и джутовой мануфактуры в Риге и контролировавшим Нарвскую льнопрядильную мануфактуру²¹. С другой стороны, англо-французский капитал также стремился проникнуть и укрепиться в джутовой промышленности России. В 1909 г. французское общество приобрело от английского консорциума джутовую фабрику в Одессе²².

В 1908 г. в шелкоткацкой промышленности России имелось 140 предприятий (кроме многочисленных мелких полукустарных шелкомотальных, крутильных и прядильных заведений, размещавшихся в Закавказье и Средней Азии) с 22 979 рабочими, из которых 5122 человека работало на дому. Сумма производства шелковых фабрик равнялась 28,8 млн. руб.²³. Наиболее крупные предприятия шелковой промышленности, построенные или принадлежавшие французским капиталистам (Симоно и К°, Жиро и сыновья, т-ва шелковой м-ры), находились в Москве. Здесь же размещались крупные шелковые фабрики, принадлежавшие русским купцам (Сапожниковым и др.).

Заметный рост в России текстильного производства в XIX — начале XX в. в первую очередь обуславливался развитием капиталистических отношений вширь и вглубь. В. И. Ленин, характеризуя развитие внутреннего рынка Центрального района в пореформенный период, отмечал, что «разложение крестьянства, рост торгового земледелия и увеличение индустриального населения продолжали и продолжают расширять внутренний рынок и этого старого района»²⁴. Однако расширение внутреннего рынка задерживалось здесь

²¹ ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 1, лд. 645, 658.

²² ГИАЛО, ф. 1378, оп. 1, л. 41, л. 14.

²³ См. К. А. Пажитнов. Очерки..., т. 2, стр. 377, 401.

²⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 519—520.

феодално-крепостническими пережитками. Поэтому фабриканты стремились расширить рынки сбыта за счет других районов страны, в частности за счет колониальных окраин.

Бурный рост железнодорожного строительства в последние десятилетия XIX в. способствовал распространению капитализма вширь и создавал для текстильной индустрии новые обширные рынки, давая толчок дальнейшему увеличению производства в конце XIX—начале XX в.

Выявляя основные факторы, предопределявшие интенсивное развитие текстильного производства, нельзя не учитывать экономическую политику царского правительства. Она осуществлялась в соответствии с интересами и требованиями текстильных фабрикантов. Текстильная промышленность России надежно защищалась от конкуренции зарубежных товаров. В течение XIX в. она развивалась под прикрытием заградительных таможенных тарифов на пряжу и готовые изделия²⁵.

К концу XIX в. заградительные тарифы стали тормозящим фактором. Они являлись своеобразной премией за техническую отсталость, порождали инертность российских фабрикантов в деле технического усовершенствования предприятий и удешевления производимых товаров. Благодаря заградительным пошлинам приток более дешевых зарубежных товаров пресекался, угроза иностранной конкуренции исключалась. Текстильные фабриканты России оказывались безраздельными хозяевами на внутреннем рынке, имея возможность диктовать любые цены. Конкурентная борьба могла разворачиваться лишь между отечественными предприятиями.

Протекционистская политика, осуществлявшаяся царским правительством в интересах отечественных фабрикантов, в конечном итоге вела к ускорению концентрации производства и возникновению монополистических соглашений. Однако, как указывал В. И. Ленин, рассматривая процесс монополизации в германской промышленности, существование высоких пошлин «могло лишь ускорить концентрацию и образование монополистических союзов предпринимателей, картелей,

²⁵ См. П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности, стр. 31—32.

синдикатов и т. п.»²⁶. Основные причины концентрации определялись особенностями и закономерностями развития самого капиталистического производства.

В текстильной промышленности России уровень концентрации производства был достаточно высоким еще в середине XIX в. В 1866 г. в хлопчатобумажном производстве на предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек (59 предприятий из 886—6,6%) работало 52 440 рабочих, что составляло 55% пролетариата этой отрасли²⁷. В шерстяной промышленности в том же году на таких предприятиях насчитывалось 42% всех рабочих²⁸.

В течение последней трети XIX в. и в начале XX в. в текстильной промышленности идет интенсивный процесс дальнейшей концентрации производства. В 1913 г. насчитывалось уже 234 хлопчатобумажных предприятия из 834 (20,5%) с числом рабочих свыше 500 человек. На них сосредоточивалось 90,6% всех рабочих²⁹. Еще более показательны данные об энергетической вооруженности крупнейших предприятий. В конце 1908 — начале 1909 г. на хлопчатобумажных предприятиях Московской губернии с основным капиталом не менее 1 млн. рублей (21,3% всех предприятий) сосредоточивалось 79,9% рабочих и 89% мощности двигателей. Во Владимирской губернии на однородных предприятиях (32,8% от общего числа) было занято 87% рабочих и концентрировалось 90% мощности двигателей³⁰.

В шерстяной промышленности России в 1913 г. имелось (исключая Польшу) 63 крупных предприятия (из 632 — 10%), на которых работало 64 047 человек из 104 367 (61,4%)³¹. В промышленности по обработке льна, пеньки и джута известно 29 предприятий (из 111) с числом рабочих свыше тысячи человек на каждом из них. В общей сложности на таких предприятиях сосредоточивалось 50 165 рабочих (67%)³². Большая часть

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 187.

²⁷ См. К. А. Пажитнов. Очерки..., т. 2, стр. 141.

²⁸ См. К. А. Пажитнов. Очерки..., т. 1, стр. 190.

²⁹ См. П. А. Хромов. Ук. соч., стр. 53; «Министерство торговли и промышленности. Отдел промышленности. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.» СПб., 1914, стр. 86—87.

³⁰ См. К. И. Бобков. Ук. соч., стр. 73—74.

³¹ См. К. А. Пажитнов. Очерки..., т. 1, стр. 189.

³² См. К. А. Пажитнов. Очерки..., т. 2, стр. 280.

крупнейших предприятий приходилась на обработку льна. О степени концентрации производства в льняной промышленности можно судить также и по другим данным. В 1900 г. в России на каждом льнопрядильном предприятии в среднем имелось 9218 веретен, а во Франции в 1902 г. — лишь 7006 веретен, хотя французская льнопромышленность имела больше веретен, чем российская³³.

В джутовой промышленности в начале XX в. существовало всего 10 — 11 действующих предприятий, каждое из которых имело в среднем более 500 рабочих. На трех крупнейших предприятиях шелковой промышленности (Жиро и К°, Симоно и К°, шелковой м-ре) работало 6600 рабочих (37%) из 17443 фабричных рабочих, занятых на 137 шелковых фабриках³⁴.

Оценивая степень концентрации рабочей силы и производства в текстильной промышленности, необходимо учитывать, что, как правило, каждая фабрика, входившая в крупное комбинированное предприятие, регистрировалось отдельно. Особое распространение такие комбинированные предприятия имели в хлопчатобумажной промышленности. Степень концентрации производства здесь, таким образом, несколько выше того уровня, который определяется на основании официальных материалов фабричной инспекции.

Как известно, в 1910 г. в фабрично-заводской промышленности России на предприятиях с числом рабочих свыше 500 человек сосредоточивалось 54 % всех рабочих. Уровень концентрации рабочих и производства в текстильной промышленности, таким образом, значительно выше среднероссийского. Высокая степень концентрации производства создавала условия, необходимые для возникновения монополистических союзов предпринимателей. Характеризуя условия, необходимые для перерастания промышленного капитализма в монополистический, В. И. Ленин отмечал, что «концентрация, на известной ступени ее развития, сама собою

³³ «Вестник мануфактурной промышленности», 1910/11, № 13/1, стр. 594.

³⁴ См. С. И. Антонова. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса (По материалам Московской губ.). 1906—1913 гг. Изд-во МГУ, 1951, стр. 221.

подводит, можно сказать, вплотную к монополии». Разъясняя далее это положение, он пишет, что, с одной стороны, «нескольким десяткам гигантских предприятий легко придти к соглашению между собою, а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий»³⁵.

Столь высокий уровень концентрации производства в текстильной промышленности обуславливался рядом причин. Во-первых, развитие внутреннего рынка вширь и вглубь, неуклонное увеличение потребления дешевых хлопчатобумажных тканей за счет более дорогих льняных и шерстяных обеспечивали благоприятные условия для расширения хлопчатобумажного производства и развития крупнейших предприятий. Во-вторых, в момент массового перерастания капиталистической мануфактуры в фабрику в текстильной промышленности имелась уже значительная концентрация капитала. Это позволяло создавать сразу крупные фабричные предприятия. В-третьих, мануфактура в текстильной промышленности более, чем в какой-либо другой отрасли фабрично-заводского производства, подготовила достаточное количество квалифицированных рабочих, необходимых для развития крупного производства. В-четвертых, запоздалое, по сравнению с западноевропейскими странами, развитие российского капитализма позволяло использовать уже сложившиеся формы организации крупной промышленности. В-пятых, значительные казенные заказы (в льняной и шерстяной промышленности) также способствовали возникновению и развитию крупных предприятий. В-шестых, в отдельных отраслях текстильного производства (суконная промышленность) крупные капиталистические предприятия возникли на базе крупной посессионной мануфактуры³⁶.

Крупные предприятия текстильной промышленности, как правило, являлись предприятиями комбинированными. Большинство из них имело полный производствен-

³⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 185.

³⁶ См. П. А. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX веках, стр. 299; П. И. Лященко. Ук. соч., т. II, стр. 155; В. Е. Мотылев. Об особенностях промышленного развития России в конце XIX — начале XX века. «Вопросы истории», 1955, № 7, стр. 23—24.

ный цикл от прядения до отделки тканей. Вместе с тем некоторые крупные предприятия в хлопчатобумажном производстве сочетали лишь прядение с ткачеством или ткачество с ситцепечатанием. В 1912 г. на комбинированных хлопчатобумажных предприятиях сосредоточивалось около 70% всех прядильных веретен, ткацких станков и рабочих³⁷. Перед Великой Октябрьской социалистической революцией в России (исключая Польшу и Финляндию) на прядильных предприятиях насчитывалось 7772792 прядильных веретен. Из этого количества 1360169 веретен находилось на 17 чисто прядильных предприятиях, 6231217 веретен — на 73 прядильно-ткацких и прядильно-ткачко-отделочных предприятиях, сосредоточивавших также 129026 ткацких станков. Остальные 62773 ткацких станка распределялись на 131 ткацкой и ткачко-отделочной фабрике³⁸. Еще в начале XX в. в текстильной промышленности (особенно в хлопчатобумажном производстве) имелось значительное количество крупнейших комбинированных предприятий с миллионными оборотами и несколькими тысячами рабочих. На отдельных из них (В. Морозова, С. Морозова, Богородско-Глуховской м-ре и др.) было занято более 10 тыс. рабочих.

Большинство комбинированных предприятий имело значительную диспропорцию между важнейшими звеньями производственного цикла. Прядильные и ткацкие фабрики крупнейших предприятий, как правило, не обеспечивали свои отделочные отделения полупродуктом. Значительное количество суровых тканей закупалось или заказывалось чисто ткацким предприятиям. Нередко бывало и так, что фабрики, имевшие собственные прядильные отделения, закупали часть пряжи на стороне. В особенности это касалось номеров пряжи, на производстве которых специализировались другие предприятия. Тем не менее в России еще в начале XX в. насчитывалось несколько десятков крупных текстильных комбинированных предприятий, которым бесспорно принадлежало решающее слово при определении цен на полупродукты и готовые изделия. Это создавало пред-

³⁷ См. П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности, стр. 54.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 44, л. 172.

посылки для возникновения монополистических соглашений и объединений по сбыту продукции. С другой стороны, именно такие комбинированные предприятия были теснее связаны с банками.

§ 2. Текстильная промышленность и банки

Процесс сращивания промышленного и банковского капитала в текстильной промышленности России протекал весьма своеобразно. К началу XX в. крупнейшие в стране петербургские банки контролировали лишь отдельные предприятия текстильной промышленности. Крупные московские текстильные фабриканты опирались на московские коммерческие банки, где им принадлежали решающие позиции. Попытки крупнейших банков распространить свое влияние на текстильную промышленность оказались малоуспешными или просто неудачными. Текстильная промышленность перед первой мировой войной находилась вне сферы их влияния. Это объясняется рядом причин. Во-первых, центр экономических интересов петербургских банков находился в топливной, металлургической и других отраслях тяжелой промышленности, бурно развивавшихся в последние десятилетия XIX в. Эти отрасли промышленности особенно нуждались в новых капиталовложениях, в оборотных средствах, в поддержке кредитных учреждений. До XX в. петербургские банки всерьез не пытались проникнуть в текстильную промышленность, так как не имели еще возможности мобилизовать крупные средства, вложенные в другие отрасли народного хозяйства. Во-вторых, московские фабриканты в XIX в. не особенно нуждались в их финансовой поддержке. Крупнейшие текстильные предприятия имели достаточно прочную финансовую базу, основы которой были заложены еще в мануфактурный период. Свою потребность в кредите (исходный пункт проникновения банков в промышленность) они в значительной степени удовлетворяли за счет внутренних ресурсов или с помощью более дружественных московских банков. Удельный вес постоянного капитала в текстильном производстве был ниже, чем в тяжелой промышленности. Капитал здесь оборачивался быстрее. Накоплению свободных денежных средств способствовали высокие доходы.

В XX в. положение изменилось очень мало. К тому же московские банки стали еще тщательнее опекать текстильную промышленность. Петроградским банкам пока не удавалось пробить брешь в цитадели отечественного капитала, взять ее прямым штурмом.

В Центре России, где преобладала текстильная промышленность, пути развития банковского дела имели свои особенности. Крупнейшие текстильные предприятия издавна в то же время выполняли в той или иной степени функции кредитных учреждений.

Владельцы их не ограничивались кредитом клиентуре при продаже продукции своих предприятий. Некоторые текстильные фабрики принадлежали торговым домам и торгово-промышленным товариществам, действовавшим как кредитные учреждения. Торговый дом Л. Кнопа, при содействии которого осуществлялось строительство и оборудование многих фабрик, предоставлял широкий кредит капиталистам для покупки машин в Англии. Еще в XIX в. братья П. М. и В. М. Рябушинские, являвшиеся крупными текстильными фабрикантами, занимались учетом векселей, покупкой и продажей процентных бумаг, постепенно все глубже проникая в сферу банковских операций. В начале XX в. долг харьковского банкира А. К. Алчевского и Харьковского земельного банка промышленно-торговому товариеству П. М. Рябушинского, возглавлявшемуся в это время П. П. Рябушинским, достигал 3,5 млн. руб. В 1900 г. Рябушинские покупают часть акций, а в 1901 г. становятся самыми крупными акционерами и фактическими владельцами Харьковского земельного банка. В 1902 г. они организовали банкирский дом с основным капиталом в 5 млн. руб.³⁹

Еще одна особенность кредитования текстильных предприятий Центрального района определялась особенностями их организационного устройства. Преобладающая часть крупнейших фирм к началу XX в. реорганизовалась в паевые товарищества. Однако эти товарищества, как правило, сохраняли замкнутый семейный характер. Хотя с течением времени «семьи» увеличивались, руководители фабрик всеми средствами

³⁹ См. М. П. Рябушинский. Цель нашей работы. М., 1916, стр. 2—4; Государственный архив Харьковской области (ГАХО), ф. 71, оп. 1, д. 31, лл. 1—15.

стремились сохранять и укреплять родственную солидарность, не допускать посторонних лиц в предприятие. В таких «семейных» товариществах предприятие пользовалось кредитом у крупных пайщиков. Владельцы Тверской м-ры, к примеру, систематически кредитовали свое предприятие на несколько миллионов рублей. В 1907/1908 г. такой кредит достигал 4—5 миллионов⁴⁰.

В XX в. торговые дома и торгово-промышленные товарищества, тесно связанные с текстильной промышленностью, продолжали заниматься кредитными операциями, финансируя промышленные предприятия. Так, т-во «Вл. Алексеев», принадлежавшее известным московским купцам Алексеевым и Четвериковым, владело Даниловской камвольной мануфактурой и суконной фабрикой в Пушкине. Вместе с тем товарищество занималось торговлей шерстью и хлопком, широко практикуя кредит как при покупке, так и при продаже этих видов сырья. Т-во «Вл. Алексеев» являлось одним из крупных кредиторов Каспийской м-ры. Совместно с торговым домом Л. Кнопа и Крафтом оно несколько лет владело этим предприятием после ликвидации дел старого общества ввиду его несостоятельности⁴¹.

Торговый дом Л. Кнопа в хлопковой торговле и масложитном деле действовал как кредитное учреждение. Ряд лет ему принадлежало и им финансировалось Андреевское торгово-промышленное т-во. Совместно с Московским купеческим банком торговый дом вплоть до революции финансировал Потеляховское хлопкопромышленное т-во⁴². Аналогичный характер имела деятельность торгового дома «Вогау и К^о», контролировавшего крупную московскую мануфактурную фирму — т-во Л. Рабенек⁴³.

Однако подобные архаичные кредитные учреждения не могли удовлетворить запросов текстильных фабрикантов, устранить недостаток денежных средств, который с течением времени ощущался все острее. Потребность в кредите и финансовой поддержке коммерческих

⁴⁰ Государственный архив Калининской области (ГАКАЛО), ф. 850, оп. 1, д. 1586 в, л. 73; д. 11098, лл. 1—3.

⁴¹ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 49, лл. 2—4; д. 48, л. 14; д. 345, лл. 2—3, 32—33; д. 348, лл. 2—3; д. 1154, лл. 2, 14, 32.

⁴² См. И. Ф. Гиндин. Московские банки в период империализма. «Исторические записки», т. 58, стр. 49—50.

⁴³ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1001, л. 3.

кредитных учреждений по мере расширения текстильных предприятий все больше возрастала. Поэтому еще в середине XIX в. в Москве при активнейшем участии текстильных фабрикантов возникли специальные коммерческие банки — Московский купеческий, Московский учетный, Московский торговый и Московское купеческое общество взаимного кредита. Владельцы крупнейших московских текстильных предприятий в том или ином раз-
мере состояли пайщиками этих кредитных учреждений. Многие из них входили в состав советов нескольких банков.

В эпоху империализма московские банки продолжали оставаться коллективной собственностью крупнейших московских капиталистов. Однако в каждом банке заправляла определенная, тесно сплоченная группа, как правило, опиравшаяся на текстильную промышленность. Так, в 1910 г. пай Московского купеческого банка принадлежали более чем 320 владельцам. Контрольный пакет паев находился в руках группы фабрикантов, возглавлявшихся Г. А. Крестовниковым, совладельцем т-ва «С. Морозов» в Орехово-Зуеве и Полянской мануфактуры. Московский учетный банк возглавлялся А. Л. Кнопом, являвшимся с 1903 г. по 1914 г. бессменным председателем совета банка. Значительное влияние на дела этого банка оказывали также такие известные фирмы, как «Воган и К°» и «Стукен и К°». Московский торговый банк возглавлялся семьей Найденовых — совладельцами хлудовских предприятий ⁴⁴.

Своеобразие московских коммерческих банков определилось еще в XIX в. Их деятельность развевалась в соответствии с интересами и запросами московских мануфактуристов. Ее доминирующей стороной оставалось кредитование текстильных предприятий. В XX в. эта традиционная специализация сохраняется в полной мере. Эти банки имели средства, необходимые для выполнения основной задачи, но их явно недоставало для осуществления операций вне сферы текстильного производства. Только после революции 1905—1907 гг., в результате дальнейшего накопления денежных средств у крупных московских капиталистов, московские банки

⁴⁴ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 39—40, 51—53; ГИАМО, ф. 253, оп. 2, д. 10, лл. 109—110.

несколько активизировали свою деятельность по проникновению в смежные отрасли промышленности.

Старые московские банки избегали финансировать промышленное строительство, очень сдержанно занимались операциями с ценными бумагами. Грюндерские операции являлись редким исключением, а участие в промышленных и торговых предприятиях было крайне ничтожным. Практиковавшиеся этими банками ссуды под паи крупных московских предприятий не рассматривались как средство для расширения сферы влияния и почти не использовались их руководителями для подчинения таких предприятий.

Кредитные операции особенно расширились в XX в., когда потребность текстильных фабрикантов в оборотных средствах увеличилась и когда некоторые из них вследствие злоупотребления кредитом и неумелого ведения дел полностью лишились свободных денежных средств и задолжали банкам огромные суммы.

Предоставляя кредиты текстильным предприятиям, попавшим в затруднительное положение, руководители московских банков были далеки от альтруизма. Они обеспечивали достаточно высокий процент прибыли, а в случае необходимости начинали вмешиваться в производственные дела фирм-должников, создавая администрации и наблюдательные советы, укрепляя тем самым свое влияние в текстильном производстве. Хотя в этих действиях не было еще целеустремленности и планомерности, так как они вытекали из обычных кредитных операций и вызывались затруднениями с платежами в период стесненной конъюнктуры рынка, факты такого вмешательства случались все чаще.

В 1908 г. торговый дом наследников П. В. Берга прекратил платежи. Основными кредиторами этого предприятия являлись Московский купеческий, Московский торговый, Московский учетный, Международный, Волжско-Камский, Русско-Китайский банки, Юнкербанк и Московское общество взаимного кредита. В результате соглашения кредиторов, состоявшегося в 1908—1909 гг., торговый дом получил отсрочку уплаты долга по векселям при условии выплаты 7% годовых и выдачи векселей кредиторам от имени принадлежащих ему Рождественской м-ры, Даниловского сахарорафинадного завода, Павлово-Ольгинского сахарного завода и Шан-

танских металлургических заводов. При этом Московский купеческий банк, вошедший в состав администрации по делам торгового дома, добился передачи ему векселей Рождественской м-ры ⁴⁵.

Не менее характерным примером является та «помощь», которую московские банки в 1912—1916 гг. оказали Ясюненским. Общая задолженность их предприятия составляла свыше 6 млн. руб., из них 3,5 млн. приходилось на долю московских банков. Крупные кредиты товарищество получило и в государственном банке. Поэтому соглашение кредиторов возглавляла московская контора государственного банка, хотя формально она не принимала в нем участия. Активная и руководящая роль в соглашении государственного банка была для московских банков крайне желательна. Опираясь на его авторитет, они добились приемлемого соглашения с петербургскими банками, которым Ясюненские задолжали значительные суммы. При поддержке государственного банка предприятие получило от участников соглашения новые кредиты. Однако вся финансово-коммерческая деятельность его контролировалась теперь наблюдательным комитетом, созданным кредиторами. В 1916 г., используя чрезвычайно выгодную военную конъюнктуру, Ясюненские погасили долги. Аналогичную позицию московские коммерческие банки и московская контора государственного банка заняли по отношению к торговому дому Н. Гарелина, задолженность которого в 1912 г. составляла 7 млн. руб., значительно превышая основной капитал предприятия. Большая часть долга приходилась на московские банки. Московская контора государственного банка и в этом случае обеспечила соглашение кредиторов, подобное предшествующему. Московские банки спасли предприятие от банкротства. Гарелины выплатили свои долги кредиторам перед Февральской революцией ⁴⁶.

В 1913 г. по требованию кредиторов Зиминых, львиная доля долгов которых приходилась на Московский купеческий банк и Московское купеческое общество взаимного кредита, для управления их предприятием была учреждена администрация в составе 5 человек.

⁴⁵ ГИАМО, ф. 271, оп. 2, д. 336, лл. 49—55; ф. 253, оп. 2, д. 20, лл. 15—42; ЦГИАЛ, ф. 595, оп. 2, д. 168, л. 40.

⁴⁶ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 72—75.

Однако большая часть членов администрации (К. К. Арно, А. Н. Найденов, Я. А. Минц, Н. П. Калашников) отвлекалась для исполнения других многочисленных обязанностей. Практически вся повседневная текущая работа по управлению предприятиями приходилась на долю последнего члена администрации, совладельца фирмы — Я. К. Зимина. Остальные члены администрации в большей или меньшей степени могли контролировать его деятельность⁴⁷.

И. Ф. Гиндин, оценивая действия государственного банка по поддержке московских предприятий, справедливо отмечает, что он встал «на путь прямой охраны» московского купеческого капитала⁴⁸. Московские банки использовали эту помощь, чтобы избежать нежелательных потерь. Однако главная причина «прямой охраны» разоряющихся предприятий со стороны московских банков сводилась к опасению за возможный переход их в руки представителей других финансовых группировок, под контроль более мощных петербургских банков, которые предпринимали все более настойчивые попытки проникновения в сферу текстильного производства. Нежелателен был переход подобных предприятий в другие руки и в пределах Центрального района, ибо он мог нарушить сложившееся распределение сил. Московские капиталисты весьма ревниво наблюдали за действиями друг друга по объединению крупных предприятий текстильной промышленности. Сохранение крупных предприятий в руках их прежних владельцев было той платформой, на которой сходились интересы различных деятелей московского банковского мира и стоящих за их спиной крупнейших текстильных фабрикантов.

После революции 1905—1907 гг. в Москве возникли новые акционерные коммерческие банки, а некоторые третьеразрядные банкирские конторы стали первоклассными коммерческими учреждениями. В конце 1908 г. состоялось объединение трех банков известного финансиста Полякова (Южнорусского, Орловского и Московского международного) в единый Соединенный банк. В 1912 г. Московское отделение Петербургского

⁴⁷ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 343, лл. 1—3, 22.

⁴⁸ И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 75—76.

частного коммерческого банка выделилось в самостоятельный Московский частный коммерческий банк, во главе которого встали представители торговых домов «Л. Кнопа» и «Вогау», а также известные московские купцы Боткины и Гучковы. В это же время банкирский дом Юнкера, значительно расширивший свои операции, объединился с Псковским коммерческим банком и стал функционировать под новой вывеской — коммерческий банк «Юнкер и К^о». Все эти коммерческие банки проявляли большую активность на бирже, чем старые московские банки, хотя в многочисленных финансовых операциях выступали младшими партнерами петербургских коммерческих учреждений. В Соединенном банке и Юнкер-банке текстильные фабриканты не занимали руководящего положения, однако и банки не оказывали существенного влияния на текстильную промышленность. Основные их операции развертывались в других отраслях промышленности и торговли. Некоторым исключением является заинтересованность этих банков в торговле сырьем для текстильных фабрик. Соединенный банк осуществлял операции по заготовке и торговле хлопком через принадлежавшее ему Русско-Персидское товарищество. В 1913 г. банк организовал Витебское акц. о-во для торговли льном внутри страны и экспорта его за границу. Юнкер-банк развернул широкую сеть своих отделений в льноводческих районах России. Московский частный коммерческий банк, хотя и возглавлялся мануфактуристами, перенес, однако, центр своих операций в сахарную промышленность⁴⁹.

Более прочные узы связывали с текстильной промышленностью Московский банк, появившийся в результате реорганизации в декабре 1911 г. банкирского дома братьев Рябушинских в акционерное предприятие. Перед войной основной капитал банка составлял 25 млн. руб. В отличие от остальных московских банков он остался семейным предприятием. Преобладающая часть акций находилась в семье Рябушинских и в принадлежащих им предприятиях. Вместе с тем мелкими держателями акций стали многие крупнейшие

⁴⁹ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 55, 59, 85—86, 93; П. И. Ляшенко. Ук. соч., т. II, стр. 459; ГИИМО, ф. 254, оп. I, д. 30, лл. 2—3; ф. 270, оп. 3, д. 69, л. 80.

текстильные фабриканты, которые вошли в состав совета или в ревизионную комиссию банка. Банк имел развернутую сеть филиалов в крупнейших центрах текстильного производства и в льноводческих районах⁵⁰.

Опираясь на банк, Рябушинские начинают сколачивать свой торгово-промышленный концерн, стремятся упрочить позиции группирующихся вокруг них фабрикантов в текстильной промышленности, проникают в другие отрасли производства. В 1913 г. они приобрели Локаловскую мануфактуру в Ярославской губ. — одно из лучших льняных предприятий России. В 1913—1914 гг. Рябушинские вели переговоры о приобретении некоторых других предприятий льняной промышленности: Меленковской и Нижегородской мануфактур, предприятий С. Сидорова, Сенькова и др. фабрик. С этой целью они пытались объединиться с бельгийскими финансовыми кругами. Однако переговоры не увенчались успехом и сделка не состоялась. В предвоенные годы Рябушинские овладели Окуловской бумажной фабрикой и Цнинским стекольным заводом, открыли самостоятельную торговлю лесом, опиравшуюся на огромный фонд лесных владений, превышавший перед революцией 100 тысяч десятин. В Москве они построили крупную современную типографию, реорганизованную в годы войны в акционерное предприятие⁵¹. Рябушинские внимательно изучали также положение золотодобывающей промышленности, состояние судоходства на Днестре, Доне и Волге и отечественного судостроения. Об этом свидетельствуют подборка газетных материалов, хранящихся в фонде Рябушинских, и пометки на них⁵². Кроме того, владельцами Московского банка финансировались экспедиции для изучения природных богатств. Одна из таких экспедиций на средства Ф. П. Рябушинского изучала Камчатку, другая, организованная П. П. Рябушинским, занималась изысканиями радия⁵³.

⁵⁰ ГИАМО, ф. 254, оп. 1, д. 58, л. 2; д. 37, л. 2; д. 63, л. 12; д. 50, лл. 7, 9, 14, 28; И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 55.

⁵¹ «Коммерческий телеграф», 2 сентября 1913 г. и 6 марта 1914 г.; «Торгово-промышленная газета», 28 мая 1913 г.; «Петербургский курьер», 25 февраля 1914 г.; «Утро России», 15 марта 1914 г.; «Коммерсант», 25 января 1914 г.

⁵² Рукописный отдел библиотеки им. В. И. Ленина (РОБЛ), ф. 260, папка 1, д. 13, л. 1; там же, папка 6, д. 1.

⁵³ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 28, л. 1.

Накануне войны Московский банк, возглавлявший группу других банков (Московский купеческий, Русско-Азиатский, Международный), добивался от правительства гарантированного облигационного займа для постройки железной дороги Саратов—Александровск (Запорожье). Война, видимо, помешала осуществлению этого проекта ⁵⁴.

Как и все старые московские банки, опиравшиеся на текстильную промышленность, Московский банк широко практиковал операции по кредитованию текстильных предприятий. Об этом свидетельствуют материалы заседаний учетного комитета банка ⁵⁵.

Единственным направлением деятельности, где старые московские банки, связанные с текстильным производством, проявляли несколько большую активность, являлась хлопковая торговля. Текстильные фабриканты и созданные ими банки не могли допустить, чтобы отечественное сырье для их предприятий контролировалось чуждыми финансовыми группами. Московский торговый банк издавна занимался операциями с хлопком. Под его контролем действовало учрежденное в 1874 г. Московское торгово-промышленное т-во, которому в начале XX в. принадлежало 4 хлопкоочистительных завода. К кануну революции оно имело уже 7 заводов ⁵⁶. Кроме того, Московское торгово-промышленное т-во, учредив администрацию, контролировало другое хлопкопромышленное предприятие — Среднеазиатское т-во, находившееся на грани банкротства.

Учредителями торгово-промышленного т-ва являлись крупнейшие текстильные фабриканты Морозовы, Коншины, Каретниковы, Рябушинские, Барановы, Корзинкины и др. Руководство предприятием находилось в руках семьи Найденовых, возглавлявшей Московский торговый банк ⁵⁷. Московский учетный банк также имел серьезные интересы в хлопковой торговле. Показательно уже то, что из 7 имевшихся у банка отделений, 6 находилось в крупнейших городах Средней Азии. Москов-

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 1032, лл. 2, 4, 8.

⁵⁵ ГИАМО, ф. 254, оп. 1, дд. 51, 63.

⁵⁶ См. В. Лаврентьев. Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии). М., 1930., стр. 85.

⁵⁷ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 52, 71; ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 818, лл. 13, 19

ское торгово-промышленное т-во, Московский учетный и Московский купеческий банк состояли членами Кокандского биржевого комитета⁵⁸.

Московский купеческий банк с 1910 г. расширил кредитование хлопковых операций. Не занимаясь самостоятельно торгово-комиссионными операциями, банк принимает доленое участие в торговле крупнейших московских хлопкоторговых фирм, гарантируя покрытие половины возможных убытков и приобретая право на получение прибыли. Подобные соглашения имелись с торговым домом Л. Кнопа, торговым домом А. В. Швецова и другими фирмами⁵⁹. Об активизации банка в области хлопковой торговли свидетельствует также то, что в 1913 г. пополняется штат служащих, ведающих этим делом. На службе у банка появляется Г. Д. Чаманский — бывший вице-директор московского отделения Русско-Азиатского банка, непосредственно занимавшийся вопросами хлопковой торговли. Г. Д. Чаманский стал руководить товарным отделом Московского купеческого банка. Перед войной банк построил в Москве обширные склады для хлопка⁶⁰.

Московский банк Рябушинских перед войной также практиковал кредитование хлопкоторговых фирм и имел в Москве завозные склады для хранения хлопка. Однако Рябушинские большее внимание уделяли льняной торговле. С 1908 по 1911 г. они открыли 10 отделений своего банкирского дома в важнейших льноводческих районах. В 1912 г. льночесальная фабрика Русского акционерного льнопромышленного общества (в Ржеве), $\frac{2}{3}$ акций которого принадлежало Московскому банку, а $\frac{1}{3}$ — группе льняных фабрикантов, дала первую продукцию. В 1913 г. это предприятие стало работать почти исключительно на экспорт⁶¹.

Московский банк принимал также участие в синдикате частных коммерческих банков, образованном по предложению министра финансов для покупки и прода-

⁵⁸ «Кокандский биржевой комитет. 1914 г.». Коканд, 1915, стр. 172—173.

⁵⁹ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 49—51.

⁶⁰ ГИАМО, ф. 253, оп. 1, д. 80, л. 220; оп. 2, д. 21, л. 153; «Биржа», 1912, № 45.

⁶¹ См. В. Я. Лаврычев. К вопросу об экспорте льна из России в 1916—1917 гг. «История СССР», 1958, № 1, стр. 130—131.

жи закладных листов различных земельных банков. Синдикат имел целью поддержать цены закладных листов⁶².

Во втором десятилетии XX в. значительно активизировал свою деятельность на бирже Московский купеческий банк. В 1909 г. правление банка положительно решило вопрос об открытии новых отделений и изменении устава банка с целью расширения кредитных операций⁶³.

В 1910 г. Московский купеческий банк совместно с другими московскими банками принял участие в синдикате банков, возглавлявшемся Петербургским международным коммерческим банком, по распространению московского городского займа⁶⁴. В 1912 г. в числе 10 крупнейших российских банков Московский купеческий банк состоял в интервенционном синдикате по покупке биржевых ценностей, созданном под руководством Государственного банка. В 1914 г. сумма покупок синдиката достигла 46 млн. руб. Совещание участников синдиката весной 1914 г. постановило увеличить ассигнования для таких операций до 60 млн. руб.⁶⁵.

Таким образом, характерной особенностью развития текстильной промышленности Центрального промышленного района является то, что владельцы крупнейших предприятий были одновременно банковскими деятелями. Хотя грюндерская деятельность московских банков не получила развития, а сами они в финансовом отношении оставались сравнительно маломощными, факт зарождения и развития финансовой олигархии, тесно связанной с текстильным производством, не может вызывать сомнений. Кроме Рябушинских, Кнопов, Найденовых, связи которых с банками совершенно очевидны, многие крупные текстильные фабрики входили в руководящую верхушку различных московских коммерческих учреждений. Директор т-ва Э. Циндель, владелец крупной оптовой мануфактурной фирмы С. И. Щукин был председателем совета Московского купеческого общества взаимного кредита и членом со-

⁶² ГИАМО, ф. 254, оп. 1, д. 30, лл. 2—3.

⁶³ ГИАМО, ф. 253, оп. 2, д. 20, лл. 84—85.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 595, оп. 2, д. 179, лл. 1, 8.

⁶⁵ ГИАМО, ф. 253, оп. 2, д. 20, лл. 84—85.

вета Московского учетного банка. М. Н. Бардыгин — владелец двух крупных текстильных предприятий — являлся одновременно членом совета Московского и Московского купеческого банков. Некоторые фабриканты владели акциями петербургских банков. Владелец Трехгорной м-ры в Москве Н. И. Прохоров, являясь членом советов Московского купеческого и Московского торгового банков, одновременно состоял в советах Русско-Азиатского и Русского для внешней торговли банков. Директор-распорядитель т-ва м-р В. Морозова был членом совета московского отделения Волжско-Камского банка. Акционерами этого банка являлись московские фабриканты Морозовы и Бахрушины⁶⁶.

Перед первой мировой войной в России на базе текстильной промышленности действовала группа отечественных финансистов, пытавшихся выйти на широкую дорогу промышленного предпринимательства и банковской деятельности.

Аналогичные процессы протекали в текстильной промышленности Польского района. Наряду с усилением роли германского капитала, крупнейшие хлопчатобумажные фирмы и здесь проникали в банковское дело. По данным М. Цвибака, Варшавский учетный банк был столь же тесно связан с семьей Познанских, как Московский с Рябушинскими. В Лодзинском торговом банке участвовали фабриканты Шейблер и Эндер. В Пабианицком обществе взаимного кредита значительная часть паев принадлежала Эндеру, Круше, Гилле и др.⁶⁷.

Влияние петербургских банков ограничивалось по преимуществу текстильными предприятиями Петербурга, Польши, Прибалтики. Только в исключительных случаях оно распространялось на фабрики Центра. При этом банки не столько стремились подчинить себе здоровые и жизнеспособные предприятия, сколько получить учредительскую прибыль при реорганизации того или иного предприятия, оказавшегося в затруднительном положении.

⁶⁶ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 40, 51—52, 55, 77—78; «Совет съездов представителей промышленности и торговли. Фабрично-заводские предприятия Российской империи». Пг., 1914, Литер М., № 836, 837, 839, 840, 841, 843; ЦГИАЛ, ф. 595, оп. 2, д. 372, лл. 45—52.

⁶⁷ См. М. Цвибак. Ук. соч., стр. 48.

В 1895 г. при участии Международного банка основной капитал акц. о-ва Гейнца и Куницера в Лодзи был увеличен с 1,5 млн. рублей до 3 млн.⁶⁸ В 1912 г. под руководством банка для эксплуатации джутовой фабрики в Окуловке организовалось акц. о-во Кулотинской льняной м-ры⁶⁹. Петроградский учетный и ссудный банк в конце XIX в. участвовал в реализации акций лодзинских предприятий Штиллер-Бильшевского и о-ва Бари⁷⁰. С этого же времени банк участвовал в делах Южнорусского т-ва пеньковой и джутовой промышленности в Харькове, финансируя расширение этого предприятия⁷¹. Азовско-Донской банк перед первой мировой войной скупил значительное количество паев Цитенгофской суконной м-ры и опутал ее паутиной обязательного кредита. В правление мануфактуры вошли два представителя банка⁷². Под контролем банка находилась также Днепровская м-ра⁷³. Несколько ранее Азовско-Донской банк стал контролировать акционерное общество льняной и джутовой мануфактуры в Риге. Это предприятие принадлежало германским капиталистам, группировавшимся вокруг Северогерманской джутопрядильной и ткацкой м-ры в Гамбурге. Получив от Азовско-Донского банка 600 тыс. руб., немецкие акционеры уплатили долги кредиторам и упразднили администрацию. Банк гарантировал обществу кредит в течение 10 лет. На тот же срок общество передавало банку на комиссионную продажу все свои изделия. В совете общества банк получил 3 места из 7. Кроме того, общество обязывалось расторгнуть соглашение о продаже принадлежавшей ему фабрики в Варшаве. Дополнительным соглашением от 7 октября 1911 г. детально определялись условия сбыта джутовых изделий через банк. Соглашение предусматривало продажу товара по ценам и на условиях, указанных правлением общества. Однако направление деятельности предприя-

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 594, л. 1.

⁶⁹ ГИАЛО, ф. 1167, оп. 1, д. 7, лл. 1—2; д. 28, лл. 74, 78, 81.

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 598, оп. 2, д. 517, л. 1; д. 521, лл. 2—3, 18.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 598, оп. 2, д. 533, лл. 22—23, 29.

⁷² «Коммерческий телеграф», 15 мая 1913 г.; ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 1, д. 205, лл. 186—187.

⁷³ См. И. Ф. Гиндин и Л. Е. Шепелев. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «Исторические записки», т. 66, стр. 78.

тия определялось по преимуществу в Гамбурге, а банк оказывался в роли технического исполнителя принятых там решений⁷⁴.

В отдельных случаях петербургские банковские воротилы стремились непосредственно подчинить себе текстильные предприятия Московского района. Еще в 1898 г. Петербургский международный банк образовал синдикат по выпуску паев Болшевской м-ры. Банк, действовавший совместно с Бреславским учетным банком, получил большинство мест в правлении предприятия⁷⁵. В 1912 г. тот же банк организовал синдикат для реализации на петербургской бирже новых паев т-ва льно-прядильной и полотняной фабрики Якова Грибанова. В синдикате приняли участие Азовско-Донской банк, Юнкер-банк и другие коммерческие учреждения⁷⁶.

Перед первой мировой войной Азовско-Донскому банку удалось подчинить Серпуховскую бумагопрядильную фабрику и распространить влияние на одно из крупнейших хлопчатобумажных предприятий Центра — Богородско-Глуховскую м-ру. В 1913 г. банк приобрел у Кнопов значительный пакет акций этого предприятия. На общем собрании пайщиков 13 мая 1913 г. вместо представителя Кнопов Р. Р. Ферстера в члены правления вошел П. А. Морозов. После этого в составе правления остался лишь один (из пяти членов) представитель Кнопов — Р. И. Прове⁷⁷. Однако зависимость Богородско-Глуховской м-ры от Азовско-Донского банка определялась не столько непосредственным участием представителей последнего в предприятии, сколько многомиллионными банковскими кредитами. В мае 1914 г. между руководителем Богородско-Глуховской м-ры Н. Д. Морозовым и директором Азовско-Донского банка Б. А. Каминкой происходили переговоры, подготовленные Я. А. Минцем, о выпуске облигационного займа или дополнительных акций, с помощью которых предполагалось ликвидировать недостаток оборотных

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 1, д. 658, лл. 11, 27, 64—67; д. 645, лл. 1—2, 15—16, 29, 52—55, 74—75, 82—83, 167, 182—183, 272—273.

⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1289, лл. 62—65, 129—130, 180, 182—183.

⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 622, оп. 2, д. 125.

⁷⁷ См. М. Цвибак. Ук. соч., стр. 44; ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 2803, лл. 5—6.

средств. При этом Н. Д. Морозов отдавал предпочтение облигационному займу, не желая допускать в предприятие посторонних лиц⁷⁸.

Русско-Азиатский банк перед войной сосредоточил в своих руках сбыт мешков группы вязниковских льняных фабрик⁷⁹. В 1914 г. между суконными фабрикантами шли оживленные переговоры об организации закупок шерсти через Сибирский банк. В апреле 1914 г. в газетах сообщалось, что к оформляющемуся соглашению примкнуло 18 фабрикантов Симбирского и Тамбовского районов⁸⁰. Одновременно Сибирский банк стремился закрепиться в льняной промышленности, пытаясь овладеть крупными предприятиями (Меленковской, Нижегородской и Романовской м-рами)⁸¹.

Этим в основном и ограничиваются более или менее удачные попытки проникновения крупнейших российских банков в текстильную промышленность центральных районов.

Не достигнув ощутимых результатов лобовой атак, петербургские банки с начала второго десятилетия XX в. стали упорнее осуществлять обходный маневр: они активизировали свою деятельность в направлении овладения рынком сырья. Деятельность петербургских частных коммерческих банков в области хлопковой торговли оказалась несравненно результативнее.

В Среднюю Азию петербургские частные коммерческие банки стали проникать в конце XIX в. В 1896 г. в Ташкенте появилось отделение Русско-Китайского банка, в 1898 г. — Волжско-Камского. Следом за ними появились отделения других петербургских банков. Однако в течение первых десяти лет более или менее интенсивно действовал лишь Русско-Китайский (затем Русско-Азиатский) банк, а остальные контролировали патронируемые хлопкоторговые фирмы из Петербурга⁸². По данным З. С. Каценеленбаума, в начале второго десятилетия XX в. $\frac{2}{3}$ отечественного хлопка, поступавшего на рынок, продавалось при посредстве Русско-Ази-

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 2, д. 124, лл. 19—20.

⁷⁹ «Коммерческий телеграф», 30 апреля и 17 мая 1914 г.

⁸⁰ «Деньги», 17 июля 1914 г.; «Коммерсант», 16 апреля 1914 г.

⁸¹ «Коммерсант», 13 марта 1914 г.

⁸² См. П. П. Пластинов. Роль коммерческих банков в хлопковом деле. «Биржа», 1912, № 40, стр. 12; В. Лаврентьев. Ук. соч., стр. 79.

атского, Русского для внешней торговли, Азовско-Донского и других банков. Об успешности проникновения крупнейших петербургских банков в сферу хлопковой торговли свидетельствует факт возникновения их новых отделений в Коканде — центре среднеазиатской хлопковой торговли. В 1910 г., наряду с действовавшим уже здесь отделением Азовско-Донского банка, открылись отделения Русского для внешней торговли и Международного банка⁸³. К 1913 г. в Средней Азии насчитывалось уже 30 отделений частных коммерческих учреждений. Московские банки (Московский купеческий, Соединенный, Московский учетный) в общей сложности имели всего 7 отделений. Остальные являлись филиалами петербургских коммерческих учреждений. Русско-Азиатский банк к этому времени имел в Средней Азии 10 отделений⁸⁴.

Львиная доля оборотов с хлопком перед войной и в годы войны приходилась на петербургские банки. В 1915 г. балансы среднеазиатских отделений 10 банков составляли 117,5 млн. руб. Из этой суммы на долю всех московских банков приходилось 30,7 млн. рублей, что лишь незначительно превышало средний баланс одного Русско-Азиатского банка⁸⁵.

Петербургские банки подчиняли себе наиболее крупные торгово-промышленные предприятия, занимавшиеся скупкой и очисткой хлопка на собственных или арендуемых хлопкоочистительных заводах. Эти предприятия или становились собственностью банков, или попадали к ним в полную зависимость⁸⁶.

В конце 1911 г. Русско-Азиатский банк приобрел у Кнопов контрольный пакет Андреевского торгово-промышленного т-ва⁸⁷. Вслед за тем банк подчинил Вадьяевское хлопкопромышленное т-во, основанное при его участии. Эти два предприятия были коренным образом реорганизованы. Все операции по закупке хлопка вплоть до войны производились исключительно через Вадьяевское т-во, а Андреевское т-во сосредоточило в своих

⁸³ См. З. С. Каценеленбаум. Коммерческие банки и торгово-комиссионные операции. М., 1912, стр. 82, 127—128.

⁸⁴ См. П. Пластов. Ук. соч.; «Биржа», 1913, № 40, стр. 3.

⁸⁵ См. В. Лаврентьев. Ук. соч., стр. 80.

⁸⁶ См. П. Пластов. Ук. соч.; «Биржа», 1913, № 41, стр. 7.

⁸⁷ ГИАЛО, ф. 1321, оп. 1, д. 54, лл. 1—3, 5—6; ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 724, л. 15.

руках маслособойное дело⁸⁸. Уже в течение сезона 1912/13 г. на фактически объединенных предприятиях имелось 25 хлопкоочистительных заводов, годовая производительность которых достигала 2,5—3 млн. пудов очищенного хлопка⁸⁹. Русско-Азиатский банк активно проникал также в экономику Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Банк получил разрешение на строительство Бухарской железной дороги и несколько выгодных концессий для устройства крупных хлопковых плантаций⁹⁰.

Русский для внешней торговли банк заключил соглашение с известной хлопкоторговой фирмой — т-вом «Искандер». В соответствии с этим соглашением банк открывал т-ву кредит для закупки хлопка-сырца и получал право продажи в потребляющих губерниях всего принадлежащего т-ву очищенного хлопка⁹¹. До войны Русский для внешней торговли банк финансировал и контролировал также деятельность Туркестанского торгово-промышленного т-ва Н. М. Соловьева⁹². Азовско-Донской банк в начале 1912 г. заключил сроком на два сезона соглашения с торговым домом Юсуфа Давыдова и торговым домом бр. Яушевых, согласно которым хлопкоторговцы обязывались продавать весь свой хлопок через банк⁹³. Сибирский банк также имел свои подопечные хлопкоторговые фирмы. В 1912 г. между банком и торговым домом И. Г. Гринберг и А. М. Гутвейн состоялось соглашение о порядке продажи хлопка. Торговый дом обязался передать банку все операции с клиентурой⁹⁴.

Русско-Азиатский, Русский для внешней торговли, Русский торгово-промышленный, Азовско-Донской и др. банки построили обширные склады в Москве для хранения хлопка⁹⁵.

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 75, л. 45; оп. 2, д. 725, лл. 2—3.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 726, лл. 36, 38.

⁹⁰ См. А. Р я б и н с к и й. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма (1868—1917). «Историк-марксист», т. 4, 1941, стр. 5, 10—13; Я. И. Л и в ш и н. Ук. соч., стр. 283—286.

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 1425, оп. 1, д. 501, лл. 1, 81.

⁹² ГИАМО, ф. 263, оп. 1, д. 80, л. 316.

⁹³ ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 2, д. 121, лл. 2—4, 7—8.

⁹⁴ ГИАМО, ф. 269, оп. 1, д. 198, лл. 1—2.

⁹⁵ См. П. П л а с т о в. Ук. соч.; «Биржа», 1913, № 45, стр. 5; «Коммерсант», 12 сентября 1914 г.

Таким образом, в конце XIX—начале XX в. в текстильной промышленности России происходил процесс сращивания промышленного капитала с банками. Наблюдаются целеустремленные, хотя и не особенно удачные попытки проникновения крупнейших в стране петербургских банков в текстильное производство. Значительных успехов петербургские банки добились в овладении хлопковой торговлей, что привело к обострению борьбы крупнейших финансовых групп за источники сырья для текстильной промышленности. С другой стороны, эта борьба способствовала активизации старых московских банков и созданию московскими фабрикантами новых частных коммерческих учреждений. Угроза проникновения чуждых финансовых групп подталкивала московских финансистов быстрее отказываться от привычных для них рутинных приемов ведения банковского дела и, следуя за петербургскими банками, развивать и расширять свои операции как в хлопковой и льняной торговле, так и непосредственно в текстильной промышленности.

§ 3. Особенности сбыта изделий текстильной промышленности

Развитие капитализма создавало определенные условия для роста в России текстильного производства. Однако в стране сохранялись многочисленные пережитки феодально-крепостнических отношений, особенно глубоко укоренившиеся в сельском хозяйстве. Они являлись главным тормозом для развития текстильной промышленности, так как ввиду нищенского положения крестьян внутренний рынок был сведен к «жалким размерам»⁹⁶.

Текстильное производство в XX в. непрерывно лихорадило. Особенно чувствительно последствия неустойчивости внутреннего рынка сказались накануне первой мировой войны. Сами капиталисты стесненное состояние рынка в первую очередь объясняли, положением крестьян. Так, в брошюре «Русского экспортного товарищества», объединявшего крупнейших текстильных фабрикантов, утверждалось: «Бесспорно, что наш внут-

⁹⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 559.

ренный рынок представит собою в будущем неисчерпаемое поле для размещения изделий отечественной промышленности. Но бесспорно также, что при современных условиях существования нашего главного потребителя — русского крестьянина, при крайне слабой его покупательной способности, равно как при общей замкнутости нашей деревни и зависимости ее благосостояния от чисто случайных обстоятельств (наприм., урожай), русская промышленность никогда не может рассчитывать на внутренний рынок, как на прочно обеспечивающий сбыт производимых ею изделий»⁹⁷.

Неустойчивость внутреннего рынка способствовала тому, что на огромных пространствах России, при слабо развитых путях сообщения, очень рано произошло территориальное разграничение сфер влияния между основными промышленными группировками. Еще в XIX в., несмотря на борьбу Москвы с Лодзью, достаточно четко определилось размежевание некоторых важнейших рынков сбыта между основными конкурирующими группами хлопчатобумажных предприятий. В 1900 г. преобладающая часть хлопчатобумажных изделий, продававшихся внутри крупнейших районов хлопчатобумажного производства (Центр, Польша, Прибалтика), принадлежала местным предприятиям⁹⁸. Попытки крупных московских предприятий проникнуть в «чужие» районы не могли поколебать монопольного положения местных фабрикантов. Дело в том, что они везли туда ткани, почти не вырабатывавшиеся местной промышленностью. Так, в Привислинский район шли, главным образом, легкие ткани. В Прибалтику и Петербург направлялся более тяжелый, одежный товар, ибо здесь он мог успешнее конкурировать с лодзинскими изделиями. Ситцу и другим легким тканям сюда дорога была закрыта.

Однако в последующие годы в ходе ожесточенной борьбы за рынки московские фабриканты в результате ряда причин (дешевизна рабочей силы, более удобные транспортные связи и пр.) оказались в более выгодном положении по сравнению со своим основным конку-

⁹⁷ «Русское экспортное товарищество в Москве. К вопросу о возврате пошлин». М., 1913, стр. 14—15.

⁹⁸ См. М. Цв и б а к. Ук. соч., стр. 35—38.

рентом — Лодзью. Лодзинские фабриканты отступили, оставив рынок легких тканей в руках у капиталистов Центра. Благодаря такой специализации текстильные фабриканты центральных губерний стали безраздельными хозяевами почти всего внутреннего рынка. Производимые ими ткани составляли преобладающую часть продукции хлопчатобумажной промышленности Российской империи и не могли встретить сколько-нибудь серьезной конкуренции. Специализация производства по районам пошла на пользу прежде всего московским фабрикантам. Используя высокие прибыли, получаемые в результате монопольного положения на внутреннем рынке, гиганты хлопчатобумажного производства (морозовские предприятия в первую очередь) стали налаживать производство и тяжелых тканей, стремясь сначала окончательно вытеснить Лодзь из пределов своего района, а затем устремиться на другие рынки.

Данные железных дорог о перевозках хлопчатобумажных товаров ярко иллюстрируют этот процесс. Если перевозки тканей внутри Московского промышленного района с 1904 по 1910 г. изменились незначительно, то резко увеличился вывоз не только в районы преобладающего сбыта изделий московской промышленности, но даже в Южный район и западные губернии, где позиции польских промышленников были прочнее. Для Южной России они увеличились с 1,61 млн. до 2,57 млн. пудов, а для западных губерний — с 314 до 534 тыс. пудов. Все чаще и чаще московские товары прорывались на «чужую» территорию. Перевозки хлопчатобумажных изделий из Центрального района в Северный и Северо-западный районы составляли в 1904 г. 1076 тыс. пудов, а в 1910 г. — 1547 тыс. пудов, в царство Польское — соответственно 127 тыс. пудов и 213 тыс. пудов. Конкурентная борьба еще более обострилась в результате кризисных явлений, наблюдавшихся с 1911 г. Московские капиталисты, рассчитывая компенсировать сокращение сбыта в восточных и юго-восточных губерниях, пораженных неурожаем, устремились в Среднюю Азию и в сферу непосредственных интересов лодзинской группы предпринимателей. Перевозки тканей в царство Польское увеличились в 1911 г. по сравнению с 1910 г. на 16%, в Южную Россию — на 13%, в западные губернии — на 11%. Только в Южный

район поступило дополнительно 322 тыс. пудов московской мануфактуры⁹⁹.

Однако эти успехи оказались непрочными, ибо московские фабриканты достигали их за счет злоупотребления кредитом и перенасыщения рынков. Кроме того, Юг России в 1912 г. пострадал от неурожая. Поэтому перевозки в Южный и Юго-западный районы России в 1912 г. резко сократились (на 24%). В годы кризиса заметно усилились также противоречия между различными группами московских фабрикантов. Крупные фабриканты Подмосковья в 1912 г. несколько расширили сбыт своих изделий, вытеснив с рынков Центрального промышленного района фабрикаты иваново-вознесенских ситцевиков. Сбыт ивано-вознесенских тканей внутри района в 1911 г. сократился на 507,3 тыс. пудов по сравнению с предшествующим годом¹⁰⁰.

Характерной особенностью сбыта изделий текстильной промышленности являлось, в отличие от тяжелой индустрии, наличие значительного количества посредников между фабрикантом и потребителем. Еще в XIX в. сложились основы сбыта мануфактурных изделий, изменявшиеся очень медленно и в значительной степени сохранившиеся вплоть до революции. Фабриканты большую часть продукции своих предприятий сбывали в кредит крупным торговым мануфактурным фирмам, имевшим самый разнообразный ассортимент тканей. Ярмарочная торговля в значительной степени велась такими крупными торговыми предприятиями. На ярмарках торговцы-оптовики и крупные мануфактурные фирмы продавали товар крупным провинциальным торговцам. Через последних товар поступал в розничную торговлю, попадая непосредственно к потребителю.

В XIX в. ярмаркам в мануфактурной торговле принадлежала исключительная роль. Значительная часть товара продавалась на Нижегородской, Ирбитской и других крупных ярмарках¹⁰¹. Однако уже к концу сто-

⁹⁹ «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района в 1912 г.». М., 1913, стр. 7—10.

¹⁰⁰ «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1914, № 1, стр. 27—29.

¹⁰¹ См. Н. Рожков. Русская история в сравнительном освещении, т. XI. М., 1925, стр. 245.

летия ярмарки потеряли свое былое значение. Центром мануфактурной торговли стала Москва. Здесь теперь заключалась львиная доля крупных сделок на продажу мануфактурных товаров. Сюда стали съезжаться крупные провинциальные торговцы для закупки товаров. Более или менее определенно можно выделить два срока массовых закупок, когда количество приезжих торговцев было особенно велико: весенний (март—апрель) и осенний (ноябрь—декабрь).

Падение значения ярмарочной торговли в определенной степени обуславливалось распространением коммивояжерства, получившего развитие первоначально в Лодзинском районе. В Центральном районе вояжеры стали посылаться в конце XIX в. Пионером этого нового вида организации сбыта являлось т-во Э. Циндель. Оно впервые направило вояжеров в 1894 г. и успешно развивало через них свои операции. Перед войной агенты по сбыту товаров посылались товариществом не только в центральные губернии, но и в Прибалтику, Петербург, Сибирь, на Кавказ и на Юг России¹⁰².

Серьезный удар ярмарочной торговле нанесли также отделения и склады крупнейших текстильных предприятий, открывавшиеся ими в центрах крупных экономических районов. Эти отделения появляются в конце XIX в., и количество их неуклонно увеличивалось. Открывая новые отделения и склады, привлекая торговцев-коммиссионеров, все наиболее крупные текстильные предприятия расширяли собственный торговый аппарат на периферии, приближаясь к рынкам сбыта.

Перед войной Прохоровская Трехгорная м-ра имела, например, оптовую торговлю мануфактурой в Москве, Петербурге, Варшаве, Баку, Харькове, Самарканде и Ромнах. Кроме того, в Москве содержалось три фирменных магазина, в Петербурге — два, в Харькове, Киеве и пос. Снежном Таганрогской губернии — по одному¹⁰³. Т-во м-р Л. Рабенек имело оптовую торговлю в Москве, Нижнем Новгороде, Самарканде и Коканде и собственного торгового представителя в Тегеране¹⁰⁴. Богородско-Глуховская м-ра имела оптовую торговлю тканями в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Харь-

¹⁰² «Коммерсант», 4 января 1913 г.

¹⁰³ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 926, лл. 16—17,

¹⁰⁴ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1005, лл. 17, 53,

кове, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Ташкенте, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Кроме того, в Москве имелась розничная торговля (два фирменных магазина) ¹⁰⁵. Тверская м-ра в 1911/12 операционном году содержала отделение в Харькове, Одессе, Петербурге, Ростове-на-Дону, Коканде и Ташкенте, а в 1913/14 г. собственная торговля кроме перечисленных городов существовала в Варшаве, Тифлисе, Самарканде и Омске ¹⁰⁶. Т-во И. Коновалова имело к 1913 г. отделения и склады в Ростове-на-Дону, Харькове, Ташкенте, Варшаве, Коканде, Владивостоке и Омске ¹⁰⁷. Оптовая торговля мануфактурой производилась и другими хлопчатобумажными предприятиями Центрального района. Кроме собственных складов торговля осуществлялась через постоянных представителей-комиссионеров, которым доверялось исключительное право продажи изделий того или иного предприятия в определенном районе.

Обороты местных отделений и складов увеличивались из года в год. Они занимали все более значительный вес в торговле. Их операции расширялись за счет некоторого сокращения операций в Москве и на Нижегородской ярмарке. Так, в 1910/11 г. Тверская мануфактура продала хлопчатобумажных изделий на общую сумму 24 506 тыс. рублей, в том числе в Москве — на 15 046 тыс. руб., в Харькове — на 2 793 тыс. руб., в Одессе — 1 424 тыс. руб., Коканде — 1 468 тыс. руб. и на Нижегородской ярмарке (видимо, через посредников) — на 3 759 тыс. рублей. В 1911/12 операционном году общая сумма продажи тканей составляла 24 487 тыс. руб. В Москве было продано товара на 12 824 тыс. руб., в Харькове — на 3 270 тыс. руб., Одессе — 1 785 тыс., Петербурге — 715 тыс., Ростове-на-Дону — 784 тыс., Коканде — 1 551 тыс., на Нижегородской ярмарке — на 3 130 тыс. руб. ¹⁰⁸.

Наряду с оптовой торговлей значительное развитие в XX в. получила розничная торговля мануфактурных предприятий через фирменные магазины. Выше уже го-

¹⁰⁵ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 2805, лл. 59—62.

¹⁰⁶ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 1868, лл. 104—105; д. 1586, л. 119.

¹⁰⁷ Государственный архив Ивановской области (ГАИО), ф. 138, оп. 1, д. 4901, лл. 18—19.

¹⁰⁸ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 11247, лл. 4—5.

ворилось о наличии таких магазинов у Прохоровской и Богородско-Глуховской м-р. Однако наиболее успешно розничная торговля развивалась т-вом Э. Циндель. Перед войной это товарищество имело 8 фирменных магазинов (три в Москве, и по одному в Ростове, Киеве, Варшаве, Одессе и Тифлисе). За 1914/15 операционный год эти магазины обслужили 530 526 покупателей, продав хлопчатобумажных изделий на сумму 1 480 288 руб.¹⁰⁹.

О том, что ярмарочная торговля в XX в. окончательно потеряла свое былое значение, свидетельствуют печатные отчеты о торговле на Нижегородской ярмарке. В 1907 г. организаторы Нижегородской ярмарки отмечали, например, что «в последнее время все более и более делается заметным, что почти все ярмарки в России, в том числе и Нижегородская, с каждым годом теряют свое значение: железные дороги, особенно Сибирская, перенесли покупателя в центр торговли — Москву, и теперь покупатели имеют возможность получать товар постоянно, а не так, как это было прежде, в зависимости от удобства путей сообщения»¹¹⁰. В 1913 г. продажа хлопчатобумажных изделий на Нижегородской ярмарке составляла всего около 10% годового производства хлопчатобумажных тканей. При этом следует иметь в виду, что на ярмарке торговали преимущественно мануфактуристы-оптовики, а не промышленные предприятия. По данным отчета о ходе торговли на Нижегородской ярмарке 1913 г., фабриканты-ситцевики утратили к ней интерес около десяти лет назад. «Фабриканты-ситцевики, — отмечалось в стчете, — принявшие решение не выезжать более на ярмарку, руководствовались, по-видимому, следующим расчетом: значительную часть их ярмарочных операций составляла сдача товара, заказанного ранее совершенно независимо от ярмарки; с течением времени эта часть все возрастала и в начале 1900 г. составляла уже около 60% ярмарочного оборота с ситцами. Таким образом, на долю собственно ярмарочного покупателя приходилось 40% оборота. Усилив деятельность коммивояжеров,

¹⁰⁹ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 508, л. 84.

¹¹⁰ «Статистическое бюро при Нижегородском ярмарочном биржевом комитете. Отчет о ходе Нижегородской ярмарки 1907 г.». М., 1908, стр. II.

фабрикант мог некоторую часть этого ярмарочного оборота провести через них, а из-за остального не стоило выезжать на ярмарку и нести связанные с этим выездом огромные накладные расходы»¹¹¹.

Несмотря на неуклонное увеличение удельного веса самостоятельной торговли, вплоть до первой мировой войны большая часть продукции крупными текстильными предприятиями все-таки сбывалась через оптовые мануфактурные фирмы. Собственные торговые связи текстильных предприятий оказались еще недостаточно разветвленными, чтобы обеспечить успешную реализацию всей продукции, не прибегая к торговому аппарату оптовых фирм.

Крупные оптовые мануфактурные фирмы, издавна обслуживавшие текстильные фабрики Центрального района, имели тесные связи с текстильным производством, зачастую участвуя в качестве пайщиков в тех или иных предприятиях. Первоклассные мануфактурные фирмы (Щукиных, к примеру) обуславливали свое торговое посредничество отказом хлопчатобумажных предприятий от прямых сделок с перекупщиками тех или иных районов¹¹².

С другой стороны, крупные хлопчатобумажные предприятия полностью контролировали значительные оптовые фирмы. Так, в 1903 г. Куваевская, Прохоровская и Собинская м-ры, выступая в качестве главных кредиторов, решили поддержать торговый дом Решетникова, прекративший платежи. Они произвели реорганизацию торгового дома и приняли в нем значительное участие. При основном капитале около 500 000 руб. Куваевская м-ра вложила в торговый дом 105 000 руб. В 1904 г. Куваевская м-ра стала одним из участников торгового дома Оконишниковых. При основном капитале 275 000 руб. на долю мануфактуры приходилось 50 000 руб.¹¹³. Все это позволяло хлопчатобумажным фабрикантам осуществлять достаточно эффективный контроль над рынком. Попытки периферийных торговцев спекулировать на повышательной конъюнктуре рынка и ввести

¹¹¹ «Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1913 г.», М., 1914, стр. 8—9.

¹¹² ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 784, л. 109; д. 1887, л. 447; д. 717, л. 431; д. 112, лл. 57—58, 60.

¹¹³ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 112, лл. 72—73, 80.

свои розничные цены не имели успеха. Накануне Нижегородской ярмарки 1912 г. представители периферийных скупных фирм собрались в Москве для того, чтобы договориться о дальнейшем повышении цен независимо от фабрикантов.

Этот план не удалось осуществить в результате противодействия московских оптовиков, считавших, что несвоевременное повышение цен ослабит рынок. «Особенно подействовало на собравшихся, — сообщалось в газете «Коммерсант» 1 августа 1912 г., — заявление представителя одной скупной фирмы, что к фабрикантам на борьбу против этого повышения присоединятся также и крупнейшие московские скупщики и что, таким образом, средним и мелким фирмам придется иметь против себя и фабрикантов и крупных скупщиков».

Между крупными московскими скупными мануфактурными фирмами существовало определенное разграничение сфер влияния, стихийно сложившееся в течение десятилетий. Бурышкины, например, свое преимущественное внимание сосредоточили на Слободской Украине, Шукины — на Поволжье, Ижболдины — на Прикамье и Зауралье и т. д. У каждой фирмы имелась обширная клиентура периферийных торговцев.

Многоступенчатая практика сбыта хлопчатобумажных изделий, при наличии у крупных предприятий собственной торговли на местах и даже розничной продажи тканей, обусловила жизненность скидок с преysкурантных цен при продаже товара скупным оптовым фирмам и периферийным торговцам. Конкурирующие фирмы, достигая соглашения о ценах, как правило, регламентировали также размеры этих скидок. В зависимости от конъюнктуры рынка скидки уменьшались или увеличивались. Так, в 1904 и 1906 гг. для товаров Куваевской м-ры они составляли 22% к преysкурантным ценам. В 1907 г. т-во Э. Циндель установило скидку при продаже в Москве в размере 15%, а на Нижегородской ярмарке — 16%. Ухудшение конъюнктуры рынка в 1908 г. снова заставило увеличить скидки при оптовой продаже до 22%¹¹⁴.

Условия сбыта продукции других отраслей текстильной промышленности мало чем отличались от по-

¹¹⁴ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 784, л. 62; д. 937, л. 72; ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 390, л. 5.

ложения в хлопчатобумажном производстве. Только джутовая промышленность имела дело с крупными покупателями (сахарозаводчиками и мукомолами) и не нуждалась в разветвленном торговом аппарате. Фабрики шелковой, льняной и суконной промышленности, несмотря на значительный удельный вес казенных заказов, по преимуществу работали на вольный рынок, сбывая свои изделия через сложную систему посреднической торговли¹¹⁵.

Неуклонное увеличение удельного веса самостоятельного сбыта изделий требовало дополнительных денежных средств, вызывало необходимость увеличения основных капиталов. Чисто промышленные предприятия все более превращались в промышленно-торговые фирмы. В докладе правления т-ва Э. Циндель от 3 ноября 1911 г., наряду с другими доводами, так обосновывалась необходимость увеличения основного капитала: «Настоящие условия обслуживания русского рынка заставляют фабрикантов развешиваться на два фронта, т. е. помимо производства, самостоятельно участвовать в сбыте своих изделий, на что требуется двойной капитал, а в связи с этим — постепенный и энергичный рост основных капиталов промышленных предприятий, так как организация торговли сопряжена с крупными капитальными затратами на учреждение сети опорных пунктов, провинциальных складов и т. д. Что же касается в частности товарищества, то оно имеет уже в настоящее время в различных центральных пунктах свыше двадцати торговых отделений, и по балансу на 15 апреля 1911 г. сумма долга за покупателями и стоимость товара в совокупности составляет 15 000 000 руб.»¹¹⁶.

Завершая краткую характеристику особенностей организации сбыта продукции текстильной промышленности, следует признать, что они не могли не оказать определенного влияния на процессы монополизации, на типы и формы монополистических союзов.

¹¹⁵ Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. 266, оп. 22, д. 49, л. 10; ЦГАОР, ф. 6868, оп. 1, д. 139, л. 1.

¹¹⁶ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 442, л. 29.

ГЛАВА II

РАЗВИТИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ СОГЛАШЕНИЙ И ОБЪЕДИНЕНИЙ В СФЕРЕ СБЫТА ПРОДУКЦИИ

§ 1. Монополистические объединения и соглашения на завершающей стадии цикла хлопчатобумажного производства

Высокая степень концентрации производства в текстильной промышленности создавала условия, необходимые для возникновения монополистических соглашений по сбыту продукции. С другой стороны, процесс монополизации текстильной промышленности (и особенно хлопчатобумажного производства) осложнялся вследствие дробности специализации предприятий, производивших, как правило, лишь определенные виды тканей (пунцовый товар, одежный товар, ситец и прочие легкие ткани и т. п.), и многоступенчатой организации торговли.

Кроме того, стоимость той или иной ткани определялась ее плотностью и качеством отделки. Индивидуальные особенности тканей (цвет, рисунок) также имели большое значение при их сбыте. Ткани одной и той же номенклатуры могли иметь различный спрос на рынке. Поэтому централизация сбыта продукции предприятий, принадлежащих различным владельцам (условие, обязательное для устойчивых монополистических объединений типа синдиката), требовала унификации изделий. Практические возможности унифицировать изделия родственных предприятий отсутствовали, ибо достоинства и сбыт тканей определялись в значительной степени квалификацией и искусством художников, граверов, колористов и прочих специалистов. Для создания синдикатов в текстильной промышленности существовали дополнительные трудности.

Тенденция к заключению монополистических соглашений в хлопчатобумажной промышленности в сфере сбыта продукции впервые более или менее отчетливо проявилась на рубеже XIX и XX вв. Возникновение монополий теснейшим образом связано с кризисными явлениями по сбыту хлопчатобумажных тканей в России и вздорожанием хлопка на международном рынке в 1899—1900 гг.

Особые затруднения в деле сбыта продукции испытывали владельцы предприятий, выпускавших готовый товар непосредственно на рынок для продажи потребителю. Они активнее стремились изыскивать пути выхода из затруднительного положения. Именно в завершающем цикле хлопчатобумажного производства возникли первые более или менее устойчивые монополистические соглашения. Поэтому при изучении истории монополистических соглашений и объединений хлопчатобумажных фабрикантов особое внимание следует обратить на сосредоточенную главным образом в Центральном промышленном районе ситцепечатную и ситценабивную промышленность, которая давала львиную долю готовых товаров.

В борьбе с кризисными явлениями хлопчатобумажные фабриканты не проявили никакой оригинальности. Они начинали с того же, что делают обычно капиталисты в этих случаях: с сокращения рабочей недели. Вместе с тем велись интенсивные переговоры о повышении цен. В бюллетене т-ва Э. Циндель за февраль 1900 г. отмечалось: «Прибавка на цены, о которой в конце января раздавались лишь отдельные голоса, стала в феврале общим девизом»¹.

Первое соглашение о повышении цен на хлопчатобумажные изделия (на $\frac{1}{4}$ коп. за аршин) состоялось между 12 лодзинскими фабрикантами в феврале 1900 г. В марте 1900 г. московские фабриканты-пунцовщики достигли соглашения о повышении цен на кумачи и другие ткани на $\frac{1}{4}$ коп. за аршин. Вслед за ними точно такое же повышение цен на ситцы объявили иваново-вознесенские фабриканты. Московские фабриканты в конце марта разослали своей клиентуре циркуляры, оповестив их о предстоящем повышении цен на ряд хлопчатобумажных

¹ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, л. 3.

тканей. Однако соглашение о повышении цен на московские ситцы состоялось лишь летом 1900 г. перед Нижегородской ярмаркой².

Фабриканты упорно стремились сохранить повышенные цены несмотря на усиление кризисных явлений. Выход из положения они искали в сокращении производства и понижении расценок при сдельной оплате рабочих, рассчитывая тем самым понизить себестоимость продукции и сохранить высокие доходы. В Москве 6 сентября 1900 г. состоялось совещание фабрикантов Центрального промышленного района, на котором обсуждался вопрос о формах и размерах сокращения работ. Фабриканты не смогли прийти к согласованному решению, так как некоторые из них, обладавшие запасами хлопка, закупленного по низким ценам, возражали против сокращения производства. Фабриканты, не имевшие запасов хлопка, стали прибегать к сокращению производства. На большинстве хлопчатобумажных фабрик Костромской губ., например, рабочая неделя сократилась до 4—5 дней, а одна из них совершенно приостановила работы. Одновременно с этим производилось массовое понижение расценок для рабочих ткацкого, прядильного и ситцепечатного производства. Оценивая эту меру, московской окружной фабричный инспектор вынужден был признать, что «в этом стремлении нельзя видеть ничего иного, как только желания г.г. фабрикантов возместить свои временные торговые убытки, переложив их тяжесть на плечи рабочих»³.

Установленные летом 1900 г. цены продержались до осени 1901 г. Однако в октябре 1901 г. московские фабриканты вынуждены были отказаться от введенной ими прибавки к ценам на ситец. Ивановские и лодзинские фабриканты скидку с повышенных ими цен сделали значительно раньше. Уже в январе 1901 г. иваново-вознесенские фабриканты торговали без прибавки, а лодзинские фабриканты к маю 1901 г. значительно понизили цены на изделия своих предприятий⁴.

Кризисные явления получили дальнейшее развитие в течение 1902 г. Скопление большого количества тканей

² ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 80, лл. 3—4; д. 280а, лл. 4—5.

³ ГАКО, ф. 457, оп. 1, д. 578, лл. 5, 12, 15—16.

⁴ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 23—24, 30.

на фабричных складах заставило иваново-вознесенских фабрикантов в январе 1903 г. согласиться на очередное понижение цен. Они сохранили преysкурантные цены, но торговали со скидкой $\frac{1}{4}$ коп. с аршина⁵. Положение рынка в 1902 г. продолжало оставаться настолько стесненным, что, по данным правления Сампсониевской м-ры, «русским фабрикантам не удалось достигнуть никакого повышения цен на изделия, хотя ими были сделаны для того крайние усилия»⁶. На внутренний рынок особенно давили повышенные международные цены на хлопок. Несоответствие цен на хлопок и на хлопчатобумажные ткани было столь значительным, что некоторое улучшение конъюнктуры рынка, наступившее в 1903 г., не могло устранить затруднений фабрикантов⁷. Под влиянием этих затруднений в марте 1903 г. московские фабриканты заключили новое соглашение по вопросу о ценах. Все участвовавшие в переговорах фирмы разослали соответствующие циркуляры своей клиентуре. С 10 апреля 1903 г. цены на ситец повышались на $\frac{1}{4}$ коп. за аршин, на сатин — на 1 коп., на зимние ткани — $\frac{1}{2}$ коп. и мебельные ткани — 1 коп. Иваново-вознесенские фабриканты также повысили цены на ткани, однако не с таким единодушием, как московские⁸. Накануне открытия Нижегородской ярмарки московские фабриканты сделали новую прибавку к ценам на ситец с 1 сентября 1903 г. в размере $\frac{1}{2}$ коп. Единство в проведении установленной прибавки обеспечило им нормальную торговлю по этим ценам. Аналогичную прибавку осуществили и иваново-вознесенские ситцевики⁹.

Положительные результаты соглашений о повышении цен настолько воодушевили московских капиталистов, что некоторые из них в январе 1904 г. стали настаивать на новом повышении цен. Это предложение вызвало резкие возражения ряда крупных фабрикантов, которые

⁵ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, л. 63.

⁶ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 48, л. 130; см. также ГИАМО, ф. 2005, оп. 1, д. 8, л. 17.

⁷ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 48, л. 130; ф. 1245, оп. 1, д. 175, л. 2.

⁸ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 65, 67.

⁹ Там же, лл. 75—76; ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 717, лл. 42—43; «Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1903 года». Нижний Новгород, 1904, стр. 2.

считали, что дальнейшее повышение цен в данных условиях может резко ухудшить конъюнктуру рынка. В последних числах февраля 1904 г. состоялось очередное совещание московских фабрикантов, на котором все же состоялось решение о повышении цен на ткани с начала марта в следующих размерах: на ситец $\frac{1}{2}$ коп., летние ткани — 1 коп., зимние — от 1 до 2 коп., мебельные — 2 коп. В бюллетене т-ва Э. Циндель по этому поводу отмечалось, что «такой огульной прибавки на набивной товар не было в течение последних 15 лет». Одновременно с повышением цен фабриканты договорились о сокращении производства.

Летом 1904 г. хлопчатобумажные фабриканты, в связи с понижением цен на пряжу, несколько понизили цены на ряд тканей. Однако цены на ситец удерживались на прежнем уровне. Очевидно, именно в это время окончательно оформляются монополистические соглашения московских и иваново-вознесенских ситцевиков, периодически возобновлявшиеся на традиционных совещаниях фабрикантов. Если до 1904 г. круг участников совещаний не отличался постоянством, то теперь на этих совещаниях присутствуют лишь владельцы ситцепечатных фабрик, утверждавшие цены на ситец — самую распространенную хлопчатобумажную ткань. В соответствии с ценами на ситец определялись цены других видов тканей¹⁰.

Монополизация рынка и меры к сокращению производства, принятые монополистами, приносили свои плоды. О поступательном росте цен на важнейшие хлопчатобумажные ткани на Нижегородской ярмарке свидетельствуют следующие цифры: на московские ситцы за 6 лет (с 1902 по 1907 г.) цены возросли на 36 %, ивановские — 42—53 %, пунцовый товар — 40 %¹¹.

Ситцевые фабриканты пытались оправдать рост цен на ткани ссылками на вздорожание сырья, топлива и в особенности повышением заработной платы рабочих. Действительно, рабочие-текстильщики упорной стачечной борьбой в 1905—1906 гг. добились значительного повышения заработной платы, что не могло не изменить финансового баланса предприятий. Повышение доходности

¹⁰ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 87, 91, 93, 99, 100, 103.

¹¹ «Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1908 г.», М., 1909, стр. 2.

за счет усиления эксплуатации на какой-то срок исключалось. Оставался один наиболее эффективный путь — повышение продажных цен. Для этого требовались согласованные действия на рынке. Поэтому именно в годы первой русской революции специализированные объединения хлопчатобумажных фабрикантов становятся более устойчивыми и прочными. Только в 1905 г. московские ситцевики, используя недостаток тканей на рынке вследствие недовыработки из-за стачечного движения, дважды повышали цену в общей сложности на 2 копейки. Если накануне революции аршин «московского» ситца стоил 11 коп., то весной 1907 г. — 14½ коп., т. е. цены увеличились на 31%. Фабриканты, несмотря на все их усилия, не могли скрыть, что рост цен значительно превышает увеличение расходов по производству тканей, связанных с повышением заработной платы рабочим, вздорожанием сырья, топлива и т. п. В справке, составленной правлением товарищества Э. Циндель, имевшей целью оправдать действия ситцевиков по повышению цен, все же признавалось, что московские фабриканты получили благодаря этим повышениям дополнительную прибыль¹².

Еще более значительное увеличение цен провели иваново-вознесенские фабриканты. В мае 1906 г. разница в ценах между московскими и иваново-вознесенскими ситцами сократилась с 1—1½ коп. до ½—1 коп.¹³.

Картели ситцевиков и другие группы хлопчатобумажных фабрикантов для повышения цен всемерно использовали благоприятную конъюнктуру рынка, наступившую в 1906 г. В 1907 г. положение рынка хлопчатобумажных тканей оставалось достаточно благоприятным. Оно изменилось в худшую сторону лишь в 1908 г. Однако и в 1908 г. ситцевые фабриканты всеми средствами пытались сохранить существующие высокие цены. Но если московским фабрикантам это некоторое время удавалось, то иваново-вознесенские фабриканты с начала 1908 г. все более склонялись к понижению цен и сокращению производства¹⁴. Некоторые иваново-вознесенские предприятия, нарушая соглашение, еще в на-

¹² ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 343, лл. 47—48: «Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1905 г.». М., 1906, стр. 3.

¹³ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 61, л. 213.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 90—91.

чале 1908 г. обещали уступить покупателям $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ копейки при окончательном расчете ¹⁵.

Кроме того, иваново-вознесенские фабриканты усиливали нажим на рабочих, стремясь узаконить режим произвола, царивший на предприятиях. На собрании в марте 1908 г., например, они договорились о штрафовании рабочих за отказ от обыска при выходе с фабрики и постановили внести соответствующий пункт в условия найма ¹⁶.

Разногласия среди иваново-вознесенских фабрикантов продолжались и на Нижегородской ярмарке 1908 г. Покровская мануфактура, не получив одобрения других предприятий, все же снизила цены на $\frac{1}{2}$ коп. за аршин. Московские фабриканты удержали цены на прежнем уровне, предпочитая сократить продажу. Они гарантировали старые цены до 1 ноября 1908 г. ¹⁷.

В бюллетене т-ва Э. Циндель за июль — август 1908 г. в категорической форме утверждалось, что, несмотря на общую тенденцию к понижению цен, такого понижения не будет ни в сентябре, ни в октябре. Однако попытки сохранить цены на прежнем уровне оказались тщетными, и с 15 ноября состоялось соглашение о понижении цен на 1 коп. как на московские, так и на иваново-вознесенские ситцы. В бюллетене т-ва Э. Циндель за ноябрь 1908 г. признавалась неизбежность дальнейшего понижения цен и внушалось фабрикантам, что если они «будут в дни понижения цен так же солидарны между собою, как они были в дни повышения, то положение будет спасено и рынок избавлен от потрясения» ¹⁸. Надежды авторов бюллетеня оправдались. Солидарные действия фабрикантов при декабрьских продажах дали им возможность избежать нового понижения цен ¹⁹. Особенно значительные затруднения испытывали иваново-вознесенские предприятия, производившие дешевые сорта ситцев, рассчитанных исключительно на деревенское население. В конце 1908 г. иваново-вознесенские фабриканты вновь обсуждали вопрос о сокращении с нового года производства путем сокращения рабочей недели

¹⁵ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 487, лл. 3, 5—6.

¹⁶ ГАВО, ф. 266, оп. 20, д. 25, л. 11.

¹⁷ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 71, л. 317.

¹⁸ Там же, лл. 317—318, 328.

¹⁹ Там же, л. 331.

до 4—5 дней или увеличения весеннего перерыва на предприятиях. Однако после обсуждения они отвергли это предложение, так как сокращение производства было бы на руку конкурентам — московским ситцевикам. Тем не менее отдельными иваново-вознесенскими предприятиями в той или иной форме осуществлялось сокращение производства. Решение о сокращении рабочей недели на 1 день с 1 января 1909 г. приняли также фабриканты Вичугско-Кинешемского района и некоторые фабриканты-пунцовщики²⁰.

В период кратковременной заминки в текстильной промышленности в 1908 г. еще более заметной становится тенденция ликвидировать убытки и сохранить прибыли за счет интенсификации труда рабочих и сокращения расценок. В завуалированной форме это признавал старший фабричный инспектор Костромской губернии в пояснении к отчету за 1908 г. Он писал: «Предстоящие с полной неизбежностью изменения в организации труда на фабриках в смысле его интенсивности и удешевления угрожают весьма серьезными потрясениями в сфере условий, определяющих положение рабочего класса»²¹.

В 1909 г. хорошие виды на урожай основных сельскохозяйственных культур способствовали оживлению хлопчатобумажного рынка. В апреле 1909 г. московские и иваново-вознесенские фабриканты сделали последнюю значительную скидку с цен в размере 1½ коп. с аршина. Столь значительным понижением они, по выражению бюллетеня т-ва Э. Циндель, «ошеломили» оптовиков, поддерживавшихся от покупки. Решившись на некоторые потери (которые через несколько месяцев удалось с лихвой компенсировать), фабриканты, ликвидировав запасы, «оздоровили» рынок и добились прекращения понижательных настроений у перекупщиков, связанных теперь закупленным товаром²². Вслед за тем, в предвидении хорошего урожая, началось постепенное повышение цен. Первоначально прибавки провели отдельные фабрики (Н. Н. Коншина и Н. Дербенева). В мае — июне 1909 г. переговоры об общей прибавке велись в группе морозов-

²⁰ «Голос Москвы», 1 января 1909 г.; ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 71, л. 332.

²¹ ГАКО, ф. 457, оп. 1, д. 114, л. 94.

²² ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1208, л. 28.

ских фабрик, среди пунцовщиков и московских ситцевиков. Часть московских фабрикантов возражала против прибавки, опасаясь усиления позиций конкурирующих групп²³.

В июле—августе 1909 г. прибавки в размере $1\frac{1}{2}$ коп. сделали иваново-вознесенские фабриканты и пунцовщики. Московские ситцевики не достигли единодушия в этом вопросе, а поэтому отдельные фабрики объявили частичные прибавки, составляющие у одних $1\frac{1}{2}$ коп., а у других — 1 коп. В период Нижегородской ярмарки цены на московские ситцы, видимо, выравнивались. Однако на очередном совещании фабрикантов по вопросу о ценах снова возникли разногласия. Т-во Э. Циндель категорически возражало против чрезмерных аппетитов своих конкурентов и не согласилось с намеченными ими размерами очередного повышения цен. С 1 ноября 1909 г. т-во Э. Циндель объявило прибавку в размере 1 коп., а остальные предприятия — $1\frac{1}{4}$ коп.²⁴ Более согласованно выступили иваново-вознесенские ситцевики, а вслед за ними — группа морозовских фабрик²⁵. Фабриканты-пунцовщики в конце декабря 1909 г. объявили о своей пятой прибавке, в общей сложности увеличив цены на $2\frac{1}{2}$ коп. Повышательные тенденции получили настолько нездоровый характер, что, по данным бюллетеня т-ва Э. Циндель, «некоторые фабриканты заявили свой положительный протест против дальнейшей прибавки, впредь до выяснения рынка, положение которого повышателями переоценивалось». Т-во Э. Циндель вновь отказалось производить очередную прибавку, что не могло не сказаться на позиции других московских ситцевиков. Они воздержались от увеличения цен в декабре 1909 г., а иваново-вознесенские ситцевики объявили прибавку после длительных колебаний лишь перед новым годом²⁶. После этой прибавки преysкурантные цены иваново-вознесенских фабрикантов и московских ситцевиков сравнялись. На ситец № 1 (стоимость которого являлась исходной вели-

²³ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 390, л. 17.

²⁴ «Коммерсант», 21 октября 1909 г.

²⁵ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 390, л. 2.

²⁶ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 74, лл. 461, 469—470, 479; ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 560, л. 7; ф. 108, оп. 1, д. 1207, лл. 274, 278.

чиной при определении цен на другие виды ситцев и легкие хлопчатобумажные ткани) установилась единая прейскурантная цена—14¹/₄ коп. за аршин. Разница в фактических ценах сохранялась. Дело в том, что иваново-вознесенские фабриканты начали продавать свои товары с дополнительной скидкой по сравнению с обычными прейскурантными скидками. Именно с 1909 г. официальные продажные цены на изделия хлопчатобумажных фабрик Центрального района очень редко соответствуют действительным ценам.

По данным периодической печати, 1909 г. для иваново-вознесенских предприятий закончился блестяще. В 1910 г. и в первой половине 1911 г. оживление в хлопчатобумажной промышленности продолжалось. В 1910 г. отдельные предприятия, используя благоприятную конъюнктуру рынка, делали попытки установить цены выше согласованного между фабрикантами уровня. Однако они очень скоро отказались от объявленных прибавок. В некоторых случаях, когда цены на отдельные виды тканей по сравнению с ситцами в 1909 г. оказались сильно завышенными, наблюдалось снижение цен. В картеле московских ситцевиков в 1910 г. вновь неоднократно обсуждался вопрос о прибавке цен на ситец. В мае и октябре против прибавки снова высказалось т-во Э. Циндель. Единства так и не удалось добиться. В конечном итоге участники соглашения признали цинделевские цены. Участники соглашения остановились на цене 14 коп. за аршин, выравнив свои прейскуранты ²⁷.

К августу 1911 г. под влиянием неурожая, охватившего десятки губерний России, положение рынка изменилось существенным образом. На предприятиях Иваново-Вознесенского района скопились большие запасы тканей. Спрос на них оказался настолько плохим, что фабриканты вынуждены были несколько понизить цены. Одновременно с этим они прибегли к сокращению производства. Иваново-вознесенские фабриканты стремились за счет рабочих устранить последствия кризисных явлений, сохранить свои прибыли. Они усилили

²⁷ ГИАЛО, ф. 1268, оп. 1, д. 163, л. 7; ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1271, лл. 283, 325; д. 1273, лл. 1, 72—73, 76.

эксплуатацию, интенсифицировав труд. Фабриканты извлекли все выгоды из того, что пролетариат крупнейшего текстильного района России вследствие ряда причин (существенное изменение его состава, давление огромной резервной армии безработных и т. п.) в 1911—1913 гг. слабо участвовал в активной революционной борьбе.

Значительное сокращение рабочего времени наблюдалось также на хлопчатобумажных фабриках Костромской губернии. Сокращение производства здесь достигалось также за счет некоторого уменьшения контингента рабочих. Кроме того, стремясь сократить свои расходы, фабриканты усиливают штрафование рабочих, расширяют применение труда женщин. Старший фабричный инспектор в пояснениях к своему отчету прямо указывал: «В связи с неблагоприятным состоянием рынка находится, по-видимому, увеличение штрафования рабочих». Причина «стремительного расширения труда женщин», по его мнению, главным образом заключалась в том, что «женский труд оплачивается ниже, а кроме того, женщины — вообще элемент более спокойный»²⁸.

Последствия кризисных явлений в хлопчатобумажной промышленности отражались не только на рабочих предприятий крупных промышленных центров, где мы видим тенденции усилить эксплуатацию, увеличить интенсивность труда. Еще большее влияние кризис оказал на положение рабочих-крестьян многочисленных небольших сельских ткацких фабрик, владельцы которых работали по заказам крупных комбинированных предприятий. Так, иваново-вознесенские ткацкие фабрики изготавливали всего около 30% тканей, обрабатывавшихся в ситцепечатных отделениях. Все остальное количество получалось с чисто ткацких предприятий, расположенных в сельской местности. Иваново-вознесенские фабриканты могли легко избежать сокращения в ткацком производстве. На деле получалось по-иному. Они передавали свои заказы сельским фабрикантам, а на своих предприятиях сокращали производство. Тем самым они достигали двух целей. Во-первых, с помощью сокращения производства и угрозы локаута они «успо-

²⁸ ГАКО, ф. 457, оп. 1, д. 1369, лл. 160, 178—179,

каивали» своих рабочих и уменьшали расценки. Во-вторых, последствия кризиса они в значительной степени перекладывали на сельские ткацкие фабрики. В 1911 г. крупные мануфактуры понизили цену за выработку пуда миткаля с 5 руб. до 3 р. 75 к.—3 р. 50 к. и даже до 3 руб. В конечном итоге «мелкие» фабриканты компенсировали свои «потери» за счет рабочих-крестьян²⁹.

Положение мануфактурного рынка в это время оказалось настолько тяжелым, что, несмотря на сплоченные и солидарные действия с целью сохранения цен на прежнем уровне, московские ситцевики также вынуждены были сделать уступку с 15 ноября в размере 1 коп. на аршин³⁰.

В 1912 г. кризисные явления в текстильной промышленности усилились и углубились. Московские ситцевые фабриканты искали выход из положения в сокращении производства. Они постановили увеличить на две недели пасхальный перерыв. Благодаря этому рынок недополучил около 720 000 кусков тканей на сумму свыше 7 млн. руб. Такое же сокращение производства наблюдалось в Иваново-Вознесенске, где, по данным фабричного инспектора, после весеннего перерыва фабрики возобновили работу со значительным запозданием³¹.

Сокращение производства на 1—2 дня в месяц на большинстве ивановских предприятий продолжалось и летом 1912 г. Некоторое кратковременное улучшение состояния рынка наблюдалось лишь перед Нижегородской ярмаркой. Этим не преминули воспользоваться фабриканты. 17 сентября 1912 г. состоялось очередное совещание московских ситцевиков, на котором они приняли решение о повышении цены на ситец на 1 коп. Вслед за ними последовали иваново-вознесенские ситцевики, увеличив цену на $\frac{1}{2}$ коп³².

Дальнейшее углубление кризисных явлений в текстильной промышленности в 1913 г. способствовало еще большей консолидации фабрикантов.

²⁹ ГАВО, ф. 266, оп. 18, д. 51, л. 12; оп. 21, д. 67, лл. 8—9.

³⁰ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1352, лл. 177, 180—181, 187, 192.

³¹ «Коммерсант», 28 февраля, 12 апреля и 18 июля 1912 г.; ЦИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 67, лл. 26, 30.

³² ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1431, л. 15; д. 1435, лл. 151, 173.

В октябре 1913 г. происходили совещания представителей крупнейших московских ситцевых фабрик, на которых было заключено соглашение о повышении с декабря 1913 г. цен на ситцы. Впервые за время существования объединения московских ситцевиков фабриканты ввели принцип материальной ответственности за нарушение соглашения. Они приняли решение о необходимости выплаты крупной неустойки фирмой, нарушившей заключенное соглашение о повышении цен. Руководствуясь этим соглашением, все московские ситцевые фабриканты сделали соответствующие прибавки к ценам преysкурантов своих предприятий. Они настойчиво придерживались принятых цен, хотя встретили большие затруднения при продаже тканей крупным торговцам-оптовикам. В ноябре 1913 г. запородажи осуществлялись только по новым ценам. Примеру московских ситцевиков последовали все иваново-вознесенские фабриканты, также повысившие цены на свои ситцы³³.

Повышение цен при наличии некоторого запаса тканей, давившего на рынок, потребовало осуществления другой меры — сокращения производства. В середине марта 1914 г. состоялось совещание представителей семи предприятий, выпускавших «московские» ситцы. На совещании присутствовали представители т-ва Э. Циндель, Н. Коншина, А. Гюбнера, Даниловской, Тверской, Прохоровской и Куваевской м-р. На всех этих предприятиях производилась львиная доля «московского» ситца. Совещание приняло решение сократить производство за счет удлинения пасхального перерыва до 40 дней³⁴. Цели сокращения достаточно определенно выражены в циркуляре правления Тверской м-ры местным отделениям от 13 марта 1914 г.: «Мера эта вызвана отнюдь не переполнением рынка ситцем и набивными товарами, остатки которых признаны на совещании для данного времени нормальными, но с целью значительного укрепления и оздоровления рынка для будущего. При таком положении нужно считать, что уже с предстоящего мая начнет ощущаться недостаток в ситцах и других набивных товарах и создастся

³³ «Коммерческий телеграф», 7, 9 и 28 октября, 4 и 25 ноября 1913 г.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 200; «Утро России», 20 марта и 4 апреля 1914 г.

то крепкое положение, которого, видимо, почему-то недостает в настоящее время»³⁵.

Московские ситцевики не ограничивались установлением единых цен на хлопчатобумажные изделия и согласованным сокращением производства. На своих регулярных совещаниях они определяли некоторые другие условия продажи тканей и пытались договориться о единых ценах на покупаемый миткаль.

Одним из средств монополизации рынка и поддержания цен на том или ином уровне (особенно в условиях ухудшения конъюнктуры рынка) являлись так называемые «гарантии», которые объявлялись всеми участниками соглашения. Фабриканты давали обещание оптовикам-мануфактуристам не изменять цен на хлопчатобумажные изделия в течение определенного срока. Так, на собрании 28 мая 1908 г. такая «гарантия» была дана на срок с 1 июня по 1 ноября 1908 г. В ноябре 1908 г. велись переговоры о «гарантии» на новый срок — до весны 1909 г. В начале марта 1912 г. такую же «гарантию» московские фабриканты решили дать до 1 сентября³⁶.

Иваново-вознесенские фабриканты также практиковали «гарантии» цен на определенные сроки, устанавливая одинаковые скидки с прейскурантных цен, и издавали совместные циркуляры клиентуре по самым различным вопросам. Они еще в 1907 г. организовали свое первое коллективное предприятие, купив механический завод Пономарева и создав для его эксплуатации Иваново-Вознесенское т-во механических изделий с основным капиталом в 300 тыс. руб. (с 1910 г. — 600 тыс. руб.). В 1910 г. объединенные фабриканты приобрели фабрику П. Дербенева. Средства, необходимые для покупки фабрики, они позаимствовали из фонда собрания фабрикантов, созданного 1 августа 1905 г. для страхования на случай забастовок рабочих³⁷.

Таким образом, на протяжении целого десятилетия (с 1904 по 1914 г.) в хлопчатобумажной промышленности отчетливо прослеживаются периодически возоб-

³⁵ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 11723, л. 11.

³⁶ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1122, л. 54; д. 1120, л. 258; ф. 101, оп. 1, д. 717, л. 245.

³⁷ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 665, л. 3; д. 608, лл. 43, 153, 160; ф. 108, оп. 1, д. 1035, лл. 133, 147; д. 1206, лл. 101—102; д. 1207, л. 174.

новляемые на регулярно собиравшихся совещаниях московских и иваново-вознесенских фабрикантов монополистические соглашения по вопросу о ценах и сокращении производства. Эти соглашения дают все основания сделать вывод о том, что в царской России в изучаемый период существовало два крупных картеля ситцевых фабрикантов.

Для этих картельных объединений в полной мере характерны нарушения соглашений, столь обычные в подобных организациях. Так, в бюллетене т-ва Э. Циндель за декабрь 1904 г. с осуждением указывалось на факт преждевременного понижения цен одной московской мануфактурой, чем она оказала «медвежью услугу» остальным предприятиям, вынужденным также раньше времени понизить цены. В том же бюллетене за март 1908 г. сообщалось об отсутствии единства среди иваново-вознесенских фабрикантов в деле сохранения цен на прежнем высоком уровне³⁸. В одном из писем иваново-вознесенского фабриканта А. М. Гандурина в 1911 г. по поводу очередного соглашения местных ситцевиков о ценах заявлялось следующее: «Я думаю тоже сказать, что будем держать условия по усмотрению течения дел и слухов, как другие (фабриканты) будут держать цену, а то ведь выходит один обман и больше ничего!»³⁹. В ноябре 1913 г. т-во м-р Н. Дербенева, несмотря на достигнутое между иваново-вознесенскими фабрикантами соглашение о повышении цен, продолжало продавать ситец по старым ценам, чем вызвало серьезные нарекания со стороны других участников соглашения⁴⁰.

Между участниками картельных соглашений московских и иваново-вознесенских ситцевиков, а также владельцами предприятий, вырабатывавших другие виды хлопчатобумажных тканей, заключались и кратковременные соглашения об общих условиях сбыта в определенных районах. Так, осенью 1911 г. неизбежное, в связи с кризисными явлениями в текстильной промышленности, понижение цен московские и иваново-вознесенские ситцевики проводили на основе полной взаимной

³⁸ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 280а, лл. 112—113; ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 90.

³⁹ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 665.

⁴⁰ «Коммерческий телеграф», 25 ноября 1913 г.

договоренности. Связующим звеном между двумя монополистическими группами являлись крупнейший мануфактурист-оптовик Шукин и иваново-вознесенские фабриканты Дербеневы и Бурылины, теснее примыкавшие к московским капиталистам. По просьбе московских ситцевиков они приложили все усилия, чтобы задержать решение иваново-вознесенских ситцевиков о понижении цен. Под их влиянием ивановские фабриканты отложили разрешение этого вопроса до объявления новой цены московскими фабрикантами⁴¹.

В июле 1912 г. владелец Куваевской м-ры Н. Г. Бурылин на собрании иваново-вознесенских фабрикантов по поручению московских ситцевиков просил местных капиталистов обсудить вопрос о повышении цен на ситец⁴².

В конце апреля—начале мая 1913 г. в Коканде состоялись совещания представителей фирм, торговавших в Средней Азии. 18 мая 1913 г. они согласились осуществить сокращение кредита местным торговцам и координировать действия всех фирм при открытии разным лицам кредита. Соглашение подписали представители Прохоровской и Даниловской м-р, предприятий Познанского, Каретниковых, А. Гюбнера и др.⁴³.

В годы кризисного положения текстильной промышленности перед первой мировой войной тенденции к объединению мелких групп предпринимателей в соответствии с их «специализацией» заметно усилились. Такие объединения в конце 1913 г. возникали одно за другим.

В начале ноября 1913 г. состоялось совещание владельцев предприятий, вырабатывавших черные бумажные триковые ткани. Фабриканты приняли решение повысить цены на все сорта тканей на 5%. Известны и другие «специализированные» монополистические соглашения. В декабре 1913 г. предприятия, отделывавшие бархат и плюш (О. Г. Хишина, Э. Брена, А. К. Генкина, А. А. Головкина и Ф. Е. Беккера), установили минимальные цены и постановили организовать надзор за выполнением соглашения его участниками⁴⁴.

Несколько особое положение занимали объедине-

⁴¹ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1352, лл. 177, 180, 187, 192.

⁴² ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 717, лл. 369, 400—401.

⁴³ ЦГИАЛ, ф. 1425, оп. 1, д. 501, лл. 86—89, 91.

⁴⁴ «Коммерческий телеграф», 4 ноября и 23 декабря 1913 г.

ния мелких и средних красильно-аппретурных фабрик, выполнявших заказы крупных текстильных фабрик по крашению, набивке и отделке тканей. Еще в 1907 г. в Лодзи возникло общество владельцев аппретурных и красильных заведений, имевшее целью способствовать повышению производительности предприятий, выгодно-му приобретению орудий и материалов, устранению конфликтов между членами общества и конфликтов членов общества с рабочими, оказывать содействие своим членам в найме рабочих. Общество определяло также размеры заработной платы и условия труда на объединенных предприятиях. Для разбора недоразумений между членами общества с клиентурой и рабочими был создан третейский суд⁴⁵.

Подобный характер соглашения определялся условиями деятельности предприятий. Красильно-аппретурные предприятия Лодзи работали по заказам крупных текстильных предприятий, объединенных в более мощные монополистические группы. Условия выполнения заказов зависели от последних. Поэтому, наряду с установлением единых расценок за работу давальческого материала, хотя эта сторона деятельности в официальных материалах замалчивалась, дополнительный источник доходов общество изыскивало за счет «монополизации» закупки сырья и материалов и усиления эксплуатации рабочих, выступая против них сплоченным фронтом.

В это же время возник союз фабрикантов красильных и аппретурных предприятий Московской губернии. Устав союза, рассматривавшийся на заседании Московского губернского по делам об обществах и союзах присутствия 16 февраля 1907 г., свидетельствует о том, что его будущая деятельность должна была развертываться по образцу лодзинского общества. Пункты «б» и «в» параграфа устава, определявшего цели организации, гласили, что союз должен озаботиться принятием общих обязательных мер к предотвращению и прекращению стачек. В пункте «г» говорилось о содействии «установлению по возможности одинаковых расценок по обработке товара». Пункт «д» предлагал «установление однообразных условий найма и заработной платы рабочих».

⁴⁵ См. Е. С. Лурье. Ук. соч., стр. 122.

Присутствие признало, что «союз этот не может быть рассматриваем как профессиональное общество, так как почти вовсе, как видно из устава его, не задается профессиональным целям, а лишь преследует ограждение своих материальных интересов», и отказало союзу в регистрации. Тогда учредители союза согласились изъять пункты «г» и «д», после чего устав был утвержден присутствием. Однако союз так и не начал функционировать. Улучшение конъюнктуры рынка и расширение текстильного производства в 1907 г. предопределили охлаждение фабрикантов к этой организации. Кризисные явления 1908 г. в московской промышленности оказались кратковременными. Только резкое ухудшение конъюнктуры в 1911 г. заставило фабрикантов вернуться к этой идее. В конце 1911 г. они стали добиваться легализации своей организации в форме общества фабрикантов красильно-аппретурного производства⁴⁶. В общество красильно-аппретурных фабрикантов вошли представители 32 предприятий с 8000 рабочих.

В сентябре 1913 г. это общество приняло решение об увеличении на 5% расценок за производимую работу. В декабре 1913 г. — январе 1914 г. в обществе оживленно обсуждался вопрос об организации синдиката красильно-аппретурных фабрикантов. Однако подготовленное соглашение так и не удалось реализовать. В годы первой мировой войны цены на красильно-аппретурные работы по-прежнему рассматривались и утверждались на совещаниях представителей красильно-аппретурных предприятий при обществе. Общество укрепило свои позиции. Это видно из того, что в 1917 г. в нем насчитывалось уже 49 предприятий с 13,8 тыс. рабочих⁴⁷.

*

* *

Состояние источников, к сожалению, не позволяет детально охарактеризовать те организационные формы, которые были созданы для осуществления картельных соглашений ситцевиков в промежутках между совеща-

⁴⁶ ГИАМО, ф. 64, оп. 1, д. 75, лл. 4—8.

⁴⁷ ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 29, лл. 33—40; «Коммерческий телеграф», 21 декабря 1913 г., 3 января 1914 г., 23 сентября 1915 г. и 23 февраля 1917 г.

ниями фабрикантов. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении материалы дают возможность сделать некоторые предположения и выводы.

Картель московских ситцевиков объединял первоначально шесть крупных ситценабивных предприятий (т-ва Коншина, Гюбнера, Цинделя, Куваевской, Прохоровской и Даниловской м-р). Тверская м-ра, участвуя в ряде соглашений о продаже ситца, долгое время была, видимо, теснее связана с группой морозовских предприятий. Только накануне войны это предприятие сблизилось с картелем московских ситцевиков. В 1908 г. на всех предприятиях сосредоточивалось 41,5 тыс. рабочих (около 8% всех рабочих в хлопчатобумажном производстве России), а сумма производства достигла 123 млн. рублей, что составляло около 14% суммы производства хлопчатобумажной промышленности, включая прядильные, ткацкие, ниточные и прочие предприятия. На объединившихся мануфактурах сосредоточивалась львиная доля общероссийского производства «московского» ситца ⁴⁸.

Собрания московских фабрикантов, на которых обсуждались условия продажи тканей на тот или иной сезон, происходили регулярно, не менее трех раз в год: в марте—начале апреля, в конце мая—начале июня и в октябре—ноябре каждого года. На первом из них определялись цены на предъярмарочный период торговли; на втором—цены для ярмарочной торговли, в связи с которой производились все продажи в Москве в июне—октябре. В октябре утверждались цены на послепярмарочный период, т. е. до весны следующего года. По требованию отдельных участников соглашения, в зависимости от конъюнктуры рынка, созывались «внеочередные» собрания. На собраниях окончательно определялись общая линия поведения и тактика единых действий, которые вырабатывались и согласовывались во время предварительных переговоров между руководителями заинтересованных предприятий.

⁴⁸ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 390, лл. 20, 48, 51; «Совет съездов представителей промышленности и торговли». Статистический ежегодник на 1914 г., под ред. В. И. Шарого. Спб., 1914, стр. 240; «Список фабрик и заводов Российской империи». Составлен по официальным сведениям отдела промышленности Министерства торговли и промышленности под ред. В. Е. Варзара. Спб., 1912, стр. 6, 13, 15, 17, 19, 30.

Соглашения ситцевиков о ценах распространялись на оптовую торговлю в Москве и Нижегородской ярмарке. Они прямо не касались торговли через собственные магазины, склады и отделения в различных районах страны. Переписка правления Тверской м-ры в 1911 г. с ташкентским отделением, например, свидетельствует об отсутствии каких-либо определенных соглашений между конкурентами об условиях торговли на местах⁴⁹.

Совещание ситцевых фабрикантов-«москвичей» имело центр, вокруг которого сосредоточивалась вся их совместная деятельность. Роль связующего звена здесь выполняло т-во Э. Циндель. Среди пайщиков этого т-ва мы видим Кнопов, Морозовых, Бардыгиных, Красильщиковых, Хлудовых и других крупных фабрикантов. В 1903 г. пай т-ва распределялись между 109 пайщиками, значительная часть которых владела собственными текстильными предприятиями. В 1913 г. число пайщиков увеличилось до 141 человека. Пайщиками товарищества стали Н. А. Второв, Н. Г. Бурылин, А. В. Бурышкин и др. Пост председателя правления в 1900 г. занимал И. К. Прове, один из служащих Кнопов, а в дальнейшем — сам А. Л. Кноп, глава известной династии хлопчатобумажных королей. Однако фактическим руководителем предприятия являлся А. Л. Керков⁵⁰. Дело в том, что Кноп и его группа не пользовались безраздельным влиянием в товариществе. Они могли проводить те или иные мероприятия лишь при поддержке большинства крупных пайщиков, среди которых существовали трения. Единолично распоряжаться в таком предприятии Кноп не имели возможности, но связующий центр для взаимовыгодных и согласованных действий ситцевиков (при условии самого незначительного расширения сферы деятельности правления и аппарата управления) получился вполне удовлетворявший целям и задачам фабрикантов.

Не случайно, что именно с 1900 г., когда происходят первые совещания московских мануфактуристов, начинают регулярно выходить информационные бюллетени т-ва Э. Циндель, в которых обстоятельно характеризо-

⁴⁹ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 11385, лл. 4—7.

⁵⁰ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 226, лл. 32—34; д. 325, лл. 32—35; д. 442, лл. 119—124; д. 1578, лл. 4—5.

валось состояние хлопкового рынка, рынка пряжи, суровых хлопчатобумажных тканей и, в особенности, готовых хлопчатобумажных тканей. В таких бюллетенях, рассылавшихся фабрикантам, нуждался складывавшийся картель ситцевиков.

Во всех этих бюллетенях совершенно очевидна тенденция популяризировать и проводить взгляды, отвечающие интересам и планам руководства ситцевого картеля. Бюллетени явно одобрительно оценивают деятельность фабрикантов, упорно отстаивавших повышение цен на ситец, резко осуждают нарушителей принятых соглашений. Бюллетени выступают против торговой практики, идущей вразрез с линией, проводимой картелем, позволяющей нарушать достигнутые фабрикантами соглашения.

Т-во Э. Циндель проявило инициативу в деле организации сбыта хлопчатобумажных тканей в Сибири. Еще в 1903 г. правление приняло решение о желательности постройки в г. Омске совместно с другими мануфактурными фирмами московских торговых рядов. Однако дело долгое время не сдвигалось с мертвой точки. Только в 1906 г., когда Н. А. Второв приобрел сибирское мануфактурное скупное дело Стахеева, положение изменилось. Окончательное решение о строительстве московских торговых рядов состоялось в 1907 г.⁵¹

Организаторская и координирующая деятельность т-ва Э. Циндель не ограничивалась рамками внутреннего рынка. Это предприятие выступало в 1900—1908 гг. инициатором объединения русских текстильных фабрикантов в деле экспорта тканей и возглавило созданное ими в 1908 г. экспортное объединение «Русский экспорт»⁵².

Являясь вдохновителями, инициаторами и организаторами многих совместных выступлений и солидарных действий московских ситцевиков, представители т-ва Э. Циндель не занимали в объединении безраздельно руководящего положения. Внутри картеля происходила ожесточенная борьба и наблюдалась непрерывная перегруппировка сил. На первых порах формальные орга-

⁵¹ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 389, л. 18; д. 325, лл. 9—11.

⁵² Об этом подробнее см. В. Я. Лаврычев. Процесс монополизации хлопчатобумажной промышленности России. «Вопросы истории», 1960, № 2, стр. 142—145.

низаторские функции (созыв собраний, переговоры о предстоящих соглашениях и т. п.) находились в Прохоровской м-ре, руководитель которой Н. И. Прохоров в 1904—1908 гг., по-видимому, являлся председателем собраний московских ситцевиков. В конце 1908—начале 1909 г. и формальное руководство картелем сосредоточилось у т-ва Э. Циндель. В октябре 1908 г. Н. И. Прохоров, несмотря на настоятельные требования руководителя т-ва Э. Циндель А. Л. Керкова, отказался созвать собрание. Тогда все московские фабриканты собрались в правлении т-ва Э. Циндель и установили новые цены для наступающего сезона⁵³. После этого, видимо, не без поддержки Н. А. Второва формальное руководство объединением на значительный срок сосредоточилось в руках А. Л. Керкова. Позиции т-ва Э. Циндель в картеле в предвоенные годы настолько окрепли, что А. Л. Керков в 1909—1910 гг. упорно отказывался принять цены, предлагавшиеся большинством конкурентов. Т-во Э. Циндель почти год торговало по пониженным ценам, расширяя операции за счет других ситцевиков и в конечном итоге навязало конкурентам свои цены⁵⁴.

Картель иваново-вознесенских ситцевиков в 1908 г. объединял не менее 12 ситцепечатных предприятий с 27,6 тыс. рабочих и суммой годового производства около 54 млн. руб. Кроме того, в соглашениях иваново-вознесенских ситцевиков участвовали родственные предприятия соседнего района (т-во Разореновых, например, и др.)⁵⁵.

Деятельность картеля иваново-вознесенских ситцевиков сосредоточивалась вокруг центра совершенно иного рода. Таким центром первоначально являлся Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур, «представительная» деятельность которого некоторое время вполне могла совмещаться с элементарной и даже весьма примитивной технической работой по обеспечению картельных соглашений. Хорошо информированный фабричный инспектор VI участка докладывал старшему

⁵³ ГАИО, ф. 108, оп. 1, дд. 935, 936, 1033, 1034, 1118, 1120, 1122.

⁵⁴ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1273, л. 1.

⁵⁵ «Список фабрик и заводов Российской империи». Спб., 1912, стр. 4—8; ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 665, л. 5.

фабричному инспектору Владимирской губернии 21 января 1910 г., что «синдикат» носит характер соглашения местных ситцевых фабрикантов. «Цены на товар у них устанавливаются путем общего соглашения, причем в верности договору отбирается у участников соглашения подписка. Собрания происходят обычно в Москве, иногда в Иваново-Вознесенске в торгово-промышленной школе»⁵⁶. Торгово-промышленная школа была построена и существовала на средства Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур. Начиная с 1904 г. в этой школе происходили все заседания комитета, который тщательно маскировал следы своей «синдикатской» деятельности⁵⁷.

Истину помогает установить переписка фабрикантов. В письме В. А. Гандурина к А. М. Гандурину от 12 июля 1912 г. прямо указывается: «На собрании фабрикантов (т. е. собственно Ком. Тор. и Мануфак. с представителями фабрик) сегодня решался вопрос о приступе к работе по организации утвержденного законом страхового т-ва». На этом же заседании далее оживленно обсуждался вопрос о прибавке к ценам на ситец. После достижения тех или иных соглашений все участники собрания подписывали протокол, отражавший принятые решения. О подписании протоколов имеются неоднократные упоминания в переписке фабрикантов⁵⁸. По всей видимости, протоколы хранились в комитете торговли и мануфактур у доверенного делопроизводителя, который вел записи на собраниях фабрикантов.

В 1908—1912 гг. комитет торговли и мануфактур выполнял также вспомогательную работу, в которой нуждались иваново-вознесенские монополисты. Он собирал статистические данные о сырье, топливе, производительности фабрик района по третям года. Обобщенные данные анкет рассылались для информации на предприятия⁵⁹. Однако это учреждение, объединявшее фабрикантов Иваново-Вознесенска и близлежащих районов, было малопригодно для решения сложных вопросов,

⁵⁶ ГАВО, ф. 266, оп. 18, д. 57, л. 4.

⁵⁷ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 827, л. 3; ф. 108, оп. 1, д. 233, л. 3; ф. 27, оп. 1, д. 7; д. 2, лл. 258, 282, 295.

⁵⁸ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 717, лл. 1, 369, 401.

⁵⁹ ГАИО, ф. 27, оп. 1, д. 145, л. 3; д. 146, л. 7; ф. 108, оп. 13, д. 1501, л. 297.

которые особенно часто возникали в момент наиболее сильного обострения кризисных явлений и конкурентной борьбы в текстильной промышленности. Поэтому в 1913 г. в Иваново-Вознесенске возникает местное общество фабрикантов и заводчиков, в которое вошли иваново-вознесенские ситцевики и отдельные, зависящие от них предприятия⁶⁰. Заседания совета общества и общие собрания происходили в помещении торговой школы. Протоколы официальных и засекреченных собраний фабрикантов готовил и оформлял юрисконсульт общества В. В. Рот, после Февральской революции получивший весьма сомнительную известность в качестве одного из лидеров союза объединенной промышленности⁶¹. Обсуждение всех вопросов о ценах на ситец, о сокращении производства на местных фабриках и т. п. в дальнейшем вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции происходит при этом обществе. Общество являлось не только «представительной» организацией, но и выполняло организационно-исполнительную работу для картеля иваново-вознесенских ситцевиков⁶².

Таким образом, с самого начала XX в. крупнейшие хлопчатобумажные предприятия России, выпускавшие готовые ткани, были связаны периодически возобновлявшимися монополистическими соглашениями. Решающая роль в этих монополистических союзах принадлежала крупным комбинированным предприятиям. При этом монополистические объединения Центрального района, несмотря на конкурентную борьбу, действовали в тесном контакте. Монополисты полностью контролировали рынок. Однако все их союзы имели специализированный характер. Поэтому, в силу дробности специализации, даже самые крупные монополистические соглашения на завершающей стадии цикла хлопчатобумажного производства охватывали лишь сравнительно незначительное количество родственных предприятий. Более крупные монополистические союзы, способные контролировать всю хлопчатобумажную промышлен-

⁶⁰ ГАВО, ф. 14, оп. 4, д. 3919.

⁶¹ ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 17, л. 15; д. 15, л. 48.

⁶² См. В. Я. Лаврычев. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917 г.). Изд-во МГУ, 1957, стр. 12—13.

ность, могли сложиться лишь на базе прядильного производства, ибо здесь изготовлялся полупродукт для всех специализированных предприятий.

§ 2. Монополистические объединения и соглашения в прядильно-ткацком производстве хлопчатобумажной промышленности

Кризис 1900—1903 гг. оставил глубокие следы в прядильном производстве — начальном этапе изготовления хлопчатобумажных тканей. Здесь также появились первые монополистические соглашения фабрикантов.

Пионерами опять-таки являлись лодзинские фабриканты. В самом начале 1901 г. они заключили соглашение о сокращении производства и нормировке цен на различные номера пряжи. Более того, они предложили московским и петербургским прядильным фабрикантам совместно обсудить вопрос об урегулировании бумагопрядильной промышленности ввиду испытываемого ею стесненного положения.

В 1902 г. соглашение лодзинских прядильщиков возобновилось. 18 апреля 1902 г. на заседании представителей 16 крупнейших бумагопрядилен Лодзинского района фабриканты детально определили условия продажи бумажной пряжи и избрали двух доверенных лиц, которым поручалось созывать, в случае необходимости, собрания предпринимателей, получать от каждого фабриканта в конце недели статистические сведения о производстве и наличных запасах пряжи. Фабриканты условились также довести до сведения покупателей порядок продажи пряжи и способ уравнивания счетов. Туманные намеки об уравнивании счетов в конце месяца свидетельствуют о том, что в этой организации картельного типа имелись тенденции к ограничению коммерческой самостоятельности отдельных участников соглашения. Объединительные тенденции в лодзинской бумагопрядильной промышленности не ограничились созданием картеля. Они получили дальнейшее развитие. В сентябре 1904 г. представители лодзинских предпринимателей обратились к московским и петербургским бумагопрядильщикам с предложением об организации экспорта пряжи за границу через общероссийское экспортное объединение. Они надеялись таким путем улуч-

шить состояние внутреннего рынка. Однако фабриканты других районов отнеслись к проекту отрицательно⁶³.

В 1907 г., после неудачной попытки создания хлопчатобумажного треста, Deutsche Bank не отказался от попыток объединения патронируемых предприятий. Тип предполагаемой организации был изменен, а рамки ее расширены. Организовался экспортный союз, в который вошли все крупнейшие предприятия, вырабатывавшие бумажную пряжу. Формальная цель союза — организация вывоза хлопчатобумажной пряжи за границу, — по данным газеты «Голос Москвы», служила прикрытием «другой цели — монополизации производства пряжи и диктования цен на пряжу на лодзинском рынке». Характеризуя далее деятельность экспортного союза, та же газета сообщала, что он «произвольно понижает и повышает цены и производит только такое количество пряжи, которое отвечает его интересам, в результате чего на лодзинском рынке постоянно ощущается недостаток пряжи и цены на нее стоят очень высоко. Чтобы поддержать эти цены на достаточной высоте, фабрики, принадлежащие к экспортному союзу, умышленно сократили у себя количество рабочих дней в неделю»⁶⁴.

Таким образом, перед нами монополистическое объединение, по типу своему приближающееся к синдикату. Значение этого объединения выходило далеко за рамки прядильного производства. Дело в том, что крупнейшие предприятия, вошедшие в союз, имели завершающую стадию хлопчатобумажного производства. Самостоятельные ткацко-отделочные предприятия находились в полной зависимости от союза, господствовавшего на лодзинском рынке хлопчатобумажной пряжи. Союз фактически предопределял рыночные цены на готовые хлопчатобумажные ткани.

Союз оказался недолговечным. Улучшение конъюнктуры рынка в 1910 г.—начале 1911 г., видимо, привело к его распаду. Только тяжелые последствия кризисных явлений в 1912 г. заставили прядильных фабрикантов Лодзинского района поднять вопрос о возобновлении существовавшей здесь организации. После длительных переговоров в апреле 1913 г. состоялось совещание заин-

⁶³ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 744, лл. 1, 185; «Протокол заседания прядильщиков от 18 апреля (1 мая) 1902 г.», б/м, б/д.

⁶⁴ «Голос Москвы», 23 июня 1909 г.

тересованных фирм. Фабриканты разработали устав товарищества и установили размер взноса, являвшегося материальной гарантией солидарности объединяющихся предприятий⁶⁵.

Первое известное нам совещание петербургских прядильных фабрикантов по вопросу о положении рынка состоялось в феврале 1901 г. На совещании обсуждалось предложение лодзинских фабрикантов об урегулировании бумагопрядильной промышленности. Совещание пришло к выводу, что соглашение о ценах для петербургских фабрикантов невозможно, так как продукция прядильных фабрик поступает на московский рынок, где имеются свои бумагопрядильные фабрики. При этом совещание признало, что «соглашение же с Москвою представляется затруднительным и маловероятным». Как явствует из журнала заседания, единства среди петербургских фабрикантов не было. «Выяснилось также, — фиксируется журналом, — и различное отношение к вопросу собственно бумагопрядильных мануфактур, работающих на рынок, и таких, которые перерабатывают сами свою пряжу». Петербургские фабриканты признали, что они еще не могут прийти к определенному заключению по вопросам, поставленным лодзинскими фабрикантами. Они отвергли предложение лодзинских фабрикантов об общероссийском соглашении по вопросу о ценах на пряжу и сокращении производства.

Усилия петербургских фабрикантов сосредоточивались на иных направлениях. Они стремились, добиваясь удешевления хлопка, смягчить последствия спекуляции на мировом рынке.

На совещании 16 мая 1901 г. они наметили ряд других мер, которые, на их взгляд, могли ослабить кризисные явления в текстильной промышленности. В первую очередь они выдвинули предложения об обязательном прекращении ночных работ на всех фабриках, о понижении пошлин на хлопок до прежнего размера и о понижении тарифа при перевозке пряжи из Петербурга. Но в ходе детального обсуждения этих вопросов вновь выяснилось отсутствие единства среди петербургских фабрикантов. Против предложения об обязательном

⁶⁵ «Коммерсант», 21 июля 1912 г. и 23 апреля 1913 г.

прекращении ночных работ выступили фабриканты Воронин, Чешер, Паль, Брандт. Собрание отложило рассмотрение этого вопроса и после не возвращалось к его обсуждению. Такое же решение состоялось и по вопросу о понижении пошлин на хлопок⁶⁶

В 1902—1903 гг. обсуждение сырьевой проблемы происходило уже в несколько ином аспекте. Петербургские фабриканты особенно оживленно дебатировали по законопроекту о повышении железнодорожного тарифа на хлопок. Взамен увеличения железнодорожного тарифа они требовали ввести одинаковое для всех промышленных центров обложение среднеазиатского хлопка (по типу акцизного сбора). Одновременно с этим они снова настаивали на понижении пошлин на хлопок на 1 руб. с пуда. Последнее требование в принципе поддерживали как московские, так и лодзинские фабриканты. Усилия фабрикантов не увенчались успехом. Хотя единый сбор с отечественного хлопка (в размере 50 коп. с пуда) был введен, пошлина на хлопок осталась на прежнем уровне⁶⁷.

Таким образом, в течение 1901—1902 гг. регулярно происходили совещания хлопчатобумажных фабрикантов Петербургского района. Опорным пунктом этих совещаний являлось местное общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности. Хотя на этих совещаниях и не принималось решений о сокращении производства, о ценах и т. п., но уже сам факт обсуждения этих вопросов, казалось бы, не имевших никакого отношения к компетенции подобной организации, не может не привлечь внимания. Неудачи этих совещаний определялись наличием противоречивых интересов предприятий, работавших непосредственно на рынок и поставлявших пряжу в Московский район. Кроме того, в особом положении находилась группа предприятий ниточного треста, продукция которых имела более обширные рынки сбыта.

Бурные революционные события 1905 г., неуклонное нарастание стачечной борьбы петербургского пролетариата, настойчиво требовавшего повышения заработной платы и сокращения рабочего времени, ускорили орга-

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 755, лл. 1, 3, 5, 66, 35.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 8, лл. 99—101; д. 755, лл. 63, 66, 69, 70, 89, 90, 93, 94, 103, 147, 148.

низационное оформление союза петербургских хлопчатобумажных фабрикантов. Совещания прядильных фабрикантов в эти годы все больше приобретают черты антирабочего союза. Однако объединение выполняло и некоторые другие функции.

5 сентября 1906 г. был утвержден устав общества заводчиков и фабрикантов Петербургского района. Организация капиталистов, действовавшая ранее под флагом общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, теперь окончательно легализовалась. В § 65 устава определялись цели и задачи отделов, занимавших в обществе несколько особое положение: «Ближайшей целью учреждения отдела является развитие и защита интересов данной отрасли промышленности, исследование и улучшение условий труда и производства, а также изучение условий сбыта производства данной промышленности». Текстильные фабриканты незамедлительно использовали этот параграф устава, организовав специальный отдел. О специфических задачах отдела свидетельствует заявление представителя Кренгольмской м-ры на первом его организационном заседании 21 февраля 1907 г. Он сообщил о намерении владельцев этого крупнейшего предприятия вступить лишь в число членов общества и пока воздержаться от присоединения к отделу. Приблизительно в том же духе высказались представители Нарвской суконной и Нарвской льнопрядильной м-р⁶⁸.

Уже в марте 1907 г. в отдел входило 17 текстильных предприятий Петербургского района. Значительное место в деятельности отдела занимала сырьевая проблема. В начале 1907 г. отдел разработал, обсудил и утвердил, а затем разослал фабрикантам проект единого контракта на покупку хлопка. Фабриканты вместе с тем обсуждали в отделе вопрос о страховании хлопка и об участии в предприятиях по развитию хлопководства в России⁶⁹. При этом попытки солидарных выступлений по ответственным вопросам промышленной жизни часто терпели крах из-за внутренних разногласий. Так, на заседании отдела 23 ноября 1907 г. группа представителей предприятий, принадлежавших англичанам (Бирс, Говард,

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 69, лл. 3, 23, 95.

⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 69, лл. 81, 96, 173, 175, 321; д. 70, лл. 105, 123, 124.

Карр), высказались против участия в организуемой московскими фабрикантами экспедиции для изучения возможностей развития хлопководства в Средней Азии⁷⁰.

Отдел занимался также сбором статистических сведений, о состоянии прядильно-ткацкого производства хлопчатобумажной промышленности Петербургского района⁷¹. Функции, казалось бы, не свойственные антирабочим союзам, проявлялись и в некоторых других мероприятиях отдела.

Отдел вошел в международную федерацию прядильно-ткацких фабрикантов. Петербургские фабриканты признали делегата московских предпринимателей в исполнительном комитете федерации (Н. Д. Морозова) своим представителем. Однако, согласившись участвовать в федерации, отдел не проявил особого интереса к работе этой международной организации⁷². Отдел по-прежнему выполнял также функции, присущие «представительным» организациям предпринимателей, стремившимся направлять экономическую политику правительства в соответствии с интересами определенных групп капиталистов. Защита интересов буржуазии такими организациями осуществлялась по преимуществу путем ходатайств, докладных записок и представительства в совещательных органах, временных совещаниях и комиссиях при ведомствах, занимавшихся различными вопросами экономики. Принципиальная позиция «представительной» организации по тем или иным вопросам экономической политики предварительно обсуждалась на заседаниях или общих собраниях капиталистов. Как мы видели, деятельность подобного рода с самого начала была присуща группе петербургских текстильных фабрикантов. Она продолжалась и в текстильном отделе.

*

* *

Хлопчатобумажные фабриканты Московского района вопросы состояния прядильного производства первоначально обсуждали на специальных совещаниях, созывавшихся, видимо, при Московском биржевом ко-

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 147, л. 118.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 69, л. 241.

⁷² ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 758, лл. 1, 85—86, 105—106.

митете. Первые специализированные организации прядельных фабрикантов возникли сравнительно поздно. Это, видимо, объясняется тем, что крупнейшие прядельные фабрики являлись частями комбинированных предприятий или принадлежали фабрикантам, контролировавшим другие, ситцепечатные или красильно-отбельные, предприятия. Более или менее устойчивые монополистические соглашения в хлопчатобумажной промышленности Центра России вплоть до 1913 г. возникали лишь на заключительной стадии цикла хлопчатобумажного производства.

Переписка иваново-вознесенских фабрикантов свидетельствует о том, что в конце XIX—начале XX в. решающая роль на рынке пряжи принадлежала торговому дому Л. Кнопа, владевшему крупнейшей в России Кренгольмской м-рой и рядом других значительных прядельных предприятий. По существу Кнопы определяли рыночные цены на пряжу. Однако после революции 1905—1907 гг. серьезным соперником Кнопов становится Большая Ярославская мануфактура, поддерживавшаяся Бардыгиным, Рябушинскими и другими крупными фабрикантами, стремившимися подорвать позиции Кнопов в прядельном производстве⁷³.

Первая организация московских прядельных фабрикантов оформилась под влиянием кризисных явлений в хлопчатобумажной промышленности в 1908 г. 30 января 1909 г. под председательством А. Л. Кнопа на Московской бирже состоялось совещание представителей прядельно-ткацких предприятий хлопчатобумажной промышленности. Совещание приняло решение об учреждении при Московском биржевом комитете особого прядельно-ткацкого комитета якобы в целях «рассмотрения всех вопросов, касающихся этой отрасли промышленности, а также и в тех видах, чтобы русская прядельно-ткацкая промышленность могла иметь представительство в международной федерации ассоциаций бумагопрядельных и ткацких фабрикантов»⁷⁴. Однако в бюллетенях т-ва Э. Циндель, председателем правления которого состоял тот же А. Л. Кноп, создание этого органа рассматривалось как почин в деле картелизации

⁷³ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 653, л. 193; ф. 101, оп. 1, д. 353, л. 2.

⁷⁴ ГИАМО, ф. 143, оп. 2, д. 153, л. 5.

отдельных отраслей хлопчатобумажной промышленности⁷⁵.

В прядильно-ткацкий комитет вошли представители крупнейших предприятий Центрального промышленного района (П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов, Н. Д. Морозов и др.). Председателем комитета стал Н. Д. Морозов, владелец Богородско-Глуховской м-ры, контролируемой в это время Кнопами, но по всем своим связям и симпатиям ближе стоявший к группе Рябушинских — Коновалова. Товарищем председателя был избран Р. И. Прове — креатура Кнопов. Первоначально комитет объединял 37 прядильных предприятий Центра, а к январю 1911 г. — уже 47⁷⁶.

Сразу же после своего образования прядильно-ткацкий комитет направил представителя на очередной (шестой) международный конгресс прядильных и ткацких фабрикантов в Милане. На следующих конгрессах международной ассоциации представители прядильно-ткацкой промышленности Центрального района присутствовали уже в более широком составе. Комитет собирал и направлял в секретариат исполкома ассоциации членские взносы и статистические данные о прядильно-ткацкой промышленности района. По существу деятельность комитета ограничивалась этими несложными обязанностями. Что касается решения конкретных вопросов, присущих картельным соглашениям, то эта сторона дела так и не получила развития. Так, 26 января 1910 г. комитет отказался обсуждать вопрос о сокращении производства на прядильно-ткацких фабриках, признав, что обсуждение подобных дел не входит в его компетенцию⁷⁷. По всей видимости, отказ от решения таких вопросов был обусловлен отсутствием единства среди фабрикантов. Еще в первые месяцы существования комитета принятые им решения непрерывно нарушались.

Первое время комитет проявлял некоторую активность при обсуждении второстепенных вопросов, часть которых передавалась на его рассмотрение из Москов-

⁷⁵ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 74, л. 461.

⁷⁶ «Московский биржевой комитет. Отчет о деятельности комитета за 1910 г.». М., 1911, стр. 24; ГИАМО, ф. 143, оп. 2, д. 154, л. 44.

⁷⁷ ГИАМО, ф. 143, оп. 2, д. 153, л. 122.

ского биржевого комитета. Длительное время, например, на заседаниях комитета совершенно бесплодно обсуждались правила регламентации торговли хлопчатобумажной пряжей и тканями ⁷⁸.

Вскоре деятельность комитета полностью парализовалась. Если в 1910 г. комитет собирался семь раз, то в 1912—1913 гг. комитет так ни разу и не собирался ⁷⁹.

Основная причина неудачи коренилась в том, что представителям крупнейших прядильных предприятий не удавалось достигнуть удовлетворявшего их соглашения. На рынке в это время обострилась борьба между двумя основными группировками прядильных фабрикантов. С одной стороны, выступали предприятия, контролируемые торговым домом Кнопа, опиравшимся в этой борьбе на Кренгольмскую м-ру. С другой стороны, «молодые» московские фабриканты во главе с Рябушинскими, поддерживавшие Ярославскую Большую м-ру, стремились подорвать позиции Кнопов и занять ведущее место на рынке пряжи ⁸⁰. Безусловно, эта борьба и парализовала деятельность прядильно-ткацкого комитета. В его рамках ни та, ни другая группировка не смогла добиться явного преобладания, чтобы обеспечить свое решающее влияние на направление деятельности этого органа. Поэтому обсуждение вопросов о ценах на пряжу еще в 1910—1911 гг. производилось на частных совещаниях, собиравшихся то одной, то другой группой.

Усиление кризисных явлений в хлопчатобумажной промышленности в 1912—1913 гг. способствовало обострению конкурентной борьбы среди московских бумагопрядильщиков. Так, в июле 1912 г. Большая Ярославская м-ра и другие предприятия Центрального района не удовлетворились ценой, назначенной Кнопами, и объявили более высокие цены ⁸¹. В свою очередь обострение конкуренции увеличило тяготение фабрикантов к созданию монополистических объединений, способных,

⁷⁸ ГИАМО, ф. 143, оп. 2, д. 153, лл. 123—124, 136—139, 144—147.

⁷⁹ «Московский биржевой комитет. Отчет о деятельности Московского биржевого комитета за 1912 г.». М., 1913, стр. 32; «Московский биржевой комитет. Отчет о деятельности Московского биржевого комитета за 1913 г.». М., 1914, стр. 19.

⁸⁰ «Вестник мануфактурной промышленности», 1910/11 г., № 15/3, стр. 739.

⁸¹ «Коммерсант», 12 и 16 июля 1912 г.

по их мнению, оздоровить рынок. В бюллетене т-ва Э. Циндель за декабрь 1912—март 1913 г. сообщалось о том, что впервые состоялось собрание прядильных фабрикантов, имевшее целью нормировать производство. На этом совещании фабриканты, располагавшие в общей сложности около 2¹/₂ млн. прядильных веретен, договорились о сокращении производства пряжи путем увеличения в 1913 г. обычного пасхального перерыва на 6 дней⁸².

Именно в это время начинается организация общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. В отчете о деятельности общества сообщалось, что начало организации весной 1913 г. положил П. П. Рябушинский при ближайшем участии И. Н. Дербенева, Н. Д. Морозова, А. И. Кузнецова, И. К. Полякова, И. И. Попова⁸³. В частности, этот вопрос обсуждался на собрании крупных фабрикантов 1 апреля 1913 г. в доме П. П. Рябушинского. Здесь наряду с организаторами общества присутствовали Н. А. Второв, А. И. Коновалов, В. А. Балин и другие фабриканты. И. К. Коновалов, характеризуя это собрание в своем дневнике, отмечал определенно «синдикатские» желания части собравшихся. Из записей дневника также явствует, что участники совещания «синдикату» в узком смысле предпочли так называемое «профессиональное» объединение⁸⁴. Последнее привлекало фабрикантов тем, что, обеспечивая возможность конкретных соглашений и солидарные выступления, не ограничивало коммерческой самостоятельности отдельных предприятий.

Организационный период длился до 30 октября 1913 г., когда состоялось первое общее собрание членов общества. В течение этого периода борьба между группой Кнопа и группой Рябушинского продолжалась. Кнопы делают попытку перехватить инициативу. 31 июня у них на квартире состоялось совещание бумагопрядильщиков, созванное по их предложению для выяснения состояния рынка. На этом совещании, видимо, все фирмы пришли к соглашению о сохранении на вторую половину 1913 г. прежних пониженных цен⁸⁵. Тем не

⁸² ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 179—180.

⁸³ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1500, лл. 1—2.

⁸⁴ ГАИО, ф. 636, оп. 1, д. 9, л. 169.

⁸⁵ «Утро России», 2, 3 и 8 августа 1913 г.

менее первое собрание общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности состоялось на квартире П. П. Рябушинского, избранного председателем совета. В совет общества вошли А. И. Коновалов, Н. А. Второв, Н. И. Прохоров и другие крупнейшие капиталисты—владельцы бумагопрядильных фабрик. Кнопы также приняли активное участие в деятельности общества. А. Л. Кноп являлся учредителем общества и стал одним из товарищей председателя совета⁸⁶. Трения группировки Кнопа—Второва с группой Рябушинского—Коновалова—Бардыгина оказались не настолько сильными, чтобы первые могли совершенно отказаться от участия в новом объединении, хотя позиции их были слабее позиций доминирующей в обществе группы, опиравшейся на Московский банк. Первоначально в общество вошло 47 предприятий, на которых насчитывалось 3 850 356 веретен и 61 192 ткацких станка. В красильных, печатных и отделочных отделениях предприятий, входивших в общество, было занято более 37 тыс. рабочих. Большая часть предприятий, входивших в прядильно-ткацкий комитет, сразу же вступила в общество⁸⁷.

Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности являлось прежде всего объединением крупнейших прядильно-ткацких фабрикантов. Однако в общество входили участники картельных соглашений московских и иваново-вознесенских ситцевиков. После организации общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности на собраниях прядильных фабрикантов при обсуждении цен на пряжу присутствовали представители крупных ситцепечатных фабрик⁸⁸.

Совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности на одном из первых заседаний решил соблюдать преемственность в работе с прядильно-ткацким комитетом Московской биржи и войти в международную федерацию прядильных и ткацких фабрикантов⁸⁹.

⁸⁶ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, л. 27; «Голос Москвы», 7 июня 1913 г.

⁸⁷ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1499, лл. 1—2; ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 15, л. 1; ф. 143, оп. 2, д. 110, л. 319.

⁸⁸ «Коммерсант», 14 и 19 апреля 1914 г.

⁸⁹ «Утро России», 19 мая 1914 г.; ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 219а, лл. 60—61.

§ 1 устава общества гласил: «Общество сие учреждается для выяснения и обсуждения вопросов, касающихся прядильной, ткацкой, отбельной, красильной и набивной отраслей промышленности, для разработки и принятия мер, клонящихся к ее преуспеянию, а равно для представительства в случае надобности интересов названной промышленности». Нарочитая туманность характерна и для § 4, в котором детально рассматривались цели и задачи общества. Большая часть пунктов этого параграфа посвящалась детализации «представительных» функций. Пункт 4 касался урегулирования отношений между хозяевами предприятий и рабочими. И только в пункте 3 в самой общей форме говорилось об «улучшении условий производства и сбыта вырабатываемых фабрикатов»⁹⁰.

«Представительные» функции общества подчеркивались в другом официальном документе — отчете общества о его деятельности с 30 октября 1913 г. по 1 января 1915 г. Уже на первой странице отчета общество безоговорочно характеризуется как «представительная» организация⁹¹. В самом отчете также преобладает материал, отражающий именно эту сторону деятельности общества. Действительно, «представительные» функции занимали довольно большой удельный вес в повседневной практической работе совета общества и комиссий. Общество подготовило, например, обширную докладную записку по вопросу о необходимости изменения действующего таможенного тарифа в сторону его повышения по целому ряду хлопчатобумажных тканей⁹².

В официальных материалах только мимоходом упоминаются факты, свидетельствующие о других, тщательно скрываемых сторонах деятельности общества. Однако именно эти факты представляют для нас большой интерес. Согласно § 8 устава от фабриканта, желающего вступить в общество, требовалась подача заявления

⁹⁰ «Устав общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности». М., 1915, стр. 3, 5—7.

⁹¹ «Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Отчет о деятельности общества с 30 октября 1913 г. по 1 января 1915 г.». М., 1915, стр. 1.

⁹² Там же, стр. 50—85.

в совет и избрание на общем собрании⁹³. Если эта обычная «представительная» организация, то законно возникает вопрос: зачем ограничивать приток в общество новых членов? В «представительных» организациях нет нужды отсекаать какие-либо предприятия. Наоборот, приток их желателен независимо от принадлежности к тем или иным конкурирующим группировкам. Авторитет «представительной» организации, защищающей общие интересы всех предпринимателей, повышается по мере увеличения числа ее членов. Такой пункт понятен и обоснован лишь в том случае, если учредители хотели гарантировать создаваемую организацию от проникновения конкурентов, способных взорвать ее изнутри.

Если прядельно-ткацкий комитет в ответ на предложение международной федерации о сокращении производства заявлял, что обсуждение подобных вопросов вне сферы его компетенции, то совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности поступал иным образом. Подобное же предложение английских прядельщиков обстоятельно обсуждалось на заседании совета общества 4 июля 1914 г. Решение совета также свидетельствует о том, что он считал себя вполне правомочным рассматривать подобные вопросы. Совет отклонил предложение английских фабрикантов, мотивировав свое решение сокращением производства в результате удлинения пасхального перерыва и усиления стачечной борьбы российского пролетариата летом 1914 г.⁹⁴

Характерно также и то, что после создания общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности Ярославская м-ра начинает диктовать цены на пряжу. Так, уже 1 декабря 1913 г. (всего месяц спустя после организации общества) в газете «Утро России» сообщалось о повышении цен на пряжу. Цены, объявленные Кнопами, теперь соответствовали ценам Ярославской м-ры, т-ва П. Малютина и других прядельных предприятий, объединенных Рябушинскими⁹⁵.

⁹³ «Устав общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности», стр. 7.

⁹⁴ «Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Отчет о деятельности общества с 30 октября 1913 г. по 1 января 1915 г.», стр. 9—10.

⁹⁵ «Коммерсант», 19 и 21 апреля 1914 г.

Серьезное внимание совет общества обращал на организацию общероссийской статистики хлопчатобумажного производства. Управление делами общества разработало ряд анкет, рассылавшихся хлопчатобумажным предприятиям. Однако эта попытка не увенчалась успехом вследствие отказа фабрикантов Лодзинского и Петербургского районов представить необходимые сведения⁹⁶.

В заключение следует отметить, что руководители общества внимательно изучали опыт зарубежных монополистических организаций. С этой целью перед войной в Англию был командирован секретарь совета общества А. Я. Бобков. В своем отчете совету он особо выделял и подчеркивал особенности монополистических объединений английских хлопчатобумажных фабрикантов и их формы. А. Я. Бобков отмечал, что «английские фабриканты хлопчатобумажной промышленности достигли очень высокой степени организованности по специальностям, или, применяя к этому случаю терминологию политической экономии, в «горизонтальном» направлении. Что же касается объединения фабрикантов различных специальностей, или так называемого «вертикального» объединения, то в этом отношении англичане безусловно отстают от многих других стран»⁹⁷. Однако использовать опыт английских монополий в нормальных условиях не удалось. Началась первая мировая война, в результате которой для крупных монополистических объединений сложились особые условия.

Как мы видим, устойчивые монополистические объединения на базе прядильного производства возникли лишь перед первой мировой войной. Крупнейшим из них являлось общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. По своему удельному весу в хлопчатобумажном производстве оно значительно превосходило важнейшие специализированные картельные соглашения. Однако в руководящую верхушку общества входили все те же владельцы комбинированных пред-

⁹⁶ ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 17, л. 4; ф. 341, оп. 5, д. 484, лл. 3—4, 15—16, 23, 25; «Коммерческий телеграф», 30 апреля 1914 г.

⁹⁷ «Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Отчет о деятельности общества с 30 октября 1913 г. по 1 января 1915 г.», стр. 142.

приятый, успевшие монополизировать сбыт тканей через специализированные объединения и теперь рассчитывавшие укрепить свои позиции благодаря монополизации рынка пряжи.

§ 3. Монополистические союзы в суконной, льняной, джутовой и шелковой промышленности

Первые упоминания о монополистических соглашениях в суконной промышленности относятся к концу XIX в.

Особенность рынка суконной промышленности заключалась в том, что значительная часть ее продукции поставлялась в казну — военному, морскому, тюремному и другим ведомствам. Суконные фабрики с давних времен ежегодно изготовляли ткани установленных образцов и сдавали их в определенном порядке хозяйственным отделам различных ведомств. Наибольшее количество сукна поставлялось главному интендантскому управлению, которое приобретало его на специальных торгах. Закупка тканей через торги создавала условия для предварительных соглашений сравнительно немногочисленных поставщиков с целью повышения запродажных цен. Именно здесь встречаются первые, весьма своеобразные, монополистические соглашения в шерстяной промышленности.

Еще до революции 1905—1907 гг. происходили обеды суконщиков в ресторане «Эрмитаж», во время которых, видимо, вырабатывались определенные общие условия поставок тканей интендантству и продажи их на рынке⁹⁸. В показаниях ревизии сенатора Гарина, обследовавшего деятельность учреждений ГИУ, директор Купавинской м-ры И. И. Кузнецов 7 марта 1909 г. заявил: «Много лет уже фабриканты, поставляющие в интендантство сукно, распределяют между собой пропорционально производительности фабрик требуемое к поставке сукно. В то же время ими и устанавливается общая для всех цена на товар». Более того, сдачу сукна в московское интендантство от 18 крупнейших суконных предприятий Московского и Симбирского районов ряд лет производило одно и то же лицо⁹⁹.

⁹⁸ «Коммерсант», 3 ноября 1909 г.

⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 935, оп. 1, д. 69, лл. 19—20; д. 70, лл. 33, 175.

Первые сведения о более прочных локальных объединениях фабрикантов грубых сукон появились в периодической печати в середине 1908 г. «Фабриканты сукон Симбирской и Пензенской губерний, — сообщалось в газете «Голос Москвы» 5 июня, — для объединения своих интересов, выработки мер к удовлетворению своих нужд, представительства в правительственных и общественных учреждениях организуют общество». В своих показаниях ревизии сенатора Гарина фабрикант А. Д. Протопопов 4—7 октября 1909 г. признавал, что союз фабрикантов Симбирского района был учрежден «для взаимной помощи при покупке шерсти». Далее он добавлял: «Это — главная цель, так как шерсть приходилось покупать очень далеко и командировать, например, в Китай хороших доверенных ради нескольких партий невыгодно». Однако общие закупки шерсти так и не удалось наладить¹⁰⁰. Из заключения по материалам ревизии сенатора Гарина видно, что союз развернул деятельность и добился существенных успехов в другом направлении. По данным ревизии, союз учредил «особое представительство с однообразным в его распоряжение отчислением из кассы союза для уплаты должностным лицам денег через уполномоченных на это лиц». Сдача товара в интендантские склады производилась общим поверенным. Совместными усилиями объединенных фабрикантов и военных чиновников приемной интендантской комиссии взяточничество было поставлено на широкую ногу. Казначей союза выплачивал взятки даже в «кредит», в счет будущих поставок. Организованное коллективное взяточничество имело смысл лишь при наличии соглашения по вопросу об общих ценах и качестве поставляемого товара. В материалах ревизии приводятся соответствующие сведения о том, что из себя представляли подобные соглашения. «Гораздо чаще налицо первая комбинация, представляющая собой предторговое соглашение или стачку лиц, которые заранее распределяют между собой доли подряда, определяют цены торга и принимают различные меры к устранению конкуренции»¹⁰¹.

¹⁰⁰ ЦГИАЛ, ф. 1393, оп. 2, д. 35, л. 18.

¹⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 1393, оп. 2, д. 455, лл. 21, 47, 70; ф. 935, оп. 1, д. 69, лл. 19—20; д. 92, лл. 5—6, 18, 20.

Взятки достигали огромных размеров. Тамбовские фабриканты в виде взяток ежегодно выплачивали около 200 тыс. руб., симбирские — около 250 тыс. руб. Только один капитан Зорин — председатель симбирской приемной комиссии — получил взятку на сумму не менее 100 тыс. руб. Тем не менее, эти значительные для фабрикантов накладные расходы вполне себя окупали. Дело в том, что в интендантство поставлялись ткани крайне низкого качества¹⁰².

Реальные результаты деятельности тайного союза налицо. Что бы ни говорили фабриканты, а союз являлся не столько закупочной организацией, сколько монополистическим объединением по сбыту недоброкачественных тканей различным ведомствам.

Нам не удалось обнаружить данных о существовании союза симбирских фабрикантов после 1910 г. Дело в том, что в связи с ревизией сведения о массовом взяточничестве интендантских чиновников, систематически подкупавшихся организацией фабрикантов, стали просачиваться в буржуазную периодическую печать. Ревизия обнаружила злоупотребления уголовного характера, что угрожало неприятностями фабрикантам и их союзу. Хотя в конечном итоге вопрос о коррупции в интендантстве, во избежание скандальных процессов, был разрешен келейно, суконные фабриканты имели все основания для того, чтобы тщательнее скрывать возможные соглашения о поставках сукон в интендантство.

Вместе с тем тенденции к объединению усиливались. Все настоятельнее ощущалась необходимость в «легальных» организациях, действующих совершенно открыто. Некоторые вопросы, чрезвычайно важные для фабрикантов суконной промышленности, все настоятельнее требовали от них коллективных и организованных действий (торговля шерстью, железнодорожные тарифы на перевозку шерсти и шерстяных тканей, поставка сукон в интендантство и др.). По инициативе фабрикантов Н. Т. Каштанова, В. А. Лыжина, В. Д. Хутарева был разработан проект устава Всероссийского общества фабрикантов суконной промышленности. Проект одобрила особая комиссия фабрикантов. Учредительное собрание общества состоялось 15 ноября 1910 г. К 15 фев-

¹⁰² ЦГИАЛ, ф. 1393, оп. 2, д. 455, лл. 47, 70—84.

раля 1911 г. общество объединило 26 крупных суконных фабрик Московского и Симбирского районов. Председателем совета стал Н. Т. Каштанов, сотрудничавший с Н. А. Второвым. В состав совета вошли Г. И. Алафузов, А. А. Досужев, В. А. Лыжин, А. Д. Протопопов и Л. Д. Хутарев¹⁰³.

Цели общества были сформулированы в самых общих выражениях: развитие, ограждение, защита и представительство интересов фабрикантов суконной промышленности¹⁰⁴. В периодической печати создание общества прямо связывалось с ревизией сенатора Гарина. Интендантские заказы, безусловно, занимали большое место в планах деятельности нового объединения. Однако газеты явно преувеличивали роль этого фактора, не учитывая других причин, которые требовали более прочного и мощного объединения суконных фабрикантов.

К 1913 г. объединение суконных фабрикантов выходит за рамки локального и приобретает общероссийское значение. Перед первой мировой войной общество объединяло уже почти все суконные предприятия страны¹⁰⁵.

В практической деятельности общества органически переплетались функции, присущие как «представительным» организациям капиталистов, так и их монополистическим объединениям. Первые проявлялись более отчетливо. Они, в особенности до войны, были более развиты. Кроме того, именно эти функции лучше освещались в материалах официальных отчетов, в периодической печати и других источниках.

Значительное место в работе общества фабрикантов суконной промышленности занимали вопросы снабжения сырьем. Так, 22 августа общество ходатайствовало о понижении таможенного тарифа на грязную тонкую шерсть, так как цена мытой шерсти, ввоз которой из-за границы преобладал, была чрезмерно высокой. Что касается грубой шерсти, то общество стремилось добиться ограничений ее вывоза из России. Особенно сильно это стремление проявилось в 1913 г., когда после отмены

¹⁰³ «Отчет о деятельности совета общества суконных фабрикантов с 15 ноября 1910 г. по 15 февраля 1911 г.», стр. 3—6; «Вестник мануфактурной промышленности», 1910/11, № 13/1, стр. 629.

¹⁰⁴ «Утро России», 24 марта 1910 г.

¹⁰⁵ ГИАЛО, ф. 1456, оп. 1, д. 445, л. 12.

заградительного тарифа на ввоз грубой шерсти в США российский и монгольский рынок шерсти привлек внимание американских скупщиков ¹⁰⁶.

Общество фабрикантов суконной промышленности занималось также вопросами организации экспорта шерстяных тканей. В различные правительственные учреждения неоднократно направлялись прошения и записки с обоснованием необходимости возврата пошлин за сукна при вывозе их за границу. Вопросы организации экспорта неоднократно рассматривались на совете общества. Так, в начале марта 1914 г. совет отмечал, что, несмотря «на первенствующее положение русского сукна, продажа его в Монголии совершенно не организована, что отражается невыгодно на ценах». Было постановлено «собрать точные данные о сортах сукна, продающегося в Монголии, и выяснить возможность более правильного урегулирования цен» ¹⁰⁷.

Фабриканты суконной промышленности через общество добивались различных льгот при перевозке тканей на дальние расстояния. Им удалось, например, добиться значительного понижения тарифа на шерстяной бобрик ¹⁰⁸. На заседаниях совета общества и в различных комиссиях обсуждались также вопросы о таможенном объединении Финляндии и России, об организации сортировки и устройстве завозных складов шерсти, об импорте камвольной пряжи в Россию; о снабжении фабрик топливом ¹⁰⁹.

Общество суконных фабрикантов с первых же дней своего существования стремилось защищать коммерческие интересы фабрикантов в их взаимоотношениях с интендантством. Совет общества в 1911 г. добился предоставления кредита поставщикам военного ведомства в счет заказов. В том же году по предложению общест-

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 921, лл. 8, 23—25; «Отчет о деятельности совета общества суконных фабрикантов в 1913 г.». М., 1914, стр. 24.

¹⁰⁷ «Утро России», 12 марта 1914 г.

¹⁰⁸ «Отчет о деятельности совета общества суконных фабрикантов с 15 ноября 1910 г. по 15 февраля 1911 г.», стр. 7—9, 22; «Отчет о деятельности совета общества суконных фабрикантов в 1911 г.». М., 1912, стр. 28.

¹⁰⁹ «Отчет о деятельности совета общества суконных фабрикантов в 1913 г.». М., 1914, стр. 11, 24, 115—116; ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 389, л. 9.

ва торги на поставку тканей были перенесены в Москву. Морское и военное министерства, главное тюремное управление, управление отдельного корпуса пограничной стражи и др. регулярно извещали общество о предполагаемых торгах¹¹⁰. Представители общества принимали самое активное участие в различных совещаниях, где обсуждался вопрос об условиях поставок сукон военному и другим ведомствам. На заседании общества 4 ноября 1911 г. начальник ГИУ Д. И. Шуваев лично давал объяснения по поводу нового закона о порядке приемки предметов интендантского довольствия от поставщиков¹¹¹. В 1912 г. представители общества вошли в состав интендантских приемных комиссий с правом решающего голоса¹¹².

Общество стремилось устранить конкуренцию на интендантских торгах. Здесь обсуждались и заключались соглашения о ценах и условиях поставки тканей ГИУ. Подобное соглашение имело место перед торгами в начале ноября 1912 г. Соглашение было настолько удачным, что на торгах в августе 1913 г. фабриканты объявили новые, повышенные на 30% цены¹¹³. В ноябре 1911 г. совет общества обсуждал предложение главного интендантского управления о поставке фабрикантами Центрального промышленного района суконных одеял. Однако совет признал условия сдачи одеял неприемлемыми и решил уведомить начальника главного интендантского управления, что по предложенной интендантством цене едва ли возможно ожидать сдачи подряда, т. е. фактически ответил отказом поставлять одеяла на предложенных условиях¹¹⁴. В сентябре 1913 г. еще более решительно поступило общее собрание фабрикантов, заслушавшее сообщение о переговорах с тюремным ведомством. Собрание постановило «уведомить тюремное ведомство, что суконные фабриканты не считают возможным войти с ним в коммерческие отношения впредь до установления более нормаль-

¹¹⁰ ГИАМО, ф. 715, оп. 1, д. 29127, л. 4; «Отчет о деятельности совета общества суконных фабрикантов в 1911 г.», стр. 20, 25.

¹¹¹ «Утро России», 10 ноября 1911 г.

¹¹² ГИАМО, ф. 715, оп. 1, д. 29127, л. 23.

¹¹³ «Утро России», 6 ноября 1912 г.; «Торгово-промышленная газета», 3 августа 1913 г.

¹¹⁴ «Отчет о деятельности совета общества суконных фабрикантов в 1911 г.», стр. 29.

ных условий поставок, хотя бы по типу интендантства»¹¹⁵.

Таким образом, деятельность общества по организации казенных поставок свидетельствует о функциях, присущих монополистическим союзам. Общество являлось центром монополистических соглашений о ценах и других условиях поставок тканей интендантству.

В рамках общества возникали также монополистические соглашения о ценах на ткани для вольного рынка. Так, 14 февраля 1913 г. в результате соглашения суконных фабрикантов цены на суконные изделия повысились на 5—10 коп. за аршин. «С 1 июля, — сообщалось в периодической печати, — согласно решению совещания суконщиков, будет объявлено о новом повышении цен в размере от 5—10 коп. на аршин дешевых тканей и от 10—25 коп. на аршин тонких сукон из шленской шерсти»¹¹⁶.

Затруднения со сбытом тканей в 1912—1913 гг. способствовали возникновению в суконной промышленности локальных монополистических соглашений. В апреле 1913 г. в Гродненской губ., по данным свода отчетов фабричных инспекторов, «между суконными фабрикантами состоялось соглашение, по которому при продаже товаров покупатель уплачивал 25% наличными, за 25% ручался комиссионер и 50% кредитовалось, но не свыше как на 6 месяцев. Исключение делалось только для известных фирм». Далее в источнике говорилось: «Объединение суконных фабрикантов вызвало объединение фабрикантов-пряжильщиков, которые, за редкими исключениями, вырабатывают пряжу по заказам из чужих материалов. Конкуренция в 1912 г. сильно понизила плату за пряжу. Дальнейшее понижение возможно было вследствие объединения суконщиков. Во избежание этого фабриканты-пряжильщики в августе вошли между собою в соглашение и фиксировали плату за выработку отдельных сортов, подняв при этом плату по сравнению с прежней. Кроме того, решено было прекратить сверхурочные работы, обычные во время сезона»¹¹⁷.

¹¹⁵ «Утро России», 4 сентября 1913 г.

¹¹⁶ «Торгово-промышленная газета», 4 июля 1913 г.

¹¹⁷ «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.». Пр., 1914, стр. XXXVII.

В мае 1914 г. в Москве под председательством А. Д. Протопопова состоялись совещания фабрикантов Симбирского и Тамбовского районов, на которых было решено воссоздать локальное объединение местных суконных фабрикантов. 17 фабрикантов пришли также к соглашению о передаче закупки шерсти (на общую сумму 25—30 млн. руб.) Сибирскому банку, принимавшему на себя эти обязанности за высокий комиссионный процент. Далее на совещании обсуждался вопрос об объединении при продаже товара и установлении однообразных расценок на некоторые сорта сукон. Последнее решение обуславливалось необходимостью противодействовать трем-четырем крупным фабрикантам (Асеевым и др.), сосредоточившим почти всю торговлю грубыми сукнами и начавшим захватывать львиную долю казенных заказов, которыми перебивались мелкие и средние предприятия. Обострение конкурентной борьбы, которую разрозненные мелкие и средние предприятия не выдерживали, заставило их стремиться к объединению. Суконные фабриканты проектировали создать в Москве объединенный центральный склад и представительство по продаже тканей. Для осуществления этого плана организовалось специальное бюро или особая комиссия, которая успела до войны лишь детализировать намеченный план, предложив создать объединенное т-во для продажи товара на внутреннем рынке и для совместного выступления на торгах¹¹⁸. Война, коренным образом изменив конъюнктуру рынка, видимо, помешала созданию как сбытового, так и закупочного синдикатов фабрикантов грубых сукон.

Перед войной владельцы крупных предприятий по выработке тонких шерстяных тканей объединились для закупки сырья. Так, для покупки шленской шерсти Барышниковы объединились с Хутаревыми. Стремясь избавиться от зависимости от моченных заведений, они предполагали построить собственное шерстомойное предприятие. Между этими фирмами, по-видимому, существовало соглашение о ценах при поставке сукна для казны¹¹⁹.

¹¹⁸ «Утро России», 23 марта 1914 г.; «Петербургский курьер», 26 мая 1914 г.; «Коммерческий телеграф», 21 мая 1914 г.; «Деньги», 17 июля 1914 г.; «Коммерсант», 20 мая, 28 июня и 19 июля 1914 г.

¹¹⁹ «Деньги», 17 июля 1914 г.

В льняной промышленности России в XX в. происходило дальнейшее расширение производства. В связи с этим неуклонно увеличивались затруднения в деле сбыта продукции, усугублявшиеся тем, что, с одной стороны, льняные ткани вытеснялись более дешевыми хлопчатобумажными, а с другой, — все более грозной становилась конкуренция джутовых фабрик. Поэтому не удивительно, что именно в этой отрасли текстильного производства впервые, значительно раньше, чем в суконной и хлопчатобумажной промышленности, возникла общероссийская специализированная предпринимательская организация. В 1906 г. образовалось Всероссийское общество льнопромышленников. По данным общества, уже в 1911 г. им объединялось 70% всех производственных мощностей льняной промышленности. Первоначально председателем совета был А. В. Демидов, владелец крупного предприятия во Владимирской губ., но с 1909 г. его сменяет С. Н. Третьяков, тесно связанный с Рябушинскими¹²⁰.

Льняные фабриканты еще до образования общества неоднократно выступали с требованиями повышения таможенных пошлин на джут. Большая часть этих требований удовлетворялась. Общество продолжало ту же линию борьбы с джутовой промышленностью. В 1908 г. общество возбудило ходатайство перед министерством финансов о необходимости постепенного сокращения ввоза джута путем повышения пошлины¹²¹. В первые месяцы войны общество вновь представило записку с требованием повышения таможенных пошлин на джут. Характерно, что при обсуждении этого вопроса фабриканты использовали созданную по их инициативе новую организацию—совет съездов представителей льняного дела, в работе которого принимали участие льноторговцы и представители объединений льноводов. До-

¹²⁰ «Всероссийское общество льнопромышленников. Отчет о деятельности совета общества за 1908 г.». М., 1909, стр. 2—3; «Всероссийское общество льнопромышленников. Отчет совета общества за 1910 г.». М., 1911, стр. 5—7; «Всероссийское общество льнопромышленников, его задачи и деятельность». М., 1911, стр. 19.

¹²¹ «Голос Москвы», 30 марта 1908 г.

кладная записка была составлена после того, как совещание при совете съездов представителей льняного дела 18 марта 1914 г. пришло к следующему выводу, сформулированному председателем совещания проф. С. А. Федоровым: «Мы не хотим ограждать джутовую промышленность, а хотим оградить нашу льняную промышленность»¹²². В дальнейшем совет съездов представителей льняного дела одобрил предложение совета общества льнопромышленников.

Общество льнопромышленников энергично добивалось понижения железнодорожных тарифов на провоз льняных изделий. Этот вопрос, впервые поднятый фабрикантами еще в 1898 г., неоднократно обсуждался на заседаниях совета общества. Представители общества участвовали в работе тарифных комиссий, с пеной у рта доказывая, что существующие тарифы ложатся дополнительным налогом на ткани. Результаты этих действий оказались весьма плодотворными. С 1 июля 1910 г. стала действовать новая, более выгодная для фабрикантов номенклатура льняных тканей в железнодорожных тарифах¹²³.

В 1914 г. специальная комиссия общества занималась детальным изучением вопроса об изменении таможенных пошлин на льняные ткани¹²⁴.

Видное место в деятельности общества занимали взаимоотношения с главным интендантским управлением. Позиции льняных фабрикантов в интендантстве неуклонно ослаблялись из-за конкуренции хлопчатобумажных фабрикантов. Потребление льняных тканей для армии с 1900 по 1907 г. увеличилось всего в 2 раза, а хлопчатобумажных в 5½ раз. В 1906 г. все дополнительные заказы на ткани попали хлопчатобумажным фабрикантам. Льнопромышленники возбудили ходатайство о пересмотре этого решения. В марте 1907 г. состоялось специальное междуправительственное совещание,

¹²² ЦГИАЛ, ф. 405, оп. 1, д. 13, л. 15.

¹²³ «Всероссийское общество льнопромышленников. Отчет о деятельности совета общества за 1909 г.». М., 1910, стр. 10—19; «Всероссийское общество льнопромышленников, его задачи и деятельность», стр. 8—10; «Всероссийское общество льнопромышленников. Отчет о деятельности совета общества за 1910 г.», стр. 27.

¹²⁴ «Всероссийское общество льнопромышленников. Отчет о деятельности совета общества за 1914 г.». М., 1915 г., стр. 60—61.

определившее предметы вещевого довольствия, которые следовало изготавливать из льняных тканей ¹²⁵.

Особое внимание на казенные поставки совет общества обратил в 1908 г., когда мировую льняную промышленность поразил экономический кризис. Совет представил в различные ведомства очередную серию записок с обоснованием «справедливых» требований льнопромышленников о необходимости расширения казенных заказов на льняные ткани.

Общество не ограничивалось требованиями увеличения поставок льняных тканей в интендантство. Еще в 1908 г. фабриканты высказали пожелание, чтобы интендантство приступило к выработке новых правил испытания и приемки тканей. Однако ГИУ не спешило с осуществлением этих предложений. Тогда общество создало специальную комиссию, которая занялась пересмотром условий поставок льняных тканей в интендантство. После завершения этой работы фабриканты составили обстоятельную записку «О желательных изменениях в условиях поставок льняных тканей». Представители общества приняли активное участие в работе совещания фабрикантов текстильной промышленности, состоявшегося 5 февраля 1910 г., посвященного этому вопросу. Пожелания льняных фабрикантов, изложенные в записке и на совещании, интендантство учло при разработке новых правил приемки тканей ¹²⁶.

Мы не располагаем сведениями, прямо свидетельствующими о том, что общество определяло цены и прочие конкретные условия поставок льняных тканей в интендантство, однако подобная сторона деятельности предпринимательской организации, видимо, имела место. Данные об этом проникали в печать и стали известны царским чиновникам. Не случайно, что председателю совета общества С. Н. Третьякову пришлось

¹²⁵ «Всероссийское общество льнопромышленников, его задачи и деятельность», стр. 10—15.

¹²⁶ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 377, лл. 6—14; «Всероссийское общество льнопромышленников, его задачи и деятельность», стр. 16—17. На титульном листе докладной записки общества начальник ГИУ Шуваев 27 июля 1910 г. наложил резолюцию: «Прочитал с особенным вниманием и удовольствием. Изложенное положить в основу суждений при пересмотре описаний и поставок льняных тканей». Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 2, оп. 7, д. 3844, л. 67.

доказывать сенатору Гарину, что общество — чисто «представительная» организация. «О-во льнопромышленников, — утверждал Третьяков, — не имеет характера синдиката и преследует исключительно защиту общих интересов льняной промышленности, а отнюдь не торговые выгоды отдельных его членов»¹²⁷. Более того, в ответ на публичные обвинения в обирании казны, появившиеся в печати в связи с результатами ревизии сенатора Гарина, руководители совета в 1911 г. выпустили брошюру под названием «Всероссийское общество льнопромышленников, его задачи и деятельность». Отрицая «синдикатский» характер общества, фабриканты писали: «Ни в одном из протоколов и иных документов и материалов общества нельзя найти ни малейшего подтверждения и намека на какой-либо синдикат, но даже на сделанное в июле 1910 г. главным интендантом генерал-лейтенантом Д. С. Шуваевым предложение совету общества распределить между льняными фирмами заказ до 10 млн. аршин льняной ткани для военного ведомства общество принуждено было ответить категорическим отказом, ссылаясь на то, что по уставу общества совет не может брать поставки и принимать посредничество в хозяйственных операциях своих членов»¹²⁸. Конечно, тот факт, что соглашения об условиях поставок интендантству тканей не получили отражения в протоколе, еще ничего не доказывает. Ведь подобные соглашения могли и не фиксироваться в документах. С другой стороны, не исключена возможность, что вся подозрительная документация, подтверждающая существование соглашений об условиях поставок, была изъята. Фабриканты имели возможность своевременно подготовиться к приему чиновников ревизии сенатора Гарина, которые проявляли повышенный интерес к подобным соглашениям. Ссылки же на то, что согласно уставу общество не имеет права брать поставки и заниматься посредничеством, также весьма неубедительны. Характерно, что в годы войны, при том уже уставе, общество совершенно открыто и весьма успешно занималось подобными операциями.

¹²⁷ ЦГИАЛ, ф. 1393, оп. 2, д. 105, л. 94.

¹²⁸ «Всероссийское общество льнопромышленников, его задачи и деятельность», стр. 18—19.

Главное интендантское управление не могло не знать, к кому следует обращаться по столь щекотливому вопросу. Отрицательный ответ общества может свидетельствовать лишь о том, что его руководители в данных конкретных условиях не считали целесообразным давать лишнее свидетельство в пользу того, что их организация выполняет монополистические функции.

Все крупнейшие льнопромышленные фирмы, входившие в общество, объединялись для совместной поставки тканей в интендантское ведомство. Материалы ревизии сенатора Гарина показывают, что они имели общих сдатчиков в Москве, Петербурге, Кременчуге, Киеве, Варшаве и Тифлисе. При этом характерно, что зачастую контракты заключались одной фирмой, а выполнялись другими предприятиями, входившими в соглашение ¹²⁹.

Некоторые другие факты свидетельствуют о том, что деятельность общества выходила далеко за рамки «представительной» организации. Так, в 1913 г. на совещании, созванном советом, фабриканты сократили сроки запродажи пряжи с 9 до 6 месяцев и тканей с 6 до 3 месяцев ¹³⁰. Таким образом, в обществе обсуждались и определялись условия продажи тканей на частном рынке. Обсуждение вопросов о сокращении производства в льняной промышленности также не могло миновать эту организацию. Совет общества был настолько хорошо информирован, что в отчете за 1909 г. предсказывал предстоящее сокращение работы льняных фабрик до четырех дней в неделю ¹³¹. И это предположение оказалось удивительно точным.

Сокращение производства обуславливалось резким падением цен на льняные изделия. В отчете общества льнопромышленников говорилось: «Почти полное отсутствие спроса на изделия вызвало резкое падение цен, на протяжении всего несколько месяцев дошедшее до 20%» ¹³². Радикальные меры по сокращению производства способствовали стабилизации цен и некото-

¹²⁹ ЦГИАЛ, ф. 935, оп. 1, д. 92, л. 124; д. 69, лл. 91, 96; д. 71, лл. 67—68, 72—73, 75—76, 78, 81, 84, 127, 131.

¹³⁰ «Всероссийское общество льнопромышленников. Отчет совета общества за 1913 г.». М., 1914, стр. 37—39.

¹³¹ «Всероссийское общество льнопромышленников. Отчет совета общества за 1909 г.». М., 1910, стр. 45.

¹³² Там же, стр. 45.

рому улучшению конъюнктуры рынка. В 1910 г. положение рынка льняных тканей несколько улучшилось в связи с увеличением военных заказов и расширением спроса на льняные мешки, необходимые для перевозки зерна, после запрещения погрузки зерна в вагоны «за-сыпкой»¹³³.

Общество информировало родственные организации о возможных размерах производства различных видов продукции. Так, в ответ на запрос Нарвской льнопрядильной м-ры о количестве мешков, которое может изготовить льняная промышленность в 1910 г., совет Всероссийского общества льнопромышленников определил возможную максимальную выработку мешков фабриками в 26,3—27,1 млн. шт. и кустарями в 11—11,3 млн. штук¹³⁴. Подобные данные можно было иметь, лишь зная соглашения о размерах производства, заключенные фабрикантами.

Во Всероссийском обществе льнопромышленников решающая роль принадлежала крупным предприятиям, имевшим большие льнопрядильные фабрики, которые диктовали рыночные цены на пряжу. Поэтому многочисленные льноткацкие фабрики находились от них в постоянной зависимости. По данным фабричного инспектора IV участка Владимирской губ., в Вязниковском льнопромышленном районе в 1912 г. имелось 10 льнопрядильных и 21 льноткацкая фабрика. Из 10 льнопрядилен только 3 продавали пряжу, а остальные вырабатывали ее для своих ткацких отделений. «Нет ничего удивительного, — писал фабричный инспектор, — что, при таком незначительном числе, их владельцам легко сговориться относительно цен на пряжу. Этим и объясняется высокая цена на пряжу, которая существует весь год». В июле 1912 г. цены на пряжу по сравнению с мартом месяцем увеличились на 10—15%, в то время как цены на готовые изделия поднялись всего на 4—6%¹³⁵.

Солидарные выступления льнопрядильщиков на рынке, по всей видимости, ускорили объединение льноткацких предприятий с целью централизации сбыта. Вскоре в Вязниковском уезде возник специализирован-

¹³³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 20, д. 832, лл. 4—5.

¹³⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 775, л. 1.

¹³⁵ ГАВО, ф. 266, оп. 22, д. 49, лл. 7, 10.

ный монополистический союз — синдикат фабрикантов-мешочников.

Первые попытки объединения фабрикантов-мешочников относятся к 1905 г. В апреле 1905 г. фабриканты мешочного производства Вязниковского уезда Владимирской губ. обратились в Вязниковскую городскую управу с просьбой поддержать их ходатайство о создании комитета торговли и мануфактур, где бы фабриканты могли собираться и обсуждать вопросы развития полотняно-мешочного производства¹³⁶.

Однако в новой обстановке ни Всероссийское общество льнопромышленников, ни Вязниковский комитет торговли и мануфактур, где также командное положение заняли крупные капиталисты, не могли до конца удовлетворить запросов фабрикантов-мешочников. Общее положение настоятельно требовало создания более тесных и прочных объединений для организации сбыта льняных изделий. Дело в том, что если в 1900 г. (по данным эксперта Всероссийского общества льнопромышленников Е. П. Житенева) было изготовлено 1 352 тыс. пудов льняной мешочно-упаковочной ткани, то в 1913 г. всего 784 тыс. пудов (сокращение на 42%). Цены же на ткань значительно повысились. Иная картина наблюдалась с джутовой упаковочной тканью. В 1900 г. выработка ее составляла 1 441 тыс. пудов, а в 1913 г. — 2 228 тыс. пудов (увеличение на 54,6%)¹³⁷.

Обострение конкурентной борьбы с джутовыми фабрикантами и усиление трений с льнопрядильщиками заставили мешочных фабрикантов-льнянщиков подумать о создании более прочного специализированного объединения. 30 ноября 1913 г. пять вязниковских мешочных предприятий (Маралова, Федянина, Матвеева, Порошина и братьев Смоляковых) заключили между собой и Русско-Азиатским банком соглашения о передаче банку для продажи изготовленных на их предприятиях мешков¹³⁸. Одновременно с этим другая группа вязниковских льняных фабрикантов, видимо, вела переговоры с Волжско-Камским банком. В ходе переговоров в начале марта 1914 г. мешочные фабриканты предложили Волжско-Камскому банку взять на себя прода-

¹³⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 6, л. 2.

¹³⁷ ГАКО, ф. 516, оп. 1, д. 193, л. 101.

¹³⁸ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 439, лл. 1—3, 25.

жу льняных мешков и решили выработать подробные условия соглашения по образцу джутового синдиката. Однако соглашение не было заключено¹³⁹. После этого к соглашению пяти фабрикантов с Русско-Азиатским банком примкнули еще двое — Н. Ф. Беляев и В. В. Федянин.

В соответствии с соглашением от 30 ноября 1913 г. льняные фабриканты, начиная с 1914 г., передали Русско-Азиатскому банку сроком на три года представительство по продаже вырабатываемых на их предприятиях мешков и приняли на себя солидарную ответственность перед банком по ссудам, авансам и т. п. Солидарная ответственность гарантировалась векселями каждого участника в банке в размере 15 тыс. руб. За продажу мешков банк получал 3% комиссионных. Продажные цены мешков определялись совместно всеми фабрикантами. В случае разногласия цена устанавливалась большинством $\frac{2}{3}$ голосов. При этом один голос предоставлялся за каждые 50 тыс. заявленных к продаже через банк мешков. Таким же порядком разрешался вопрос об открытии кредита покупателям. Все вопросы фабриканты должны были решать сообща на собраниях, созываемых не реже двух раз в месяц. Назначение этих собраний, определение их места, времени и повестки дня поручалось специальному уполномоченному, избираемому сроком на один год. Через это лицо осуществлялись сношения мешочных фабрикантов с банком. В случае нарушения договора провинившийся карался штрафом из залога, внесенного в банк, и обязывался возместить все убытки пострадавшим участникам соглашения¹⁴⁰.

В начале мая 1914 г. вице-директор московского отделения Русско-Азиатского банка и заведующий льняным отделом выехали в Вязники, где они посетили все льноткацкие фабрики, вступившие в соглашение с банком, и ознакомились с производственно-технической базой каждой из них¹⁴¹. Перед войной и в первые месяцы войны фабриканты, объединенные соглашением, сдавали мешки для продажи банку. Часть из них он продавал через свои отделения. Однако львиная доля меш-

¹³⁹ «Коммерческий телеграф», 3 марта и 30 апреля 1914 г.

¹⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 439, лл. 1—3, 13, 20, 21—23, 25.

¹⁴¹ «Коммерческий телеграф», 17 мая 1914 г.

ков попадала на рынок через посредников, с которыми банк сроком до 1917 г. заключил соглашения, определявшие район, количество и прочие условия продажи мешков. Посредники получали от банка комиссионное вознаграждение в размере до 2% стоимости сбываемой продукции и премиальные за превышение указанных банком цен. В результате монополизации сбыта мешков цены на них с начала 1914 г. неуклонно повышались¹⁴².

Сбытовая организация мешочных фабрикантов являлась, таким образом, своеобразным мешочным синдикатом. Эта организация не имела собственного торгового аппарата. Она обслуживалась частным торговым аппаратом, работавшим под руководством Русско-Азиатского банка.

Мешочный синдикат оказался недолговечным. Он не дотянул даже до конца срока соглашения. Благоприятствующая льняным фабрикантам конъюнктура, созданная войной, устранила острую необходимость для них поддержки и посредничества банка. Вскоре они решили избавиться от ненужного посредничества. Заказы и заявки банка для частных лиц стали ими игнорироваться. В ответ на запрос банка о положении с выполнением этих заказов, уполномоченный мешочных фабрикантов Порошин весьма нелюбезно ответил 18 сентября 1915 г., что «в настоящее время фабрика занята исключительно только казенными заказами на интендантское ведомство». «Покуда не кончу казенный заказ, — писал Порошин, — частные заказы исполняться не будут. Как только освобожусь от такого заказа, в первую очередь будет отправлено по старым, взятым до войны заказам»¹⁴³.

Несколько слов необходимо сказать о положении в льняной торговле и об объединительных тенденциях в ней. Как известно, большая часть русского льна (около 70%) экспортировалась за границу. В деле экспорта решающая роль принадлежала иностранным экспортным фирмам¹⁴⁴. Львиная доля доходов попадала в ру-

¹⁴² ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 439, лл. 4—5, 6—7, 8—9, 10—12, 14—15, 16—19.

¹⁴³ Там же, л. 28.

¹⁴⁴ См. В. Я. Лаврычев. К вопросу об экспорте льна из России в 1916—1917 гг. «История СССР», 1958, № 1.

ки иностранных капиталистов. Стремление взять дслю льноэкспорта в свои руки получает в различных группах ответственных торговцев все большее распространение. 26 апреля 1909 г. газета «Голос Москвы» сообщила об образовании в Северо-Западном крае «синдиката» льноводов под наименованием «Двина». «Синдикат» намеревался заняться скупкой, сортировкой и сбытом льна за границу. Однако деятельность синдиката не получила развития и быстро заглохла.

Тем временем иностранные экспортеры все сильнее овладевали русским льняным рынком. В 1910 г. возникла международная федерация союзов льнопрядильщиков. Всероссийское общество льнопромышленников уклонилось от участия в федерации, аргументируя свою позицию тем, что Россия независима от иностранного рынка сырья¹⁴⁵. Хотя цель федерации заключалась в «защите общих интересов льняной промышленности», особое внимание она обратила на сырьевую проблему. Федерация, стремясь урегулировать торговлю льном, разработала «нормальный» контракт для покупки льна у экспортных фирм. Условия контракта вызвали недовольство последних, которые в противовес федерации льнопрядильщиков решили организовать федерацию льноэкспортеров. Такая федерация (союз-синдикат) экспортеров возникла в ноябре 1911 г.¹⁴⁶

Возникновение объединения экспортеров вызвало тревогу в России. Именно в это время представители общества участвовали в совещании при министерстве торговли и промышленности, созванном по вопросу о выработке нормального контракта для экспортных сделок на лен. Наряду с этим русские льнофабриканты решили заняться организацией льноэкспорта. В середине 1911 г. Всероссийское общество льнопромышленников ходатайствовало перед министром торговли и промышленности о всемерной поддержке организующегося товарищества для покупки льна, по их словам, преследовавшего цель организации русской льняной торговли на правильных торговых и коммерческих началах¹⁴⁷. 23 сентября 1911 г.

¹⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 350, лл. 1, 5.

¹⁴⁶ «Вестник мануфактурной промышленности», 1911/12, № 26/2, стр. 1261; «Утро России», 25 ноября 1911 г.

¹⁴⁷ «Вестник мануфактурной промышленности», 1911/12, № 26/2, стр. 1262.

представители Всероссийского общества льнопромышленников посетили председателя совета министров В. Н. Коковцева и ходатайствовали «о поддержке вновь возникающего товарищества для закупки и торговли льном предоставлением этому последнему дешевого кредита, чтобы деятельность товарищества была поставлена в одинаковые с заграничным торговцем условия»¹⁴⁸.

Инициаторами создания этого объединения являлись Рябушинские. В начале марта 1912 г. издававшаяся ими газета «Утро России» убеждала русских капиталистов взять в свои руки как экспорт льна, так и его разработку в России. В конце 1912 г. в Москве завершилась организация Русского акционерного льнопромышленного общества (РАЛО), 70,9% паев которого принадлежало Московскому банку Рябушинских, а 29,1% льнопромышленникам — членам общества¹⁴⁹. Нельзя не признать ошибочной оценку РАЛО как синдиката в льняной промышленности¹⁵⁰. Эта организация даже не ставила перед собой цель регламентировать цены на льняные ткани и решать вопросы ограничения производства. Вся деятельность общества развевывалась в сфере льняной торговли.

Одновременно с организацией РАЛО Рябушинские предпринимали попытки создания синдиката льнопромышленников. В конце 1913 г. в периодической печати сообщалось о предполагаемом учреждении в Москве под руководством П. П. Рябушинского и С. Н. Третьякова особого т-ва по продаже льняных изделий. Проектируемый синдикат должен был действовать в тесном контакте с РАЛО. Последнее обеспечивало синдикату сырьевую базу, обязуясь снабжать участников соглашения льном в соответствии с намечавшейся специализацией. Однако создание синдиката так и не вышло из стадии предварительных переговоров. Льняным предприятиям, контролируемым и опекаемым Московским банком, удалось лишь монополизировать производство льняной нитки и значительно повысить на нее цены¹⁵¹.

¹⁴⁸ «Промышленность и торговля», 1911, № 19/91, стр. 276.

¹⁴⁹ См. В. Я. Лаврычев. Ук. соч. «История СССР», 1958, № 1, стр. 130—131.

¹⁵⁰ См. П. И. Лященко. Ук. соч., т. II, стр. 340, 453.

¹⁵¹ «Коммерсант», 14 ноября 1913 г.; 25 января и 13 марта 1914 г.

В конце 1900—начале 1901 г. все 12 предприятий джутовой промышленности организовали контору для продажи изделий. Однако из-за разногласий фабрикантов синдикат через месяц распался¹⁵².

Только в декабре 1908 г. предпринимается новая попытка объединения джутовых предприятий. На съезде фабрикантов, созванном с этой целью, обсуждались вопросы объединения фабрик в деле производства и сбыта джутовых изделий. Однако соглашение пока не состоялось¹⁵³. Но уже в январе 1909 г. в Варшаве состоялось предварительное соглашение джутовых фабрикантов, в преамбуле которого откровенно заявлялось, что оно заключено «в целях обеспечения сбыта изделий означенных фабрик, более равномерного урегулирования производства, а также для устранения убыточной конкуренции». Фабриканты, участвовавшие в соглашении, в первую очередь фиксировали продолжительность рабочего времени и количество ткацких станков на каждом предприятии и приняли обязательство их не увеличивать. Они согласились, далее, в случае необходимости произвести одинаковое для всех сокращение производства. Сохраняя полную свободу действий в отношении качества продукции, рынков и пр., участники соглашения обязались «не совершать никаких продаж» ниже определенных минимальных цен, установленных общим собранием. В случае нарушения соглашения кем-либо из договаривающихся общее собрание имело право уполномочить специальных лиц из числа владельцев и директоров фабрик для проверки всех книг заказов, фактур и книг, касающихся производительности фабрики, личных счетов и переписки. Общие собрания участников соглашения намечалось проводить в Петербурге не менее одного раза в каждые два месяца. Решения собрания считались обязательным для всех участников соглашения, если они принимались большинством $\frac{3}{4}$ голосов присутствовавших на заседа-

¹⁵² В. Я. Лаврычев. Монополизация джутовой промышленности России». «Вестн. Моск. ун-та», сер. истор., 1961, № 4, стр. 21—23.

¹⁵³ ГИАЛО, ф. 1378, оп. 1, д. 28, л. 69; «Голос Москвы», 3 декабря 1908 г.

нии. Общим собранием избирался председатель, которому поручались организация всего делопроизводства по соглашению, ведение счетоводства и кассовой отчетности, созыв и выбор места общих собраний, сношения с участниками соглашения, посредничество по всем вопросам, возникавшим на почве соглашения. В руках председателя сосредоточивался также сбор статистических сведений. Дополнительным соглашением владельцы фабрик условились внести в виде залога в целях обеспечения исправного выполнения соглашения по 10 тысяч рублей в один из петербургских банков. Право распоряжаться средствами из этого фонда предоставлялось двум фирмам из трех, специально избранным для этой цели. Второй параграф дополнительного соглашения гласил: «За нарушение в чем-либо постановления соглашения — производство изделий сверх нормы, продажа по ценам, ниже установленных общим собранием, недопущение в случае надобности контроля предприятия и т. п. — виновный участник может быть подвергнут штрафу по постановлению общего собрания, каковое постановление не подлежит никакому обжалованию». На общем собрании джутовых фабрикантов в Варшаве текст соглашения окончательно подписали представители восьми предприятий. Председателем собрания джутовых фабрикантов стал А. Д. Лебедев. Кроме того, фабриканты постановили в течение десятидневного срока внести залоги в Петербургский учетный и ссудный банк. Были установлены новые цены на джутовые изделия. Соглашение джутовых фабрикантов с самого начала объединило львиную долю производственных мощностей джутовой промышленности. Из 2860 действовавших в то время ткацких станков 2650 находились на восьми фабриках, подписавших соглашение¹⁵⁴.

К 1912 г. картель джутовых фабрикантов значительно окреп. Об этом свидетельствуют итоги двенадцатого (январь 1912 г.) и тринадцатого (июнь 1912 г.) общих собраний. На этих собраниях, во-первых, были утверждены условия продажи отдельными участниками соглашения своим партнерам права на расширение производства. За уступку прав устанавливалась плата в 238 руб. в год за каждый станок. Во-вторых, фабри-

¹⁵⁴ ГИАЛО, ф. 1378, оп. 1, д. 30, лл. 1—6, 9; д. 41, л. 2.

канты приняли «Устав фонда джутовых фабрикантов». С 1 января 1912 г. фонд пополнялся за счет взносов в размере 5 коп. с пуда поступивших заказов. Создание этого фонда устранило надобность в дополнительном соглашении о залогах. В третьих, к объединению на общих условиях присоединился последний аутсайдер, не считая Кулотинской м-ры (бывшей Окуловской ф-ки), начавшей функционировать с конца 1911 г. В докладе тринадцатому общему собранию А. Д. Лебедев с удовлетворением отмечал, что «наступило успокоение, — нет той нервозности в работе, что прошлый год»¹⁵⁵.

В нашем распоряжении пока не имеется почти никаких сведений о соглашениях шелковых фабрикантов в сфере сбыта. Правда, есть некоторые данные о том, что в конце XIX в. на начальной стадии шелкового производства — в шелкокрутильной промышленности существовали какие-то монополистические соглашения. Так, в балансе франко-русского т-ва Московской шелкокрутильни за 1899 г. в графе пассива имеется статья расхода, из которой видно, что взнос этого предприятия в синдикат крутильщиков составлял 1000 руб. Не исключена возможность, что «синдикат» вскоре распался, ибо в балансе Московской шелкокрутильни за 1901 г. о нем не упоминается¹⁵⁶. Ясно лишь одно, что франко-русское т-во могло быть организатором объединения. Дело в том, что основная часть паев т-ва, основанного в 1892 г., принадлежала Альфреду Паллюа де Бюссе — члену торгового дома Паллюа и Тэтнуар в Лионе, владевшему 40 шелкокрутильными и шелкопрядильными предприятиями во Франции, Италии, Испании и Сирии¹⁵⁷.

Перед первой мировой войной в периодической печати появились очень глухие сведения о создании синдиката владельцами шелковых фабрик Подзинского и Варшавского районов¹⁵⁸.

Следовательно, в шерстяной, льняной, джутовой и шелковой промышленности процессы монополизации осуществлялись теми же основными путями, что и в

¹⁵⁵ В. Я. Лаверычев. Ук. соч. «Вестн. Моск. ун-та», сер. истор., 1961, № 4, стр. 27—28.

¹⁵⁶ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1239, лл. 14, 31.

¹⁵⁷ ЦГИАЛ, ф. 22, оп. 4, д. 106, лл. 23—25, 27.

¹⁵⁸ «Коммерсант», 30 декабря 1911 г. и 13 декабря 1913 г.

хлопчатобумажном производстве. Первые монополистические соглашения возникли и наиболее успешно развивались в сфере сбыта продукции. Некоторые особенности суконной и льняной промышленности, определявшиеся большим удельным весом казенных заказов, не могут изменить общей картины. Капиталисты стремились монополизировать рынок по преимуществу с помощью все тех же картельных соглашений, т. е. монополистических организаций низшего типа.

Однако, наряду с процессами картелизации, в текстильном производстве складывались также условия для возникновения более развитых монополистических союзов.

ГЛАВА III

ТЕНДЕНЦИИ К ТРЕСТИРОВАНИЮ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

§ 1. Централизация производства. Первые попытки проникновения в другие отрасли промышленности

В конце XIX — начале XX в. в текстильной промышленности России наблюдался интенсивный процесс централизации капитала и производства. В условиях острой конкурентной борьбы крупные и мощные в финансово-экономическом отношении предприятия подчиняли себе более слабые, используя иногда временные, привходящие факторы (отсутствие опытного руководства, борьбу различных групп пайщиков и т. п.). В своей «собирающей» деятельности крупные фабриканты использовали поддержку банков-патронов, различных отечественных и зарубежных финансовых групп, заинтересованных в текстильной промышленности. Особенно интенсивно этот процесс протекал в текстильной промышленности Центра России.

В хлопчатобумажной промышленности одним из таких группирующих центров издавна являлся торговый дом Л. Кнопа.

Еще в XIX в., используя свое монопольное положение по поставке в Россию оборудования для хлопчатобумажных фабрик и пряжи, предоставляя кредит молодым фабрикантам, Кнопы добивались некоторого количества паев строящихся предприятий. Под контролем Кнопов находились Даниловская, Измайловская и Вознесенская м-ры. Они имели возможность влиять на крупнейшие в России морозовские предприятия в Орехово-Зуеве и Богородске¹. Так, в 1874 г. Кнопам при-

¹ См. Г. Шульце-Геверниц. Крупное производство в России (московско-владимирская хлопчатобумажная промышленность). М., 1899, стр. 38—39.

надлежало 100 паев (из 5000) т-ва Саввы Морозова². В дальнейшем им удалось закрепить свое влияние в ряде предприятий, фактически превратив их в свою единоличную собственность. По данным С. О. Загорского, представители Кнопов в XX в. входили в правления 10 мануфактурных фирм. Кроме того, они владели паями еще 15 предприятий³.

По степени влияния Кнопов на те или иные хлопчатобумажные предприятия последние можно разделить на четыре группы. К первой группе относятся предприятия, преобладающая часть паев которых принадлежала торговому дому Л. Кнопа или его участникам. Это — Кренгольмская, Высоковская, Вознесенская и Екатерингофская м-ры. Ко второй группе относятся предприятия, принадлежавшие Кнопам совместно с другими капиталистами. Вместе с Н. А. Второвым перед войной они полностью контролировали т-во м-р Н. Н. Коншина, Даниловскую м-ру, т-во м-р А. Гюбнера и принадлежавшее им т-во для внутренней и вывозной торговли. В третью группу входили предприятия, контролировавшиеся другими владельцами. Но Кнопы являлись их крупными пайщиками и кредиторами. К числу их относятся т-во Э. Циндель, Богородско-Глуховская м-ра, т-во Барановых, Садковская м-ра, т-во А. Каретниковой, Каспийская м-ра. Четвертую группу составляли предприятия, где Кнопы принимали незначительное участие, хотя их представители избирались в правления и ревизионные комиссии. Такого рода связи имелись с Воскресенской м-рой (через Э. Циндель), Переяславской и Охтенской м-рами, предприятиями Скворцова и Ф. Щербакова. А. Л. Кноп занимал должность председателя и члена правления в пяти предприятиях и в двух являлся членом ревизионной комиссии. Ф. Л. Кноп заседал в правлениях шести предприятий. А. Ф. Кноп состоял в правлениях трех предприятий⁴.

² ГИАМО, ф. 342, оп. 8, д. 1169, л. 108.

³ С. О. Загорский. Ук. соч., стр. 108.

⁴ «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1913, № 5, стр. 25—26; И. М. Гольдштейн. Экономическая политика, стр. 239; ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 232, лл. 2, 12; д. 235, л. 4; д. 339, лл. 2, 15—16; д. 350, лл. 3—4; д. 351, лл. 3—4; д. 352, лл. 3—6, 33; д. 495, л. 7; д. 555, лл. 2—6, 14; д. 557, лл. 3, 18; д. 666, л. 9 и др.

Однако даже предприятия первой группы, размещавшиеся в разных районах страны, имели между собой очень слабые связи и не являлись единым хозяйственным организмом типа треста. Одной личной унии было недостаточно. Более прочному, органическому объединению их друг с другом препятствовал не столько географический фактор, сколько традиционные экономические и финансовые связи их с другими хлопчатобумажными фабриками, сложившиеся в течение десятилетий.

В предприятиях второй группы руководящая роль принадлежала Н. А. Второву. Уже поэтому прочное объединение их с фабриками первой группы оказалось невозможным. В предприятиях третьей группы Кнопы не имели не только абсолютного, но и относительного большинства голосов. Эти предприятия сами являлись центрами объединения или входили в другие группы. Так, в Богородско-Глуховской м-ре преобладающая часть акций принадлежала Морозовым, а Кнопы имели сравнительно незначительный пакет — менее 25%. Однако из пяти членов правления двое (Р. И. Прове и Р. Р. Ферстер) представляли интересы Кнопов. Влияние Кнопов в этом предприятии основывалось не столько на непосредственном участии, сколько на кредите и иных рычагах финансово-экономического воздействия⁵.

Довольно активная деятельность по объединению текстильных предприятий осуществлялась Н. И. Прохоровым — основным владельцем Трехгорной м-ры в Москве. В 1907 г. Н. И. Прохоров приобрел контрольный пакет паев Ярцевской м-ры Хлудова. В 1908 г. Н. И. Прохоров купил значительное число паев Большой Ярославской м-ры (291 из 1200), что позволило ему оказывать определенное влияние на направление деятельности этого крупнейшего хлопчатобумажного предприятия в России, хотя он и не входил в состав правления. Вместе с тем необходимо отметить полную несобоснованность утверждений, что Прохоров имел руководящий пакет акций в Большой Ярославской м-ре⁶. Хотя к 1917 г. ему и удалось сосредоточить около $\frac{1}{3}$ паев т-ва, но вплоть до Великой Октябрьской социали-

⁵ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 2803, л. 8; ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 2, д. 124, л. 29.

⁶ См. П. И. Лященко. Ук. соч., т. II, стр. 455.

стической революции большая часть паев принадлежала семейству Корзинкиных — довольно сплоченной группе близких родственников⁷. Правление м-ры вплоть до революции возглавлялось А. Корзинкиным и Скобевым — старым поверенным Корзинкиных. Все важнейшие распоряжения правления подписывались этими лицами. Точно так же не соответствует действительности утверждение, что руководящими пайщиками Большой Ярославской м-ры являлись Кнопы. В конце XIX — начале XX в. Кнопы не имели ни одного пая этого предприятия. В числе пайщиков мы не встречаем и их служащих.

Влияние Прохоровской м-ры в хлопчатобумажной промышленности не ограничивалось упомянутыми фабриками. Один из ответственных служащих Прохоровых — Н. Ф. Беляев, владевший небольшой ткацкой фабрикой в Александрове, накануне войны овладел александровским предприятием С. Н. Баранова. Это приобретение было сделано с прямого одобрения Н. И. Прохорова⁸. Кроме того, тем же Беляевым с 1912 г. арендовались пунцово-набивная, красильная и механическая ткацкие фабрики П. Дербенева в Александрове⁹.

Объединение предприятий осуществлялось и другими крупными хлопчатобумажными фабриками. В 1906 г. промышленное и торговое т-во Н. М. Бардыгина приобрело руководящий пакет в т-ве П. Малютина. Первая фирма имела крупные хлопчатобумажные фабрики в Егорьевске, а вторая — в Раменском. В том же году т-во Л. Рабенек, контролируемое торговым домом Вогау, приобрело Реутовскую м-ру¹⁰. В 1907 г. т-во м-р Полушина покупает ткацкую фабрику Бакулина в Иваново-Вознесенске и Измайловскую м-ру в Москве¹¹. В 1909 г.

⁷ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 674, оп. 1, д. 5821а, л. 3; д. 7586, л. 2; д. 9444, л. 2.

⁸ «Коммерческий телеграф», 31 января 1914 г. и 5 марта 1915 г.; ГАВО, ф. 266, оп. 9, д. 27, лл. 106—109.

⁹ «Совет съездов представителей промышленности и торговли. Фабрично-заводские предприятия Российской империи». Пг., 1914, литер К, № 317.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 74; ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 61, л. 12; «Акционерно-паевые предприятия России, 1913», стр. 23, 219, 298, 304.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 75; ГАВО, ф. 266, оп. 15, д. 31, л. 37.

Савинская м-ра В. Морозова, И. Полякова и К°, основная часть паев которой принадлежала Морозовым, вошла в т-во м-р В. Морозова в Орехово-Зуеве¹². Льняная фабрика Миндовских и Бакакина в г. Юрьевце объединяется с принадлежавшей тем же владельцам Волжской мануфактурой. Одновременно с этим Миндовские, которым принадлежала большая часть паев Волжского т-ва, контролировали Долматовскую м-ру¹³. В 1912 г. иваново-вознесенский фабрикант Д. Г. Бурылин купил арендуемую им ранее фабрику Новиковой и большую часть паев Шуйско-Егорьевской м-ры¹⁴. Следует отметить также значительную группу хлопчатобумажных фабрик, принадлежавших наследникам Хлудовых (Прохоровым, Востряковым, Найденовым).

Перед первой мировой войной отдельные фабриканты Центра приобретают хлопчатобумажные предприятия в Петербурге. Так, Н. Д. Морозов получил контрольный пакет акций прядильной фабрики Д. Бек, принадлежавшей ранее английским капиталистам. Крупное предприятие Иваново-Вознесенска т-во м-р Н. Дербенева приобрело большую часть паев Новосампсониевской м-ры в Петербурге¹⁵.

Одним из центров объединения предприятий хлопчатобумажной промышленности являлось т-во Э. Циндель. Это первоклассное по техническому оборудованию и организации производства предприятие в 1907 г. купило Воскресенскую м-ру. Хотя формально последняя являлась самостоятельным предприятием, все важнейшие производственные вопросы разрешались на заседании правления т-ва Э. Циндель¹⁶. В 1908—1909 гг. предпринималась попытка формального объединения этих предприятий. Однако вследствие технических трудностей (большие денежные расходы при реоргани-

¹² ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 246, лл. 2, 5; д. 229, лл. 1, 9, 22, 64.

¹³ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 730, лл. 7, 35; д. 731, л. 1; д. 729, лл. 5, 55, 59; «Акционерно-паевые предприятия России. 1913», стр. 122.

¹⁴ ГАИО, ф. 205, оп. 1, д. 198, лл. 59, 62, 69.

¹⁵ ГИАЛО, ф. 1245, оп. 1, д. 800, л. 3; д. 533, лл. 1—2, 7—9; «Акционерно-паевые предприятия России. 1913», стр. 259; ГАВО, ф. 266, оп. 8, д. 131, л. 15.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 75; ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 442, лл. 32, 126.

зации) полное формальное слияние предприятий так и не осуществилось.

Характеризуя процесс концентрации хлопчатобумажной промышленности, нельзя пройти мимо чрезвычайно своеобразного явления, получившего широкое распространение в Центральном промышленном районе в XX в. Владельцы крупных ситцепечатных фабрик широко практиковали раздачу пряжи владельцам мелких ткацких фабрик. Иваново-вознесенские фабриканты, например, держали под своим контролем вновь возникавшие сельские ткацкие фабрики в Шуйском уезде Владимирской губ.¹⁷

Возникновение и развитие этой системы при наличии крупной фабричной промышленности было возможно лишь в условиях сохранения пережитков крепостнических отношений в стране. Капиталисты использовали дешевый труд сельского населения, привязанного к клочку земли. Даже в официальных «Сводах отчетов фабричных инспекторов» признавалось, что «подобные мелкие фабрики, открываемые по деревням, находятся в чрезвычайно благоприятных условиях по отношению к рабочим: расценки на этих фабриках значительно ниже, чем на крупных, и вообще рабочие гораздо менее требовательны, так как очень дорожат возможностью работать на фабрике, не покидая своих домов»¹⁸. В 1911/12 г. в среднем рабочий-ткач зарабатывал в год на крупных ткацких фабриках Владимирской губ. 194,4 руб., а на мелких сельских фабриках 138 руб., женщины — 172,8 руб. и 124,8 руб.¹⁹. Именно за счет такой разницы в заработной плате, за счет нищеты русского крестьянства, за счет его нужды, его интенсивной эксплуатации существовали эти предприятия. По признанию самих мелких ткацких фабрикантов, обработка пряжи на их предприятиях обходилась на 20—25% дешевле, чем на крупных²⁰. Крупные фабриканты выступали единым фронтом, объединяя в одном лице и кре-

¹⁷ «Вестник мануфактурной промышленности», 1910/11, № 17/5, стр. 903; «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1911, № 19, стр. 279.

¹⁸ «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 год». Спб., 1911, стр. V — VI.

¹⁹ «Старый Владимирец», 11 марта 1914 г.; «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1911, № 19, стр. 279.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 1284, 1911 г., оп. 188, д. 193, л. 8.

дитное учреждение и комиссионера, диктуя цены на пряжу или расценки за работу. Зависимое положение мелких и средних сельских ткацких фабрик особенно проявилось в 1912 г., когда текстильная промышленность переживала серьезные рыночные затруднения.

О широком распространении «патронирования» сельских фабрик крупными предприятиями можно судить хотя бы по тому факту, что в первый год войны на т-во м-р Н. Дербенева работало пять ткацких фабрик в Ковровском и Владимирском уездах Владимирской губ.²¹.

По данным старшего фабричного инспектора Владимирской губ., осенью 1911 г. в губернии насчитывалось 68 сельских ткацких фабрик, на которых имелся 24 261 станок. Из них 62 с 16 400 станками имели менее 1000 станков. Большая часть таких фабрик размещалась в Шуйском и Ковровском уездах и находилась под опекой и контролем более крупных предприятий Иванова-Вознесенска. Первоначально часть крупных и наиболее жизнеспособных сельских ткацких фабрик покупала пряжу самостоятельно, в кредит на шесть-девять месяцев. Крах одной из наиболее крупных фирм (Селиверстовых) с задолженностью в 1,7 млн. руб. заставил крупные текстильные предприятия отказаться от практики кредита. В 1911 г. все сельские ткацкие фабрики Владимирской губ. работали на так называемом «давальческом» сырье, т. е. оказались в полной зависимости от крупных комбинированных предприятий. Эта зависимость еще более усилилась вследствие увеличения количества крахов «мелких» сельских фабрик. Крупные фирмы стали требовать от владельцев мелких предприятий вексельного обеспечения за товар, отпущенный им для переработки²².

Такие же сельские ткацкие фабрики имелись в Московской губ. По данным периодической печати, в 1912 г. сумма годового производства «мелкой» ткацкой промышленности Центрального района России достигала 200 млн. руб.²³.

Таким образом, крупные фабриканты при меньшей затрате средств, отсутствии риска (основные капиталовложения по организации сельских ткацких фабрик

²¹ ГАВО, ф. 266, оп. 25, д. 23, лл. 26, 37.

²² ГАВО, ф. 266, оп. 18, д. 51, л. 12; оп. 21, д. 67, л. 8.

²³ «Коммерсант», 4 января 1913 г.

приходились на долю их владельцев) через систему подобных «дочерних» предприятий укрепляли свои экономические позиции и получали дополнительные прибыли. Удельный вес мануфактур, имевших подобных сателлитов, в хлопчатобумажном производстве был значительно большим, нежели это кажется при первом ознакомлении с их деятельностью.

Крупные хлопчатобумажные фабрики Центрального района не ограничивались «собирательством» хлопчатобумажных фабрик. Стремясь увеличить свои прибыли, некоторые из них всерьез и небезуспешно занимались разрешением сырьевой проблемы. Еще в XIX в. они предпринимают активные шаги к развитию хлопководства в Закавказье и Средней Азии. В 1879 г. т-во м-р С. Морозова закупило и роздало среди населения Эриванской губ. семена американских и египетских сортов хлопчатника. Вслед за Морозовыми в Закавказье обосновалась Большая Ярославская м-ра и т-во Вл. Алексеева. В 80-е годы эти фирмы завезли туда первые хлопкоочистительные машины²⁴.

В 1882 г. владельцы Большой Ярославской м-ры предприняли первые шаги по организации хлопкового дела в Средней Азии, командировав туда своего уполномоченного для закупки хлопка. К 1895 г. т-во имело в Средней Азии обширные хлопковые плантации и 8 хлопкоочистительных заводов, на которых перерабатывалось до 2 млн. хлопка-сырца в год²⁵.

В XX в. хлопковое дело в Средней Азии продолжало развиваться, но уже на несколько иных основаниях. Вместо устаревших, расположенных на значительном удалении от сырья хлопкоочистительных заводов непосредственно в хлопководческих районах оборудовались новые предприятия. На заседании правления Большой Ярославской м-ры 8 июня 1904 г. состоялось решение о продаже Керкинского, Мервского, Митанского и Андижанского заводов т-ва, а в январе 1913 г. о покупке участков земли в Уч-Кургане и Чарджуе для постройки

²⁴ Р. А. Арутюнов. Развитие хлопководства в Армении после ее присоединения к России (Бывшая Эриванская губерния). Автореферат дис. на соиск. уч. степ. канд. эконом. наук. Тбилиси, 1955, стр. 8, 11.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 4, д. 3902, л. 19; «Ярославская большая мануфактура» (краткий очерк). М., 1896, стр. 7, 9—10.

механизированных хлопкоочистительных заводов²⁶. В эти же годы т-во начинает распродавать свои земельные владения. 29 октября 1909 г., например, правление приняло решение продать свои земли в Андижанском уезде (Андреевский хутор). Господствовавшая в Средней Азии полуфеодалная система ведения хлопкового хозяйства, основывавшаяся на ограблении декхан при помощи задатков под урожай, казалась фабрикантам выгоднее капиталистического плантационного хозяйства.

Следует также отметить, что Ярославская Большая м-ра закупала заграничный хлопок непосредственно в Соединенных Штатах Америки. В Нью-Йорке находился постоянный представитель т-ва²⁷.

Большую активность по обеспечению своих прядильных фабрик собственной сырьевой базой проявлял торговый дом Л. Кнопа. Однако пути решения сырьевой проблемы здесь были несколько иными, чем у Большой Ярославской м-ры. Торговый дом, не имевший собственных хлопковых плантаций и хлопкоочистительных заводов, контролировал крупные хлопкопромышленные фирмы. До 1911 г. Кнопам принадлежала большая часть паев Андреевского хлопкопромышленного т-ва, владевшего хлопкоочистительными и маслобойными заводами в Фергане и Намангане.

В конце 1911 г. Кнопы продали контрольный пакет паев Андреевского т-ва Русско-Азиатскому банку, сохранив лишь незначительное количество паев²⁸.

В предвоенные годы Кнопы подчинили себе другое крупное хлопкопромышленное предприятие — Потеляховское т-во. В соответствии с заключенным между ними договором все члены правления и члены ревизионной комиссии т-ва должны были избираться по указанию торгового дома²⁹. Операции Потеляховского т-ва наряду с торговым домом Кнопа финансировались Московским купеческим банком. Между торговым домом и банком имелось специальное соглашение, определявшее условия финансирования³⁰.

²⁶ ГАЯО, ф. 674, оп. 1, д. 4664, л. 17; д. 7584, л. 2.

²⁷ ГАЯО, ф. 674, оп. 1, д. 3969, л. 16; д. 4199, л. 12.

²⁸ ГИАЛО, ф. 1321, оп. 1, д. 54, лл. 1—3, 5—6.

²⁹ ГИАМО, ф. 253, оп. 2, д. 21, лл. 297, 455—456, 458, 461, 470.

³⁰ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 49—50.

Перечисленные факты деятельности крупнейших текстильных фабрикантов в сфере хлопководства и хлопковой торговли свидетельствуют о наличии благоприятных условий для процесса трестирования хлопчатобумажного производства. В. И. Ленин, отмечая стремление русских капиталистов развивать производство хлопка в Средней Азии, писал, что «таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут придти к монополизации источников сырья, к созданию более экономного и прибыльного текстильного треста с «комбинированным» производством, с сосредоточением *всех* стадий производства и обработки хлопка в одних руках»³¹.

Наряду с самостоятельной деятельностью отдельных хлопчатобумажных предприятий, крупные фабриканты Центрального района предпринимали в сфере хлопкоочистительной промышленности и в сфере хлопковой торговли коллективные усилия. Выше уже говорилось об активизации в этом направлении московских банков, принадлежавших различным группам хлопчатобумажных фабрикантов. Кроме того, фабриканты создавали коллективные предприятия: своеобразные «кооперативы» капиталистов по закупке, переработке и доставке хлопка. Еще в 1890 г. группа крупных московских фабрикантов (С. Т. Морозов, Н. Н. Коншин, Н. А. Балин и др.) учредила т-во «Русское хлопководство». Однако операции товарищества разворачивались неудачно. К 1896 г. оно потеряло значительную часть основного капитала, который не удалось пополнить, и вскоре ликвидировалось³².

В начале XX в. группа фабрикантов (Морозовы, А. И. Кузнецов и др.) организовала Туркестанское торгово-промышленное т-во, имевшее хлопкоочистительные заводы в Андижане, Намангане, Чусте³³. В 1904 г. московские фабриканты заинтересовались возможностью орошения земель в Туркестане. С этой целью в 1908 г. производилось детальное обследование Каракумской степи. Итоги обследования с точки зрения фабрикантов оказались отрицательными. Дело в том, что

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 249.

³² ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 40, д. 3688, лл. 19, 22, 32, 54, 64; ГАИО, ф. 636, оп. 1, д. 8, л. 92.

³³ «Акционерно-паевые предприятия России. 1913», стр. 354.

освоение обследованных территорий требовало огромных капиталовложений³⁴.

В 1909 г. та же группа фабрикантов создала Московскую оросительную компанию. А. И. Кузнецов, возглавивший новую компанию, получил командировку в Италию для ознакомления с постановкой ирригационного дела. Вслед за тем он выехал в Среднюю Азию. Вскоре туда была отправлена специальная экспедиция. После завершения работ экспедиции А. И. Кузнецов от имени Московской оросительной компании обратился в правительственные органы с предложением организовать орошение 250 000 десятин земель в Ферганской области. Сроки выполнения работ крайне растягивались. Только для изысканий по составлению проекта ирригационных работ первой очереди намечался двухлетний срок. Еще один год отводился для разработки и утверждения проекта работ. Окончательный договор между Московской оросительной компанией и правительством на орошение земель первой очереди утверждался лишь после принятия проекта, однако не позднее 4 лет и 3 месяцев со дня подписания предварительного договора. Работы первой очереди растягивались на 5 лет. Таким образом, первую очередь ирригационных сооружений в Средней Азии предполагалось ввести в строй через 10 лет. Срок же строительства второй очереди вообще точно не определялся³⁵. Условия договора позволяют сделать вывод о том, что московские фабриканты не столько стремились освоить новые земли в ближайшем будущем, сколько закрепить за собой наиболее пригодные для орошения площади. Они опасались, что лучшие земли могут быть перехвачены представителями других финансовых групп. Основательность подобных опасений подтверждается тем, что в эти же годы А. И. Ковалевский (за которым стоял Русско-Азиатский банк) предлагал правительству взять на себя орошение Ферганы. Инженер Чаев добивался концессии на орошение Голодной степи, а инженер Ананьев в 1912 г. заключил с правительством эмира

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 8, д. 301, л. 4; ф. 150, оп. 1, д. 47, лл. 289—291.

³⁵ ГАЯО, ф. 674, оп. 1, д. 4665, лл. 125, 127; ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 351, лл. 1, 23—24; ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 8, д. 301, лл. 4, 6—8.

Бухарского договор об орошении 72,5 тыс. десятин земли в Ширабадской долине. Свои права Анапьев передал акц. об-ву «Ширабад» с основным капиталом в 12 млн. руб., контрольный пакет которого принадлежал Русскому торгово-промышленному банку³⁶.

Московские капиталисты не ограничились получением концессии на орошение земель в Нарынской долине. В 1913—1914 гг. группа Рябушинских вела переговоры с Русско-Азиатским банком о передаче ей концессии «Гавар-Али» на орошение 10 000 десятин водами Аму-Дарьи. Сделка не состоялась, а вскоре истек срок концессии, и она потеряла силу. Другая группа московских капиталистов, объединившаяся вокруг Московской купеческой управы, обратилась в министерство торговли и промышленности с ходатайством о разрешении организовать т-во для орошения земель и ведения хлопководства в Туркестане. Т-во намеревалось арендовать 10 000 десятин земли в Кокандском уезде³⁷.

Оценивая попытки московских фабрикантов и петербургских банков начать ирригационные работы в Средней Азии, следует признать, что они ни в коей мере не могли разрешить проблему развития производительных сил этого богатейшего края. Большинство созданных капиталистами предприятий вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции так и не начали сколько-нибудь значительные ирригационные работы. Более того, колонизаторская деятельность банковских монополий в Средней Азии сопровождалась разрушением существующих производительных сил. Дело в том, что крупнейшие концессии («Ширабад», «Карши» и др.) оказались на густо населенных территориях. Осуществление ирригационных работ требовало сгона местного населения³⁸. Пагубные последствия такого «освоения» земель в полной мере не сказались потому, что капиталисты стремились лишь захватить наиболее удобные земли и мало заботились о том, чтобы немедленно начать ирригационные работы. Закрепление зе-

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 8, д. 342, л. 7; оп. 13, д. 165, л. 2; А. Рябинский. Ук. соч., стр. 8—9.

³⁷ См. В. Лаврентьев. Ук. соч., стр. 97; В. Н. Оглобин. Промышленность и торговля Туркестана. Из путевых заметок. М., [1914], стр. 6.

³⁸ См. Я. И. Лившин. Ук. соч., стр. 284—285.

мельных массивов, пригодных для орошения, следует рассматривать как одно из проявлений обострявшейся борьбы различных монополистических групп за сырьевое явление, характерное для капитализма на высшей стадии развития.

Не ограничиваясь хлопководством, промышленники Центрального района перед войной оживленно обсуждали вопрос о строительстве в Средней Азии бумагопрядильной и ткацкой фабрик³⁹. Более того, группа московских фабрикантов организовала акционерное общество для строительства текстильных фабрик в Туркестане с целью предотвратить конкуренцию будущих туркестанских предприятий. Подобные опасения имели под собой определенную почву, ибо еще в мае 1913 г. группа петербургских промышленников ходатайствовала об утверждении устава акционерного общества самаркандской прядильной и ткацкой фабрики⁴⁰.

Перед первой мировой войной московские торгово-промышленные круги заметно укрепили свои позиции в маслособойном деле. Соглашение московских хлопкооторговых фирм в маслособойном деле создавало определенные условия для консолидации их усилий в сфере хлопковой торговли. В 1913—начале 1914 г. они арендовали маслособойные заводы у администрации по делам обанкротившегося туркестанского т-ва Соловьева. Для эксплуатации маслособойных заводов Соловьева организовалось т-во «Беш-Бош», устав которого был утвержден в 1915 г. Акционерами «Беш-Боша» были следующие предприятия: торговый дом бр. Шлосберг, т-во Вл. Алексеев, московское торгово-промышленное т-во, Большая Ярославская м-ра, т-во для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии. Руководящая роль в кредитовании «Беш-Боша» принадлежала Московскому купеческому банку. Продукция маслособойных заводов поступала на казанские мыловаренные заводы Крестовниковых. Т-во «Беш-Бош» эксплуатировало 3 маслособойных завода, на которых имелось 19 прессов, т. е. вдвое меньше, чем у Андреевского т-ва, располагавшего 39 прессами. Однако к московской группировке больше тяготели торговый дом бр. Крафт в Потеляхов-

³⁹ «Коммерсант», 12 марта 1914 г.

⁴⁰ См. В. Н. Оглоблин. Ук. соч., стр. 66.

ское т-во, у которых имелось около 20 прессов ⁴¹. В противовес группе Русско-Азиатского банка, опиравшейся в хлопковой торговле на Вадьяевское т-во, которое ежегодно поставляло 2,5—3 млн. пудов хлопка, начинает оформляться другая группа, собиравшая около 5 млн. пудов среднеазиатского хлопка ⁴². Если учесть дружественные фирмы Потеляховых и Крафтов, то эта цифра возрастет до 7 млн. пудов, что приблизится к половине хлопка, закупавшегося в Средней Азии перед войной.

Отмечая факты проникновения текстильных фабрикантов в хлопковую торговлю, нельзя пройти мимо связанного с этим процесса — проникновения хлопковых торговцев в хлопчатобумажную промышленность Центрального района. Еще в 1909 г. Волжская прядильная м-ра принадлежала торговому дому Стукен и К°, имевшему крупные операции в хлопковой торговле. Представители этого торгового дома входили также в состав правления т-ва м-р Ф. Рабенек. Другая крупная хлопко-торговая фирма — торговый дом братьев Крафт в 1911—1913 гг. совместно с Кнопам и Алексеевыми владела Каспийской мануфактурой в г. Петровске. В конце 1913 г. м-ра перешла в руки азербайджанских коммерсантов ⁴³.

Себестоимость хлопчатобумажных изделий (а отсюда и конкурентоспособность предприятий), в значительной степени определявшаяся стоимостью сырья, сильно зависела также от стоимости топлива, красителей и ремонтного материала. Поэтому с давних времен хлопкобумажные фабриканты стремились обеспечить свои предприятия дешевым топливом. Для фабрик Центрального района, богатого лесами, таковым долгое время являлись дрова. В XX в. древесное топливо осталось основным видом топлива для предприятий, расположенных в лесных районах или в тех промышленных центрах, куда лес мог поступать дешевым водным путем. Перед первой мировой войной древесное топливо

⁴¹ См. А. П. Демидов. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М., 1926, стр. 192—193; В. Лаврентьев. Ук. соч., стр. 55—57; ГИАМО, ф. 753, оп. 1, д. 2, л. 1.

⁴² См. А. П. Демидов. Ук. соч., стр. 194.

⁴³ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 221, лл. 1—2; д. 495, л. 7; ф. 450, оп. 9, д. 901, лл. 220—222; «Акционерно-паевые предприятия России. 1913», стр. 298.

преобладало в Костромской, Тверской и Ярославской губерниях⁴⁴. Значительный удельный вес оно сохранило и в других губерниях промышленного Центра.

Предприятия, использующие дрова, как правило, имели собственные лесные массивы и сами организовывали заготовку и доставку дров. В 1895 г., например, Большая Ярославская м-ра в трех уездах Новгородской губ. имела 70 000 десятин леса, расположенного по судоходным рекам⁴⁵. Более 70 тыс. десятин земли (преимущественно леса) в Тверской и Смоленской губерниях принадлежало Тверской м-ре. Т-во м-р К. Прохорова владело землей общей площадью 23 812 десятин⁴⁶. Около 12 тысяч десятин лесов в Кинешемском, Юрьевецком и Нерехтском уездах Костромской губ. принадлежало т-ву м-р И. Коновалова в Бонячках⁴⁷.

В значительно меньшей степени использовался торф, имевшийся в Центральном районе в неисчерпаемых размерах. Освоение торфяных болот происходило непропорционально медленно. В 1914 г. торфом покрывалось 13,9% расходуемого предприятиями Центрального района топлива⁴⁸.

Значительные запасы подмосковного угля до войны совершенно не использовались в качестве топлива на предприятиях Центра России.

Оснащение в XX в. ряда текстильных предприятий двигателями дизеля вызвало расширение потребления высококалорийного топлива, в первую очередь нефти. Однако монополизация топливной промышленности, уже в самом начале XX в. достигшая высокого уровня, предопределила быстрый рост цен на минеральное топливо. Еще в 1900 г. иваново-вознесенские фабриканты жаловались, что цены на нефтепродукты за последние пять лет увеличились с 20 до 36 коп. за пуд. Цены на нефть продолжали расти и в последующие годы. Так, в 1912 г. за короткий промежуток времени они увели-

⁴⁴ См. П. Макарьев. Фабрично-заводская промышленность Костромской губ. накануне войны. Кострома, 1921, стр. 9; его же. Текстильная промышленность верховьев Волги. Кострома, 1926, стр. 32.

⁴⁵ «Ярославская большая мануфактура», стр. 11.

⁴⁶ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 923, л. 3; ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 1586в, л. 2.

⁴⁷ ГАИО, ф. 138, оп. 1, д. 4893, л. 1; д. 4901, л. 17.

⁴⁸ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 42, лл. 70—71.

чились в полтора раза⁴⁹. Поэтому с начала XX в. крупные текстильные фабриканты пытались создать в нефтяной промышленности собственные предприятия.

В 1901 г. группа московских капиталистов организовала Московско-Кавказское торгово-промышленное т-во для эксплуатации нефтяных источников в Баку. В состав правления т-ва вошли Г. А. Крестовников, Н. И. Прохоров, Н. А. Найденов, И. А. Баранов, К. А. Ясюненский и нефтепромышленник П. О. Гукасов. В 1905 г. на промыслах товарищества было добыто более 25 млн. пудов нефти⁵⁰. Однако новое предприятие не выдержало конкурентной борьбы с монополистами нефтяной промышленности. Дела т-ва пришли в упадок, предприятие понесло большие убытки и вскоре перешло в руки зарубежных финансовых групп, контролировавших нефтяную промышленность.

Так же неудачно кончилась и попытка московских капиталистов овладеть среднеазиатской нефтью. В 1908 г. при активном участии фабрикантов (П. А. и Н. Д. Морозовы, М. Л. Лосев, Б. Д. Востряков и др.) организовалось Среднеазиатское нефтепромышленное т-во (САНТО). Однако и здесь безраздельно руководящее положение заняли крупные нефтепромышленники. Директором-распорядителем САНТО стал С. Г. Лианозов⁵¹.

Еще одну попытку проникновения в нефтепромышленность предприняли в 1910 г. иваново-вознесенские фабриканты Дербеневы. Они создали нефтепромышленное о-во «Чаркен», имевшее целью организовать добычу и переработку нефти на острове Челекен. Кроме того, в 1913 г. П. Н. Дербенев приобрел в Балаханах (Баку) 5 десятин нефтеносной земли за 2,3 млн. руб. и передал ее для эксплуатации о-ву «Чаркен», основной капитал которого достиг теперь 5 млн. руб. Дербеневых также постигла неудача. О-во «Чаркен» приносило убыток. Не справившись с финансированием нефтепромышленного дела на Челекене, Дербеневы передали его английским капиталистам, создавшим в Англии общество «Чаркен—Челекен». Последнее в годы войны за-

⁴⁹ ГАИО, ф. 27, оп. 1, д. 28, л. 2; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 75, л. 34.

⁵⁰ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 701, лл. 2, 5, 13, 19; д. 702, л. 14.

⁵¹ «Коммерсант», 11 декабря 1909 г.

консервировало как нефтеразведку, так и строительство нефтепромыслов на Челекене ⁵².

В эти же годы отдельные хлопчатобумажные фабриканты проникают в каменноугольную промышленность. На шахтах, принадлежавших Прохоровской м-ре, перед войной ежегодно добывалось около 15 млн. пудов первоклассного антрацита ⁵³. Ф. Л. Кноп в 1912 г. являлся членом правления т-ва каменноугольных копей Р. Гилля ⁵⁴.

Возрастающая потребность в запасных частях к оборудованию, ввезенному из-за границы, заставила хлопчатобумажных фабрикантов заботиться о создании собственных механических заводов. В начале XX в. московские фабриканты во главе с Г. А. Крестовниковым организовали о-во механических изделий, которое не только выпускало запасные части, но и впервые в России наладило производство ткацких станков. Вслед за ними такое же о-во создали иваново-вознесенские фабриканты, купившие небольшое предприятие и переоборудовавшие под механический завод помещение одной из текстильных фабрик ⁵⁵. Небольшие механические заводы, изготовлявшие миткалевые ткацкие станки, запасные части к ним, каретки Добби и аппараты для ситцевых фабрик, возникли в Шуче, Коврове и других промышленных центрах. Оборудование крупнейших механических заводов Центра России позволяло им выпускать в год не менее 10 тыс. ткацких станков системы «Платт» ⁵⁶.

Перед первой мировой войной владельцы текстильных предприятий только в исключительных случаях участвовали в предприятиях других отраслей промышленности, не имевших прямых связей с текстильным производством.

В Лодзинском промышленном районе в эпоху империализма также сложилась группа крупнейших хлопчатобумажных предприятий. К таковым можно отнести

⁵² ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1468.

⁵³ «Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры». М., 1915, стр. 255—256.

⁵⁴ «Акционерно-паевые предприятия России. 1913», стр. 91.

⁵⁵ ГИАМО, ф. 673, оп. 7, д. 232, л. 4; ГАИО, ф. 2, оп. 1, д. 7037, лл. 76—77; П. А. Б у р ы ш к и н. Ук. соч., стр. 182.

⁵⁶ «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1914, № 1, стр. 39, 45.

торговый дом, а затем акц. о-во И. К. Познанского, акц. о-во К. Шейблер, акц. о-во Видзевских м-р. Познанские еще в 80—90 гг. XIX в. предприняли первые шаги в хлопковой торговле как в Закавказье, так и в Средней Азии⁵⁷. В XX в. операции в Средней Азии разворачивались весьма успешно. В 1907 г. Познанские выделили среднеазиатские предприятия в самостоятельное акц. о-во «Хлопок» с основным капиталом в 1,5 млн. руб. Общество эксплуатировало в Средней Азии 6 хлопкоочистительных заводов⁵⁸. С другой стороны, представители крупных хлопкоторговых фирм участвовали в хлопчатобумажных предприятиях Лодзинского района. Еще в 1902 г. значительная часть паев Петраковской м-ры принадлежала торговому дому бр. Шлосберг, занимавшемуся торговлей хлопком. Несколько позднее представители торгового дома стали пайщиками и членами правления Зассенгофской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры⁵⁹.

Аналогичные процессы протекали в Петербургском районе. Еще в 1899 г. здесь произошло объединение трех хлопчатобумажных предприятий в акц. о-во Воронина, Лютш и Чешер. В дальнейшем это объединенное предприятие подчиняет своему влиянию Сампсониевскую м-ру. В 1908 г. на заседаниях правления последней регулярно присутствовал К. О. Чешер — один из совладельцев объединенной фирмы⁶⁰. В результате о-во Воронина, Лютш и Чешер становится самым мощным хлопчатобумажным предприятием Петербурга.

В 1912 г. под руководством Петербургского частного коммерческого банка произошло фактическое слияние еще трех хлопчатобумажных предприятий. Первоначальный проект предполагал объединить в единое акц. о-во с основным капиталом в 7 млн. руб. Российскую бумагопрядильню, Северную ткацкую м-ру и ситценабивную фабрику бр. Леонтьевых⁶¹. В таком виде проект не осуществился, ибо над предприятием бр. Леонть-

⁵⁷ Р. А. Арутюнов. Ук. соч., стр. 8, 11.

⁵⁸ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1908, лл. 6, 10.

⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 1425, оп. 1, д. 508, л. 5; ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 416, лл. 4, 10.

⁶⁰ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 89, л. 8; д. 78, л. 49.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 2, д. 737, л. 10; ГИАМО, ф. 331, оп. 1, д. 1496, л. 17.

свых в 1912 г. была учреждена администрация. В новой комбинации участвовали Российская бумагопрядильня, Гергарди и Северная ткацкая м-ра. В начале 1912 г. между правлениями этих предприятий и правлением Петербургского частного коммерческого банка состоялось соглашение об условиях объединения. Хотя формально каждая фабрика числилась самостоятельным предприятием, в действительности все они стали частями единого хозяйственного организма. Следует отметить, однако, что деятельность объединенных предприятий развивалась неудовлетворительно. Неустойчивая конъюнктура рынка, большие расходы по ремонту оборудования и машин ввиду крайне запущенного их состояния, отсутствие правильного счетоводства и отчетности — все это привело к тому, что об-во за 1913 и 1914 гг. не получило прибыли⁶².

Среди петербургских хлопчатобумажных предприятий следует выделить еще одну группу, контролируемую английскими капиталистами. Основная часть акций Новой бумагопрядильни в начале XX в. принадлежала английским коммерсантам, группировавшимся вокруг торгового дома Блессинг и К^о и торгового дома Джемс Вишау. Некоторую долю участия в этом предприятии имели Гарвей Губбард и К^о и петербургские банки (Русский для внешней торговли, Петербургский международный и др.). Торговый дом Блессинга вплоть до 1914 г. контролировал также Сампсониевскую м-ру⁶³. Среди акционеров Российской бумагопрядильни в начале XX в. также видное место занимали английские капиталисты и их поверенные (Блессинги, Максвеллы и др.), хотя значительное число акций принадлежало Ю. С. Нечаеву-Мальцеву, владевшему крупным хлопчатобумажным предприятием в Центральном промышленном районе⁶⁴. Торговый дом Джемса Вишау широко кредитовал братьев Леонтьевых. Представитель Вишау вошел в администрацию по делам т-ва, учрежденную в 1912 г.⁶⁵.

⁶² ЦГИАЛ, ф. 597, оп. 2, д. 409, л. 5; д. 413, лл. 124, 226—227; ф. 622, оп. 2, д. 125, лл. 24—26, 28, 29—31.

⁶³ ГИАЛО, ф. 1256, оп. 1, д. 8, лл. 5—7, 13; д. 78, л. 49.

⁶⁴ ГИАЛО, ф. 1196, оп. 1, д. 130, л. 68; д. 146, лл. 14—17.

⁶⁵ ГИАЛО, ф. 1305, оп. 1, д. 70, лл. 5—8; ф. 1318, оп. 1, д. 17, лл. 109, 116—117.

Петровская, Спасская и Шлиссельбургская м-ры в начале XX в. принадлежали английскому торговому дому Эджертон Губбарт и К°, образовавшему в Англии общество «Англо-Русские мануфактуры» с основным капиталом 470 000 фунтов стерлингов. В правления всех этих предприятий входили одни и те же лица — члены и представители торгового дома Э. Губбарт (Е. Губбарт, Е. Дурант и др.)⁶⁶. Правления всех трех предприятий для разрешения общих вопросов нередко собирались в один и тот же день. Точнее, все вопросы рассматривались на одном заседании, а затем уже оформлялись отдельные протоколы. Еще более регулярно происходили заседания правлений однородных предприятий (Петровской и Спасской м-р), где рассматривались и разрешались повседневные текущие вопросы⁶⁷.

В дореволюционной литературе это объединение не осталось незамеченным. Так, в справочнике «Русские биржевые ценности 1914—1915 гг.», вышедшем под редакцией М. И. Боголепова, прямо указывалось, что оно «представляет собой в области русской мануфактуры трест в миниатюре»⁶⁸. Но могло ли объединение трех сравнительно мелких фабрик действовать как монополистический союз? Ведь удельный вес их в хлопчатобумажной промышленности был незначителен. Вместе с тем положение «треста в миниатюре», если вникнуть в некоторые детали, оказывается иным, чем представляется на первый взгляд. Дело в том, что Шлиссельбургская м-ра выпускала по преимуществу так называемые московские ситцы, а остальные крупные предприятия района, имевшие завершающий цикл хлопчатобумажного производства (акц. о-во Воронин, Лютш и Чешер и предприятие бр. Леонтьевых), специализировались в несколько иных направлениях. Сложившееся в XIX в. разграничение рынков позволяло «тресту» занимать монопольное положение в своем районе. Аналогичную роль на рынках играли, видимо, акц. о-во Воронин, Лютш и Чешер, т-во Леонтьевых и другие крупные предприятия. Это не могло не тормозить создания более крупных монополистических союзов. Даже в

⁶⁶ «Голос Москвы», 8 сентября 1907 г.; ГИАЛО, ф. 1412, оп. 1, д. 94, лл. 2, 4, 6—7; П. В. Оль. Ук. соч., стр. 61.

⁶⁷ ГИАЛО, ф. 1412, оп. 1, д. 241, лл. 2—3, 6—8.

⁶⁸ «Русские биржевые ценности 1914—1915 гг.». Пг., 1915, стр. 108.

XX в., когда левнафаны текстильного производства, не удовлетворяясь своими традиционными рынками, стали проникать в районы других групп, они не могли еще сразу поколебать их позиции, ибо последние опирались на десятилетние торговые связи, традиционные обычаи и опыт.

В таком же монопольном положении на рынке могли оказаться более крупные и мощные комбинированные предприятия Центра. Каждое из трех морозовских предприятий, к примеру, могло давать в среднем около $\frac{1}{3}$ так называемых «морозовских» тканей. Удельный вес достаточный, если учесть разграничение рынков, для того, чтобы занимать монопольное положение при сбыте определенного вида хлопчатобумажных изделий. В меньшей степени это присуще участникам московского ситцевого картеля, хотя и здесь при сложившихся торговых связях предприятий не исключалось монопольное положение их в том или ином районе сбыта.

В конце XIX—начале XX в. традиционные районы сбыта стали перемешиваться. Крупнейшие фирмы открывали местные отделения и склады. Конкурентная борьба обострялась. Для сохранения монопольного положения возникла необходимость дополнительных соглашений, в первую очередь там, где появлялось больше конкурентов. Возникли картели московских и иваново-вознесенских ситцевиков.

Несмотря на то что рассмотренные нами фирмы и комбинированные предприятия могли занимать и занимали монопольное положение на рынке, мы не можем назвать их трестами. Дело в том, что их монопольное положение оставалось крайне неустойчивым и могло нарушиться в результате любых привходящих обстоятельств. Их экономическая мощь в целом была сравнительно незначительной, финансовая база слишком слабой, чтобы действовать в качестве высших типов монополистических союзов, занимающих безраздельное командное положение в своих отраслях производства. На наш взгляд, нельзя не согласиться с М. Цвибаком, что три объединенных предприятия (и все подобные им организации) правильнее называть комбинатами⁶⁹. Эта форма организации производства точнее опи-

⁶⁹ М. Цвибак. Ук. соч., стр. 52.

ределяет их место в хлопчатобумажной промышленности, не исключая возможности выступления подобных объединений на том или ином рынке в качестве монополистов.

В других отраслях текстильной промышленности процесс объединения предприятий и централизации производства проходил менее интенсивно, чем в хлопчатобумажной.

В суконной промышленности в первую очередь выделяется т-во В. Алексеева, владевшее Даниловской м-рой, суконной фабрикой в г. Пушкино и крупной шерстомойкой в Харькове. Членам этой фирмы (Четвериковым) принадлежала Городищенская суконная фабрика. Во всех этих предприятиях правления состояли из членов семей Четвериковых и Алексеевых и их служащих. По данным периодической печати, перед первой мировой войной т-во оказывало значительное влияние на деятельность суконной фабрики Тюляева. Кроме того, т-во арендовало в районе Ачинска—Минусинска большие земельные площади и содержало на них почти пятидесятитысячное стадо мериносовых овец⁷⁰.

Большую настойчивость по овладению крупными шерстяными предприятиями проявил крупный торговец шерстью Пельтцер. Еще в 1906—1907 гг. ему удалось приобрести часть паев крупного суконного предприятия «Иокиш» и войти в состав его правления. К 1914 г. он сосредоточил в своих руках большую часть паев этого предприятия. Одновременно Пельтцеру удалось овладеть крупнейшей шерстяной фабрикой России—Штиглица и Ауха в Петербурге. Он же являлся одним из крупных кредиторов А. Д. Протопопова и вошел в состав администрации, учрежденной по делам его суконного предприятия⁷¹.

Накануне первой мировой войны объединительные тенденции в суконной промышленности получили дальнейшее развитие. Т-во П. Митрофанова контролировало суконные фабрики Алексеевых и Шульца. Фабрика Ба-

⁷⁰ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 49, лл. 2, 4; д. 48, лл. 14; д. 345, лл. 2—8, 32—33; д. 348, лл. 2—3; д. 1154, лл. 2, 14, 32; ГАХО, ф. 922, оп. 1, д. 49, л. 41; «Деньги», 17 июля 1914 г.; С. Четвериков. Безвозвратно ушедшая Русь. Берлин, б/д, стр. 21, 38.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 597, оп. 2, д. 408, лл. 1—2; ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 475, л. 2; «Деньги», 17 июля 1914 г.

рышниковых в Клинцах объединилась с Машковской в целях изготовления специального казенного сукна из шленской шерсти. Т-во Хутаревых заключило сделку на покупку суконной фабрики Сувилова. Некоторые крупные суконные фабрики, испытывая недостаток пряжи и имея слабые аппретурные отделения, законтрактовали мелкие прядильно-ткацкие или аппретурные фабрики. Последние не могли уже самостоятельно выступать на рынке⁷².

Отдельные суконные фабриканты свою деятельность распространяли на другие отрасли промышленности и торговли. Алексеевы и Четвериковы не ограничивались овцеводством и торговлей шерстью и хлопком. Они проникают в металлургическую и электротехническую промышленность. Еще в XIX в. им принадлежала одна из двух золотоканительных фабрик в России. В 1893 г. т-во В. Алексеев и торговый дом П. Вишняков и А. Шамшин, стремясь полностью монополизировать производство и сбыт изделий, договорились об объединении этих предприятий. Объединенное Московское т-во торговли и золотоканительного производства «В. Алексеев, П. Вишняков и А. Шамшин», открыло действия в 1894 г. Новое предприятие полностью монополизировало продажу своих изделий, передав ее в крупнейших центрах торговли своим представителям. В конце XIX—начале XX в. предприятие наладило производство электрических кабелей, а к 1914 г. оно становится одним из контрагентов «Электропровода» — синдиката, объединившего все кабельные заводы России. В связи с растущей потребностью в меди т-во Вл. Алексеева организовало добычу медной руды на Алтае, заключило соглашение с синдикатом «Медь» и торговым домом Воггау о поставке электролитической меди, необходимой для меднопрокатного отдела. На приобретенном т-вом заводе Болотова перед войной было налажено производство электрических ламп. Для сбыта ламп т-во создало синдикат московских электроламповых предприятий, прикрывшийся вывеской торгового дома «Электросвет», который возглавил один из директоров т-ва — Т. М. Сербин⁷³.

⁷² «Деньги», 17 июля 1914 г.

⁷³ ГИАМО, ф. 883, оп. 2, д. 1, лл. 6—7, 42, 54; д. 2, лл. 3, 13; лд. 1089, 1093.

Объединение предприятий льняной промышленности осуществлялось Рябушинскими, опиравшимися на Московский банк.

Накануне мировой войны первую серьезную попытку проникновения в льняную промышленность предпринял Н. Ф. Беляев, как известно, занимавшийся в те же годы под руководством Н. И. Прохорова «собираТЕЛЬСТВОМ» в хлопчатобумажной промышленности. В 1913 г. Н. Ф. Беляев, являясь арендатором Петринской льняной м-ры, скупил большую часть претензий кредиторов, приобрел закладную от Кнопов и стал фактическим владельцем этого предприятия. Ему удалось отстранить от дела прежнего владельца фабрики Малинина⁷⁴. В начале XX в. основная часть паев Романовской льняной м-ры перешла в собственность к английским фабрикантам Торнтонам, владельцам крупной суконной и шерстяной фабрики в Петербурге⁷⁵.

Владельцы самого крупного в России шелкового предприятия — акц. о-ва К. О. Жиро участвовали в ряде других предприятий. В 1906 г. П. К. Жиро вошел в правление Русско-французского анонимного о-ва вязаных изделий. Правление о-ва находилось во Франции, а фабрика — в Ростокине. Жиро являлся также одним из учредителей и директором акц. о-ва телефонных сооружений, организованного в Москве в 1911 г. группой московских капиталистов, и состоял членом совета о-ва производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь»⁷⁶.

Таким образом, к кануну войны в текстильной промышленности России достаточно определенно сложился сравнительно узкий круг крупнейших капиталистов, по преимуществу владельцев значительных комбинированных предприятий, стремившихся расширить свое влияние в текстильном производстве путем приобретения и подчинения новых фабрик, делавших первые шаги к проникновению в другие отрасли экономики. В конечном итоге их деятельность в этом направлении приводила к централизации производства, ускоряла процессы

⁷⁴ «Коммерческий телеграф», 1 марта 1913 г.; ГИАМО, ф. 270, оп. 3, д. 69, л. 107.

⁷⁵ ГИАМО, ф. 450, оп. 9, д. 713, лл. 12, 71, 97, 133.

⁷⁶ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1967, л. 28; ф. 450, оп. 9, д. 901, лл. 190, 198.

монополизации. С одной стороны, именно из этого круга капиталистов выходят организаторы и руководители картельных объединений, существовавших в текстильной промышленности. С другой стороны, централизация производства и капитала в руках немногочисленной верхушки предпринимателей готовила почву для монополистических союзов высшего типа.

§ 2. Возникновение монополистических объединений высшего типа

Процесс централизации текстильного производства подготовил на рубеже XIX—XX вв. условия для возникновения первых объединений трестовского типа. Тенденции к трестированию были весьма устойчивыми.

В хлопчатобумажной промышленности первое трестовское объединение возникло в ниточном производстве. Оно являлось российским филиалом международного ниточного треста, созданного английской компанией Коатс. Свои действия в России компания Коатс открыла еще в XIX в. В 1890 г. она приобрела петербургскую Невскую ниточную мануфактуру. В 1900—1907 гг. трест приобрел Невскую бумагопрядильню и поглотил все наиболее крупные российские ниточные фабрики: Лодзинскую ниточную м-ру, Рижскую бумажную м-ру в Страденгофе, фабрику Кениг в Петербурге и др. В 1913 г. в России насчитывалось 30 ниточных бумагокрутильных предприятий с 15 тысячами рабочих с суммой производства в 40 млн. руб. Из них 18 (мелкие предприятия) не изготавливали швейных ниток. На шести предприятиях, объединенных ниточным трестом, сумма основного капитала достигала 35 млн. руб., а стоимость продукции 25 млн. На фабриках треста работало 11 тысяч рабочих. Юридически предприятия, входившие в трест, сохраняли самостоятельность. В действительности же вся производственная деятельность и сбыт каждого из них до мелочей регламентировались фирмой Коатс. Центральное агентство фирмы руководило российскими предприятиями через Невскую ниточную м-ру, где сосредоточивалось повседневное управление остальными предприятиями треста в России. Накануне первой мировой войны ниточный трест сосредоточил в своих руках почти все производство и торговлю нитками в стране. Кроме того, в 1913 г. состоялось согла-

шение с самым опасным конкурентом треста—Богородско-Глуховской м-рой о способах, ценах и условиях продажи ниток. Некоторое количество ниток сбывалось морозовскими фабриками через торговцев мануфактурой и Петербургской ниточной м-рой, возникшей в 1907 г., через компанию Зингер вместе со швейными машинами⁷⁷.

Основные направления и результаты деятельности ниточного треста в России обстоятельно рассматриваются в статье Э. Э. Крузе. Однако нельзя согласиться с утверждением Э. Э. Крузе, что в соответствии с соглашением, достигнутым между Невской ниточной м-рой и Богородско-Глуховской м-рой, «Невская ниточная мануфактура становилась продавцом товаров Богородско-Глуховской мануфактуры»⁷⁸. Некоторые документы позволяют уточнить подобную оценку взаимоотношений между этими предприятиями.

Безусловно, соглашение было чрезвычайно полезным для треста. Он парализовал своего наиболее опасного конкурента тем, что ограничил размеры его производства ниток, связал его картельным соглашением о ценах и условиях продажи. Выгоды от этого соглашения были столь значительны, что Невская ниточная м-ра выплачивала А. В. Бер и В. О. Гиршману, способствовавшим заключению договора, ежегодно по 20 тысяч рублей. Трест обязывался выплачивать эту сумму в течение десяти лет действия соглашения. Тем не менее соглашение не до конца удовлетворяло руководителей треста. Они обещали выплатить упомянутым лицам 100 000 рублей за содействие в полном слиянии торговых операций или достижении такого рода прочного соглашения, которое «не может быть ни под каким видом расторгнуто». О том, что Богородско-Глуховская м-ра по существующему соглашению имела право самостоятельной продажи ниток, можно судить также на основании выдержки из отношения правления Невской ниточной м-ры от 23 января 1915 г.: «Относительно урегулирования цен на марки «Топор», «Ножницы» и «Лев», Вы, быть может, ввиду весьма удовлетворительных результатов, достигнутых в декабре Вашим Мос-

⁷⁷ См. Э. Крузе. Табачный и ниточный тресты. В сб. «Из истории империализма в России», стр. 68—83.

⁷⁸ Э. Крузе. Ук. соч., стр. 82.

ковским и Екатеринбургским отделениями, найдете возможным и в этот раз не настаивать на экстренном повышении цен на «Ножницы» и «Лев» в 30 коп., тем более, что наша продажа в этих двух марках в декабре п. г. в районах, обслуживаемых Вашим Екатеринбургским отделением, опять немного отстала против прошлого»⁷⁹. Если процентное отношение продажи ниток Богородско-Глуховской м-ры было твердо определено соглашением от 8 ноября 1913 г., то цены на различные виды ниток и условия продажи определялись после обмена мнениями с ее руководителем Н. Д. Морозовым. При этом инициатива изменения цен исходила иногда от Н. Д. Морозова и с его предложениями соглашались руководители треста. Об этом свидетельствует переписка между Н. Д. Морозовым и Б. В. Маквицем за 1914—1917 гг., хранящаяся в фонде Невской ниточной м-ры. Так, например, в письме на имя Н. Д. Морозова от 4 мая 1917 г. говорилось: «Ваше уважаемое письмо от 2 числа с. м. я получил и, разделяя вполне Ваш взгляд на размеры необходимого повышения цен, нахожу возможным ввести новый расценки на наш товар с 15 мая с. г., о чем ныне сообщается всем нашим отделениям письменным путем»⁸⁰. Соглашение между трестом и Богородско-Глуховской м-рой существовало вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Более того, сотрудничество между ними еще более окрепло. Принадлежавшие Богородско-Глуховской м-ре прядильные фабрики акц. о-ва Д. Бек в Петрограде в январе—апреле 1917 г. изготавливали пряжу для ниток, сдаваемую Невской ниточной м-ре и Богородско-Глуховской м-ре. При этом 8800 веретен (из общего количества 112 000) производили кордированную пряжу для швейных ниток от 16 до 24-го номера только для Невской ниточной м-ры⁸¹.

В 1907 г. интенсивную деятельность по объединению крупнейших предприятий Лодзинского района развернул Deutsche Bank. Первоначально предполагалось организовать хлопчатобумажный трест в форме акционерного общества, объединяющего хлопчатобумажные

⁷⁹ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 1, д. 3616, лл. 7—9, 36, 71—72, 107—108, 124, 129, 133—134.

⁸⁰ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 1, д. 3616, л. 132.

⁸¹ ГИАЛО, ф. 1245, оп. 1, д. 749, лл. 1—2.

предприятия Шейблера, Познанского, Громана и Лодзинской итточной м-ры. Однако соглашения владельцев фабрик об оценке предприятий и распределении паев будущего предприятия не удалось достигнуть. Серьезным препятствием оказались также предстоящие колоссальные расходы при конверсии бумаг и различные юридические формальности⁸².

В начале 1914 г. в Москве возникло «Т-во на паях для внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами». Паи этого т-ва (сумма основного капитала — 15 млн. руб.) принадлежали исключительно трем хлопчатобумажным предприятиям: т-ву Н. Коншина, т-ву А. Гюбнера и Даниловской м-ре.

В периодической печати того времени это объединение называлось ситцевым синдикатом. Аналогичная оценка этой организации дается и в современной историко-экономической литературе⁸³. С подобными утверждениями трудно согласиться, хотя на первый взгляд они и имеют под собой почву. Устав т-ва на паях для внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами по своей структуре и содержанию чрезвычайно напоминает уставы тех многочисленных контор по сбыту изделий («Продамета», «Продуголь» и пр.), за невинной вывеской которых скрывались мощные синдикаты. Однако сходство т-ва с этими синдикатами в значительной мере чисто внешнее. Как уже отмечалось, паи т-ва принадлежали всего трем комбинированным предприятиям. Члены совета и члены правления т-ва внутренней и вывозной торговли являлись в то же время членами правлений и ревизионных комиссий указанных трех предприятий, в которых решающая роль принадлежала группе Второва—Кнопа⁸⁴.

Взаимоотношения предприятий с т-вом также свидетельствуют об особых связях, более прочных и глубоких, чем в синдикатах. Правда, эти связи не особенно популяризировались инициаторами создания объединения. Более того, они старались о них умалчивать. Так,

⁸² «Торгово-промышленная газета», 20 июня 1907 г.; «Голос Москвы», 21 сентября 1907 г.

⁸³ П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX—XX веках, стр. 328—329; Я. И. Лившиц. Ук. соч., стр. 45—46.

⁸⁴ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 219, лл. 5—6; д. 353, лл. 2, 5, 26; «Фабрично-заводские предприятия Российской империи», 1914, К-535.

в докладе правления т-ва м-р Н. Коншина общему собранию пайщиков от 11 марта 1914 г. цели объединения определялись следующим образом: «Существующая в настоящее время организация торговли, с многочисленными отделениями и складами, с громадным штатом служащих, вызывает крупные расходы и ложится тяжелым бременем на торговые дела. К этим расходам следует прибавить потери от ежегодно увеличивающегося количества неплатежей. Поставив себе задачей сокращение торговых расходов и понижение процента на делькредере, правление пришло к заключению, что задачи эти наилучшим способом могли быть осуществлены путем отделения торговли от фабричного производства и передачи ее одному солидному контрагенту, который и явится на рынке продавцом товара нашего товарищества»⁸⁵. В бюллетене т-ва Э. Циндель, информированность составителей которого не может вызвать сомнений, дана более точная оценка характера и целей этого объединения: «Несомненно, что такое объединение имеет свои крупные преимущества, заключающиеся, главным образом, в устранении конкуренции между этими фирмами, сокращении торговых расходов и, как результат централизации, в облегчении управления»⁸⁶. Аналогичную оценку дает объединению и газета «Утро России»: «Выгоды объединения заключаются в общей организации кредита, складов, торговых расходов, регулировании производства и в борьбе с недобросовестными плательщиками»⁸⁷. Об облегчении управления предприятиями, как результате централизации, и о регулировании производства в докладе правления т-ва м-р Н. Коншина пайщикам не сказано ни слова. Такая «забывчивость» объяснима. Видимо, инициаторы объединения боялись сопротивления меньшинства акционеров.

Фактическое объединение управления производством выдавалось за объединение исключительно торговых операций. Правление группы комбинированных предприятий формально является правлением особого торгового предприятия, имевшего единственную цель — улучшить условия сбыта трех якобы самостоятельных предприятий.

⁸⁵ ГИАМО, ф. 673, оп. 7, д. 168, л. 9.

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, л. 198.

⁸⁷ «Утро России», 23 февраля 1914 г.

Мелкие акционеры формально ничего не могли возразить против участия своих «самостоятельных» предприятий в т-ве внутренней и вывозной торговли, хотя в результате фактического объединения всех трех предприятий их позиции еще более ослаблялись. Выгоды же объединения для его инициаторов видны хотя бы из того, что вознаграждение за занимаемые ими должности составляло для них крупный источник дополнительных доходов. Н. А. Второв, например, только в 1915/16 операционном году получил более 400 тыс. руб.⁸⁸

Вместе с тем необходимо отметить, что внешне, формально взаимоотношения правлений трех предприятий и правления т-ва строились на чисто коммерческой основе. Товар «продавался» и «покупался». Между «покупателем» и «продавцом» оформлялась соответствующая документация. Наклейка ярлыков т-ва «внутренней и вывозной торговли» также не получила распространения. Т-во, как правило, продавало товар под их фабричными ярлыками⁸⁹. Некоторые коммерческие операции производились непосредственно самими предприятиями.

В периодической печати объединенные предприятия именовались объединенной мануфактурой, руководимой Н. А. Второвым. В письме иваново-вознесенского фабриканта А. М. Гандурина в связи с созданием т-ва внутренней и вывозной торговли выдвигался проект объединения т-ва м-р А. М. Гандурина и т-ва Н. и Л. Гандуриных. «Коншин, Даниловская м-ра, Губнер соединяются вместе по продаже товаров и работе; будто намерен и Циндель, — писал он 15 февраля 1914 г., — еще придет недалекое время, и другие фабриканты этому примеру последуют и у Вас в Иванове. Сереженька, проводи мысль вместе с братьями об этом деле, что я советую для родовой фамилии, дело будет больше и солиднее, работенка больше»⁹⁰.

По данным бюллетеня т-ва Э. Циндель, новое объединение сосредоточило в своих руках производство

⁸⁸ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 219, лл. 5—6; д. 353, лл. 2—5, 26; д. 339, л. 2; д. 340, л. 15.

⁸⁹ ГИАМО, ф. 331, оп. 1, д. 1463, лл. 89—91, 100, 103, 108, 110, 131.

⁹⁰ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 824, лл. 1, 3.

7 млн. кусков (37%) из 18—19 млн. кусков «московского» ситца, изготовлявшегося на всех предприятиях⁹¹.

Показательно также и то, что т-во внутренней и вывозной торговли не являлось объединением однородных предприятий. В 1915 г. в него влилось т-во А. Г. Гусева, не имевшее ситцепечатного производства. Группа Второва—Кнопa приобрела 51% паев этого предприятия (356 и 700)⁹². Форма объединения также была весьма своеобразной. Т-во А. Г. Гусева не могло являться четвертым равноправным членом объединения. Оно скорее принадлежало т-ву внутренней и вывозной торговли.

Группу т-ва внутренней и вывозной торговли правильнее будет определить как организацию, относящуюся к монополистическим объединениям высшего типа. По своему характеру она ближе к монополистическим объединениям, получившим в современной литературе наименование монополий общности интересов, являющихся разновидностью монополий трестовского типа. Здесь нет полного слияния собственности участников группы и полного объединения предприятий. Личная уния, «система участия» и финансовый контроль узкой корпорации дельцов позволили создать прочное объединение предприятий, сохранявших формальную самостоятельность. Наряду с Второвым заметную роль в объединении играли Кнопa и Коншины, выступавшие в качестве младших партнеров. Однако общее руководство деятельностью объединенных предприятий сосредоточивалось в руках Н. А. Второва. Монопольное положение объединения обеспечивалось значительным удельным весом в производстве определенного вида продукции их фактически объединенных предприятий и мощным торговым аппаратом. Развернутая сеть отделений и оптовых складов в Европейской России и в особенности в Средней Азии, Сибири, собственные представительства за границей (в Маньчжурии и Северном Китае) давали возможность монополизировать сбыт продукции, легко расправляться в районах торговли с конкурентами. Кроме собственного торгового аппара-

⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 348, лл. 198—199.

⁹² ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 322, л. 3; ЦГАОР, ф. 5457, оп. 2, л. 8, лл. 27—28; Государственный архив Октябрьской революции Московской области (ГАОРМО), ф. 2122, оп. 1, д. 83, лл. 1—2.

та правление т-ва опиралось на торговое предприятие Н. А. Второва, продолжавшее самостоятельное существование. В 1906 г. Н. А. Второву удалось приобрести скупное мануфактурное дело И. Д. Стахеева в Сибири и тем самым укрепить монопольное положение своей торговой фирмы в этом районе⁹³.

В конце 1913 г. объединились фабрики бумажных кружев. Новая организация, созданная т-вом Московской кружевной фабрики, в периодической печати справедливо получила наименование кружевного синдиката. В результате ряда финансовых операций и деловых соглашений т-во Московской фабрики кружевных изделий сосредоточило в своих руках сбыт продукции всех крупнейших кружевных предприятий страны. Руководители т-ва этим не ограничились. Они стали скупать кружевные предприятия, входившие в синдикат. Т-во приобрело фабрику акц. о-ва М. С. Фейнкинд в Варшаве, кружевную фабрику Густав Гайер в Лодзи и кружевной отдел тюлево-кружевной фабрики Флетчер в Москве⁹⁴.

Сразу же после осуществления этих комбинаций цены на товары повысились на 10%⁹⁵. Т-во Московской кружевной фабрики и созданное им объединение финансировались и контролировались Азовско-Донским банком и Юнкер-банком. Контрольный пакет находился в руках банка И. В. Юнкер и К°. Интересы банков в правлении т-ва представлял И. Г. Коган. В конце 1916 г., после реорганизации Н. А. Второвым Юнкер-банка в Московский промышленный банк, последним стал безраздельно опекать группу кружевных фабрик, объединенную т-вом Московской фабрики кружевных изделий⁹⁶.

В других отраслях текстильного производства известные нам попытки создания трестовских объединений в предвоенный период имели место лишь в шелковой промышленности. 17 июля 1908 г. состоялось совещание представителей трех самых крупных предприя-

⁹³ ГИАМО, ф. 450, оп. 8, д. 1137, лл. 7, 13, 29; ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 61, л. 218.

⁹⁴ См. С. О. Загорский. Ук. соч., стр. 108; «Коммерческий телеграф», 6 сентября 1913 г.; «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района», 1913, № 5, стр. 26.

⁹⁵ «Биржа», 1913, № 46, стр. 18.

⁹⁶ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 670, л. 54; д. 767, лл. 1—2; д. 768, лл. 1—2, 7, 27; д. 768, лл. 2—3, 18.

тий шелковой промышленности — Симоно и К°, Жиро и сыновья, т-ва шелковой м-ры. Совещание пришло к выводу, что «только унификация продажи смогла бы приостановить существующую конкуренцию». Но так как продажа тесно связана с производством, то централизация торговли была признана невозможной без унификации продукции производства всех трех фабрик. На следующих заседаниях фабриканты определили общие принципы предполагаемого объединения. Имущество всех предприятий предполагалось оценить по единой оценке. На этой основе намечалось определить количество паев нового предприятия, переходивших в распоряжение владельцев объединяющихся фирм. Новое общество должно было управляться советом администрации и советом директоров. Каждый администратор мог действовать от имени общества лишь по особой доверенности совета администрации. На ряде заседаний представителей фирм детально обсуждались вопросы оценки оборудования, мебели и пр.⁹⁷.

Нельзя не согласиться с С. И. Антоновой, что объединение, создаваемое фабрикантами шелковой промышленности, выходило за рамки синдиката. Попытка создания шелкового треста с единой администрацией, с объединением всей деятельности предприятий, не может вызывать сомнений. Однако трест не был создан. Главное препятствие, видимо, заключалось в распределении паев нового общества между владельцами старых предприятий. На неудачный исход переговоров оказало влияние улучшение конъюнктуры рынка шелковых изделий, наблюдавшееся в 1909 г.⁹⁸. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции три предприятия действовали совершенно самостоятельно. Не исключена возможность, что фабриканты ограничились лишь «фиксацией продажи», т. е. временными соглашениями картельного типа.

Как мы видим, одним из направлений процесса монополизации текстильной промышленности России в XX в. являлись достаточно определенно выраженные тенденции к трестированию. Здесь все больше созрели условия для возникновения трестов и концернов. Однако процесс находился еще на самом начальном этапе.

⁹⁷ См. С. И. Антонова. Ук. соч., стр. 141—142, 219—221.

⁹⁸ См. К. И. Бобков. Ук. соч., стр. 80.

ГЛАВА IV

МОНОПОЛИСТЫ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В БОРЬБЕ С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ

Русская буржуазия, опиравшаяся на текстильную промышленность, выросла и развивалась при активной поддержке феодально-крепостнического государства, оказывавшего ей самое широкое содействие и покровительство, вскормившего ее путем государственных заказов, благожелательных тарифов, кредитов и прочих мер «вспомоществования». В значительной мере это предопределило политическую косность и ограниченность русских капиталистов. Кроме того, напуганная усилением революционного движения в России, европейскими революциями 1848 г. и Парижской коммуной, опыт которых говорил о неизбежности выступлений российского пролетариата против капиталистического строя и буржуазной собственности, российская буржуазия еще в пореформенный период являлась силой антидемократической и неревolutionной, стремившейся задуть зарождающееся рабочее движение грубо полицейскими методами репрессий, насилий и расстрелов.

В либеральном движении XIX в. предприниматели не оставили каких-либо заметных следов, в лучшем случае следуя за земско-либеральной, помещичьей оппозицией, примыкая к ней. Существующий политический строй пока еще обеспечивал капиталистам достаточно широкое поле деятельности. Пролетарское движение всерьез не беспокоило фабрикантов, так как оно носило

по преимуществу экономический характер и царская администрация достаточно оперативно и успешно расправлялась со стачечниками. Свободомыслие фабрикантов и их «общественная» деятельность не выходили за рамки самых верноподданнических настроений.

Деятельность капиталистов на местах осуществлялась в трогательном единодушии и согласии с представителями царской администрации. Объединенными усилиями они стремились задуть рабочее движение, заметно усилившееся в конце XIX в. Так, в 1898 г. иваново-вознесенские фабриканты с одобрения губернатора стали содержать в городе коннополицейскую команду из астраханских казаков. Их примеру последовали Морозовы, Нечаев-Мальцев и шуйские фабриканты¹.

В рабочем вопросе московские фабриканты в XIX и даже в начале XX в. занимали более реакционные и непримиримые позиции, чем царские чиновники, пытавшиеся разнообразить методы борьбы с рабочим движением, насаждавшие полицейский «социализм». Провал провокационной затеи Зубатова, массовые стачки рабочих в 1902 г., стремление охраны продолжить явно неудавшиеся попытки распространения полицейского «социализма», — все это заставило фабрикантов обратиться с рядом докладных записок в министерство финансов, в которых говорилось о «произволе» местных властей².

Революция 1905—1907 гг. пробудила фабрикантов от политической спячки, приобщила их к более активной политической деятельности, заставила быстрее организовываться политически, создавать новые предпринимательские объединения, антирабочие союзы, искать опору в политических партиях, нащупывать новые пути дезорганизации и подавления революционного движения пролетарских масс. Именно в это время «передовые» московские капиталисты пришли к выводу, что дальнейшее развитие промышленности неразрывно связано с устранением наиболее тягостных феодально-крепостнических пережитков и в первую очередь тех, ко-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1005, оп. 1, д. 188; ГАВО, ф. 14, оп. 4, д. 1702, л. 1.

² См. Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. Соцэкгиз, М. — Л., 1939, стр. 47—48.

торые сковывали инициативу, предприимчивость и самостоятельность самой буржуазии.

Усиление стачечной борьбы московских пролетариев под влиянием событий 9 января, предопределило необходимость согласованных выступлений фабрикантов по рабочему вопросу. 13 января 1905 г. собрание московских промышленников решило всеми средствами удержаться от уступок рабочим. Одновременно с этим в тот же день группа гласных Московской городской думы обратилась с заявлением на имя московского городского головы с требованием созвать чрезвычайное заседание городской думы для обсуждения мер, с помощью которых можно было бы приостановить развитие революционных событий в стране. В числе других гласных заявление подписали некоторые крупные фабриканты (К. Ясюненский, П. Рябушинский, И. Морозов, К. Арно и другие)³. Обсудив это заявление на заседании 14 января, дума приняла постановление «ходатайствовать перед правительством: 1) об установлении в законодательном порядке условий возникновения и форм проявления стачек как мирного средства защиты рабочими своих интересов и 2) о предоставлении рабочим, при непременно условии распространения такого порядка на всех русских граждан, права собраний и союзов, обеспеченного законодательными гарантиями прочного правопорядка»⁴.

Через несколько дней обеспокоенные дальнейшим усилением стачечных выступлений рабочего класса в Москве П. Рябушинский, С. Морозов, В. Бахрушин и другие гласные обратились в думу с новым заявлением. Они требовали, не теряя ни минуты, принять все зависящие от городского управления меры для противодействия распространению стачек на новые предприятия. Вместе с тем, опасаясь усиления революционного движения в случае продолжения репрессий, фабриканты настойчиво рекомендовали не прибегать к вызову войск при «мирных» забастовках рабочих и снова предлагали обсудить ходатайство о предоставлении рабочим права «мирных» стачек, права собраний и союзов⁵. Однако группа наиболее дальновидных фабрикантов не отра-

³ ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 31, л. 129.

⁴ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 235, л. 5.

⁵ Там же.

жала еще позиции большей части капиталистов центральной России. Крупнейшая в России «представительная» организация крупной буржуазии — Московский биржевой комитет направил товарищу министра финансов докладную записку, в которой, излагая содержание решения Московской городской думы от 14 января 1905 г., заявлял, что это решение «не может быть признаваемо мнением промышленного сословия»⁶.

Иваново-вознесенские фабриканты в борьбе со стачками рабочих в январе 1905 г. опирались в первую очередь на военную силу. По их требованию в Иваново-Вознесенск и Кохму прибыли войска. Во время стачки на предприятиях Иваново-Вознесенска казаки стреляли в рабочих, рубили их шашками и избивали нагайками.

Следует также признать, что действия «либеральных» капиталистов во время конкретных стачек на своих предприятиях мало отличались от поведения более консервативных элементов. Не менее непримиримую позицию, чем иваново-вознесенские фабриканты, занимали Ясюненские, владевшие крупным предприятием в Кохме. Решив ни в чем не уступать рабочим, они объявили о расчете забастовщиков и выехали из Кохмы. Хозяева требовали от губернских властей более решительных действий, сетовали на «бездеятельность» местной администрации. Последовавшие за тем обыски и аресты среди рабочих явились ответом царских чиновников на жалобы фабрикантов. С. Т. Морозов, возглавлявший правление т-ва м-р С. Морозова в Орехово-Зуеве, в феврале 1905 г. отклонил большинство требований рабочих и прибег к остановке предприятия, применяя по отношению к рабочим вполне «европейские» способы борьбы. Более того, по желанию фабрикантов ореховская полиция составила списки неблагонадежных рабочих, принимавших деятельное участие в организации забастовки⁷.

Когда царское правительство делало отдельные попытки ликвидировать стачки посредством экономиче-

⁶ ГИМ ОПИ, ф. 31, оп. 1, д. 142, л. 289.

⁷ Н. Малицкий. Рабочее движение во Владимирской губ. в начале 1905 г. «Труды Владимирского губернского общества по изучению местного края», вып. III. Владимир, 1922, стр. 8—9, 15, 34, 40, 61, 65.

ских уступок за счет капиталистов и соответствующего законодательного урегулирования рабочего вопроса, то это неизменно вызывало противодействие капиталистов. На совещании промышленников 24 января 1905 г. министр финансов В. Н. Коковцев, считая главной причиной стачечного движения борьбу рабочих с фабрикантами за улучшение своего положения, настаивал на необходимости немедленных экономических уступок со стороны последних⁸. Это вызвало сильное недовольство фабрикантов. В петербургские канцелярии одна за другой стали поступать записки промышленников различных районов, в которых, по существу, говорилось о необходимости устранения некоторых феодально-крепостнических пережитков в стране и доказывалось, что только политические реформы способны умиротворить рабочих. Инициатива принадлежала московским капиталистам. Основные положения их записки от 27 января 1905 г. повторялись в несколько иной редакции в записках капиталистов других районов. Московские фабриканты утверждали, что «главнейшей причиной периодических рабочих волнений является общее нестроение государственной жизни, отсутствие политических прав, отсутствие гласного заступничества перед престолом за народные интересы в лице свободно избранных представителей народа». Записка требовала далее коренных реформ, изменения законодательства и привлечения всех классов населения к выработке новых законодательных норм, обеспечивающих свободу слова, печати, союзов, совести и проч.⁹

Еще в начале февраля 1905 г. при Московском биржевом комитете организовалась комиссия по рабочему вопросу во главе с С. И. Четвериковым. На своих заседаниях в феврале — начале марта она разработала проект конвенции, предусматривавшей согласованные и солидарные выступления фабрикантов против забастовочного движения.

Московские капиталисты одобрили проект конвенции и замыслили распространить ее на всю Россию. 10—11 марта 1905 г. в Москве состоялось совещание представителей предпринимательских организаций всех

⁸ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева в 1905 г.», М., 1926, стр. V.

⁹ См. Е. Д. Черменский. Ук. соч., стр. 64—65.

сновных промышленных районов России, созданное по инициативе С. Морозова. Из 30 участников совещания 2 представляли Центральный район. Общероссийскую конвенцию отвергли промышленники Юга, Варшавы и Ломбова, вынужденные сделать более значительные уступки рабочим, чем допускали предприниматели других районов. Среди московских фабрикантов также возникли разногласия, являвшиеся результатом различного подхода к вопросу о возможности тех или иных уступок рабочим.

Только петербургские капиталисты использовали конвенцию, приняв 15 марта решение руководствоваться ею при взаимоотношениях с рабочими в своем районе. В результате подписания конвенции окончательно оформилась группа фабрикантов по обработке волокнистых веществ Петербургского о-ва для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности. На первом заседании группы 17 марта 1905 г. капиталисты выработали общие правила внутреннего распорядка на фабриках, избрали постоянное бюро. На последующих заседаниях группы в 1905 и 1906 гг. они определили продолжительность рабочего времени и установили максимальные ставки почасной платы различным группам рабочих хлопчатобумажной промышленности. Решением фабрикантов, вынужденных под давлением стачечной борьбы пролетариата сократить рабочий день с 11½ до 10½ часов в сутки, продолжительность рабочей недели устанавливалась в 60½ рабочих часов¹⁰.

Действительное, контрреволюционное настроение российской промышленной буржуазии подтверждается тем, что московское совещание поручило представлять все-российскую промышленность в комиссии Коковцева по рабочему вопросу Г. А. Крестовникову, слывшему сторонником жесткой политики по отношению к рабочим. В своих выступлениях в комиссии он руководствовался теми общими идеями, которые, несмотря на разногласия в деталях, признавались всеми участниками совещания и разделялись крупной торгово-промышленной буржуазией страны. Уже в первом выступлении на

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 69, лл. 113—115, 175, 193; д. 755, лл. 259, 300, 316.

заседании комиссии 16 марта 1905 г. Г. А. Крестовников заявил, что деятельность комиссии вызвана «не естественным течением промышленной жизни», а «массовыми забастовками рабочих». Причинами же забастовок, по утверждению Крестовникова, являлись «не столько экономические условия быта рабочих, сколько сторонние промышленной жизни обстоятельства». Поэтому он пытается подменить обсуждение рабочего вопроса обсуждением вопроса об общих политических реформах. Отражая мнение российских капиталистов, Г. А. Крестовников считал, что мероприятия, намеченные правительством, не смогут приостановить нарастание революционного движения ¹¹.

В апреле—мае 1905 г. торгово-промышленная буржуазия продолжала «лечь». Крестовников на заседании комиссии Коковцева 18 мая говорил более решительно. Выступая от имени всех промышленников, ссылаясь на осложнившуюся политическую обстановку, он потребовал отложить работу комиссии до более благоприятного времени ¹².

Даже наиболее консервативная часть московских промышленников, взгляды которой в первую очередь выражал Крестовников, пыталась спекулировать на революционной борьбе пролетариата. Это не мешало московским промышленникам проявлять «сверхтвёрдость» при решении вопроса об экономических уступках своим рабочим. В значительной степени это обуславливалось тем, что массовая революционная борьба пролетариата Центрального района развернулась несколько позже, лишь летом—осенью 1905 г.

Летом 1905 г. в московских торгово-промышленных кругах более определенно выявились две основные группировки, политические линии которых имели некоторые различия. Первая — «найденовская» группа купеческих деятелей старой формации возглавлялась Н. А. Найденковым и Г. А. Крестовниковым. Она занимала откровенно реакционную позицию, стремясь по мере возможности сохранить самодержавие в неприкосновенности. Эта группа опиралась на старые московские бан-

¹¹ «Рабочий вопрос в комиссии В. Н. Коковцева в 1905 г.», стр. 201—203.

¹² Там же, стр. 235—237, 245.

ки — Московский купеческий, Московский торговый и в значительной степени Московский учетный. Ее представители привыкли свои коммерческие операции обделывать в канцеляриях соответствующих ведомств. Они с трудом приспособлялись к новым условиям империалистической эпохи, медленно и неохотно расставаясь с рутинными приемами предпринимательской деятельности, сложившимися во время крепостного права и в пореформенную эпоху. В руках группы Найденова—Крестовникова в это время находилось руководство Московским биржевым обществом. Вторая группа «молодых» московских предпринимателей возглавлялась Рябушинскими и Морозовыми. В нее входили фабриканты и банковские деятели нового, современного склада. Именно летом 1905 г. эта группа впервые скрестила шпаги с группой Найденова—Крестовникова, стремясь парализовать ее влияние в московских торгово-промышленных кругах и вытеснить ее из Московского биржевого комитета¹³.

Позиции «найденовской» группы в московском торгово-промышленном мире летом 1905 г. заметно ослабевали. Значительная часть фабрикантов (39 человек), возглавлявшаяся С. Морозовым, П. Рябушинским и С. Четвериковым, в конце июля 1905 г. публично отмежевывалась от решения Московского биржевого общества, безоговорочно одоббившего проект законосовещательной думы, заявив о своей поддержке требований законодательной думы¹⁴. Это выступление явилось результатом совещания капиталистов, созданного по инициативе П. П. Рябушинского и А. С. Вишнякова на квартире И. А. Морозова. Совещание признало необходимым опубликовать мнение «прогрессивных» капиталистов в виде открытого письма в одной из газет, а также «принять меры к самому тесному единению фабрикантов, заводчиков и биржевых деятелей для осуществления протеста против правительственного произвола путем организации массового рабочего движения»¹⁵. Не испытав еще всей силы ударов стачечной борьбы революционного пролетариата, капиталисты рассчитывали использовать рабочее движение, пугая им самодержа-

¹³ См. Е. Д. Черменский. Ук. соч., стр. 98—99.

¹⁴ «Русские ведомости», 26 июля 1905 г.

¹⁵ ГИАМО, ф. 16, оп. 95, д. 69, лл. 24—26.

ние, для осуществления своих узкоклассовых политических замыслов.

Значительное усиление стачечной борьбы московских рабочих, осенью 1905 г. переросшей в массовые уличные выступления, «отрезвляюще» подействовало на фабрикантов, способствуя изживанию неустойчивых либерально-оппозиционных идей. Еще более активизировалась группа фабрикантов старой формации, возглавлявшая Московский биржевой комитет. 21 сентября 1905 г. биржевой комитет направил московскому генерал-губернатору ходатайство об оставлении в Москве казачьих войск (требование о выводе которых выдвигалось демократическими кругами), якобы необходимых для обеспечения порядка и охраны предприятий, банков и имущества населения¹⁶. В самый разгар Всероссийской политической стачки (15—16 октября) комитет принял решение просить генерал-губернатора ввести в Москве военное положение. Либеральствующие капиталисты, опасаясь катастрофических последствий в случае удовлетворения этого ходатайства, направили к генерал-губернатору специальную делегацию с целью предупредить опрометчивое решение. Во время беседы С. И. Четвериков весьма недвусмысленно заверял генерал-губернатора в лояльности фабрикантов к существующему строю¹⁷. В докладной записке, переданной депутацией генерал-губернатору, заявлялось: «Так как многие действия социал-революционной партии носят несомненный характер насилия, то мы полагаем, что насилию должно быть противопоставлено насилие». Однако меры насилия, по мнению авторов записки, «не только не достигнут цели, т. е. успокоения населения Москвы, но прямо приведут к противоположному результату, ежели совместно с ними безотлагательно не будут удовлетворены стремления подавляющего большинства к устройению нашей жизни на началах, вполне ограждающих нас от возможности возврата к старым формам, приведшим Россию на край гибели». Правда, напуганные размахом революционного движения пролетариата, капиталисты уже отказались от многих своих либеральных «заблуждений». Если на июльском съезде

¹⁶ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 235, л. 23.

¹⁷ С. И. Четвериков. Ук. соч., стр. 46—47.

их представители высказались за всеобщее избирательное право при равной и тайной подаче голосов, то теперь они выступали «решительно против введения ныне же выборов на основании всеобщей, тайной и прямой подачи голосов, признавая, что такая форма может быть допустима лишь в политически зрелом государстве, а не в России с ее подавляющим процентом безграмотного и совершенно чуждого политической жизни населения»¹⁸.

Контрреволюционность торгово-промышленной буржуазии, ранее в какой-то степени прикрывавшаяся оппозиционными выступлениями, после манифеста 17 октября становится совершенно открытой и явной. Несколько лет спустя лидер московских промышленников П. П. Рябушинский, прикрываясь псевдонимом В. Стекольщикова, писал: «В 1905 г. буржуазия помогла людям старого режима подавить революцию»¹⁹.

Сразу же после царского манифеста 17 октября состоялся съезд фабрикантов и заводчиков г. Москвы и центральных губерний, где обсуждался вопрос о мерах борьбы с организованным рабочим движением. Капиталисты постановили создать «Союз фабрикантов и заводчиков Московского округа». Разработкой проекта устава занялась комиссия по рабочему вопросу Московского биржевого общества²⁰.

Руководитель комиссии С. И. Четвериков, обосновывая необходимость борьбы предпринимателей с рабочими, весьма откровенно заявлял в письме в «Русское слово»: «Я употребляю слово «борьба» и думаю, что этого слова бояться нечего. Старые устои рушатся, многие прерогативы капитала оказываются неустойчивыми»²¹.

С 21 октября по 1 декабря 1905 г. вокруг комиссии объединилось 186 предприятий Москвы, Московской и других губерний. Все предприятия разбивались на три группы: 1) текстильные, 2) по обработке металла и

¹⁸ ГИАМО, ф. 16, оп. 95, д. 69, л. 34.

¹⁹ «Утро России», 18 мая 1910 г.

²⁰ См. С. И. Четвериков в Ук. соч., стр. 45; «Торгово-промышленная газета», 21 апреля 1906 г.

²¹ См. А. Ерманский. Крупная буржуазия в 1905—1907 гг. «Общественное движение в России в начале XX в.», т. II, ч. II. СПб., 1910, стр. 71.

3) смешанные. Самой крупной являлась группа текстильных предприятий, в которую входило 88 крупнейших фирм²².

Комиссия по рабочему вопросу Московского биржевого комитета возглавляла и направляла также повседневную антирабочую деятельность московских промышленников, подготавливая локауты и создавая страховые фонды предпринимателей.

Каждая из двух группировок московских капиталистов, о которых говорилось выше, сразу же после манифеста 17 октября стала оформляться в партийно-политическую группу. Группа, возглавлявшаяся П. П. Рябушинским, явилась ядром умеренно-прогрессивной партии, на словах снова выступавшей за всеобщее избирательное право при прямом голосовании, отстаивавшей выкуп частновладельческих земель государством. Лидеры этой партии признавали близость своей программы к программе партии кадетов, но выступали против требований автономии и федерации, введения 8-часового рабочего дня и некоторых других. «Найденовско-крестовниковская» группа создала торгово-промышленную партию с более реакционной окраской. Здесь объединились те, кто, не допуская даже малейших отклонений от манифеста 17 октября, требовал на этой основе создания сильной власти и беспощадной борьбы против революционных выступлений.

Различия между этими «партиями» не имели принципиального характера, а в ноябре 1905 г., когда под влиянием восстаний в армии и на флоте умеренные «прогрессисты» заметно правеют, их партия начинает таять и постепенно исчезает с политического горизонта. Воззвание торгово-промышленной партии к избирателям, датированное 12 ноября 1905 г., подписали не только Г. А. Крестовников, но и А. И. Коновалов, И. А. Морозов, Рябушинские и другие «прогрессивные» московские капиталисты. Основные программные положения, изложенные в воззвании, сводились к следующему: «1. Полное содействие правительству по проведению в жизнь новых начал, возвещенных манифестом 17 октября 1905 г., и по ограждению законного правопорядка. 2. Сохранение целостности России. 3. Законодательное

²² ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12262, лл. 1—4.

оформление прав, дарованных манифестом 17 октября. 4. Созидательная деятельность Государственной думы»²³.

Крайняя умеренность и махровый антинародный характер политических требований буржуазии особенно отчетливо видны из объяснительной записки к программе партии. Политические оговорки капиталисты понимали весьма своеобразно. «Если свободой личности, — говорилось в объяснительной записке, — гарантируется каждый от своевластия власти, то должна быть гарантия и от своевластия частных лиц. Словом, при предоставлении пользоваться свободой необходима переработка законодательства и установление строгих наказаний за злоупотребление свободой»²⁴. После требования ограничения еще не завоеванных свобод разговоры о признании рабочих свободными гражданами, о предоставлении им прав собраний и союзов трудно оценить иначе, как грубое политическое лицемерие и ханжество.

Наметившееся объединение торгово-промышленных партийных групп было ускорено декабрьским вооруженным восстанием. Все партии крупной буржуазии призывали население сплотиться для защиты царского правительства и существующего правопорядка от «бунта черни», натравливая отсталые элементы населения на революционеров. Союз 17 октября, торгово-промышленная и умеренно-прогрессивная партии обратились к жителям Москвы с воззванием, призывая поддерживать войска и полицию, оправдывая и приветствуя террор и насилия царских палачей²⁵. Октябристская Московская городская дума в дни декабрьского вооруженного восстания заседала непрерывно. Она одобряла решительные репрессивные действия царских сатрапов и стремилась им помочь, пытаясь внести дезорганизацию в ряды составших своими фарисейскими призывами прекратить борьбу и кровопролитие во имя христианской любви. Гласные думы радостно выслушали сообщение Н. И. Гучкова о прибытии в Москву новых карательных войск и ассигновали средства для «обеспечения воинских частей, полицейских и иных чинов, потерпев-

²³ ГИМ ОПИ, ф. 424, оп. 1, д. 52, л. 21.

²⁴ ГИАМО, ф. 16, оп. 95, д. 136, лл. 93—97.

²⁵ Там же, л. 78.

ших при подавлении мятежа, и их семейств». С другой стороны, городская дума приняла решение произвести удержание из заработной платы рабочих и служащих за время забастовки, постановив, наряду с этим, выдать награды штрейбхерам²⁶. Для приема пожертвований в пользу семейств военных чинов и чинов полиции, пострадавших при подавлении восстания, Союзом 17 октября, торгово-промышленной и умеренно-прогрессивной партиями были указаны адреса крупных мануфактурных фирм и банков (Н. Коншина, банкирской конторы бр. Рябушинских, Московского учетного банка и др.)²⁷. В дни декабрьского вооруженного восстания дух контрреволюционного октябризма в кругах московской торгово-промышленной буржуазии еще более окреп. Н. И. Гучков на новогоднем приеме у московского генерал-губернатора Дубасова, где присутствовали крупнейшие капиталисты, провозглашая тост за кровавого палача Москвы, заявил: «От имени всех нас могу сказать вам, что в нашем содействии вы не должны сомневаться, всякий из нас готов положить на это все наше разумение, все свои силы»²⁸.

Не менее характерны действия крупных текстильных фабрикантов других промышленных центров. В разгар декабрьского вооруженного восстания в Москве правление Большой Ярославской м-ры приняло решение организовать коннополицейскую стражу из казаков и увеличило контингент полиции. Ежегодные расходы т-ва на содержание коннополицейской стражи составляли около 70 тыс. руб.²⁹.

После разгрома вооруженного восстания в Москве фабриканты усиливают репрессивные меры. На многих московских предприятиях при найме рабочих от них требовалась подписка о выполнении правил внутреннего распорядка и об отказе от претензий к предпринимателям в случае увольнения за нарушение этих правил. Начинается массовая фильтрация рабочих. В меморан-

²⁶ «История Москвы», т. 5. Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 681—682.

²⁷ ГИАМО, ф. 16, оп. 95, д. 136, л. 79.

²⁸ См. Д. Ю. Элькина. Московская буржуазия и рабочий вопрос в годы первой русской революции. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», т. XXXV, вып. II. М., 1946, стр. 130—131.

²⁹ ЦГАОР, ф. 7952, оп. 8, д. 58, лл. 55, 63, 80.

думе правления т-ва м-р С. Морозова в контору Городищенской фабрики 30 декабря 1905 г. предписывалось: «рабочих, арестованных по распоряжению административных властей, считать по службе уволенными; на фабрики их более не принимать»³⁰. На фабрике Мараевой в Серпухове в конце года всем рабочим был объявлен расчет. При новом найме в январе 1906 г., проходившем под охраной казаков, рабочие пропускались поодиночке. Самые сознательные рабочие не были приняты. Одновременно начинается снижение расценок³¹.

В те дни, когда на улицах Москвы шла вооруженная борьба пролетариата с карательными войсками, контрреволюционная октябристская буржуазия принимает решение об издании своей политической газеты, получившей претенциозное название «Голос Москвы». Цель издания газеты выразительно определил А. И. Гучков в письме к проф. В. И. Герье от 19 декабря 1905 г. Он видел ее в борьбе с той «идейной отравой», понимая под ней революционную идеологию, которая губила, по его мнению, народный организм³². Те же самые цели преследовали организуемые фабрикантами лекции буржуазных профессоров среди рабочих. Так, в начале 1906 г. в Иваново-Вознесенске состоялась лекция проф. Озерова по рабочему вопросу. В качестве единственного выхода для рабочих из их тяжелого положения лектор указывал на объединение в профессиональные союзы. Даже по признанию буржуазно-либеральной печати, лекция не имела успеха среди рабочих.

Все эти элементы «либеральной» рабочей политики не получили, однако, сколько-нибудь значительного развития. Они совершенно терялись на мрачном фоне непрерывных репрессий и террора, широко практиковавшихся как правительством, так и капиталистами. Верная своему курсу на подавление революции, действуя совместно с правыми партиями, октябристская буржуазия всемерно содействовала Столыпину в подготовке и проведении третьеиюньского переворота, в установлении контрреволюционного режима виселиц, террора и насилий над народом. Крупные промышленники, разделяя

³⁰ ЦГАОР, ф. 7952, оп. 8, д. 211, л. 41.

³¹ «Правда», 4 сентября 1912 г.

³² РОБИЛ, ф. 70, папка 42, д. 99.

октябристскую программу поддержки Столыпина, совместно с помещиками обеспечили проведение в III Думу 130 депутатов-октябристов.

Комиссия по рабочему вопросу при Московском биржевом обществе, заседавшая еженедельно, к 12 апреля 1906 г. разработала проект устава союза фабрикантов и заводчиков Центрального промышленного района. В первом параграфе устава союза говорилось, что целью его является обеспечение взаимной поддержки и содействие членам союза в их борьбе с требованиями рабочих о повышении заработка, уменьшении рабочего времени и т. п. Далее устав предусматривал создание при союзе примирительных комитетов, установление одинаковых расценок и условий найма рабочих по районам и прямо указывал на локауты как на одно из эффективных средств борьбы со стачечным движением.

Размер вступительного взноса устанавливался пропорционально той ответственности, которую принимал на себя союз по вознаграждению своих членов за убытки при забастовках. Каждый член союза давал подписку о выполнении всех статей устава. В совет общества должны были войти 9 представителей текстильного производства, 6 — металлозаводчиков и 9 — от других отраслей промышленности. Проект устава был обсужден и утвержден на съезде фабрикантов 27—28 июня 1906 г.³³ На этом съезде капиталисты постановили «признать право локаута за большинством голосов, входящих в локаут». К началу 1907 г. союз объединял предприятия со 139 тысячами рабочих. Денежный фонд союза должен был составить 1,5 млн. руб.³⁴ Из намеченного капитала удалось собрать, однако, всего 750 тыс. руб. Союз оказался на грани распада. Поэтому его руководители решили несколько изменить структуру союза. Учитывая, что, пока союз организовывался, возникло много отраслевых антирабочих объединений, страхование от забастовок было решено перенести в эти «профессиональные» организации³⁵. Крайний срок вступления в союз был перенесен с 1 октября 1906 г. до 1 января 1907 г. 15 декабря 1906 г. С. И. Четвери-

³³ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 11047, лл. 4—10; д. 11031, л. 1.

³⁴ См. А. Ерманский. Ук. соч., стр. 45; С. Е. Сеф. Буржуазия в 1905 году. М. — Л., 1926, стр. 82.

³⁵ «Новое время», 25 октября 1906 г.

ков и Ю. И. Поплавский от имени бюро союза обратились к капиталистам с очередным призывом вступить в ряды общества (так теперь стал именоваться союз), объединяясь «на защиту своих интересов» для противодействия организующимся профессиональным союзам и обществам рабочих³⁶. Однако союз и под новым названием не начал функционировать. С. И. Четвериков в своих воспоминаниях утверждает, что неудача организации была predetermined упадком рабочего движения, а также нежеланием крупных предпринимателей подчиняться решениям арбитражного органа, создание которого предусматривалось проектом³⁷.

«Наследство» создаваемой организации было использовано при организации Московского общества заводчиков и фабрикантов, где руководящая роль принадлежала уже не текстильным фабрикантам, а металл заводчикам. Секретарь комиссии по рабочему вопросу Московского биржевого общества Ю. И. Поплавский переходит на службу в общество заводчиков и фабрикантов и становится его вице-председателем. Часть текстильных фабрикантов Москвы и ближайших окрестностей образовала в обществе специальную текстильную секцию. Опираясь на эту секцию, они единодушно выступили в момент подготовки всеобщей стачки текстильщиков Центра России летом 1907 г. В телеграмме начальника Московского охранного отделения от 9 июля 1907 г. указывалось, что одной из причин провала забастовки в Москве (наряду с массовыми арестами) являлась «твердость» фабрикантов³⁸. В крупнейшем промышленном центре Подмоскovie — Орехово-Зуеве на стачку рабочих владельцы т-ва С. Морозова ответили локаутom, рассчитав всех бастующих рабочих³⁹.

Антирабочая деятельность местных предпринимательских объединений оказалась более эффективной. Иваново-Вознесенские фабриканты, объединенные комитетом торговли и мануфактур, после весенне-летней стачки 1905 г. создали значительный страховой фонд на случай забастовок и все вопросы взаимоотношений с

³⁶ ЦГАОР, ф. 6868, оп. 1, д. 125, л. 2.

³⁷ С. И. Четвериков. Ук. соч., стр. 45.

³⁸ ЦГАОР, ф. Д0, 1907 г., д. 54, ч. 1, л. 8.

³⁹ Там же, л. 35.

рабочими разрешали согласованно⁴⁰. «Известно лишь, — докладывал фабричный инспектор XI участка старшему фабричному инспектору Владимирской губ. 15 января 1910 г., — что со времени забастовки 1905 года иваново-вознесенские фабриканты на основании словесного соглашения склонились для солидарного образа действий против притязаний рабочих. Повышение ткацких расценок и увеличение заработной платы на ситцевых фабриках, сокращение рабочего времени и другие вопросы, касающиеся нормировки отношений предпринимателей и рабочих, проводились на основании этого соглашения»⁴¹. В протоколе заседания правления т-ва Н. Зубкова имеется запись, свидетельствующая о том, что введение квартирного пособия рабочим на фабриках города в 1906 г. происходило в результате соглашения между фабрикантами. При этом характерно, что фабриканты в принципе решили ввести квартирное пособие (еще в марте 1906 г.) до кратковременных стачек рабочих, с требованиями квартирных денег. Спровоцированную ими стачку они решили использовать для фильтрации рабочих, выявив и затем уволив активных участников движения⁴². Весной 1907 г., получив сведения о наметившейся стачке текстильщиков Центрального района, иваново-вознесенские фабриканты заранее условились объявить локаут, решив остановить фабрики под предлогом ремонта. Одновременно они категорически отклонили требования рабочих повысить плату за сверхурочные работы, угрожая увольнением в случае отказа подчиниться существующим порядкам⁴³. В полном единодушии иваново-вознесенские фабриканты стали вводить работу на трех ткацких станках вместо двух⁴⁴.

Для борьбы с рабочим движением в начале 1906 г. консолидировались также текстильные фабриканты Кинешемского района. На общем собрании под председательством А. И. Коновалова 7 марта 1906 г. они одобрили меры к пресечению назревающих забастовок⁴⁵. За-

⁴⁰ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 487, л. 1.

⁴¹ ГАВО, ф. 266, оп. 18, д. 57, л. 3.

⁴² ГАИО, ф. 191, оп. 1, д. 1094, лл. 1—2; «Клязьма», 12, 27, 29 и 30 апреля 1906 г.

⁴³ «Владимирец», 3 апреля 1907 г.

⁴⁴ ГИАМО, ф. 16, оп. 97, д. 113, л. 41.

⁴⁵ ГАИО, ф. 138, оп. 1, д. 1094, лл. 1—2.

седания кинешемских фабрикантов продолжались в течение всего года. Затем при Костромском комитете торговли и мануфактур действовало организационное бюро союза фабрикантов и заводчиков Костромской губ. (под председательством А. И. Коновалова). Хотя союз так и не открыл своих действий, но в борьбе с рабочим движением капиталисты выступали единым фронтом. На своих совещаниях они приняли решение не делать уступок бастующим рабочим, произвели массовый расчет и закрыли фабрики ⁴⁶.

В других районах России фабриканты также объединялись для совместной борьбы с рабочим движением. Как уже отмечалось, в Петербурге они консолидировались в текстильном отделе общества заводчиков и фабрикантов. Отдел занимался определением рабочего времени в предпраздничные дни, унификацией условий найма рабочих, составлением единых расценокных ведомостей для ткацкого и прядильного производства. На заседаниях отдела обсуждался вопрос о локаутах ⁴⁷.

В Симбирске летом 1907 г. организовался союз 19 суконных фабрик района Волги, возглавлявшийся А. Д. Протопоповым. В Белостоке по инициативе генерал-губернатора в 1906 г. возник антирабочий союз с целью предотвращения забастовок ⁴⁸.

Особенно ожесточенная борьба развернулась между фабрикантами и пролетариями Лодзи. Еще в январе 1905 г. лодзинские фабриканты на своих совещаниях определили единые для всех предприятий размеры увеличения заработной платы и установили одинаковую продолжительность рабочей недели ⁴⁹. Эти совещания продолжались и в дальнейшем. Однако нарастание стачечной борьбы рабочих-текстильщиков заставило круп-

⁴⁶ «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». Бюллетень № 2. Рабочее движение с 1 по 20 июля 1907 г. М., 1907, стр. 5; Бюллетень № 3. Рабочее движение за время с 20 июля по 20 августа 1907 г., стр. 1; ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 664, л. 2.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 69, лл. 321—342.

⁴⁸ «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». Бюллетень рабочего движения за время с последних чисел мая по 1 июля 1907 г. М., 1907, стр. 5; «Вестник Европы», 1911, № 12, стр. 310.

⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 490, оп. 1, д. 1358, лл. 7—8.

нейших фабрикантов сплотиться еще теснее. Возник союз фабрикантов Лодзи, объединивший крупнейшие комбинированные предприятия, насчитывавшие более 20 тыс. рабочих. Союз возглавил И. П. Познанский. Заседания союза происходили в Берлине, куда, подальше от рабочих, перебрались правления предприятий—участников союза.

Лодзинские фабриканты искали удобного предлога для наступления на рабочих. Таким предлогом послужило насильственное удаление рабочими белильной фабрики Познанского мастера Стефенсона в начале ноября 1906 г. Познанский закрыл фабрику и объявил о расчете рабочих через две недели, если они не согласятся просить извинения у Стефенсона и не позволят уволить каждого пятого рабочего белильного отделения. Распоряжение о закрытии фабрики было сделано на основании соответствующего решения союза фабрикантов. Рабочие фабрик Познанского отклонили ультиматум фабриканта и продолжали борьбу⁵⁰. Тогда остальные шесть предприятий, входившие в союз, также объявили о расчете своих рабочих. В объявлениях, вывешенных на этих предприятиях, заявлялось: «Так как по 2 декабря условия правления общества Познанского не приняты рабочими, то союз, ссылаясь на взаимную солидарность, находит нужным сегодня объявить рабочим об увольнении их через 2 недели, 15 декабря, все фабрики союза закрыть, если только к тому времени не будет возобновлена нормальная работа на фабрике Познанского на условиях, поставленных правлением этой фабрики»⁵¹. Рабочие отвергли требования фабрикантов, и длительный локаут стал фактом.

Наступление на рабочий класс лодзинские фабриканты аргументировали необходимостью повысить конкурентоспособность своих предприятий по отношению к московским фабрикам. Однако даже в либеральной буржуазной печати того времени хорошо показана несостоятельность подобных утверждений. Отдельные сведения, промелькнувшие в печати, и материалы департамента полиции позволяют утверждать, что лод-

⁵⁰ ЦГАОР, ф. ДО, 1906 г., д. 815, л. 38; «Русь», 12 декабря 1906 г.; «Столичная почта», 23 декабря 1906 г.

⁵¹ ЦГАОР, ф. ДО, 1906 г., д. 815, л. 52; «Новое время», 3 декабря 1906 г.

зинский локаут выходил за рамки чисто экономической борьбы. В газете «Столичная почта», например, отмечалось: «Фабриканты желают, по словам некоторых из них, распоряжаться увольнением и приемом рабочих и служащих, независимо от рабочих»⁵². Еще более откровенное указание содержится в донесении помощника варшавского генерал-губернатора от 17 декабря 1907 г. Он утверждал, что фабриканты вынуждены были прибегнуть к локауту «как к средству принципиального решения вопроса: кто должен быть хозяином на фабрике — фабрикант или рабочие». В другом донесении от 25 октября 1908 г. заявлялось: «Не видя конца пропаганде социалистических партий, беспрестанным стачкам и беспорядкам в фабрично-заводском деле, Познанский стал во главе локаута в Лодзи»⁵³.

Именно в разгар локаута среди владельцев союзных фирм появляется проект объединения предприятий в хлопчатобумажный трест. При этом, наряду с финансово-экономическими выгодами намечавшегося объединения, указывалось на преимущества, которые давал трест в борьбе против рабочего движения⁵⁴. «Если трест лодзинских фабрикантов состоится, — сообщалось в газете «Столичная почта» 6 февраля 1907 г., — то он сильно укрепит положение фабрикантов и бесконечно усилит зависимость от них рабочих. Тогда во всем Лодзинском районе будет один хозяин — трест».

При поддержке царских властей, используя наступление контрреволюции в стране, локаутчики одержали победу.

Наряду с союзом крупнейших предприятий в Лодзи возникли и действовали в 1907 г. союз шерстяных и шевятовых фабрик и союз ткацких фабрик, объединивший 47 предприятий. В конце 1907—начале 1908 г., прибегнув к локауту, союз ткацких фабрикантов добился значительного сокращения заработной платы рабочих⁵⁵.

⁵² «Столичная почта», 31 декабря 1906 г.

⁵³ ЦГАОР, ф. ДО, 1906 г., д. 815, лл. 74, 81.

⁵⁴ ЦГАОР, ф. ДО, 1906 г., д. 805, л. 74; «Новое время», 1 февраля 1907 г.

⁵⁵ «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». Бюллетень № 6, стр. 1, 8; бюллетень № 7, стр. 3—4.

Таким образом, текстильные фабриканты добились довольно эффективного сплочения своих сил в борьбе с рабочим движением. Однако единый и твердо сплоченный общероссийский центр антирабочих организаций отсутствовал. Более того, по ряду важных вопросов антирабочей политики между различными группами капиталистов продолжали существовать определенные разногласия. Эти разногласия, в частности, проявились при обсуждении вопросов рабочего законодательства в декабре 1906 г. в министерстве торговли и промышленности. Польские капиталисты предлагали ограничить рабочий день 10½ часами, а представители остальных районов — 11½ часами и т. п.⁵⁶

В годы реакции, когда стачечное движение ослабло, многие местные антирабочие союзы прекратили свое существование. Действующие объединения установили более прочные контакты и выступали по ряду вопросов согласованно и единодушно. Однако текстильные фабрики Московского района не принимали в этих объединениях сколько-нибудь активного участия. Тем не менее до оживления рабочего движения в 1910 г., используя обстановку глубокой реакции, опираясь на существующие отраслевые предпринимательские объединения, текстильные фабриканты продолжали наступление на рабочий класс. В отчете за 1908 г. старшего фабричного инспектора Владимирской губ., где находились крупные фабрики Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска, Шуи и других промышленных центров, говорилось: «Занятие прежних позиций не всегда было безупречно. Число злоупотреблений, допущенных заведующими и обнаруженных жалобами рабочих, вдвое превысило число предыдущего года... Основательные просьбы рабочих, ранее свободно удовлетворявшиеся хозяином, не доводя до конфликта, неизменно встречали твердый отказ, сопровождаемый угрозой закрыть фабрику, что чаще всего и приводилось в исполнение. Лишь после основательной «чистки» состава рабочих хозяин уступал их просьбам и работа возобновлялась, хорошо еще, если на прежних условиях»⁵⁷.

⁵⁶ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 937, л. 130.

⁵⁷ См. Б. В. Златоустовский. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1905—1916 гг. Иваново, 1928, стр. 91.

Тем более успешными в период спада рабочего движения оказывались солидарные выступления участников действующих антирабочих союзов в борьбе с единичными, оборонительными, как правило, стачками пролетариата. Это породило иллюзию, что антирабочий союз — всемогущее средство борьбы с рабочим движением. В докладе совета общества заводчиков и фабрикантов Московского района о деятельности общества за 1910 г. в весьма категорической форме заявлялось, что распространение стачек в текстильном производстве являлось следствием отсутствия единства текстильных фабрикантов при взаимоотношениях с рабочими⁵⁸. Эти идеи нашли сочувственный отклик среди промышленников Московского района, обеспокоенных усиливавшимся стачечным движением пролетариата. В конце 1911 — начале 1912 г. заметно усилился приток в общество новых членов, преимущественно капиталистов текстильной и других отраслей промышленности. На общем собрании участников московского антирабочего союза 30 марта 1912 г. в состав его было принято 126 новых членов, предприятия которых имели около 100 000 рабочих⁵⁹.

Попытка осуществления «либеральной» политики в рабочем вопросе была связана с тем «полевением», которое характеризовало политические настроения значительной части московских промышленников в конце 1910 — начале 1911 г. Капиталисты-«прогрессисты» стремились использовать в своих интересах оппозиционные самодержавию выступления. В этом отношении весьма симптоматично подготовленное в начале февраля 1911 г. А. И. Коноваловым и С. И. Четвериковым письмо в газету «Русские ведомости» с протестом против репрессий правительства по отношению к студенчеству, подписанное 66 крупными московскими фабрикантами и торговцами⁶⁰.

Массовое стачечное движение, последний толчок к которому дали Ленские события, застало капиталистов

⁵⁸ «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». Доклад совета о деятельности общества в 1910 г. М., 1911, стр. 77.

⁵⁹ «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района в 1912 г.». М., 1912, стр. 5.

⁶⁰ «Вестник мануфактурной промышленности», 1910/11, № 16/4, стр. 843—844.

врасплох. Они не сразу смогли выработать единую тактику в борьбе с неуклонно нараставшим рабочим движением.

Стачечное движение явилось предметом бурных дебатов среди фабрикантов. Этот вопрос обсуждался на частных совещаниях московских промышленников, где либеральные фабриканты высказывались против штрафования рабочих за стачки протеста в связи с Ленскими событиями. На этих совещаниях, по данным начальника московского охранного отделения, ясно обнаружилось радикальное настроение значительного большинства московских промышленников. Так называемая «крестовниковская» группа, руководимая председателем Московского биржевого комитета Г. А. Крестовниковым и представлявшая более консервативную часть московского купечества, стояла за то, что следует «повести самую энергичную борьбу с забастовочным движением путем штрафов и увольнения более непокорных рабочих». Иной точки зрения придерживалась другая группа, так называемые «молодые», руководимая братьями Рябушинскими. В донесении далее утверждалось: «По поводу забастовок, вызванных Ленскими событиями, указанная группа имела совещание в доме П. П. Рябушинского. На этом совещании сам Рябушинский и многие другие высказывали такое мнение: «С забастовочной волной — протестом против расстрела ленских рабочих не только нельзя бороться, но, напротив, ее следует морально поддержать, как крайне желательный в данный момент политический фактор. Выступив с забастовками-протестом, рабочие исполнили свой гражданский долг, и такой же гражданский долг промышленников, чуждых реакции и стоящих за либеральные реформы, — оказать известную поддержку рабочим. Поддержка же эта прежде всего должна выразиться в том, чтобы не делать вычетов за прогульное время». Другие, высказывавшиеся в том же духе, указывали, что, быть может, желательно, чтобы либерально-торговая группа выступила еще более активно и, подобно тому как это имело место по поводу событий в Московском университете, оттенила свое отношение к ленским событиям особым обращением к обществу. Предложение это пока осталось, однако, открытым». Борьба двух групп по вопросу об отношении к стачеч-

ному движению продолжалась в обществе заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. И здесь большинство было на стороне «молодых», возглавлявшихся в обществе товарищем председателя совета Ю. И. Поплавским⁶¹. В действительности декларативная уступчивость части фабрикантов объяснялась не столько «сочувствием» рабочим, выполнившим «гражданский» долг, сколько опасением, что вычеты и штрафы за дни забастовок могут усилить недовольство рабочих. В бюллетене общества заводчиков и фабрикантов о стачечном движении за январь—май 1912 г. действия администрации Ленских приисков оценивались неодобрительно. Московские капиталисты считали, что эти действия послужили источником ненужного озлобления среди рабочих⁶². В конечном итоге, однако, несмотря на «либеральные» порывы, «прогрессивные» капиталисты выступили единым фронтом с «консерваторами» против требований рабочих об оплате за дни забастовок⁶³.

Дальнейшее нарастание стачечных выступлений российского пролетариата заставило капиталистов систематически практиковать репрессивные и карательные меры. «Либеральная» рабочая политика антирабочих союзов включала эти меры в качестве одного из важнейших составных элементов. Петербургское и Московское общества заводчиков и фабрикантов сразу же после первомайских стачек предложили своим членам оштрафовать бастовавших рабочих⁶⁴.

Штрафы, локауты, «черные списки» после майских стачек 1912 г. оставались повседневными и наиболее распространенными средствами борьбы антирабочих союзов с забастовочным движением. В одинаковой степени широко они практиковались как петербургскими, так и московскими фабрикантами. Осенью 1912 г. совет Московского общества заводчиков и фабрикантов направил членам своей организации очередной цирку-

⁶¹ ЦГАОР, ф. ДП IV, 1912 г., д. 130, ч. 42, лл. 21—22.

⁶² «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». Бюллетень № 16. Рабочее движение. Январь — май 1912 г. М., 1912, стр. 21.

⁶³ «Правда», 8 мая 1912 г.

⁶⁴ «Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района». Бюллетень № 16. Рабочее движение. Январь — май 1912 г., стр. 22; ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 665, лл. 74—75.

ляр, которым предлагалось «объявить рабочим, что на будущее время они будут штрафоваться за забастовки протеста, так как подобного рода забастовки не имеют никакого отношения к порядкам на фабриках и заводах и наносят большой ущерб промышленности»⁶⁵. «Черные списки» рабочих, не угодных администрации, в особенности рабочих — участников как политических, так и экономических стачек, регулярно размножались обществом и рассылались членам организации⁶⁶. Столь же регулярно такие списки рассылало Петербургское общество заводчиков и фабрикантов⁶⁷. Массовые локауты вновь практиковались фабрикантами Лодзи и Петербурга. От них не отставали московские текстильные фабриканты. В конце сентября 1912 г. т-во м-р Н. Н. Коншина в Серпухове в ответ на отказ ткачей перейти на 4-станочную работу закрыло ткацкую фабрику. Работы возобновились лишь через три недели на условиях, предложенных администрацией⁶⁸.

Использовались и другие формы борьбы с рабочим движением. На Московской кружевной фабрике правление устроило «чистку» рабочих во время пасхального перерыва, уволив наиболее развитых и сознательных⁶⁹. В начале 1913 г. правление т-ва В. Морозова вновь стало требовать от рабочих подписки о подчинении всем правилам внутреннего распорядка и о признании за администрацией права увольнения в случае нарушения этих правил⁷⁰.

Вместе с тем фабриканты вынуждены были признавать неэффективность в условиях нового революционного подъема некоторых практикуемых ими мер борьбы с рабочим движением. Оценивая результаты штрафования рабочих за политические забастовки, В. К. Чешер указывал, что «наложение штрафа вызывает забастовки, причем заметно, что при политической забастовке руководят верхи рабочих, так называемый сознательный элемент, наоборот, при забастовках по по-

⁶⁵ «Правда», 10 ноября 1912 г.

⁶⁶ ГИАМО, ф. 1076, оп. 1, л. 2, лл. 10, 12, 14—18 и др.

⁶⁷ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 2, д. 69, л. 31.

⁶⁸ «Правда», 23 декабря 1912 г.; «Вестник финансов промышленности и торговли», 1913, № 18, стр. 238.

⁶⁹ «Правда», 3 июня 1912 г.

⁷⁰ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 348, лл. 9—11.

воду наложения штрафа бастуют низы рабочих, элемент, не интересующийся политикой»⁷¹.

Необходимо также отметить, что, несмотря на определенно выраженную тенденцию преимущественно репрессивными средствами задушить стачечное движение пролетариата, антирабочие союзы московских и петербургских капиталистов не отличались достаточно твердой дисциплиной. Принятые совместно решения нередко нарушались членами организаций. Более того, многие петербургские фабриканты отклонили предложения о наложении штрафов в случае нарушений соглашения. По некоторым существенным вопросам борьбы с рабочим движением сохранялись значительные расхождения. Большая часть московских и петербургских фабрикантов отрицательно относилась к идее взаимного страхования от забастовок. Среди московских капиталистов вплоть до начала войны сохранялись разногласия по вопросу о возможности разрешения рабочим праздновать 1 Мая⁷².

Между Петербургским и Московским обществами заводчиков и фабрикантов по конкретным вопросам антирабочей деятельности («черные списки» и пр.) имелись определенные контакты и сотрудничество. Однако взаимоотношения организаций были проникнуты подозрительностью и недоверием. Дело доходило до того, что совет Петербургского общества в сентябре 1912 г. запретил членам своей организации сообщать Московскому обществу сведения о стачках на петербургских предприятиях. Только после специальных переговоров Ю. П. Гужона с руководителями петербургской организации, почти через 10 месяцев, они дали согласие сообщать от имени общества краткие (далеко не в полном объеме, как того просили московские промышленники) сведения о стачках, собиравшиеся для обзоров и статистики общероссийского стачечного движения⁷³.

Антирабочая деятельность капиталистов текстильной промышленности Центрального района перед войной координировалась и направлялась обществом фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Создан-

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 671, л. 3.

⁷² ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 505, лл. 31, 34в, 176ж, 179а, 203, 240—241; д. 671, лл. 3—13; «Трудовая правда», 25 июня 1914 г., «Наш путь», 29 августа 1914 г.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 665, лл. 115, 124, 137, 140.

ная обществом 3 декабря 1913 г. комиссия по рабочему вопросу до 1 января 1915 г. провела 22 заседания⁷⁴. Особое внимание комиссия уделяла согласованным действиям по проведению в жизнь только что введенных законов о страховании рабочих. Секретариат общества разработал и направил членам его примерный устав и формы документации для больничных касс. Фабриканты всеми средствами стремились ограничить даже те небольшие права, которые были предоставлены рабочим в соответствии с законами о страховании⁷⁵.

Взаимоотношения фабрикантов с рабочими регулировались также обществом фабрикантов красильных и аппретурных предприятий. Весной 1913 г. совет общества создал специальную комиссию для выработки одинаковых правил внутреннего распорядка на предприятиях с весны 1913 г.⁷⁶

Таким образом, в эпоху империализма текстильные фабриканты пополнили арсенал борьбы с рабочим движением новыми средствами. Против рабочего класса выступают капиталисты, организованные в монополистические объединения и специальные антирабочие союзы. Политика фабрикантов в рабочем вопросе определялась этими организациями. Однако, несмотря на заметные сдвиги в деле объединения для борьбы с рабочим классом, организации российских капиталистов являлись лишь слабым подобием антирабочих организаций западноевропейской буржуазии. Существующие антирабочие союзы действовали недостаточно согласованно. Более того, они не могли рассчитывать на безоговорочное исполнение участниками соглашения коллективно принятых решений. Недостаточная организованность, отсутствие гибкости и дальновидности при осуществлении антирабочей политики в конечном итоге являлись факторами, способствовавшими разворачиванию стачечной борьбы пролетариата.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

В текстильной промышленности царской России в эпоху империализма фабрикантами и банками проводилась линия на монополизацию важнейших ее отрас-

⁷⁴ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1500, л. 7.

⁷⁵ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 353, лл. 1, 7—11.

⁷⁶ ГИАМО, ф. 333, оп. 1, д. 118, лл. 137, 139.

лей. Одно за другим возникали кратковременные монополистические соглашения и создавались первые устойчивые монополистические объединения. В общей сложности нам пока известно 25 более или менее устойчивых соглашений¹. Однако надо полагать, их существовало значительно больше. Внутренний рынок текстильных изделий контролировался монополистами. Каждое соглашение имело свои особенности, отличавшие его от другого. Но все они, несмотря на различия в организационных формах, мощности, устойчивости, эффективности и продолжительности своей деятельности, преследовали одни и те же цели, стремились разрешить однородные задачи, присущие монополистическим союзам капиталистов, обеспечивали получение максимально высоких сверхприбылей. Несмотря на несовершенство форм и «недоразвитость» крупнейших монополистических союзов в текстильной промышленности, они вполне удовлетворяли насущные запросы монополистов, обеспечивая стабилизацию цен в периоды стесненной рыночной конъюнктуры и неуклонное нарастание их при оживленном и устойчивом спросе на рынке. Даже в период кризисного положения рынка участники мос-

¹ Приводим их перечень: 1) соглашения лодзинских фабрикантов ткацко-отделочного производства (1900—1907); 2) соглашения московских мануфактуристов (1900—1904); 3) соглашения фабрикантов пунцовых тканей (1904—1914); 4) синдикат джутовых фабрикантов (1900—1901); 5) картель лодзинских прядильных фабрикантов (1901—1902); 6) картель «московских» ситцевиков (1904—1917); 7) картель иваново-вознесенских ситцевиков (1904—1917); 8) Всероссийское общество льнопромышленников (1906—1917); 9) «Экспортный союз» лодзинских прядильных фабрикантов (1907—1909/10); 10) союз фабрикантов грубых сукон (Симбирско-Тамбовский р-н); 11) общество фабрикантов суконной промышленности (1910—1917); 12) синдикат по экспорту льна (РАЛО — 1913—1917); 13) соглашение фабрикантов, выпускавших черные триковые ткани (1913); 14) соглашение владельцев фабрик, отделывавших плюш и бархат (1913); 15) кружевной синдикат; 16) общество красильно-аппретурных фабрикантов Москвы (1912—1917); 17) совещания прядильных фабрикантов Московского промышленного района; 18) общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности (1913—1917); 19) соглашения гродненских суконных фабрикантов (1913); 20) синдикат фабрикантов льняных мешков (1914—1915); 21) группа морозовских фабрик; 22) картель джутовых фабрикантов (1909—1917); 23) общество красильно-аппретурных фабрикантов Лодзинского района (1907); 24) ниточный трест; 25) товарищество внутренней и внешней торговли (1913—1917).

ковского картеля ситцевиков не только не сокращали, но даже увеличивали производство. Так, т-во Э. Циндель в 1911/12 операционном году изготовило 2,5 млн. кусков ткани, а в 1912/13 — 2,7 млн. кусков². Прохоровская м-ра в 1911 г. выпустила 2,6 млн. кусков, в 1912 — 2,5 млн., а в 1913 — 3,2 млн.³. В результате монопольного положения на рынке, бесцеремонного обирания потребителей и усиления эксплуатации рабочих прибыли московских капиталистов сохранялись на высоком уровне. Прибыли Прохоровской м-ры, даже по официальным данным, в 1911/12 г. составляли 15% к основному капиталу, в 1912/13 г. — 20%, в 1913/14 г. — 7%; прибыли т-ва Э. Циндель соответственно 8, 10 и 13%. Прибыли т-ва м-р Коншина достигали 15, 22 и 23%⁴. На 33 крупнейших хлопчатобумажных предприятиях с основным капиталом свыше 5 млн. руб. средняя прибыль в 1911/12 г. составляла 17%, а в 1912/13 г. — 16%⁵.

Характерной особенностью монополизации в текстильной промышленности является преобладание первичных, низших типов монополистических союзов. Крупнейшие монополистические объединения в текстильной промышленности, как правило, так и не развились дальше картеля. Для обеспечения текущей работы простейших картельных соглашений иногда использовались архаичные организационные формы старых учреждений (Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур). Старые органы приспособлялись для выполнения новых, не сложных, но, казалось бы совершенно чуждых им функций. Некоторое исключение представляют ниточный трест и монополистическая группа комбинированных предприятий, созданная Второвым и Кнопам (т-во внутренней и вывозной торговли). Особо стоит кружевной синдикат, постепенно перераставший в организацию типа треста.

Отсталость и «недоразвитость» преобладающих типов монополистических объединений в текстильной промышленности обуславливались особенностями ее развития,

² ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 508, лл. 678—680.

³ См. Р. П. Михальков. Ук. соч., стр. 225.

⁴ Ч. Иоксимович. Мануфактурная промышленность накануне мировой войны. М., 1915, стр. 51, 66, 281.

⁵ См. Ч. Иоксимович. Забастовки, налоги и доходность у мануфактуристов и нефтепромышленников. М., 1915, таблицы I—IV.

слабым влиянием банков в этой отрасли народного хозяйства. Московские банки, организованные самими фабрикантами, ввиду своей маломощности не стали еще центрами создания монополистических союзов высшего типа (тресты, концерны). Крупнейшие в стране петербургские банки также не могли еще оказать влияние на процессы синдицирования и трестирования, ибо они только в исключительных случаях владели паями и контролировали текстильные предприятия Центрального района. С другой стороны, в текстильной промышленности насчитывалось значительное количество крупных комбинированных предприятий, имевших традиционные торговые связи с теми или иными районами, что обеспечивало их монопольное положение на местных рынках при сбыте определенных видов тканей. Картельные соглашения закрепляли монополизацию рынка в общероссийском масштабе. Созданию же более прочных объединений препятствовали центробежные тенденции: стремление сохранить самостоятельность не только в производственных вопросах, но и в сфере торговли. Для того чтобы централизовать продажу товара, требовалось полностью унифицировать продукцию различных однородных предприятий. В хлопчатобумажной промышленности это невозможно было осуществить, не раскрыв производственных секретов. Рисунок, расцветка и прочие индивидуальные качества тканей имели большое значение в конкурентной борьбе. При одинаковой цене на изделия одной номенклатуры сбыт их был далеко не одинаков. Для того чтобы создать синдикат, его участники — хорошо оборудованные предприятия — должны были преодолеть опасения понести ущерб от потери коммерческой самостоятельности. Очевидные выгоды объединения сбыта омрачались установлением квот и угрозой определенного вмешательства в производственные дела со стороны конкурентов, особенно возможного в случае захвата ими руководства синдикатом. Поэтому централизация сбыта в текстильной промышленности дореволюционной России практически оказывалась возможной при условии централизации производства в том или ином виде. В свою очередь централизация производства требовала централизации капитала. В текстильной промышленности страны этот процесс шел параллельно процессу картелизации в сфере сбыта и проявлялся в

группировании предприятий, в создании мощных капиталистических комбинатов, в определенных условиях выступавших на рынке в качестве монополистов. Конечный результат этого процесса (монополии общности интересов) мы можем видеть на примере т-ва внутренней и вывозной торговли.

Значительное количество узкоспециализированных объединений и соглашений в хлопчатобумажной промышленности объясняется дробностью специализации предприятий, обширным ассортиментом выпускаемой продукции. В свою очередь это явление было следствием незавершенности процесса централизации производства второстепенных специализированных профилей, где преобладали разрозненные мелкие и средние заведения.

Наиболее крупные монополистические объединения в текстильной промышленности прикрывались оболочкой «профессиональных» (отраслевых «представительных») организаций фабрикантов.

Монополистические объединения картельного типа, где отсутствовали централизация сбыта продукции, систематическая отчетность и действенный контроль за выполнением принятых соглашений, не нуждались в специальном разветвленном аппарате, регулирующем торговлю. Подобные монополистические соглашения вполне могли обеспечить «профессиональные» общества, создававшиеся фабрикантами. «Профессиональные» организации привлекали их также потому, что они могли успешно выполнять и некоторые другие ответственные функции. Полнота политической власти в России находилась в руках помещиков во главе с Романовыми. Капиталисты вынуждены были думать не только об объединении своих сил для разрешения непосредственно экономических задач и целей, но и для «представительства» в правительственных кругах с целью выпрашивания различных экономических привилегий, преимуществ и поощрений (в виде казенных заказов, понижения пошлин, тарифов и т. п.), укреплявших их экономические позиции. Кроме того, обострение классовой борьбы, нарастание революционного движения пролетарских масс побуждали их к солидарным действиям в рабочем вопросе. А так как эти функции в практической деятельности органически переплетались, то «представительно»-монополистические организации (кроме всего прочего,

выполнявшие функции антирабочего союза) в условиях России оказались вполне жизненными. Формы создаваемых объединений соответствовали конкретным условиям и задачам, выдвигавшимся обстановкой на том или ином этапе развития экономики страны, отвечали интересам и целям капиталистов в тот или иной период.

В ХХ в. интенсивно протекал процесс возникновения финансовой олигархии, своими экономическими интересами и связями примыкавшей к текстильной промышленности. Крупные текстильные фабриканты (Рябушинские и их группа, например) создают новые коммерческие банки, предпринимают все более активные попытки проникновения в другие отрасли производства. Однако финансовому капиталу, развивавшемуся на базе текстильной промышленности, не успевшему еще толком «опериться», до первой мировой войны так и не удалось достигнуть каких-либо заметных результатов в этом направлении. Его успешной деятельности препятствовала финансовая слабость старых и новых московских банков по сравнению с петербургскими, прочно укрепившимися в ключевых звеньях промышленности и торговли дореволюционной России. Московские банки еще не имели ни сил, ни средств, чтобы дать им решительный бой даже на родственной почве (хлопковая и льняная торговля, к примеру). Финансовый капитал, связанный с текстильной промышленностью, только еще вставал на ноги, сделав лишь первую заявку на руководящее положение в экономике страны.

В борьбе с рабочим движением монополисты текстильной промышленности использовали по преимуществу грубые репрессивные меры. Попытки осуществления «либеральной» рабочей политики имели спорадический характер и редко шли дальше декларативных заявлений. В 1905—1907 гг. капиталисты текстильной промышленности, напуганные размахом революционной борьбы трудящихся масс, активно сотрудничали с царским правительством в деле удушения революции, преследуя передовых рабочих, устраивали массовые локауты, организуя антирабочие союзы. В годы нового революционного подъема текстильные фабриканты стремились выработать единую тактику в борьбе с забастовками. Но им так и не удалось обеспечить полное единство методов, форм и конкретных мер пресечения стачечной борьбы.

Раздел II

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—февраль 1917 г.)

ГЛАВА V

ВЛИЯНИЕ ВОЙНЫ НА ТЕКСТИЛЬНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

§ 1. Общее состояние текстильного производства

Первая мировая война, возникшая вследствие крайнего обострения противоречий мирового империализма, по своему характеру и масштабам существенным образом отличалась от всех предшествующих войн. Во-первых, она потребовала создания многомиллионных армий, оснащенных мощной техникой. Содержание и материально-техническое обеспечение этих армий было возможным лишь при условии напряжения всех производительных сил воюющих стран, подчинения всей их экономики военным нуждам, четкой работы всего тыла. Во-вторых, разорвав мировые экономические связи, существенным образом нарушив внутренние торговые и производственные связи, сложившиеся в течение десятилетий, война внесла дезорганизацию в народное хозяйство воюющих стран, потребовала серьезных усилий для поддержания нормальной деятельности промышленных предприятий.

В текстильной промышленности России с первых же дней войны наблюдались существенные изменения. Один из трех основных районов хлопчатобумажной промышленности — Лодзинский оказался в районе военных дей-

ствий. Вследствие этого производственные мощности хлопчатобумажной промышленности Российской империи сократились, ибо лодзинские фабриканты свернули производство и стали готовить предприятия к эвакуации. Вслед за тем в 1915 г. прекратили работу остальные хлопчатобумажные предприятия всех польских губерний и Рижского района. Однако на действующих предприятиях производство изменилось незначительно. По данным комитета хлопкоснабжения, прядильными предприятиями России, работавшими на 1 января 1917 г. (без Польши и Финляндии), в 1913 г. вырабатывалось 17,34 млн. пудов некрученной пряжи, в 1914 г. — 17,26 млн. пудов, а в 1916 г. — 18,97 млн. пудов. Только в 1917 г. производство значительно сократилось. При этом следует иметь в виду, что незначительное сокращение в 1914 г. и увеличение производства в 1916 г. объясняются понижением номеров вырабатываемой пряжи, необходимой для изготовления грубых тканей по заказам военного ведомства, удельный вес которых в это время был особенно значителен. При выработке номеров пряжи, преобладавших до войны, уровень прядильного производства даже в 1916 г. оказался бы приблизительно на довоенном уровне. Изменение номенклатуры изготавливаемых тканей чувствительнее отразилось на ситцепечатных фабриках. Здесь производство сократилось особенно заметно, так как, помимо указанных общих причин фактического сокращения производства, в 1916 г. около 20% тканей продавалось в суровом, неотделанном виде¹.

Фабриканты Центрального промышленного района в годы войны приняли меры к тому, чтобы занять на рынке место лодзинских хлопчатобумажных предприятий. «Пользовавшиеся большим спросом лодзинские одежные товары, бумажные и вигоневые, — отмечалось в «Известиях общества для содействия развитию и улучшению мануфактурной промышленности», — с успехом заменявшие для небогатых классов населения шерстяные ткани, почти отсутствуют на рынке, и многие предприятия, торговавшие раньше исключительно этими товарами, принуждены прекратить свою деятельность. Необходимо, однако, отметить, что многие ткацкие фабрики Влади-

¹ «Центроткань», 1918, № 2-3, стр. 3; ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 28, л. 11; д. 144, л. 172е.

мирской губ., как в городе Иваново-Вознесенске, так и в городе Шуе, и Костромской губернии с успехом начинают вырабатывать ткани тяжелые с начесом, вроде мо-лескина, бумажного трико, сукна и брючных материй»².

О разрушающем влиянии войны на текстильную промышленность в нашей историко-экономической литературе говорится достаточно определенно и в целом правильно. Советские исследователи совершенно справедливо обратили на этот вопрос самое серьезное внимание. Вместе с тем в некоторых обобщающих работах содержится не совсем точная оценка степени и причин ухудшения положения хлопчатобумажной промышленности России в годы первой мировой войны. Наиболее определенно она сформулирована П. И. Лященко в его известном труде по истории народного хозяйства СССР. «Расстройство ее, — утверждает П. И. Лященко, характеризуя положение хлопчатобумажной промышленности, — было очень значительно. Причина этого лежала в зависимости хлопчатобумажной промышленности от иностранного хлопка, ввоз которого из-за войны почти прекратился. Сокращение покупательной способности населения также сказалось отрицательно, поскольку в первые годы войны хлопчатобумажная промышленность в значительной доле (до 75%) ориентировалась на внутренний массовый рынок. Наконец, сокращение рабочей силы сказывалось здесь еще более отрицательно, чем в других отраслях»³. Безусловно, все перечисленные факторы оказывали определенное отрицательное воздействие на положение хлопчатобумажной промышленности, но их воздействие было не столь сильным, как это представляется П. И. Лященко. Эта оценка страдает также статичностью. Из нее не вытекает, что все указанные факторы подтачивали производительные силы постепенно, что степень их воздействия на положение хлопчатобумажной промышленности была различной в начале войны и два года спустя, что некоторые из них почти

² «Известия общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности», 1916, № 6, стр. 171—172.

³ П. И. Лященко. Ук. соч., т. II, стр. 642. Правильнее положение хлопчатобумажной промышленности царской России оценивает К. А. Пажитнов, который пишет: «Первые полтора года войны не произвели заметных изменений в положении хлопчатобумажной промышленности; она не страдала ни от недостатка сырья, ни от недостатка рабочих» (К. А. Пажитнов. Очерки., т. 2, стр. 135).

не оказали непосредственного влияния на производство, угрожая серьезными последствиями лишь в будущем.

Хлопчатобумажная промышленность России в значительной степени действительно базировалась на импортном сырье. Заграничным хлопком перед войной покрывалась почти половина потребности российских прядильных фабрик. Однако заявление П. И. Ляшенко, что ввоз хлопка из-за границы в годы войны почти прекратился, противоречит фактам. Импорт хлопка в 1915 г. сократился до 8,5 млн. пудов по сравнению с 12 млн. пудов в 1913 г. Но сбор отечественного хлопка, вследствие значительного увеличения посевов в Средней Азии и Закавказье, заметно увеличился, достигнув в 1915 г. почти 20 млн. пудов против 13,8 млн. пудов в 1913 г. Только к концу 1917 г. вследствие сокращения посевов и значительного уменьшения ввоза (до 1,3 млн. пудов) угроза хлопкового голода становится реальной ⁴.

К началу войны в потребляющих районах имелись значительные запасы хлопка, достаточные для нормальной работы хлопчатобумажных предприятий. В Центральном промышленном районе на 1 июля 1914 г. у фабрикантов и хлопкоторговцев имелось более 5,5 млн. пудов хлопка, т. е. количество, достаточное для нормальной работы промышленности в течение трех месяцев ⁵. Необходимо, однако, признать, что запасы сырья между отдельными предприятиями распределялись неравномерно. Поэтому на отдельных хлопчатобумажных фабриках Центрального и Прибалтийского районов отсутствие запасов хлопка вызвало кратковременную заминку в работе ⁶. Особое совещание при обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности в июле 1914 г. определило потребность хлопчатобумажной промышленности в сырье на 1914/15 г. в размере 21 млн. пудов, а только по данным железнодорожных перевозок, не считая запасов хлопка старого урожая, в потребляющие районы в течение этого года было доставлено 24,6 млн. пудов ⁷.

Производительность действующих прядильных фабрик за первый год войны не сократилась, а, наоборот, увеличилась. В Центральном районе производительность

⁴ См. К. А. Пажигов. Очерки..., т. 2, стр. 145—147.

⁵ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1628, лл. 22—24, 29—30, 32, 36—37.

⁶ ГИАЛО, ф. 1245, оп. 1, д. 572, л. 5.

⁷ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1628, лл. 22—24.

одного веретена увеличилась с 2,8 до 3,3 пуда⁸. Даже в конце 1916 г. в журнале «Промышленность и торговля» утверждалось, что «на предстоящий сезон наша мануфактурная промышленность вполне обеспечена сырьем»⁹. Недостаток сырья, как правило, больше отражался на работе сельских ткацких фабрик, которым предприятия-патроны поставляли пряжу. Так, летом 1915 г. по этой причине вдвое сократилось производство ткацких фабрик Ковровского уезда, получавших заказы от т-ва м-р Н. Дербенева¹⁰.

Таким образом, номинально хлопчатобумажная промышленность России вплоть до Февральской революции имела достаточные сырьевые ресурсы. В стране были значительные запасы хлопка, дававшие возможность не только сохранить производство на довоенном уровне, но даже расширить его, ибо не весь хлопок вследствие ряда причин (конкуренция, спекуляция, транспортные затруднения и т. п.) поступал для переработки на хлопчатобумажные предприятия. Так, в 1915/16 г., по данным комитета хлопкоснабжения, было переработано 21,4 млн. пудов хлопка, а в 1916/17 г. — 22 млн. пудов¹¹. Общие же запасы хлопка нового урожая (отечественного и заграничного) в сезон 1915/16 г. составляли 25,5—28 млн. пудов, а в сезон 1916/17 г. — около 24 млн. пудов.

Пытаясь выявить причины сокращения хлопчатобумажного производства, П. И. Лященко указывает на понижение покупательной способности населения. Однако такой прямой зависимости для периода войны в силу специфических условий военного времени все-таки не было.

Низкая покупательная способность населения царской России, обусловленная нищетой российского крестьянства и нищенским уровнем заработной платы пролетариата, явилась важнейшей причиной хронического кризисного положения хлопчатобумажной промышленности страны перед первой мировой войной. Тем не менее, несмотря на дальнейшее сокращение покупательной способности населения, избытка хлопчатобумажных тканей в России в годы войны не наблюдалось. Только в пер-

⁸ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1770, л. 6.

⁹ «Промышленность и торговля», 1916, № 44 (237), стр. 373.

¹⁰ ГАВО, ф. 266, оп. 25, д. 23, лл. 26, 31.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 44, л. 172е.

вые недели войны фабриканты хлопчатобумажной промышленности несколько сократили производство, стремясь «оздоровить» рынок, ликвидировать залежи на фабриках и складах, скопившиеся в результате традиционной интенсивной работы предприятий перед Нижегородской ярмаркой.

Положение коренным образом изменилось через какие-нибудь два месяца. Резкое увеличение казенных заказов, потеря польской промышленности, быстрая распродажа залежей тканей предопределили острый дефицит мануфактурных товаров, обострившийся с каждым месяцем. В «Известиях общества заводчиков и фабрикантов Московского района» в конце 1914 г. отмечалось, что «запасы свободных для продажи товаров на фабриках и торговых складах в общем незначительны», что «вся выработка их будущих месяцев минует склад, а поступает прямо с фабрик к заказчикам»¹². Уже в июле 1915 г. «наблюдался недостаток предложения самых ходовых хлопчатобумажных товаров»¹³.

Сокращение покупательной способности населения в годы войны могло отразиться на хлопчатобумажном производстве в будущем, после демобилизации промышленности. Однако Великая Октябрьская социалистическая революция направила развитие экономики по социалистическому пути, исключаящему кризисы перепроизводства.

Нельзя согласиться также с мнением П. И. Лященко, что недостаток рабочей силы сказывался в хлопчатобумажной промышленности «еще более отрицательно, чем в других отраслях». Несомненно, призыв в армию значительного контингента рабочих в июле—августе 1914 г. в какой-то степени отразился на работе хлопчатобумажных предприятий. Однако вызванная мобилизацией заминка оказалась кратковременной, так как в Петрограде и в особенности в Центральном промышленном районе имелось большое количество безработных. В хлопчатобумажной промышленности России в годы войны в действительности произошли существенные изменения в составе рабочих (увеличение прослойки рабочих, связан-

¹² «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского района», 1915, № 1, стр. 14.

¹³ «Известия общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности», 1915, № 12, стр. 445—446.

ных с сельским хозяйством, дальнейшее распространение женского и детского труда и т. п.) и наблюдался недостаток квалифицированной рабочей силы. Тем не менее, проблема рабочей силы была менее острой, чем, например, в металлообрабатывающей промышленности, и возникла она лишь к концу первого года войны. Фабричный инспектор VI участка Владимирской губ., возражая против разрешения ночной работы женщин и детей на фабриках г. Иваново-Вознесенска, писал старшему фабричному инспектору 25 мая 1915 г.: «Безработных мужчин в городе больше чем достаточно. Временами около фабрик их стоят целые толпы»¹⁴. Безработица в Иваново-Вознесенске сохранялась вплоть до 1916 г.¹⁵

В 1915 г. на бирже труда в Москве зарегистрировалось 77 855 безработных, из которых в течение года работу получили лишь 55 744 человека. Безработица сохранялась и в 1916 г., когда за 11 месяцев зарегистрировалось 63 520 безработных, из них к 1 декабря 1916 г. не устроились на работу 11 843 человека¹⁶. Сильный недостаток рабочих рук в летние месяцы наблюдался только на сельских ткацких фабриках, когда значительная часть рабочих уходила на сельскохозяйственные работы.

Большинство безработных не имели специальности. Использование их на производстве требовало предварительной подготовки, привития им элементарных навыков. На уровень текстильного производства оказывал влияние не недостаток рабочих, а некоторые снижение их квалификации. Следует при этом иметь в виду, что понижение производительности труда объяснялось в первую очередь ухудшением питания рабочих, неудовлетворительным ремонтом машин, низким качеством сырья и т. п.

Краткая характеристика общего состояния хлопчатобумажной промышленности была бы неполной и неточной без учета специфики различных районов. Необходимо признать, что с начала войны перед предприятиями Петроградского района возникли значительно большие трудности, чем перед предприятиями Центра. Они полу-

¹⁴ ГАВО, ф. 266, оп. 25, д. 286, лл. 5—6.

¹⁵ ЦГАОР, ф. ДО, 1916 г., д. 5, ч. 13, л. 73; ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1766, лл. 392—393.

¹⁶ «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского района», 1916, № 1, стр. 14; 1916, № 12, стр. 12.

чали уголь и сырье из-за границы — морским путем и находились на значительном удалении от основных районов выхода излишней рабочей силы. Перевозка заграничного хлопка через Швецию и Норвегию налаживалась с большим трудом и не получила развития вследствие активности германского подводного флота в Северном море. Своевременный подвоз отечественного хлопка из Средней Азии и угля из Донбасса тормозился неуклонно ухудшающейся работой железнодорожного транспорта, крайней загруженностью основных транспортных артерий, проходивших через Центральный промышленный район, а также спекуляцией.

Одной из основных причин сокращения производства в текстильной промышленности явились растущая дороговизна и несвоевременная доставка минерального топлива. Еще в начале 1915 г. иваново-вознесенские фабриканты, характеризуя в одной из своих докладных записок состояние нефтяного рынка, писали: «Рельефный пример такого рода спекуляции представляет в данное время нефтяная промышленность. Цена на нефть и мазут, продукты первой необходимости, в особенности весьма важные для промышленности местного района, расположенного вблизи от Волги, доведена искусственным путем в короткое время до небывалой высоты, граничащей с возможностью их применения»¹⁷. Летом и осенью 1915 г. в Москве пуд антрацита стоил 1 р. 50 к. — 2 р. 50 к., в то время как на месте добычи пуд угля стоил 18, а затем 27 коп.¹⁸

Введение нормированных предельных цен на нефть и уголь не могло приостановить спекуляции, развернутой монополистами топливной промышленности. Установление нормированных цен на минеральное топливо сопровождалось ограничениями в его продаже. Ряду предприятий было первоначально отказано в снабжении углем и нефтью. Уполномоченный председателя особого совещания по топливу в Центральном районе, сообщая об этом председателю совета общества фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района, предлагал использовать местные ресурсы — торф и дрова¹⁹. Однако

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 96, оп. 1, д. 6, л. 3.

¹⁸ Всероссийский союз городов. «Положение текстильной промышленности», вып. 1. М., 1917, стр. 65.

¹⁹ ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 30, л. 63.

эти ограничения так и не принесли предполагаемых результатов. Сколько-нибудь значительного увеличения потребления местного топлива не произошло. В 1914 г. дровяное топливо в Центральном промышленном районе составляло 33,7% всего технического потребления топлива, в 1915 г. — 36,8%, в 1916 г. — 35,8% и в 1917 г. — 40%. В текстильной промышленности в 1916 г. покрывалось дровами 40% потребностей, а в 1917 г. немногим более 50%. Таким образом, удельный вес древесного топлива в общем топливном балансе увеличился всего на несколько процентов. Еще хуже обстояло дело с разработкой огромных запасов торфа. Несмотря на серьезные затруднения с получением угля и нефтяного топлива, добыча торфа в Центральном промышленном районе из года в год сокращалась. В 1915 г. было добыто всего 85 млн. пудов по сравнению с 97,4 млн. пудов в 1914 г. В 1916 г. добыча уменьшилась до 80,2 млн. пудов, а в 1917 г. — до 67 млн. пудов. В 1916 г. текстильные фабрики Центрального района израсходовали 62,6 млн. пудов торфа, что составило около $\frac{1}{5}$ всего потребляемого топлива²⁰.

В районах, примыкавших к Волге, по которой перевозилась основная масса нефти в промышленные центры, наблюдалось расширение потребления нефтепродуктов. На фабриках Иваново-Вознесенска потребление нефти и нефтяных остатков увеличилось в 1915 г. почти в два раза по сравнению с предшествующим годом²¹.

В 1916 г. иваново-вознесенские фабриканты, несколько не считаясь с общегосударственными интересами, упорно требовали обеспечить предприятия района жидким топливом. Еще в феврале 1916 г. они в категорической форме доказывали невозможность снабжения фабрик города дровами, ссылаясь на недостаток рабочих рук и транспортные затруднения, особенно упирая на пагубные последствия остановки хлопчатобумажных предприятий района, возможной по причине недостатка топлива²². В действительности их отрицательное отношение к полному переходу на местное топливо объяснялось большими затратами по заготовке и транспортировке

²⁰ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 42, лл. 70—71.

²¹ ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 30, л. 36.

²² ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 19 лл. 100—101; д. 23, лл. 3, 34, 47; д. 74, лл. 28—29.

дров, превышавшими стоимость вздорожавшего привозного топлива.

Топливный кризис к концу 1916 г. достиг такой остроты, что привел к остановке ряда хлопчатобумажных предприятий. Именно на недостаток топлива как на одну из главных причин сокращения прядильного производства еще летом 1916 г. указывало общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности в записке на имя министра торговли и промышленности²³. Совещание при Московском биржевом комитете 3 декабря 1916 г. признало, что в Центральном районе до 1 мая 1917 г. (до предполагаемого открытия навигации) не хватит 27 млн. пудов топлива, т. е. двухмесячной потребности²⁴.

Предприятия текстильной промышленности (в первую очередь хлопчатобумажные и суконные) в годы войны испытывали серьезные затруднения из-за недостатка красок. Дело в том, что химическая промышленность в России была развита очень слабо. Крупнейшие предприятия являлись филиалами немецких фирм. Они изготавливали красящие вещества из полуфабрикатов германского производства²⁵. Уже в начале 1915 г. химические предприятия России оказались без сырья, необходимого для производства красок²⁶.

Текстильные фабриканты очень скоро почувствовали недостаток красок на внутреннем рынке. Они стали «жертвами» спекуляции химическими товарами, развернувшейся в России. Одной из мер противодействия этой спекуляции была закупка красок и химических веществ для их производства в Швейцарии, Англии и даже в Германии через Швецию, Швейцарию и Голландию²⁷. Однако возможности эти ограничивались финансовыми, валютными и транспортными затруднениями. Кроме того, эти операции сами по себе требовали дополнительных накладных расходов и обходились очень дорого. Однако, несмотря на вакханалию спекуляции красками, запаса их хватило для работы текстильной промышленности в

²³ ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 120.

²⁴ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1784, л. 98.

²⁵ «Известия общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности», 1915, № 2, стр. 67.

²⁶ Там же, стр. 73; 1915, № 8, стр. 294—295.

²⁷ ГАВО, ф. 266, оп. 24, д. 44, лл. 6, 8.

течение первого года войны²⁸. В 1916 г. созданные фабрикантами небольшие химические заводы по производству простейших красок (в Москве, Иваново-Вознесенске, Кинешме и других городах) частично удовлетворяли потребности хлопчатобумажных предприятий в красках. Несколько большие затруднения испытывали предприятия шерстяной и льняной промышленности²⁹. Однако и здесь недостаток качественных красителей не имел сколько-нибудь серьезного влияния на уровень производства.

Некоторое влияние на сокращение производства в текстильной промышленности оказало ухудшение ремонта оборудования вследствие недостатка запасных частей. Если механические заводы, созданные хлопчатобумажными фабрикантами в ряде крупных промышленных центров, хотя бы частично удовлетворяли потребность фабрик в запасных частях, то в шерстяной и льняной промышленности таких предприятий не имелось.

Все перечисленные факторы препятствовали полному использованию производственных мощностей в хлопчатобумажной промышленности.

Еще более чувствительный удар война нанесла по шерстяной промышленности империи. Захват австро-германскими войсками территории царства Польского резко сократил мощность шерстяной промышленности, ибо в польских губерниях сосредоточивалось более половины прядильных веретен³⁰. С первых же дней войны значительная часть шерстяных предприятий оказалась в районе ожесточенных боев, а остальные — в прифронтовой полосе. Оставшиеся в России камвольные предприятия (Даниловская камвольная м-ра, Фряновская м-ра и м-ра Дюфурмантеля) могли обеспечить ткацкое производство пряжей лишь в размере 10—15%³¹.

Значительное сокращение производства в годы войны и резкое увеличение военных заказов обусловили для предприятий шерстяной промышленности чрезвычайно благоприятную конъюнктуру рынка. Спрос на шерстяные

²⁸ «Известия общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности», 1915, № 8, стр. 294—295, 299—303.

²⁹ См. А. А. Н о л ь д е. Русская льняная промышленность во время войны и в годы революции. М., 1918, стр. 13.

³⁰ См. К. А. П а ж и т н о в. Очерки..., т. 1, стр. 238—241.

³¹ «Коммерческий телеграф», 27 сентября 1914 г. и 13 октября 1915 г.

ткани заметно превышал их предложение. Однако на работе предприятий тонкой суконной и камвольной промышленности, наряду с общими для всей текстильной промышленности затруднениями с получением топлива и красок, особенно остро отразилась потеря заграничной сырьевой базы. Эти трудности преодолевались путем организации централизованной закупки некоторого количества тонкой шерсти в Англии, изменения номенклатуры и выпуска смешанных тканей. Фабрики, изготовлявшие грубые сукна, находились в более благоприятных условиях, ибо имели прочную отечественную сырьевую базу. Значительное количество обыкновенной грубой шерсти по-прежнему экспортировалось в другие страны.

Благоприятная рыночная конъюнктура, отсутствие непреодолимых препятствий для поддержания производства на высоком уровне позволяли предприятиям шерстяной промышленности на территории, вошедшей впоследствии в состав СССР, сохранить производство в прежнем объеме. Для отдельных предприятий шерстяной промышленности конъюнктура рынка оказалась настолько выгодной, что они заметно расширили производство. Так, на Гутуевской м-ре в Петрограде было установлено значительное количество машин, приобретенных у эвакуированного из Риги предприятия. Вследствие этого ежемесячные поставки мундирного сукна с 8 тыс. аршин в начале войны к кануну 1917 г. увеличились до 29 тыс. аршин³².

Преобладающая часть фабрик льняной промышленности сосредотачивалась в Центральном районе. Поэтому прямое воздействие войны на льняную промышленность оказалось менее заметным, чем в суконном и хлопчатобумажном производствах. С другой стороны, массовые казенные заказы на брезенты, мешки и прочие изделия, прекрасная отечественная сырьевая база обеспечили, несмотря на серьезные трудности, даже некоторое увеличение производства. В годы войны значительная часть предприятий льняной промышленности перешла с односменной на двухсменную работу. В 1916 г. производство увеличилось до 4165 тыс. пудов пряжи по сравнению с 3250 тыс. перед войной. Если сделать поправку на понижение номера пряжи, то выработка пря-

³² ГИАЛО, ф. 1456, оп. 1, д. 447, лл. 58—59.

жи все же достигала 3,7—3,9 млн. пудов³³. В довоенное время одно веретено в среднем работало 13,4 часа, а в 1916 г. — 15,5 часа. В то же время выработка одного веретена в час, несмотря на понижение номера пряжи, несколько сократилась — с 0,042 пуда в 1914 г. до 0,041 пуда в 1916 г.³⁴. Таким образом, увеличение производства произошло за счет увеличения рабочего времени.

Значительные изменения в годы войны произошли в джутовой промышленности. В 1915 г. прекратились работы на трех предприятиях в Польше и двух в Риге. Осталось всего пять действующих фабрик (три в Петербурге, одна в Одессе и одна в Харькове). Лишь к осени 1917 г. два эвакуированных предприятия возобновили работу.

В годы войны заметно сократился ввоз джута в Россию. В связи с этим на действующих джутовых предприятиях значительное распространение получили обработка льна и изготовление комбинированных льно-джутовых тканей. Если до войны мешки изготовляли из чистого джута, то теперь наиболее обычным сырьем стала смесь: 60% джута и 40% льна. Переработка льна, а также пеньки и кенафа на джутовых предприятиях еще большее распространение получила в конце 1916 — начале 1917 г., когда смесь в некоторых случаях составлялась из 20% джута и 80% льна. За первые 9 месяцев 1917 г. джутовые фабрики переработали 459,9 тыс. пудов льна, 186,6 тыс. пудов джута, 32 тыс. пудов пеньки и 7,5 тыс. пудов кенафа³⁵. Отдельные джутовые фабрики перешли исключительно на переработку льна.

Стоимость продукции шелковой промышленности России за годы войны заметно уменьшилась, хотя ее производственные мощности не претерпели сколько-нибудь серьезных изменений. Это объясняется тем, что, с одной стороны, общее потребление населением изделий из шелка значительно сократилось, а с другой, — загрузка предприятий шелковой промышленности заказами на оборону была ниже, чем в других отраслях текстильного производства.

Следовательно, война заметно отразилась на тек-

³³ ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 39, л. 34.

³⁴ См. Н. Станский. Льняная промышленность. «Народное хозяйство», 1919, № 7, стр. 59—60.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 305, л. 2.

стильной промышленности России, создала серьезные трудности в деле обеспечения бесперебойной работы предприятий, приводила к постепенному разрушению производительных сил. С другой стороны, препятствия и затруднения с получением сырья, топлива, красителей, запасных частей не могли не обострять борьбу монополистических групп и борьбу капиталистов внутри монополистических объединений. В конечном итоге созданные войной условия должны были еще более укрепить позиции крупнейших текстильных капиталистов и их монополистических союзов.

§ 2. Деятельность специализированных картелей в годы войны и дальнейшая картелизация текстильного производства

В годы войны по-прежнему продолжали возобновляться и действовать специализированные картельные соглашения. Более того, эти союзы вследствие особенностей развития текстильной промышленности в условиях войны приобрели некоторые новые функции. Особенно активизировался картель московских ситцевиков.

Создание в 1914 г. такого крупного объединения, как т-во внутренней и вывозной торговли, не могло не изменить соотношения сил внутри картеля московских ситцевиков. Остальные предприятия, входившие в картель, попытались объединить свои усилия в противовес т-ву внутренней и вывозной торговли. Эта тенденция прослеживается даже в деятельности т-ва Э. Циндель, где влияние группы Кнопа—Второва оставалось достаточно сильным. Действуя в соответствии с пожеланиями и требованиями большинства пайщиков, правление т-ва, председателем которого по-прежнему был А. Л. Кноп, должно было предпринять некоторые недружелюбные акции по отношению к т-ву внутренней и вывозной торговли. В газете «Коммерческий телеграф» 30 июля 1914 г. сообщалось, что между т-вом Э. Циндель и Прохоровской м-рой существует негласное соглашение действовать в противовес вывозному т-ву. Однако эти трения не успели обостриться и не привели к распаду картеля. Он продолжал существовать, а связь между участниками соглашения еще более окрепла. Дело в том, что руководящая роль в картеле все-таки перешла к т-ву внутрен-

ней и вывозной торговли и его организатору Н. А. Второву. Переписка владельцев Куваевской м-ры свидетельствует о том, что теперь Н. А. Второв назначал собрания московских ситцевиков, которые происходили большей частью в помещении т-ва внутренней и вывозной торговли. На заседаниях по-прежнему назначались новые цены на ткани и определялись общие условия продажи. В одном из таких писем прямо говорилось о необходимости единого выступления «семи союзных фирм»³⁶.

Еще 22 июля 1914 г. московские ситцевики, ссылаясь на отсутствие подвоза пряжи, миткаля и материалов, приняли решение о сокращении производства в августе путем уменьшения рабочего времени до трех дней в неделю. Три недели спустя фабриканты постановили повысить цены на ткани на $\frac{1}{2}$ коп. за аршин с 25 августа и еще на $\frac{1}{2}$ коп. с 1 ноября. На следующем собрании они увеличили эту прибавку более чем в два раза³⁷. В сентябре 1914 г. предприятия, входившие в картель, обратились к торговым фирмам с циркуляром, в котором сообщалось, что все они решили совместно рассматривать «каждый отдельный случай прекращения платежей в районе, где введен мораториум, заканчивать расчеты совместно и, в случае явно злостного характера неплатежа, закрывать навсегда кредит злоупотребившему доверием покупателю». 13 октября 1914 г. состоялось новое совещание участников картеля, на котором было принято решение о повышении цен на ситец и другие ткани. В ноябре 1914 г. фабриканты единодушно изменили условия продажи тканей в кредит (сокращение срока кредита и т. п.). С 1 января 1915 г. состоялось новое повышение цен на 1 коп.³⁸

Одновременно с этими мероприятиями в картеле по-прежнему обсуждались и решались вопросы о размерах производства. В протоколе правления т-ва Э. Циндель от 15 декабря 1914 г. результаты обсуждения вопроса о размерах производства с 1 января 1915 г. до весны 1915 г. зафиксированы так: «по соглашению с

³⁶ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1659, лл. 125, 128; д. 1884, лл. 2, 5, 8; д. 1660, л. 6; д. 1784, л. 1; д. 1885, л. 112.

³⁷ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 76, лл. 373, 380, 383; д. 716, л. 353.

³⁸ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12245, л. 1; ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1660, лл. 3, 4, 6; «Коммерческий телеграф», 15 октября 1914 г.

конкуренцией, работать в январе 21 день, в феврале 20 дней, в марте 10 дней, а всего до пасхи 51 день»³⁹.

В 1916 г. цены продолжали неуклонно повышаться. Фабриканты использовали недостаток тканей на рынке для получения максимально высоких сверхприбылей. В одном из бюллетеней т-ва Э. Циндель в конце 1916 г. было совершенно отчетливо высказано резко отрицательное отношение картеля к тем твердым ценам на некоторые хлопчатобумажные изделия, которые вводило царское правительство. В периодической печати этот документ был окрещен «мануфактурным манифестом». Фабриканты прямо заявляли: «Независимо от того, будет ли нормирована цена на готовый товар, в отношении ситца можно уже теперь с уверенностью сказать, что в недалеком будущем предстоит ее повышение». Они выполнили обещание, объявив в начале 1917 г. новую прибавку к ценам на ситец⁴⁰.

Об укреплении единства московских ситцевиков свидетельствуют их совместные попытки проникновения в другие отрасли промышленности. Особое внимание участники картеля обратили на химическую промышленность, стремясь создать крупные предприятия по производству красок и обеспечить их полную независимость от немецкой химической промышленности. Они еще в 1914 г. выступили с предложением развернуть в России производства красильных материалов и красок. 28 ноября 1914 г. в обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности под председательством Н. А. Второва происходило совещание представителей хлопчатобумажной, шерстяной, льняной и шелковой промышленности. На этом совещании было решено организовать Российское общество химической промышленности 1914 г. («Русскокраска») ⁴¹. Первоначальный акционерный капитал общества, определенный в 5 млн. руб., был распределен между 70 крупными мануфактурными фирмами Центрального района. В совете общества преобладали представители ситцепечатных предприятий (Н. А. Второв, А. М. Невядомский, Н. Г. Бурылин, И. А. Морозов, Н. И. Гучков и др.) ⁴².

³⁹ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 1539, л. 5.

⁴⁰ «Коммерческий телеграф», 12 декабря 1916 г.; «Коммерсант», 11 января 1917 г.

⁴¹ ГИАМО, ф. 2102, оп. 1, л. 8, л. 29.

⁴² ГАИО, ф. 125, оп. 1, д. 1894, л. 9.

Под руководством такого опытного организатора, как Н. А. Второв, деятельность «Русскокраски» развивалась весьма успешно. В апреле 1917 г. основной капитал о-ва был увеличен до 15 млн. руб. К этому времени при станции Рубежной в Екатеринославской губ. работали заводы сернистый и олеума (годовая производительность 600 тыс. пудов) и феноловый (с производительностью 24 тыс. пудов). Накануне пуска находился завод жидкого хлора с годовой производительностью 150 тыс. пудов. Оборудовались нафтоловый и антраценовый заводы. Стоимость всех предприятий при станции Рубежной оценивалась в 9,5 млн. руб.⁴³

В 1915 г. о-во купило контрольный пакет т-ва Русского бензола-анилинового завода в Кинешме, где производились тротил, азотная кислота, сернистый натр. В Москве «Русскокраска» оборудовала постоянную научную лабораторию и фармацевтический завод, купила Баденскую анилиновую и содовую фабрику. Кроме того, было приобретено 52,5% паев Российского акционерного о-ва коксовой промышленности и бензолового производства («Коксобензол»). Учредителями «Коксобензола» являлись Н. А. Второв, Н. Ф. фон Дитмар, И. А. Морозов, А. М. Невядомский. В августе 1917 г. основной капитал «Коксобензола» составлял 8 млн. руб.⁴⁴. В общей сложности о-во намеревалось построить 410 коксовых печей. 210 печей предполагалось пустить в ход в начале 1918 г. К концу 1916 г. действовало 90 печей на Ясиновском руднике⁴⁵.

После февральской революции ситцевые фабриканты значительно расширили свои предприятия в химической промышленности. В докладе правления «Коксобензола» от 3 августа 1917 г. заявлялось: «Промышленной группе, финансирующей «Коксобензол» и «Русскокраску», удалось основать новое акц. о-во, к которому перешла фабрика акц. о-ва „Фридрих Майер и К^о“». Контрольный пакет акций этого предприятия оказался в портфеле «Коксобензола» и «Русскокраски». В результате этого приобретения «был закончен цикл предприятий, необходимых для создания в России отечественной красочной

⁴³ ГАИО, ф. 125, оп. 1, д. 1894, л. 26.

⁴⁴ Там же, лл. 10—11, 26; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 13, д. 474, лл. 3, 5, 9, 81.

⁴⁵ ГИАМО, ф. 2103, оп. 1, д. 1, лл. 28—29.

промышленности». Руководители «Коксобензола» утверждали даже, что «вопрос о производстве красок в России, задуманный в широких размерах, тем самым сразу получил окончательное разрешение»⁴⁶.

Руководящая роль в группе химических предприятий принадлежала московским ситцевикам, возглавлявшимся Н. А. Второвым. Последний имел достаточное влияние, чтобы определять направление развития нового дела. Одним из существенных факторов, обеспечивавших контроль Н. А. Второва над объединением химических предприятий, являлся кредит, предоставлявшийся, видимо, через Московский промышленный банк.

Наряду с непосредственной организационной подготовкой к созданию новых предприятий химической промышленности, московские монополисты-ситцевики принимали меры к ограждению их от иностранной конкуренции повышенными таможенными тарифами. Еще в ноябре 1914 г. они подписали обстоятельную записку, в которой обосновывалась необходимость запрещения ввоза в Россию каменноугольного дегтя. Им удалось добиться установления повышенных тарифов на ряд полупродуктов химического производства, в значительных количествах ввозившихся ранее в Россию из Германии⁴⁷.

Организация «Русскокраски» происходила одновременно с обсуждением вопросов об участии в новых т-вах по добыче угля, нефти и производству снарядов⁴⁸. В конце 1916 г. в картеле шла усиленная организационная работа по созданию торгово-промышленного т-ва «Пахта» («Хлопок»).

В первом параграфе проекта устава т-ва указывалось, что оно учреждается с целью покупки и продажи хлопка и хлопковых семян, эксплуатации хлопкоочистительных, маслобойных и мыловаренных заводов. Основной капитал намечался в размере 3 млн. руб. Учредителями т-ва являлись все семь участников московского ситцевого картеля⁴⁹. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции новое предприятие так и не успело организовать.

⁴⁶ ГИАМО, ф. 2103, оп. 1, д. 1, л. 29.

⁴⁷ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1635, лл. 75—76; д. 1659, л. 228; ГИАМО, ф. 2102, оп. 1, д. 7, л. 2.

⁴⁸ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1783, л. 48.

⁴⁹ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 2098, лл. 1—2, 4—5, 10, 25—26.

Деятельность картеля продолжалась и после Февральской буржуазно-демократической революции. По-прежнему участники соглашения все важнейшие мероприятия осуществляли в соответствии с достигнутой между ними договоренностью⁵⁰.

Картель иваново-вознесенских ситцевиков в годы войны также заметно активизировался. Вслед за московскими ситцевиками иваново-вознесенские фабриканты осуществили в начале войны, хотя и в меньшей степени, сокращение производства, одновременно с этим повысив цены на ситец⁵¹. При повышении цен иваново-вознесенские фабриканты проявили еще большую алчность, чем московские. Уже к весне 1915 г. цены на ивановский ситец достигли 19 коп. за аршин, сравнявшись с ценами на московский ситец. Стремясь обеспечить свои предприятия простейшими красками, они в феврале 1915 г. приняли решение о постройке небольших химических заводов⁵².

В шерстяной промышленности России в годы войны особенно отчетливо проявились весьма противоречивые тенденции. С одной стороны, созданная войной конъюнктура оказалась настолько благоприятной, что проблема сбыта, волновавшая суконных фабрикантов перед войной, разрешилась сама собой. Угроза конкуренции со стороны крупных суконных фабрик исчезла. Заказы казны дали возможность мелким и средним предприятиям пустить производство полным ходом и избавиться от опеки крупных фабрикантов. Фабрики Сувиорова, Шульца и Машковская, ранее контролировавшиеся Хутаревыми, Барышниковыми и Митрофановыми, стали самостоятельно работать на интендантство. В этих условиях отпала надобность в объединении для сбыта грубых сукон, которое оформлялось перед войной⁵³. С другой стороны, продолжался процесс консолидации фабрикантов в соответствии со специализацией их предприятий. Во второй половине 1916 г. интенсивно осуществля-

⁵⁰ ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 1578, л. 9; «Коммерческий телеграф», 9 августа 1917 г.

⁵¹ ГАИО, ф. 101, оп. 1, д. 716, лл. 353, 373, 380, 383.

⁵² ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1208, л. 103; д. 1635, лл. 31, 39; В. Я. Лаврычев. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны, стр. 27, 32.

⁵³ «Коммерсант», 27 октября 1914 г.

лась работа по организации о-ва камвольных фабрикантов, в которое в 1917 г. входило 30 предприятий с 16 тыс. рабочих⁵⁴. В это же время оформляется о-во торговцев сукном, шерстяными и полушерстяными тканями, начавшее действовать в мае 1917 г.⁵⁵

В джутовой промышленности деятельность предприятий в годы войны по-прежнему регламентировалась рамками картельного соглашения. На первом после начала войны общем собрании джутовых фабрикантов 14 января 1915 г. действие соглашения было продлено до 1 октября 1915 г. В соглашении появились некоторые новые пункты. Во-первых, из фонда объединенных фабрик трем польским джутовым предприятиям была оказана денежная поддержка в размере 10 тыс. руб. каждому. Во-вторых, каждый участник соглашения, продававший мешки сахарным заводам, состоявшим в списках этих трех предприятий, уплачивал последним в виде компенсации по 50 коп. с пуда проданного товара⁵⁶.

На развитие предпринимательских объединений в шелковой промышленности первая мировая война оказала меньшее влияние, чем в других отраслях текстильного производства. Хотя при Московском областном военно-промышленном комитете (МВПК) 30 июля 1915 г. образовалась шелковая секция (в дальнейшем — отдел), деятельность ее была ограниченной. С ноября 1915 г. секция занималась распределением пряжи и военных заказов среди мелких ткацких фабрикантов. Через отдел по преимуществу организовывалось изготовление зарядной пороховой ткани. Отдел заключал контракты с отдельными фирмами и определял цены на ткань⁵⁷. Удельный вес военных заказов в шелковой промышленности был сравнительно невелик. Поэтому отдел являлся малоавторитетным органом.

Несмотря на незначительность военных заказов, условия военного времени все же ускоряли процесс объединения фабрикантов шелковой промышленности. 28 января 1916 г. на совещании при Московской бирже

⁵⁴ ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 29, лл. 28—30; «Коммерческий телеграф», 9 и 26 июня, 3 и 9 сентября, 17 и 29 октября, 9, 15 и 22 ноября 1916 г.

⁵⁵ «Коммерческий телеграф», 26 мая 1917 г.

⁵⁶ ГИАЛО, ф. 1378, оп. 1, д. 63, лл. 3—4

⁵⁷ ГИАМО, ф. 861, оп. 1, д. 154, л. 57.

шелковые фабриканты и шелковые торговцы постановили создать особый орган по распределению валюты, необходимой для закупки сырья за границей ⁵⁸.

Недостаток и дороговизна сырья и различных материалов предопределили решение шелковых фабрикантов образовать «профессиональное» о-во по образцу уже существующих в других отраслях текстильной промышленности. Постоянная организация шелковых фабрикантов первоначально легализовалась в виде особого отдела Московского о-ва заводчиков и фабрикантов. В январе 1917 г. фабриканты разработали устав о-ва шелковых фабрикантов, которое начало функционировать после Февральской буржуазно-демократической революции. Учредителями о-ва являлись Н. Н. Кукин, Н. В. Щенков, П. К. Жиро, Ю. П. Гужон, И. Е. Сапожников ⁵⁹.

Таким образом в годы войны, наряду с дальнейшей консолидацией крупнейших мануфактуристов в существующих монополистических объединениях, возникали новые монополистические союзы. Наибольший интерес, однако, представляют коллективные предприятия, создававшиеся картелями московских и иваново-вознесенских ситцевников в химической и других отраслях промышленности. Возникновение и развитие таких предприятий не только свидетельствовало о дальнейшем организационном укреплении монополистических союзов капиталистов, но и прямо требовало более тесного объединения и сотрудничества участников соглашений. В конечном итоге создание таких предприятий являлось очередным шагом по пути централизации производства и формирования крупных монополистических союзов общности интересов.

§ 3. Усиление тенденций к централизации производства.

Проникновение в другие отрасли промышленности.

Банки и текстильная промышленность

В годы первой мировой войны интенсивно продолжался процесс централизации хлопчатобумажного производства.

⁵⁸ «Коммерческий телеграф», 29 апреля 1916 г.

⁵⁹ «Коммерческий телеграф», 30 августа 1916 г. и 16 января 1917 г.; «Коммерсант», 9 июля 1916 г.

Именно в этот период Кнопы предприняли первую серьезную попытку организационного объединения различных принадлежавших им предприятий. Еще в начале 1915 г. в периодической печати сообщалось о проекте создания Кнопами акц. о-ва с основным капиталом в 80 млн. руб., включающего все контролируемые ими т-ва⁶⁰. Однако в полном виде этот проект не осуществился. По всей видимости, Кнопам не удалось получить согласия меньшинства владельцев паев крупнейших предприятий. Устав т-ва «Волокно» (основной капитал 20 млн. руб.), к которому перешли предприятия, безраздельно принадлежавшие торговому дому Л. Кноп, был утвержден 17 февраля 1916 г. Подавляющая часть паев осталась в руках б. владельцев торгового дома. Мелкими держателями паев стали Н. А. Второв, Н. Н. Коншин, Н. Д. Морозов, И. А. Баранов, вошедшие в состав ревизионной комиссии т-ва. Т-во «Волокно» унаследовало от торгового дома операции по торговле хлопком, пряжей, мануфактурой и химическими товарами в Москве, экспедиторское дело в Петрограде, бумаготкацкую фабрику в Солнечногорской волости, механический завод для изготовления военных снарядов на Бутырской улице в Москве, склад механических принадлежностей в Иваново-Вознесенске. В портфеле т-ва «Волокно» сосредоточивалась некоторая часть паев текстильных предприятий, принадлежавших ранее торговому дому. Однако большая часть паев не попала в баланс т-ва. Они оставались в личном владении у б. владельцев торгового дома.

В годы войны Кнопы, за небольшим исключением (Екатерингофская м-ра), не только сохранили свое влияние на контролируемые ими предприятия, но и распространили его на некоторые другие фабрики. Еще перед войной оказалась неплатежеспособным фабрика Небурчилова. Кренгольмская м-ра и торговый дом Л. Кнопа являлись крупнейшими кредиторами Небурчиловых. Поэтому представители Кнопов вошли в состав администрации, созданной для управления этим предприятием. В это же время представители Кренгольмской м-ры вошли в состав администрации, учрежденной по делам т-ва м-р А. В. Мараевой⁶¹.

⁶⁰ «Коммерческий телеграф», 14 апреля 1915 г.

⁶¹ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 218, лл. 2—3, 8, 15; д. 835, лл. 3—4, 195; д. 836, л. 185; д. 79, лл. 1—2; д. 720, л. 25.

В годы войны укрепило свои позиции т-во внутренней и вывозной торговли, овладевшее т-вом м-р А. Гусева ⁶². Руководитель этого объединения Н. А. Второв свою деятельность по собиранию хлопчатобумажных предприятий перенес, однако, в Московский промышленный банк, учрежденный им в 1916 г.

Заметных успехов добилась Прохоровская Трехгорная м-ра. Владельцы ее скупили контрольный пакет паев Покровской м-ры. На трех фактически объединенных теперь предприятиях (Прохоровская, Ярцевская и Покровская м-ры) имелись около 200 тыс. веретен, 5,4 тыс. ткацких станков, хорошо поставленное отделочное производство и разветвленная сеть местных отделений по продаже тканей. Здесь работало 20 тыс. рабочих ⁶³. Кроме того, Прохоровская м-ра контролировала группу чисто ткацких фабрик. Она регулярно снабжала пряжей ткацкие фабрики Пряхина и Рысина, Запруднова, братьев Горностаевых, получая от них миткаль для дальнейшей обработки ⁶⁴. В годы первой мировой войны вокруг Прохоровской м-ры сложилась, таким образом, группа предприятий трестовского типа.

Значительную активность по скупке хлопчатобумажных предприятий проявил Н. Ф. Беляев. В 1915 г., окончательно овладев обанкротившимся предприятием С. Н. Баранова в Александрове, он учредил т-во м-р Н. Ф. Беляева с основным капиталом 1 200 000 руб. ⁶⁵. В ноябре 1916 г. за 7 млн. руб., при помощи Московского промышленного банка, Н. Ф. Беляев приобрел т-во м-р Ф. Рабенек. Кроме того, в декабре 1916 г. он вел переговоры о покупке Дедовской м-ры, предприятий Полушина в Москве и Иваново-Вознесенске, а также фабрик Скворцовых ⁶⁶.

В годы войны в хлопчатобумажную промышленность еще решительнее устремились крупные мануфактурные

⁶² ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 322, л. 3; д. 219, л. 2; д. 220, лл. 3, 23; д. 218, лл. 3, 15.

⁶³ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», ч. I. Изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 78—81.

⁶⁴ ЦГАНХ, ф. 7659, оп. 1, д. 12, л. 88.

⁶⁵ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 138, л. 9; «Коммерческий телеграф», 5 марта 1915 г.

⁶⁶ «Биржевой курьер», 7 декабря 1916 г.; «Коммерческий телеграф», 5 ноября 1916 г.

фирмы. Так, С. И. Шукин — владелец крупнейшей в России фирмы, торговавшей мануфактурными товарами, и член правления т-ва м-р Э. Циндель, приобрел контрольный пакет паев т-ва м-р Н. Гарелина в гор. Иваново-Вознесенске. Другой крупный московский мануфактурист З. М. Персиц, завладевший перед войной ткацкой фабрикой Белова, в начале 1916 г. приобрел Московскую красильную фабрику⁶⁷.

В хлопчатобумажной промышленности Петроградского района в годы войны происходили аналогичные процессы. В январе 1917 г. т-во братьев Н. и В. Леонтьевых, только что освободившееся от администрации, реорганизовалось в акц. о-во с основным капиталом в 6,5 млн. руб. Хотя в новом обществе приняли участие другие предприятия (Зуевская и Балтийская м-ры, т-во «Волокно» и пр.), контрольный пакет акций Леонтьевы сохранили в своих руках. Новое о-во приобрело от английских акционеров 1000 акций ($\frac{5}{8}$ общего количества) т-ва Новой бумагопрядильни⁶⁸.

В льняной промышленности России в годы войны особенно выделяется деятельность Н. Ф. Беляева. В конце 1914 — начале 1915 г. совместно с вязниковским фабрикантом Демидовым он купил Меленковскую льняную мануфактуру. Романовская льняная м-ра в 1916 г. приобрела ткацко-белильно-отделочную фабрику П. А. Зотова⁶⁹. Следует также отметить, что в годы войны происходило дальнейшее расширение существующих крупных предприятий. Новые корпуса построили Большая Костромская м-ра, Гаврилово-Ямская м-ра, Романовская м-ра и другие фабрики⁷⁰.

В суконной промышленности объединение предприятий получило заметное проявление лишь к концу 1916 г. Именно в это время контрольный пакет в т-ве м-р Иокиш перешел в руки Н. А. Второва и Н. Т. Каштанова, а т-во «Треугольник» приобрело старинное суконное пред-

⁶⁷ «Коммерческий телеграф», 5 и 8 ноября 1916 г.; ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 811, лл. 7, 12, 19.

⁶⁸ ГИАЛО, ф. 1305, оп. 1, д. 632, лл. 1, 5, 6, 37.

⁶⁹ ЦГАОР, ДП-IV, 1915 г., д. 11, ч. 7, л. 1; ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1031, л. 3; «Коммерческий телеграф», 14 января и 25 апреля 1915 г.

⁷⁰ См. П. Макарьев. Текстильная промышленность верховьев Волги, стр. 17.

приятие А. А. Досушева. В начале 1917 г. принадлежавший Н. А. Второву Московский промышленный банк приобрел значительный пакет акций Гутуевской м-ры⁷¹. Рижские фабриканты Густав и Вильям Поссельт организовали в конце 1916 г. акц. об-во «Текстиль» с основным капиталом 2,5 млн. руб. Они приобрели в Серпухове старые фабричные корпуса для оборудования шерстопрядильной и шерстоткацкой фабрики вывезенными из Риги машинами⁷².

Чем дальше, тем больше особую остроту в годы войны получала сырьевая проблема. Поэтому как в хлопчатобумажном, так и в шерстяном и льняном производствах возникали новые специализированные объединения фабрикантов, имевшие целью обеспечить предприятия сырьем с наименьшей затратой средств.

В хлопчатобумажной промышленности борьба за источники сырья особенно обострилась в 1916 г. Еще в 1915 г. Московский купеческий банк создал собственную хлопкооторговую фирму — Московское купеческое т-во на паях, имевшее целью в первую очередь развитие хлопковых операций. Банк ликвидировал соглашение по хлопковым операциям с торговым домом Швецова и передал все хлопковые дела новому т-ву, во главе которого стал руководитель товарного отдела банка Г. Д. Чаманский⁷³. Точно так же за несколько месяцев до утверждения устава Московского купеческого общества, в марте 1915 г. Московский купеческий банк прекратил совместные с торговым домом Л. Кнопа операции по финансированию Потеляховского хлопкопромышленного т-ва и уплатил торговому дому 400 000 руб. неустойки⁷⁴. Кнопы заключили аналогичное соглашение с Московским отделением Русского для внешней торговли банка⁷⁵.

Деятельность «Беш-Боша» в годы войны заметно оживилась. Не ограничиваясь маслобойным делом, объединившиеся фирмы распространили свои действия в сферу хлопковой торговли. Вследствие этого основной

⁷¹ «Биржевой курьер», 8 декабря 1916 г.; «Коммерческий телеграф», 9 октября 1916 г.; «Коммерсант», 17 февраля 1917 г.

⁷² ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1883, л. 7.

⁷³ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 51; ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, д. 233, л. 3; «Коммерческий телеграф», 19 мая 1915 г.

⁷⁴ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 50; ГИАМО, ф. 253, оп. 2, д. 21, лл. 588, 592—594, 634—635.

⁷⁵ «Экономическое положение России...», ч. I, стр. 121—122.

капитал о-ва был увеличен до 4,2 млн. руб. Участники «Беш-Боша» создали новую фирму — «Пахта-беш» («Хлопок пяти»). Новая фирма сразу же приобрела хлопкоочистительный завод в Андижане. Перед революцией группа «Беш-Бош» имела 29 хлопкоочистительных заводов⁷⁶.

Московское купеческое о-во, объединив усилия значительной группы прядильных фабрикантов по закупке хлопка, все же не претендовало на то, чтобы консолидировать силы капиталистов хлопчатобумажной промышленности в единой организации, противопоставив ее петроградским банкам, торгующим хлопком, и хлопкооторговым фирмам. Идея создания такой организации впервые возникла в обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, видимо, в связи с проектом организации «Центрохлопка».

Совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности на заседании 3 сентября 1916 г. принял решение об образовании особого хлопкового т-ва, которое «имело бы своей задачей устранить существующее ныне посредничество в хлопковой торговле». 5 сентября 1916 г. это решение одобрило совещание прядильных фабрикантов⁷⁷. Общество фабрикантов разработало проект устава хлопкопромышленного т-ва, который был обсужден на совещании предпринимателей 23 сентября 1916 г. Проект и сопроводительная записка к нему были разосланы заинтересованным предприятиям в строго доверительном порядке. В записке говорилось о том, что было бы «желательным изменить в основе существующий порядок снабжения хлопком, при котором руководящее значение принадлежит посредничающим в торговле хлопком фирмам и банкам, установив непосредственные торговые связи бумагопрядильных предприятий с производителями хлопка». Организаторы т-ва планировали в самые сжатые сроки начать массовые закупки хлопка в местах его производства. С этой целью предполагалось приобрести одно или два действующих хлопкооторговых предприятия. Наряду с покупкой и продажей собственного хлопка новая организация предполагала осуществлять торговлю хлопком на комиссион-

⁷⁶ См. А. П. Демидов, Ук. соч., стр. 195—196.

⁷⁷ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, л. 119.

ных началах. В дальнейшем намечалось построить собственные хлопкоочистительные заводы и арендовать уже существующие⁷⁸. Представители 23 прядильных предприятий пришли к соглашению о создании хлопкопромышленной и хлопкоторговой фирмы на указанных основаниях. Однако устав Российского хлопкопромышленного т-ва был утвержден только 6 апреля 1917 г., а деятельность его разворачивалась весьма медленно. Дело в том, что организаторам так и не удалось реализовать свою идею, т. е. противопоставить хлопкоторговцам единую организацию покупателей хлопка — закупочный синдикат прядильщиков. Основными пайщиками нового т-ва явились прядильные предприятия, связанные с Московским банком Рябушинских. В него, как правило, не вошли предприятия, группировавшиеся вокруг организации «Беш-Бош»⁷⁹.

Финансирование Российского хлопкопромышленного т-ва обеспечивал Московский банк. Предполагаемые сделки по покупке т-ва «Искандер» и среднеазиатской организации т-ва Тверской м-ры согласился финансировать Московский промышленный банк⁸⁰.

Рябушинские стремились поставить дело на твердую основу. Они подобрали сведущих людей, хорошо знающих положение дел в хлопковой торговле. Председателем правления т-ва стал Е. Е. Лахтин — б. вице-директор и заведующий товарным отделом московского отделения Русско-Азиатского банка. Директорами стали И. А. Аигин и Г. И. Осокин, возглавлявшие ранее Московское торгово-промышленное т-во⁸¹. Тем не менее деятельность т-ва в 1916/17 г. так и не получила развития. Предполагаемые сделки не состоялись. В записке правления т-ва от 16 августа 1917 г. снова говорилось о грандиозных планах создания широкой хлопковой организации «в Средней Азии и Закавказье с покупкой и постройкой в будущем собственных заводов как хлопкоочистительных, так и маслособойных». Однако далее отмечалось, что на ближний сезон («в виду трудностей

⁷⁸ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 455, лл. 3—4.

⁷⁹ ГИАМО, ф. 342, оп. 9, д. 22, лл. 21—24; ф. 450, оп. 9, д. 690, л. 171.

⁸⁰ «Коммерческий телеграф», 10 сентября 1916 г.; «Биржевой курьер», 12 ноября 1916 г.

⁸¹ «Экономическое положение России...», ч. I, стр. 76—77.

с покупкой хороших заводов и постройкой их») т-во «ограничилось лишь арендой нескольких заводов в лучших районах Ферганы и Бухаре». 1917/18 г. правление считало организационным и предполагало закупку 800—1000 вагонов хлопка. Распределение хлопка намечалось производить по продажным рыночным ценам пропорционально доле участия каждой фирмы в т-ве⁸².

Таким образом, попытки создания закупочного синдиката прядильных фабрикантов до Великой Октябрьской социалистической революции так и не дали положительных результатов. Однако после организации Российского хлопкопромышленного т-ва, объединившего еще одну большую группу прядильных фабрикантов, сложились все условия для монополистического соглашения предприятий — потребителей хлопка. Накануне Февральской революции почти все прядильные фабриканты Центрального промышленного района сгруппировались вокруг четырех основных хлопкоторговых организаций: 1) т-во «Волокно», 2) Московское торгово-промышленное т-во, 3) Московское купеческое т-во, 4) Российское взаимное хлопкопромышленное т-во. Интересы участников этих организаций тесно переплетались. Московское купеческое т-во (через Московский купеческий банк) и Московское торгово-промышленное т-во были связаны с т-вом «Беш-Бош», а Кнопы и Второв в хлопковой торговле действовали в тесном контакте с этой группой и группой Рябушинских.

Уже сам факт объединения последней большой группы прядильных предприятий с целью совместного выступления на рынке не мог не вызвать тревоги местных хлопкоторговых фирм в Средней Азии и Закавказье и стоявших за ними петербургских коммерческих банков. Хлопкоторговцы давали себе отчет в том, что трем-четырем хлопкоторговым организациям, преследующим одни и те же цели, сговориться легче, чем десяткам предприятий, выступающим на рынке самостоятельно. Поэтому в ответ на попытку создания закупочного синдиката крупные среднеазиатские и московские хлопкоторговые фирмы организовали контр-синдикат и обсуждали проект создания среднеазиатского хлопкоторгового банка с основным капиталом в 20 млн. руб., призван-

⁸² ГИАМО, ф. 342, оп. 9, д. 22, лл. 21—22.

ного финансировать хлопкооторговые предприятия на местах⁸³.

Укрепление московских хлопкооторговых организаций на среднеазиатском рынке, активизация ими закупочных операций наносили урон влиянию петроградских коммерческих банков в хлопковой торговле. Кроме того, наиболее крупные среднеазиатские хлопкопромышленные и хлопкооторговые предприятия, используя чрезвычайно выгодную конъюнктуру рынка, к концу 1916—началу 1917 г. значительно окрепли. Так, Вадьяевское хлопкопромышленное т-во освободилось от финансовой зависимости от Русско-Азиатского банка, погасив 2½-миллионный долг. Представители банка вышли из состава правления. Взаимоотношения Вадьяевых и банка коренным образом изменились. Банк резко сократил кредит т-ву, но Вадьяевы получили самостоятельность⁸⁴.

Стремясь сохранить свои позиции в Средней Азии, Русско-Азиатский банк приступил к созданию новых хлопкопромышленных предприятий. Еще в 1915 г. был утвержден устав о-ва «Фергана», учрежденного И. И. Стахеевым и контролируемого Русско-Азиатским банком. О-во открыло свои действия в 1916 г., планируя собрать около 400 тыс. пудов хлопка в Ферганской долине. В марте 1916 г. правление Русско-Азиатского банка приняло решение об учреждении Русско-Азиатского хлопкового т-ва на паях в Москве с основным капиталом в 1 млн. руб. Т-во создавалось совместно с т-вом И. Стахеев и К°, причем последнее участвовало в нем в размере 49% основного капитала. Контрольный пакет остался в руках банка, который получил в управлении нового предприятия два места из трех⁸⁵.

Если организациям московских фабрикантов в годы

⁸³ «Биржевой курьер», 15 ноября 1916 г.

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 75, лл. 45—46; ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 215, лл. 5, 71, 74; «Коммерческий телеграф», 10 февраля 1915 г.

⁸⁵ См. Т. М. Китанина. Из истории образования концерна Стахеева. «Из истории империализма в России», стр. 121—123; ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 75, лл. 46—48, 52—57; «Коммерческий телеграф», 29 марта и 7 июня 1917 г. Необходимо отметить, что Т. М. Китанина не совсем точно оценивает взаимоотношения между Русско-Азиатским банком и И. И. Стахеевым. Она, на наш взгляд, несколько недооценивает действительную роль Русско-Азиатского банка в хлопковых операциях.

войны удалось несколько потеснить петроградские банки в сфере непосредственных закупочных операций в Средней Азии, то в области кредита позиции петроградских финансистов остались непоколебимыми. Большая часть кредита для операций с хлопком в 1914/16 г. проходила через петроградские банки. Однако борьба за крупных клиентов между банками заметно обострилась. Банки понижали комиссионные сборы, стремясь переманить хлопкоторговцев. Комиссионный процент за продажу хлопка в Москве сократился с 2% до 1% и даже $\frac{3}{4}\%$ ⁸⁶.

Фабриканты льняной промышленности в конце 1916 г. также пришли к выводу о необходимости объединить свои усилия в деле закупки льна. Инициатива создания закупочного синдиката опять-таки принадлежала Рябушинским, стремившимся, опираясь на РАЛО, монополизировать закупку льна для экспорта, а затем овладеть и внутренним рынком. Однако их деятельность в этом направлении вызвала сильную тревогу льнопромышленников. Последние, руководимые С. Н. Третьяковым, отклонили план Рябушинских и приняли решение организовать специальное объединение фабрикантов ⁸⁷. Это объединенное т-во не смогло организовать всех льняных фабрикантов, ибо группа крупных льнопромышленников во главе с Н. Ф. Беляевым отказалась участвовать в соглашении. Поэтому владельцы льняных фабрик, потреблявших 70% льна, возглавлявшиеся С. Н. Третьяковым, согласились на сотрудничество с закупочной организацией РАЛО и центрального т-ва льноводов. Они решили покупать лен по ценам, установленным РАЛО при закупках на экспорт. Таким образом, РАЛО в какой-то мере возглавляло и направляло деятельность складывавшегося закупочного объединения льнофабрикантов. Однако аутсайдеры (т-ва Демидова и Зотова, Мелекесская и Меленковская м-ры), платившие более высокие цены на лен, сильно осложняли деятельность участников соглашения. Для того чтобы прекратить рост цен на лен, РАЛО приостановило закупки. Но эта мера успеха не имела. Дело в том, что, судя по га-

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 638, оп. 1, д. 206, л. 104.

⁸⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 610, лл. 34—35, 59; М. П. Рябушинский. Цель нашей работы. М., 1916, стр. 20—21, 23—24, 72—73; «Коммерческий телеграф», 8 ноября 1916 г.

зетным сведениям, группа Н. Ф. Беляева выступала на рынке в содружестве с Витебским акц. о-вом, принадлежавшим Соединенному банку. По всей видимости, между ними имелась договоренность о противодействии закупочной политике РАЛО и остальных льнофабрикантов⁸⁸.

Положение обострилось вследствие того, что вскоре на внутреннем рынке с самостоятельными закупками льна выступили англо-французские экспортные организации, совершенно не считавшиеся с ценами и условиями закупки, принятыми льнофабрикантами. Вследствие всего этого соглашение льнофабрикантов потеряло свое значение, не оставив заметного следа в льноторговом деле. Безуспешность попытки консолидации усилий льнофабрикантов в деле закупки сырья предопределялась также и тем, что они не создали специальной закупочной организации. Каждый фабрикант покупал лен на свой страх и риск в соответствии с соглашением. В условиях спекулятивного ажиотажа оставались самые неограниченные возможности для нарушения соглашения.

Более удачными оказались попытки создания закупочной организации фабрикантов суконной промышленности. В начале декабря 1916 г. фабриканты грубых сукон, входившие в о-во фабрикантов суконной промышленности, заключили между собой соглашение о создании закупочной организации.

Предполагалось создать специальное т-во, основной капитал которого определялся в размере 5 млн. руб. Распределение паев т-ва между фабриками должно было производиться пропорционально вырабатываемому каждым предприятием количеству пряжи. Фабриканты обязывались давать правлению заявку на требующееся количество шерсти, чулок, варежек и крестьянского сукна, представлять необходимые сведения для проверки обоснованности заявляемого количества необходимого сырья. На чрезвычайном общем собрании пайщиков до начала закупочной кампании определялись основные детали предстоящей закупочной операции и вырабатывались инструкции правлению по организации закупки.

⁸⁸ «Коммерческий телеграф», 10 сентября, 18, 28 и 30 ноября, 2, 21 и 22 декабря 1916 г.

Срок действия соглашения ограничивался 1-м января 1918 г. При неполучении от пайщиков до 1 декабря 1917 г. заявления о нежелании продолжать договор, он автоматически возобновлялся на очередной год. За нарушение договора и закупки помимо т-ва устанавливался штраф в размере двукратной стоимости шерсти, чулка, варежек, приобретенных в обход соглашения. Соглашение должно было вступить в силу при условии подписания его владельцами суконных фабрик, поставивших 80% тканей, сдаваемых в казну⁸⁹. Проект устава т-ва «Русская шерсть» и текст договора фабриканты утвердили на совещании, которое состоялось 1 декабря 1916 г.

Закупочный синдикат суконных фабрикантов организовывался при прямой поддержке Московского промышленного банка. Последний согласился кредитовать закупочные операции в размере 30 млн. руб. по сравнительно низкой для того времени ставке — 6%⁹⁰. План действий т-ва основывался на объединении всех имевшихся у фабрикантов закупочных организаций, сосредоточении в своих руках управления шерстомойками и складами шерсти. Рынок был разбит на 14 районов. В аппарате т-ва, кроме рабочих, имелось около 200 служащих⁹¹.

Владельцы предприятий, изготовлявших тонкие сукна, также принимали меры к обеспечению сырьем своих предприятий. Всю закупку заграничной шерсти о-во фабрикантов суконной промышленности еще в 1915 г. поручало т-ву В. Алексева.

«Кооперативные» формы организации новых предприятий фабриканты использовали для укрепления своих позиций и проникновения в другие отрасли промышленности, в той или иной степени связанные с текстильным производством. В 1916 г. группа московских текстильных предприятий организовала Московско-Волжско-Бакинское нефтепромышленное торговое т-во на паях с основным капиталом в 4 млн. руб. Учредителями т-ва являлись Н. А. Второв, т-во А. Гюбнера, т-во Э. Циндель и другие крупные текстильные предприятия.

⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 655, лл. 115—118.

⁹⁰ «Биржевой курьер», 5 декабря 1916 г.; «Коммерческий телеграф», 5 декабря 1916 г.

⁹¹ ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 1, д. 247, л. 3.

Паи т-ва приобрело около 40 текстильных предприятий Центрального района. Правление т-ва еще на первых порах своей деятельности купило участки нефтеносной земли на Апшеронском полуострове, пристань в Астрахани, два парохода и восемь деревянных барж. Руководящая роль в этом предприятии, деятельность которого развернулась в 1917 г., принадлежала Н. А. Второву и его Московскому промышленному банку⁹².

В 1916 г. группа московских текстильных фабрикантов и торговцев-оптовиков (А. И. Кузнецов, Х. С. Генц-Оглуев, Б. Д. Востряков) приняла участие в московском акц. о-ве «Антрацит» с основным капиталом в 2,5 млн. руб. О-во эксплуатировало антрацитные разработки в Донбассе. А. И. Кузнецов и Б. Д. Востряков являлись кандидатами в члены правления о-ва⁹³. В это же время московские фабриканты обратили внимание на подмосковный уголь. Они организовали акц. углепромышленное о-во Подмосковного района, значительное количество акций которого принадлежало Н. А. Второву и А. Н. Коншину. В собственность о-ва перешли лучшие в бассейне шахты, принадлежавшие ранее Побединской компании, на которых в 1914 г. добывалось 68,7% угля Подмосковного бассейна⁹⁴.

Группа московских текстильных фабрикантов, имевших крупные торфоразработки, в 1916 г. объединилась для создания машиностроительного завода и добилась от особого совещания по топливу согласия на предоставление шестимиллионной ссуды для постройки такого завода⁹⁵.

В 1916 г. при участии крупнейших текстильных предприятий организовался совет съездов торфяной промышленности Центрального района. Председателем I съезда представителей торфяной промышленности России, открывавшегося 26 февраля 1917 г., являлся С. Н. Третьяков. В состав совета съезда вошли Н. М. Бардыгин, В. Ф. Лухсингер, Н. В. Ломоносов и

⁹² ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 761, лл. 9, 25; ф. 673, оп. 7, д. 195, лл. 12—20, 23; ГАКО, ф. 516, оп. 1, д. 187, лл. 7—8, 13.

⁹³ «Коммерсант», 15 апреля и 16 июня 1917 г.

⁹⁴ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1888, лл. 1, 3, 22, 36; Д. Г. Оппка. Подмосковный угольный бассейн. «Московский рабочий», 1936, стр. 42—44.

⁹⁵ ЦГАОР, ф. 7952, оп. 8, д. 63, лл. 41—42.

др.⁹⁶ В конце 1916 г. в периодической печати появились сообщения об организации Н. А. Второвым и Кнопам акц. о-ва для массовой добычи торфа. В о-ве с основным капиталом в 9 млн. руб. объединились текстильные предприятия Центра страны⁹⁷.

В 1916 г. группа капиталистов (Морозовы, Бардыгины, Н. А. Второв и др.) объединились вокруг о-ва для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности с целью приобретения предприятия по изготовлению запасных частей и вспомогательных материалов. Фабриканты договорились организовать акц. о-во «Катушка». Акции о-ва (основной капитал 2,5 млн. руб.) находились в руках не менее 50 предприятий. О-во возглавлялось советом из 12 человек, в который вошли представители крупнейших хлопчатобумажных предприятий. К лету 1917 г. правление о-ва приобрело деревообделочные фабрики Уткиных при станции Костерево Владимирской губ., два лесопильных завода в Минской губ., один — в Киевской и арендовало один лесопильный завод в Тверской губернии⁹⁸.

На подобных же основаниях — привлечении наибольшего количества участников — организовывалось «Московское военно-промышленное т-во 1915 г.», имевшее целью оборудовать в Москве заводы для производства артиллерийских снарядов. Еще до окончательного оформления т-ва была создана организационная исполнительная комиссия, возглавлявшаяся Н. И. Прохоровым, а после его смерти — Н. А. Второвым. В комиссию вошли М. Н. Бардыгин, Н. Ф. Беляев, А. И. Кузнецов, А. А. Найденов, И. А. Михайлов, Н. М. Жемочкин и С. П. Рябушинский. Комиссия приобрела механические заводы Вехельта и Короткова. Для переоборудования заводов в России и США были заказаны станки в общей сложности на 3,5 млн. руб.⁹⁹ Еще в период деятельности комиссии внутри ее обнаружились разногласия между двумя наиболее авторитетными

⁹⁶ См. А. Л. Сидоров. Ук. соч., стр. 65; «Коммерсант», 16 и 27 февраля 1917 г.; ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 108, л. 1; ф. 450, оп. 1, д. 6, лл. 20—26.

⁹⁷ «Производительные силы России», 1916, № 1, стр. 51.

⁹⁸ ГИАМО, ф. 673, оп. 7, д. 228, лл. 2, 36, 43—45; ф. 322, оп. 1, д. 200, л. 21; ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 11970, лл. 1—2.

⁹⁹ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 575, лл. 9—10; ГАИО, ф. 138, оп. 1, д. 3835, л. 6.

группами. Директор одного из иваново-вознесенских предприятий в письме от 10 октября 1915 г. писал: «Был сейчас на собрании военно-промышленного завода. Разбиралось ужасно неприятное дело: не могли ужиться (с такими деньгами) господа члены. Кузнецов ссорится со Второвым»¹⁰⁰. Список пайщиков военно-промышленного т-ва насчитывал около 220 лиц и фирм. Группа Рябушинских все же имела более прочные позиции, чем Н. А. Второв¹⁰¹. Избрание младшего партнера Рябушинских А. И. Кузнецова председателем правления военно-промышленного т-ва определенно свидетельствует о поражении Н. А. Второва. Он вынужден был устраниваться от активного участия в делах т-ва и даже не вошел в состав совета, где преобладали сторонники и ставленники Рябушинских (А. Г. Карпов, А. В. Кисляков, Н. Д. Морозов и др.)¹⁰².

В конце 1916 г. Московское военно-промышленное товарищество ежедневно выпускало 3 тыс. 3-дюймовых и тысячу 48-линейных снарядов. Стремясь обеспечить завод металлом, руководители т-ва в 1916/17 г. пытались овладеть Выксунским металлургическим заводом, вступив в борьбу с группой Коломна-Сормово и Стахеевым¹⁰³.

Наряду с коллективными действиями капиталистов текстильной промышленности, организовывавшимися главным образом Рябушинским и Второвым, отдельные крупные фабриканты (Бардыгины и др.) в годы войны продолжали самостоятельно развивать свои операции в различных отраслях промышленности и торговли.

До Февральской революции крупнейшие петроградские банки по-прежнему опекали лишь отдельные предприятия текстильной промышленности. Петроградский учетный и ссудный банк контролировал Южнорусское т-во пенькового и канатного производства, Петроградский международный коммерческий банк — Кулотинскую м-ру, Азовско-Донской банк — Рижскую м-ру¹⁰⁴. С помощью банков некоторые из этих предприятий расширили производство. Благодаря влиянию банков

¹⁰⁰ ГАИО, ф. 205, оп. 1, д. 212, л. 72.

¹⁰¹ ГАИО, ф. 138, оп. 1, д. 3835, лл. 20—23.

¹⁰² ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1777, л. 1; д. 1783, л. 48.

¹⁰³ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 599, лл. 2, 7.

¹⁰⁴ «Экономическое положение России...», ч. I, стр. 111, 112, 132.

опекаемые ими предприятия, принадлежавшие германским подданным, избежали реквизиции. Так, например, эвакуированная осенью 1915 г. Рижская льняная м-ра, принадлежавшая немецким капиталистам, управлялась прежним правлением — ставленниками немецких акционеров¹⁰⁵.

В годы войны в сети банков попали некоторые новые текстильные предприятия. Сибирский торговый банк, например, в конце 1916 г. приобрел в Москве крупную шерстоткацкую фабрику Бутюгина¹⁰⁶. В это же время Русский торгово-промышленный банк завладел Нижегородской льняной м-рой¹⁰⁷. С другой стороны, отдельные крупные текстильные предприятия постепенно освобождались от контроля банков. Правлению Богородско-Глуховской м-ры удалось парализовать попытку Азовско-Донского банка овладеть этим предприятием и контролировать его деятельность¹⁰⁸. К концу 1916 г. Цитенгофская суконная м-ра выплатила все свои долги, сумма которых превышала основной капитал, Азовско-Донскому банку и освободилась от его опеки. Однако вскоре Цитенгофская м-ра все же попала в зависимость к Петроградскому частному коммерческому банку¹⁰⁹.

Если крупнейшим петроградским банкам в годы войны не удалось в целом сколько-нибудь значительно расширить свое влияние в текстильной промышленности, то наиболее активные московские банки, опиравшиеся на текстильную промышленность, значительно усилили экспансию в другие отрасли промышленности. Наибольший интерес для нас представляет деятельность Московского банка и вновь созданного Н. А. Второвым Московского промышленного банка.

В годы войны Московский банк Рябушинских несколько перестраивает свою деятельность в льняной промышленности. Если до войны большее внимание обращалось на покупку хорошо оборудованных предприя-

¹⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 1, д. 659, лл. 74, 189.

¹⁰⁶ «Биржевой курьер», 3 декабря 1916 г.

¹⁰⁷ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 56; ЦГИАЛ, ф. 634, оп. 1, д. 202, лл. 15, 52.

¹⁰⁸ См. М. П. Рябушинский. Цель нашей работы, стр. 47—48.

¹⁰⁹ «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 134; ЦГИАЛ, ф. 597, оп. 2, д. 418, л. 4.

тий, то в годы войны Рябушинские центр тяжести своей деятельности переносят в льняную торговлю. Задачу подчинения льняной промышленности своим интересам они пытаются разрешить, монополизировав в своих руках сырье. Первым успешным шагом в этом направлении явилось сосредоточение в 1916 г. льноэкспорта в руках объединенной организации. Вторым, менее удачным шагом была попытка создания под руководством РАЛО закупочного синдиката льнофабрикантов. И в том и в другом случае Рябушинские столкнулись с сильным противодействием своим планам. В деле льноэкспорта им удалось укрепить свои позиции, но полностью монополизировать вывоз льна из России им не позволили англо-французские экспортные фирмы ¹¹⁰.

Второй отраслью промышленности, на которую Рябушинские обратили внимание в годы войны, являлось лесное дело. Конечной своей целью они ставили овладение лесозэкспортным делом. В конце 1916 г. Рябушинские купили крупнейшее лесопромышленное т-во Русакова, владевшее тремя большими лесопильными заводами (в Архангельске, Мезени и Ковде).

Для правильной организации льноэкспортного и лесозэкспортного дела Рябушинские в дальнейшем предполагали приобрести солидные заграничные льноэкспортные и лесозэкспортные предприятия и намеревались заказать за границей несколько морских пароходов, специализированных для перевозки льна, леса и прочих грузов. Развитие лесопромышленного дела предполагалось комбинировать с бумажным и целлюлозным производством ¹¹¹.

Создание Рябушинскими в начале 1917 г. о-ва «Русский Север» следует рассматривать как очередной шаг по осуществлению намеченных ими планов. Основные планы о-ва сводились к разработке и эксплуатации лесных дач, месторождений торфа, устройству и приобретению предприятий по выработке строительных материалов, фанеры, бумаги, картона, торфяных брикетов и проч. ¹¹².

¹¹⁰ См. М. П. Рябушинский. Цель нашей работы, стр. 25—33.

¹¹¹ Там же, стр. 33—44; «Коммерческий телеграф», 3 февраля 1917 г.

¹¹² «Коммерсант», 31 января и 4 февраля 1917 г.

Для организации и руководства вновь создаваемыми предприятиями Московский банк в середине 1915 г. учредил Среднероссийское торгово-промышленное т-во («Росторг»). В уставе т-ва говорилось, что оно учреждается для «приобретения, устройства и эксплуатации торговых, промышленных, сельскохозяйственных и горнопромышленных предприятий, для производства разведок полезных ископаемых и для торговли разного рода товарами». Почти все акции «Росторга» принадлежали Московскому банку. В свою очередь в конце 1916 г. «Росторг» являлся собственником акций ряда предприятий Рябушинских (РАЛО, акц. о-ва Локалова, т-ва Русанова) ¹¹³.

И. Ф. Гиндин в ряде своих работ, основываясь, главным образом, на анализе записки М. П. Рябушинского о целях Московского банка, приходит к выводу, что в лице Рябушинских крупный московский капитал медленно и с трудом двигался по пути перерастания в финансовый капитал, что Рябушинские не стремились проникнуть в тяжелую промышленность — цитадель монополистического капитала, что по старой традиции московского купечества они действовали прежде всего в направлении монополизации торговли. Более того, И. Ф. Гиндин, хотя и делает ряд оговорок, склонен согласиться с М. П. Рябушинским, противопоставлявшим Московский банк, якобы имевший иную этику и манеру работы, другим банкам. И. Ф. Гиндин утверждает, что Рябушинские «не прибегали широко к свойственным периоду империализма методам монополизации». Доказательством этого тезиса, по мнению И. Ф. Гиндина, может служить тот факт, что Рябушинские «не сумели ни организовать хотя бы одну отраслевую монополию, ни захватить хоть один крупный петроградский банк» ¹¹⁴.

Нам думается, что подобная оценка интенсивности процесса монополизации промышленности Центрального района неправильна. Она, видимо, является резуль-

¹¹³ ГИАМО, ф. 450, оп. 9, д. 1810, лл. 4, 5, 29, 30; М. П. Рябушинский. Цель нашей работы, стр. 44—45; «Биржевой курьер», 10 января 1917 г.

¹¹⁴ И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 57; И. Ф. Гиндин. Вступительная статья к публикации «К истории концерна бр. Рябушинских». «Материалы по истории СССР», т. VI. Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 607—609.

татом одностороннего рассмотрения вопроса лишь с позиций Московского банка, делопроизводство которого дошло до наших дней в совершенно неудовлетворительном состоянии.

Нельзя не согласиться с И. Ф. Гиндиным, что детально анализируемая им записка рассчитана на узкий круг лиц. Однако он не ответил на вопрос о том, что же вызвало необходимость издания этого документа типографским способом. На наш взгляд, записка была действительно рассчитана на узкий круг капиталистов, но он был более широким, чем полагает И. Ф. Гиндин. Не было необходимости издавать ее типографским способом даже при наличии собственной типографии, лишь для того, чтобы ознакомить с ее содержанием своих сателлитов. Нельзя исключить возможность того, что все заявления об отсутствии в Московском банке «спекулятивных» операций и прочих подобных действий имели целью привлечь в банк средства, находившиеся в руках московских толстосумов, нажившихся на войне, многие из которых действительно продолжали работать по старинке, опасаясь «спекулятивных» банков. Предшествующая деятельность Рябушинских свидетельствует, что их «этика» и «манера» находилась вполне на уровне «требований своего времени». Даже в периодической печати появлялись весьма прозрачные намеки на их чуть ли не бандитские действия, а карьера их прямо сравнивалась с карьерой Ругонов¹¹⁵.

Нет нужды доказывать, что московским финансово-промышленным кругам не удалось достигнуть таких успехов в монополизации промышленности, как петроградским банкам. Тем не менее вся деятельность братьев Рябушинских знаменовала процесс интенсивного перерастания московского промышленного капитала в капитал финансовый. Еще на рубеже столетий в их активе находилось лишь крупное хлопчатобумажное предприятие в Вышнем Волочке. Открытый ими в 1902 г. банкирский дом с основным капиталом в 1 050 тыс. руб. имел вкладов и текущих счетов всего на сумму 6909 р. 85 к. и являлся третьеразрядным учреждением коммерческого кредита. Накануне первой мировой войны положение было уже иным. Рябушинские еще в начале XX в. овла-

¹¹⁵ «Биржевой курьер», 10 ноября 1916 г.

дели Харьковским поземельным банком, а в 1912 г. ими учреждается Московский банк с основным капиталом в 5 млн. руб. и первоначальной суммой текущих счетов и вкладов в размере почти 19 млн. руб. К 1914 г. основной капитал Московского банка достигает 25 млн. руб., а Харьковского земельного банка — 13 млн. руб. Рябушинскими были приобретены и организованы предприятия в ряде различных отраслей промышленности. Под их контролем и руководством создается и действует самое крупное отраслевое монополистическое объединение текстильщиков — общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, издается газета, претендовавшая на роль официоза московских и общероссийских торгово-промышленных кругов. В начале XX в. в руках у Рябушинских имелось одно предприятие с основным капиталом в 5 млн. руб., а через 10—12 лет они единолично распоряжались банками и предприятиями, основной капитал которых превышал 50 млн. руб. Такие темпы нельзя признать медленными. В годы войны финансово-экономические позиции концерна Московского банка еще более окрепли. Вклады и текущие счета в банке на 1 декабря 1916 года превысили 250 млн. руб.¹¹⁶

Сам по себе выбор Рябушинскими двух рассмотренных направлений (лесоэкспорт и льноэкспорт) свидетельствует об их дальновидности. Обусловлен же этот выбор все-таки не тем, что путь монополизации торговли был более близок московскому капиталу, как утверждает И. Ф. Гиндин. Дело в том, что именно лесоэкспорт и льноэкспорт после войны, окончание которой ожидалось крупной буржуазией в сравнительно недалеком будущем, сулили огромные монопольные сверхприбыли. Характерно также, что Рябушинские пытались овладеть этими отраслями внешней торговли России далеко не дедовскими допотопными методами. Они действовали вполне в духе финансовой олигархии, овладевая соответствующими звеньями государственного регулирования, добиваясь введения государственной монополии на внешнюю торговлю интересующими их това-

¹¹⁶ «Акционерно-паевые предприятия России. 1913», стр. 479; «Фабрично-заводские предприятия Российской империи». М., 1914, литер М, № 836; «Материалы по истории СССР», т. VI, стр. 611.

рами, сосредоточивая реализацию этой государственной монополии в своих руках.

Деятельность Рябушинских в годы войны не ограничивалась сферой торговли и легкой промышленности. Как известно, именно Рябушинские начали строить один из первых в России автомобильных заводов, стоимость оборудования которого составляла в конце 1916 г. более 4 млн. руб.¹¹⁷ Они же контролировали Московское военно-промышленное т-во 1915 г. и участвовали в ряде других коллективных предприятий. По свидетельству периодической печати, П. П. Рябушинский во время поездки в начале 1917 г. в Архангельск заявил, что главная задача московских коммерсантов на Севере России не лесное, а горное дело, для организации которого уже собран капитал, достигающий 50 млн. руб.¹¹⁸ В связи с проникновением Рябушинских на Север назревала борьба с английскими капиталистами за ухтинскую нефть.

Опорным пунктом для проникновения Рябушинских в тяжелую промышленность становится контролируемое ими Московское военно-промышленное т-во.

А. И. Кузнецов в докладе членам совета т-ва о своей поездке в декабре 1916 г. на Урал для осмотра владений и заводов о-ва Комаровских железнорудных месторождений и южно-уральских заводов прямо указывал, что основной задачей т-ва является организация крупного и прочного металлурго-механического дела. «Лишь после этого, — утверждалось далее в докладе, — можно будет думать о создании целой серии своих заводов для изготовления из полученных полуфабрикатов и материалов инструментов, машин и механизмов, которые так нужны для нашего Центрального района и русской промышленности и которые в большинстве случаев до сих пор, к сожалению, ввозились из-за границы»¹¹⁹.

Хотя покупка владений Комаровского о-ва не состоялась, организация этого дела осуществлялась далеко не допотопными средствами. Рябушинские использовали систему военно-промышленных комитетов. В периодическом органе Московского областного военно-про-

¹¹⁷ ГИАМО, ф. 861, оп. 1, д. 70, лл. 2—5; д. 71, л. 14; д. 67, лл. 5, 8.

¹¹⁸ «Коммерческий телеграф», 3 февраля 1917 г.

¹¹⁹ ГАКАЛО, ф. 126, оп. 1, д. 129, л. 55.

мышленного комитета была опубликована серия статей, в которых обосновывалась необходимость и неизбежность развития промышленности в Поволжье и на Севере ¹²⁰.

К начинаниям Рябушинских в области тяжелой и горнодобывающей промышленности примыкала грюндерская деятельность их сателлитов. В конце 1916 г. группа капиталистов, возглавлявшаяся А. И. Кузнецовым, организовала Российское горнопромышленное т-во с основным капиталом в 12 млн. руб., намечавшее продолжить и расширить эксплуатацию свинцово-серебряных рудников в Карачае (Северный Кавказ). Т-во открыло свои действия после утверждения его устава 10 марта 1917 г. Контрольный пакет паев сосредоточивался у А. И. Кузнецова ¹²¹.

В годы войны у Рябушинских сохранился определенный интерес к золотодобывающей промышленности. Однако сколько-нибудь ощутимых результатов в этой области достичь не удалось ¹²². Более успешно Рябушинские действовали в нефтяной промышленности. На общем собрании пайщиков т-ва Нобеля 18 марта 1916 г. Московский банк представил пай на сумму почти 2 млн. руб. ¹²³.

Рябушинские предпринимали также довольно настойчивые, хотя и неудачные попытки овладения контрольными пакетами крупных столичных и провинциальных банков. Первоначально они попытались скупить пай Волжско-Камского банка, а затем приобрели крупный пакет акций Русского торгово-промышленного банка и некоторое количество акций Русского для внешней торговли банка. Однако нигде им не удалось собрать контрольный пакет акций. Не увенчались успехом и планы приобретения небольшого Воронежского банка ¹²⁴.

Особую активность в годы первой мировой войны развил Н. А. Второв. Опираясь первоначально на Сибирский банк, получив колоссальные военные сверх-

¹²⁰ «Производительные силы России», 1916, № 4, 5 и 8; ЦГИАЛ, ф. 63, оп. 1, д. 38, л. 2; д. 39, л. 1.

¹²¹ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 295, лл. 3, 7, 9; «Производительные силы России», 1916, № 2, стр. 66.

¹²² ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 2852, л. 15.

¹²³ «Война и промышленность», 1916, № 4, стр. 11.

¹²⁴ См. М. П. Рябушинский. Цель нашей работы, стр. 49—50.

прибыли со своих торговых и промышленных предприятий, он был инициатором создания московскими текстильными фабрикантами ряда предприятий и организовал заводы в новых отраслях промышленности («Электросталь», снарядные заводы, фабрика фотопластинок, пошивочные мастерские). В августе 1916 г. Второву удалось приобрести контрольный пакет Юнкербанка в Петрограде, который он реорганизовал в Московский промышленный банк, увеличив его основной капитал до 30 млн. руб.¹²⁵ К Московскому промышленному банку перешло финансирование и руководство ряда созданных при активном участии Второва предприятий («Русскокраска», «Коксобензол» и др.). В конце 1916—начале 1917 г., скупив контрольные пакеты почти всех цементных предприятий района, банк заложил основу цементного треста¹²⁶.

Несмотря на важность всех этих начинаний, до Февральской революции центр организаторской работы Второва все-таки находился в текстильной промышленности. Еще в начальный период деятельности обновленного банка в газетах сообщалось, что с его помощью Н. А. Второв рассчитывает объединить всех московских мануфактуристов¹²⁷. Но каких-либо серьезных успехов в хлопчатобумажной промышленности Н. А. Второву так и не удалось добиться.

Особенно заметным влиянием Н. А. Второв и его банк пользовались в суконной промышленности. Председатель совета о-ва суконных фабрикантов Н. Т. Каштанов стал председателем совета банка. А. Я. Чемберс, б. помощник управляющего отделом промышленности министерства торговли и промышленности, совмещал должность члена правления банка с постом председателя комитета по делам суконной промышленности. В. Н. Патрикеев — организатор т-ва «Русская шерсть», финансируемого банком, вошел в совет банка.

Разносторонняя грюндерско-спекулятивная деятельность Н. А. Второва потребовала от него мобилизации

¹²⁵ «Коммерческий телеграф», 31 августа 1916 г.; «Промышленность и торговля», 1916, № 8-9, стр. 7; № 14-15, стр. 7; ЦГИАЛ, ф. 622, оп. 1, д. 144, лл. 53—60.

¹²⁶ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 59—60; «Биржевой курьер», 7 и 10 января 1917 г.; «Утро России», 18 января 1917 г.

¹²⁷ «Биржевой курьер», 4 ноября 1916 г.

больших денежных средств. Огромных сверхприбылей Н. А. Второва и свободных ресурсов Московского промышленного банка не хватало. Поэтому Н. А. Второв и Московский промышленный банк продали ряд принадлежавших им контрольных пакетов предприятий.

Другие московские банки (Московский купеческий, Московский учетный, Московский торговый), верные старым традициям, и в годы войны не стремились распространить свою деятельность на сферу производства, хотя их кредитные операции значительно увеличились.

Значение московских банков в годы войны возросло. Об этом свидетельствует, в частности, их положение в совете съездов коммерческих банков, оформившемся в середине 1916 г. В президиум совета съездов, который состоял из 9 человек, входило четыре представителя московских банков. В совете съездов представителей московских банков было больше, чем петроградских (16 и 13). Для контроля за текущими повседневными делами и рассмотрения технических вопросов, для обеспечения интересов московских банков представительство их в президиуме было вполне достаточным. До революции на совете съезда главным образом определялись условия финансирования и кредитования. Выработанные советом нормы в циркулярном порядке доводились до сведения всех участников соглашения¹²⁸.

Завершая характеристику особенностей централизации производства и развития финансового капитала, действовавшего на почве и в связи с текстильной промышленностью, следует признать, что в годы первой мировой войны финансовые группы московской монополистической буржуазии заметно окрепли. Они более активно устремились в другие отрасли экономики, принимая серьезные попытки проникнуть в машиностроение, химическую, топливную и другие отрасли промышленности. Именно в военные годы предприятия, контролировавшиеся Рябушинскими и Второвыми, достаточно определенно приобрели черты крупных концернов. В том же направлении разворачивалась деятельность Бардыгиных, Четвериковых, Алексеевых и других крупных капиталистов, являвшихся заправилами отраслевых монополистических союзов.

¹²⁸ «Война и промышленность», 1916, № 7, стр. 2, 11; ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 57, лл. 85—86.

§ 4. Текстильные фабриканты и попытки осуществления «нового» курса в рабочем вопросе

Рабочий вопрос всегда находился в центре внимания предпринимательских объединений, существовавших в царской России. В годы первой мировой войны удельный вес рабочего вопроса в общем объеме деятельности предпринимательских объединений еще более увеличился.

Рост дороговизны и усиление стачечной борьбы пролетариата заставляли фабрикантов идти на уступки рабочим, вводить и повышать военные прибавки к заработной плате. Все эти многочисленные вопросы являлись предметом детального обсуждения на собраниях предпринимательских объединений текстильных фабрикантов. Условия труда рабочих изменялись в результате согласованных решений. Фабриканты г. Иваново-Вознесенска все решения об увеличении заработной платы рабочих принимали после обсуждения в местном обществе фабрикантов и заводчиков. Решения принимались под прямым воздействием непрерывно усиливавшегося рабочего движения. Точно такие же согласованные выступления предпринимались и московскими хлопчатобумажными фабрикантами ¹²⁹.

Взаимоотношения фабрикантов с рабочими периодически регулировались также обществом фабрикантов суконной промышленности ¹³⁰.

Наряду с испытанными и наиболее распространенными приемами борьбы с рабочим движением, в годы войны со стороны текстильных фабрикантов наблюдались настойчивые попытки осуществления новых форм борьбы с революционным пролетариатом.

Под влиянием непрерывных неудач на фронте, нарастающей хозяйственной разрухи в тылу, усиливающегося недовольства широких масс населения и роста революционного движения лидеры московской империалистической буржуазии (П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов и др.) все больше склонялись к выводу, что самодержав-

¹²⁹ См. В. Я. Лаврычев. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны, стр. 54—55, 98, 119, 129.

¹³⁰ ГИАЛО, ф. 1456, оп. 1, д. 509, лл. 47, 55.

вне не может обеспечить победоносную войну и предотвратить назревающую революцию. Необходимость «обновления» и «оздоровления» режима осознавалась наиболее дальновидными фабрикантами. Однако московская буржуазия, контрреволюционное лицо которой отчетливо проявилось еще в первой русской революции, осталась верной своей политике. Она стремилась, используя растущий напор революционных масс, постепенно, путем закулисного «джентльменского» соглашения, путем сговора с самодержавием за спиной народа добиться установления буржуазной монархии. В мае 1915 г., когда положение на фронте обострилось и в полной мере выявилась неспособность царского правительства мобилизовать промышленность для работы на войну, лидеры московских фабрикантов выдвинули идею создания военно-промышленных комитетов, призванных организовать работу промышленности на войну и координировать действия политически активных кругов торгово-промышленной буржуазии. В июне 1915 г., когда особенно усилилось стачечное движение пролетариата (всеобщие стачки в Иваново-Вознесенске и Костроме), начинает складываться «прогрессивный» блок оппозиционных партий в IV Государственной думе. Московские «либеральные» фабриканты приветствовали и поддерживали блок. Они одобряли выдвинутую блоком программу «обновления» России путем привлечения к управлению страной «живых сил общества» и осуществления некоторых незначительных реформ.

Именно в это время со стороны организованных капиталистов стали предприниматься первые серьезные попытки оказать идеологическое воздействие на рабочий класс. Здесь мы впервые сталкиваемся с устойчивыми тенденциями среди московских фабрикантов создать организацию, способную внести идейное разложение в пролетарские ряды. В июле 1915 г. на I съезде военно-промышленных комитетов капиталисты приняли решение пополнить военно-промышленные комитеты «представителями» рабочих. Используя социал-предателей шовинистического толка, торгово-промышленная буржуазия стремилась ослабить стачечное движение, дезорганизовать революционную борьбу пролетариата. Ту же цель преследовала неудачная попытка привлечения буржуазными деятелями представителей рабочих организаций

к сотрудничеству на Всероссийском съезде о дороговизне ¹³¹.

Несмотря на предательскую деятельность социал-шовинистов, благодаря разъяснительной работе большевиков, рабочий класс России в своей массе с самого начала отверг идею участия в предпринимательских организациях. Выборы в «рабочую» группу Центрального ВПК уже достаточно определенно выявили отрицательное отношение пролетариата России к сотрудничеству с капиталистами. Большинство выборщиков в сентябре 1915 г. высказалось против участия в военно-промышленных комитетах. Однако московские капиталисты все же решили добиться осуществления своего плана. После неудачи выборов «рабочей» группы Центрального военно-промышленного комитета московские промышленники приложили все усилия, чтобы обеспечить создание «рабочей» группы при Московском областном военно-промышленном комитете. В августе 1917 г. П. П. Рябушинский, выступая на Государственном совещании в Москве, утверждал, что он «сам первый уговорил московских рабочих, после того как с собрания вышли большевики, вступить в Московский военно-промышленный комитет и этим положить начало московским рабочим организациям» ¹³².

Организовав так называемые «рабочие» группы при Центральном, Московском и некоторых местных военно-промышленных комитетах, буржуазия стремилась подчинить рабочее движение своему влиянию, оказать идеологическое воздействие на рабочий класс. Несмотря на ту «полемику», которую социал-предатели, «представлявшие» рабочих в военно-промышленных комитетах, вели с фабрикантами по второстепенным вопросам, они в конечном итоге следовали за буржуазией, на каждом шагу изменяя интересам пролетариата. «Рабочая» группа Московского областного комитета сорганизовалась в качестве подотдела отдела промышленного труда, созданного фабрикантами. В составе этого отдела преобладали капиталисты (П. П. Рябушинский, С. Н. Третьяков и др.), с которыми сотрудничали меньшевики В. Г. Громан, П. Н. Колокольников, П. П. Маслов и др. Предсе-

¹³¹ Центрархив. «Буржуазия накануне Февральской революции». М.— Л., 1927, стр. 37.

¹³² «Государственное совещание». М.— Л., 1930, стр. 253.

дателем отдела был избран проф. А. А. Мануилов, являвшийся в это время ответственным редактором московского кадетского официоза «Русские ведомости», а его заместителем — проф. В. Я. Железнов. Кроме них в отдел входили профессора С. А. Котляревский, А. Э. Вормс и Е. Н. Трубецкой¹³³.

Лидеры московской буржуазии одобрили намерение социал-предателей из «рабочих» групп организовать так называемый «рабочий союз» на беспартийном «рабочем съезде». При явном поощрении со стороны московских национал-либералов идея «рабочего» съезда появилась в наказе выборщиков «рабочей» группы, принятом на заседании 29 ноября 1915 г.¹³⁴ В начале 1916 г. Рябушинский, Гучков и Коновалов сделали очередную попытку дальнейшей «мобилизации» рабочего класса в качестве вспомогательной силы буржуазно-оппозиционного движения, стремясь вместе с тем осуществить идейное и организационное разложение пролетарских масс. По их инициативе идея всероссийского рабочего съезда обсуждалась и была поддержана на II съезде ВПК¹³⁵. Начальник киевского губернского жандармского управления, докладывая в департамент полиции об итогах II съезда, писал: «Но так как промышленники не обладают реальной организованной силой, которая могла бы вырвать у правительства власть и изменить существующий образ правления, то «молодая группа» промышленников думает для этой цели организовать при помощи военно-промышленных комитетов рабочий класс. С их точки зрения, это поможет им легко достигнуть осуществления своих классовых целей и сохранить промышленный капитал в виде фабрик и заводов от возможного разгрома во время революции, что имело место в 1905 году, так как организованные рабочие будут несомненно вести борьбу под руководством созданных политических организаций, которые сумеют заставить городской промышленный пролетариат охранить средства производства от разгрома чернью»¹³⁶. В кулуарах съез-

¹³³ ЦГВИА, ф. 13251, оп. 1, д. 34, лл. 44, 79, 118; ГИАМО, ф. 16, оп. 111, д. 121, л. 2; ф. 46, оп. 28, д. 4, л. 8.

¹³⁴ ЦГАОР, ф. ДО, 1916 г., д. 323, л. 2.

¹³⁵ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 81; ЦГАОР, ф. ДО, 1916 г., д. 323, л. 8.

¹³⁶ ЦГАОР, ф. ДО, 1916 г., д. 347, т. 1, л. 479.

да представителей городов в марте 1916 г. А. И. Коновалов открыто заявлял: «Под флагом военно-промышленных комитетов возрождаются рабочие организации. На предстоящем рабочем съезде родится всероссийский союз рабочих. Это будет стройная организация, начиная с мелких ячеек на местах и кончая высшим органом, как бы советом рабочих депутатов»¹³⁷.

Далеко идущие планы московских промышленников были обречены, однако, на полный провал. «Рабочие» группы военно-промышленных комитетов не пользовались сколько-нибудь серьезным влиянием среди пролетарских масс. Социал-предатели оказались полководцами без армии. Пролетарские массы не доверяли изменникам дела рабочего класса, сотрудничавшим с буржуазией. Последним не удалось подчинить рабочий класс России своему влиянию, разложить его идейно и организационно. Все рабочие организации единодушно высказывались против участия в работе военно-промышленных комитетов. Несмотря на все усилия руководителей «рабочих» групп, «рабочий» съезд так и не удалось созвать. В связи с этим не осуществился и план создания всероссийского рабочего союза. Даже сами руководители «рабочих» групп вынуждены были признать свою изолированность от рабочей массы и рабочих организаций. В отчете о деятельности «рабочей» группы Московского областного ВПК на 1 августа 1916 г. упоминалось, что все московские профессиональные союзы (за исключением одного) высказали отрицательное отношение к группе¹³⁸.

Точно такая же участь постигла другие предложения группы Рябушинского—Коновалова по осуществлению элементов «либеральной» рабочей политики через военно-промышленные комитеты. Пролетариат отверг предложение «рабочих» групп создать институт фабричных старост и организовать факультативные примирительные камеры при военно-промышленных комитетах. Точка зрения наиболее крупных организаций московских капиталистов на институт фабричных старост сходилась в том, что они признавали целесообразность введения его на своих предприятиях. Но в деталях, в вопросе об

¹³⁷ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 95.

¹³⁸ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 483, лл. 7—8.

ограничении и без того куцых прав рабочих, у них возникали расхождения.

Общество заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, опасаясь, что институт старост и собрания для их выборов будут использованы в целях революционной пропаганды, ввело в проект правил целый ряд довольно существенных ограничений, призванных обеспечить контроль за собраниями рабочих и избрание «благонадежных» лиц. В соответствии с их поправками рабочие избирали четырех кандидатов, из которых одного администрация назначала старостой. Для участия в выборах требовалось определенное время проработать на предприятии; на выборном собрании предполагалось присутствие представителей администрации¹³⁹. При оценке последней меры, намечавшейся обществом, в большевистском журнале «Вопросы страхования» указывалось, что московские предприниматели хотят использовать собрания рабочих для «сыска за своими рабочими»¹⁴⁰.

Московский областной ВПК и общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности считали неправильным расширять ограничительные возможности закона. Они опасались, что дополнительные ограничения, вводимые капиталистами в институт фабричных старост, вызовут недовольство рабочих¹⁴¹.

Аналогичные разногласия возникали также при обсуждении вопроса о примирительных камерах, за устройство которых в факультативном порядке (решения камер не обязательны как для фабрикантов, так и для рабочих) при военно-промышленных комитетах высказался Московский областной ВПК в августе 1916 г. Против этого проекта снова ополчилось Московское общество заводчиков и фабрикантов, считавшее, что осуществление этой меры вызовет осложнение промышленной жизни всего района.

Об отсутствии единства среди текстильных фабрикантов по отношению к «рабочим» группам свидетельствуют и другие факты. С самого начала с плохо скрываемой враждебностью к деятельности «рабочей» груп-

¹³⁹ ЦГАОР, ф. ДП-IV, 1916 г., д. 97, лл. 18—25.

¹⁴⁰ «Вопросы страхования», 1916, № 10(59), стр. 3.

¹⁴¹ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 173, лл. 9—10, 43—44.

пы Московского областного ВПК относился С. Н. Третьяков — один из руководителей комитета. Очень быстро изменил свою позицию Ю. И. Поплавский. «В начале Поплавский, — утверждалось в донесении начальника Московского охранного отделения, — очень заигрывал с рабочими; в настоящее время, когда политические стремления их вполне выяснились, в особенности, когда они стали вмешиваться во все стороны деятельности комитета, осуществляя функции контроля, отношение Поплавского к ним изменилось»¹⁴².

Бесспорно, «назойливость» меньшевиков-оборонцев раздражала фабрикантов. Тем не менее, с этим они могли еще примириться как с неизбежным «злом», если бы «рабочие» группы оправдали надежды капиталистов. Главная причина «охлаждения» части капиталистов к «рабочим» группам заключалась не в отрицательных последствиях их вмешательства в решение общих вопросов. Дело в том, что первые шаги деятельности «рабочих» групп породили среди капиталистов большие сомнения. Многие фабриканты разуверились в способности социал-предателей оправдать возлагаемые на них надежды. Они понимали, что группы далеки от рабочих и не отражают их настроений. В этом отношении очень показательны замечания одного из крупных политических деятелей империалистической буржуазии на записку Центрального военно-промышленного комитета в мае 1916 г., которые он сделал на полях против фразы «Центральный комитет, имеющий в своей среде представителей рабочего класса». «Представители рабочего класса, — писал он, — при В-ом К-те являются столь же далеким от рабочей массы элементом, как, например, интеллигенция отдалена от низших слоев населения. Представители не являются выразителями истинных настроений массы, что ясно видно из их выступлений, имеющих скорее полемический, нежели бытовой характер...»¹⁴³. Фабриканты ряда важных промышленных центров так и не смогли, а может быть, и не особенно стремились организовать «рабочие» группы при местных ВПК. «Представительство» рабочих, таким образом, сплошь и рядом имело фиктивно-показной характер.

¹⁴² ГИАМО, ф. 46, оп. 28, д. 4, л. 3.

¹⁴³ См. В. Я. Лаверьев. Ук. соч., стр. 141.

Следует также отметить, что среди значительных групп хлопчатобумажных фабрикантов по тем или иным конкретным вопросам существовали точки зрения, отличные от позиции общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Так, по данным фабричной инспекции, шуйские фабриканты на одном из совещаний в начале марта 1916 г. отнеслись отрицательно к введению фабричных старост на своих предприятиях¹⁴⁴.

Однако неудачи не обескураживали московских капиталистов, направлявших деятельность военно-промышленных комитетов. Они по-прежнему стремились, насколько это возможно, использовать «рабочие» группы в интересах своего класса, стремились доказать правительству, пугая его революцией, необходимость последовательного осуществления более гибкой рабочей политики, признавая ее важнейшим противоядием против стачек, против нараставшего революционного движения пролетариата. Впервые эти идеи определенно сформулированы в докладной записке Центрального военно-промышленного комитета по поводу законопроекта о мобилизации промышленности от 10 марта 1916 г. «В то же время, — утверждалось в записке, — рассматриваемый законопроект совершенно не дает никаких гарантий, что забастовка не будет повторяться. Практика показала, что никакие репрессии против забастовок не достигают своих целей, и уничтожения забастовок следует ожидать не от этих репрессивных мер по отношению к рабочим, а от планомерного рабочего законодательства в связи с поднятием культурного уровня рабочих масс. Практика жизни показывает, что даже приведение рабочих в положение нижних воинских чинов... не предотвращает забастовку. Ни угрозы отправкой на фронт, ни репрессии по всем строгостям воинских законов не достигают цели»¹⁴⁵. Более определенно и детально эти идеи были изложены в записке Центрального военно-промышленного комитета под названием «Некоторые соображения о современном рабочем движении и необходимых мерах к его урегулированию», подписанной А. И. Коноваловым в конце мая 1916 г.¹⁴⁶.

¹⁴⁴ ГАВО, ф. 266, оп. 30, д. 64, л. 29.

¹⁴⁵ ЦГВИА, ф. 12642, оп. 2, д. 34, л. 277.

¹⁴⁶ «Красный архив», 1933, № 2(57).

«Новый» курс в рабочей политике ни в коей степени не означал отказа даже самых «прогрессивных» фабрикантов от репрессий как важнейшего средства борьбы с рабочим движением. Так, именно в мае 1916 г. один из вдохновителей «либеральной» рабочей политики А. И. Коновалов в наблюдательной комиссии особого совещания по обороне вместе с представителями ведомств голосовал за применение ряда репрессивных мер к участникам забастовок¹⁴⁷. Либеральные заигрывания с социал-предателями тем более не мешали текстильным фабрикантам проводить жесткую экономическую политику по отношению к рабочим своих предприятий. Все они организованно противодействовали требованиям рабочих повысить заработную плату. Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, возглавлявшееся теми же П. П. Рябушинским и А. И. Коноваловым, координировало их усилия в этом направлении. «О-во хлопчатобумажных фабрикантов, — сообщал иваново-вознесенский промышленник И. Н. Дербенев в письме от 9 апреля 1915 г., — решило собрать сведения, кто, сколько и в каком виде прибавил рабочим. Желательно бы что-нибудь выработать подходящее одно к другому». В другом письме (в декабре 1915 г.), осуждая линию председателя Иваново-Вознесенского общества заводчиков и фабрикантов, тянувшего с повышением заработной платы на предприятиях района, он считал, что на «москвичей» смотреть нечего, что и у них «бывали ошибки»¹⁴⁸. В июне 1916 г. фабричный инспектор VII участка Владимирской губ. докладывал старшему фабричному инспектору, что фабриканты отказываются повышать заработную плату рабочим, заявляя: «Москва отказывает, и мы не дадим»¹⁴⁹.

Представители «рабочих» групп осенью 1916 г. принимали участие в совещаниях руководителей буржуазной оппозиции, где обсуждалось политическое положение в стране и намечалась тактика буржуазии. Особо следует отметить попытку лидеров буржуазии использовать группы для организации поддержки требований

¹⁴⁷ См. В. Я. Лаврычев. Продовольственная политика царизма и буржуазия в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). «Вестн. Моск. ун-та», сер. истор.-филол. наук, 1956, № 1, стр. 168.

¹⁴⁸ ГАИО, ф. 154, оп. 1, д. 859, лл. 27, 59.

¹⁴⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 16, д. 152, л. 93.

буржуазной оппозиции со стороны более широких слоев населения.

В начале января 1917 г. идея дворцового переворота настолько овладела политически активными кругами буржуазии, что он рассматривался ими как естественный очередной шаг буржуазно-оппозиционного движения¹⁵⁰. Начальник петроградского охранного отделения в донесении от 19 января 1917 г. признавал, что буржуазная общественность в своем большинстве, исключая маленькую кучку крайне правых, «соглашается с легальностью дворцовых переворотов и убийств»¹⁵¹. В другом донесении, относящемся к концу января 1917 г., характеризуя буржуазно-оппозиционное движение, он отмечал, что в буржуазном лагере начался дележ портфелей в будущем ответственном министерстве. Он выделяет две основные группы либерально-оппозиционных кругов, рвущиеся к власти. Первая — деятели «прогрессивного» блока во главе с М. В. Родзянко, стремившимся возглавить правительство. Вторая возглавлялась А. И. Гучковым, Г. Е. Львовым, А. И. Коноваловым, С. Н. Третьяковым, М. М. Федоровым. Она опиралась на торгово-промышленные круги и завоевала симпатии в действующей армии. «Группа эта, — по словам царского охранника, — считает мечты о захвате власти при содействии демонстративных выступлений масс населения неосуществимыми и все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в неизбежности «в самом ближайшем будущем» дворцового переворота, поддерживаемого всего-навсего лишь одной-двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями». Группа московских промышленников намечала кандидатуры буржуазных деятелей, которые должны были помочь «будущим министрам» разобраться в «хаотическом наследстве» старого режима. Первая группа (думских деятелей) предполагала якобы организовать шествие народа к Таврическому дворцу в день открытия очередной сессии Думы, стремясь тем самым обеспечить декорум всенародной поддержки оппозиционных требований с думской трибуны. Вместе с тем начальник петроград-

¹⁵⁰ См. П. М и л ю к о в. История второй русской революции, т. I, вып. 1. Киев, 1919, стр. 21.

¹⁵¹ ЦГАОР, ф. ДО, 1917 г., д. 20, ч. 57, л. 10.

ского охранного отделения отмечал тесные связи между этими двумя группами ¹⁵².

Начальник петроградского охранного отделения, в целом правильно характеризуя цели и частично тактику группы московских капиталистов, не совсем точно определил расстановку сил в буржуазно-оппозиционном лагере. Он совершенно безосновательно противопоставлял лидеров «прогрессивного» блока лидерам промышленной группы, преувеличивая разногласия между ними. Хотя борьба за портфели в будущем правительстве принимала довольно острый характер, «промышленная» группа обсуждала состав кабинета вместе с лидерами «прогрессивного» блока. Идея манифестации к Государственной думе с целью поддержки оппозиционных выступлений и объявления Думы «хозяином положения» в случае указа о ее роспуске, принадлежала внедумским политическим кругам. Она неразрывно связана с планом дворцового переворота, вынашивавшегося «промышленной» группой. Лидеры «прогрессивного» блока в это время оставались на «ноябрьской» платформе, не решаясь еще на активные политические выступления, выходящие за рамки думской деятельности. Даже кадетские лидеры, возглавлявшие блок, опасаясь его раскола, все еще уповали на уступки правительства и ориентировались исключительно на «парламентские» формы борьбы.

Лидеры промышленной буржуазии действительно выступали против массового народного движения. Однако стачечная борьба российского пролетариата в январе 1917 г. достигла такого размаха, что, не имея иных средств остановить нарастание революционного движения рабочих в рамках существующего строя, московские национал-либералы предприняли попытку использовать это движение в своих целях. Учитывая обострявшуюся политическую обстановку в стране, П. П. Рябушинский и А. И. Гучков предложили организовать шествие рабочих к Государственной думе ¹⁵³. Тем самым они рассчитывали одним ударом убить двух зайцев. Во-первых, обеспечить видимость всенародной поддержки требований буржуазно-либеральной оппозиции. Во-вторых, что

¹⁵² ЦГАОР, ф. ДО, 1917 г., д. 20, ч. 57, лл. 17—19.

¹⁵³ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 179.

не менее важно, стачечное движение пролетариата ограничить такими рамками, которые соответствовали интересам капиталистов. Подготовка манифестации возлагалась на «рабочую» группу Центрального ВПК, которая намеревалась провести на крупнейших предприятиях Петербурга собрания рабочих и добиться принятия соответствующих резолюций. К этому времени социал-предатели из «рабочих» групп настолько сжились с буржуазией, настолько глубоко попали в сети буржуазной идеологии, что они, по данным охранки, «самым наивным образом начинают верить в «силу» гг. Гучковых, Коноваловых и К° и признавать, по их собственным словам, что от последних именно и будет зависеть дать последний и решительный сигнал к началу «второй, великой и последней Всероссийской революции»¹⁵⁴.

Капиталистам не удалось осуществить свой план. Рабочий класс не пошел за социал-предателями. 14 февраля 1917 г. он выступил, но выступил под большевистскими лозунгами. Выступление «рабочей» группы, ее попытки повести за собой рабочих привели лишь к аресту ее руководителей¹⁵⁵. Очередная попытка наиболее дальновидных российских капиталистов приостановить нарастание революционных событий в стране провалилась.

Следовательно, в годы первой мировой войны, наряду с традиционными приемами борьбы с рабочим движением, текстильные фабриканты предприняли первую серьезную попытку осуществления более гибкой политики в рабочем вопросе. Эта попытка связана с организацией и деятельностью так называемых «рабочих» групп военно-промышленных комитетов. Используя меньшевиков-оборонцев, текстильные фабриканты стремились обеспечить в стране классовый мир, дезорганизовать рабочее движение, подчинить рабочий класс идейному влиянию буржуазии. Однако эта попытка оказалась неудачной. Рабочий класс России бойкотировал социал-предателей и все намечавшиеся ими мероприятия. Следует также признать, что в отношении к «рабочим» группам единство среди фабрикантов отсутствовало. Даже в руководящих кругах московской торгово-промышленной буржуазии наблюдалась скептическая оцен-

¹⁵⁴ ЦГАОР, ф. ДО, 1917 г., д. 20, ч. 57, л. 10.

¹⁵⁵ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 179.

... «рабочих»

... существенными

... пред-

... другим

... «либеральной»

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

... восточных

ГЛАВА VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХЛОПЧАТОБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

§ 1. Первые шаги в деле государственного регулирования и создание комитета хлопкоснабжения

Крупнейшие монополистические союзы капиталистов текстильной промышленности в годы первой мировой войны особенно окрепли и усилились благодаря сосредоточению в их руках ряда ответственных функций в деле государственного регулирования экономики.

Во всех крупнейших империалистических странах война ускорила перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. Процесс создания государственно-монополистических органов достаточно интенсивно протекал и в царской России, хотя специфика политического строя порождала здесь своеобразные формы сращивания аппарата монополий с государственным аппаратом, контролировавшимся в конечном итоге крепостниками-помещиками.

Текстильная промышленность не являлась исключением. Тенденции к созданию государственно-монополистических организаций появились в текстильном производстве уже в первые дни войны.

Необходимость организации бесперебойного снабжения армии в условиях неуклонно нараставших затруднений с получением сырья, топлива и полуфабрикатов, требовавшихся для своевременного выполнения военных заказов, заставила буржуазию и царское правительство приступить к государственному регулированию текстильной промышленности.

Органы, призванные выполнять эту работу, создавались постепенно.

На начальном этапе государственного регулирования текстильной промышленности некоторые существенные

функции по его осуществлению сосредоточивались непосредственно в наиболее крупных монополистических объединениях, прикрывавшихся в текстильной промышленности оболочкой «представительных» организаций фабрикантов (общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, общество суконных фабрикантов и Всероссийское общество льнопромышленников).

В хлопчатобумажной промышленности с первых же дней войны резко увеличился объем военных заказов. Это заставило главное интендантское управление (ГИУ) предпринять некоторые шаги к упорядочению организации поставок хлопчатобумажных тканей. На совещании хлопчатобумажных фабрикантов, созванном по предложению начальника ГИУ ген. Шуваева 6 августа 1914 г. при Московском биржевом комитете, организовалась особая комиссия по интендантским поставкам. В состав комиссии вошли исключительно одни фабриканты. Основные задачи комиссии сводились к выработке образцов хлопчатобумажных тканей, установлению цен на поставляемые в казну ткани и к организации приемки тканей от изготовлявших их предприятий¹. Начальник ГИУ перепоручил также биржевому комитету и особой комиссии сбор заявок фабрикантов на поставку тканей интендантству².

Комиссия весьма успешно справлялась со своими обязанностями. 29 мая 1915 г. председатель Московского биржевого комитета Г. А. Крестовников сообщил в ГИУ, что интендантские заказы на хлопчатобумажные ткани, за небольшим исключением, полностью покрыты заявками фабрикантов до 1 января 1916 г. С 6 августа 1914 г. по 25 июня 1915 г. комиссия распределила казенных заказов на сумму более 114 млн. руб.³.

Цены на ткани, поставлявшиеся военному ведомству, также определялись особой комиссией и лишь формально утверждались интендантством⁴. Тем самым в руках

¹ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, л. 2; «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г.». М., 1916, стр. 179, 182—183.

² ГИАМО, ф. 322, оп. 1, д. 219, лл. 97, 105.

³ ЦГВИА, ф. 499, оп. 4, д. 311, л. 63.

⁴ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 1, стр. 21; «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г.». М., 1916, стр. 184.

фабрикантов по существу сосредоточивалось установление фиксированных цен на хлопчатобумажные ткани, поставляемые различным ведомствам, что являлось важнейшей составной частью государственного регулирования производства и распределения в хлопчатобумажной промышленности.

С первых же дней войны, прикрываясь ура-патриотическими лозунгами, фабриканты использовали военные заказы для увеличения своих сверхприбылей. Цены на ткани, поставлявшиеся интендантству, устанавливались выше цен, существовавших на рынке, что в свою очередь предопределяло дальнейшее повышение рыночных цен. В бюллетене т-ва Э. Циндель от 1 марта 1915 г. заявлялось, что утвержденные в феврале интендантством цены на миткаль обуславливали цену ситца № 1 21½ коп., в то время как цена его на рынке не превышала 19 коп.⁵

Не меньшее значение для фабрикантов имело сосредоточение в их руках приемки хлопчатобумажных тканей для военного ведомства. При особой комиссии по интендантским заказам существовала специальная приемная комиссия, через которую проходила большая часть тканей, сдававшихся фабрикантам в интендантство. В приемную комиссию в качестве экспертов — лиц, непосредственно осуществлявших приемку тканей, — вошли служащие крупнейших предприятий. Эксперты, занимавшиеся приемкой тканей в комиссии, в то же время сдавали товары своих фирм⁶.

До конца июня 1915 г. государственное регулирование в хлопчатобумажной промышленности осуществлялось под вывеской Московского биржевого комитета. В дальнейшем структура органов регулирования все больше усложнялась, хотя расширение функций наблюдалось в значительно меньшей степени.

После создания 26 июня 1915 г. хлопчатобумажного отдела (до декабря 1915 г. именовавшегося секцией) Московского областного военно-промышленного комитета основная работа по регулированию хлопчатобумажной промышленности стала постепенно сосредоточиваться в этом органе. Хлопчатобумажная секция действова-

⁵ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1208, л. 104.

⁶ «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г.», стр. 187; ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 752, лл. 5—7, 36, 103; д. 753, л. 131.

ла совместно с особой интендантской комиссией. Члены последней, все без исключения, вошли в состав секции, а сама комиссия постепенно превращалась в подсобный, вспомогательный орган при хлопчатобумажной секции⁷.

Подобная реорганизация дела государственного регулирования хлопчатобумажной промышленности ни в коей степени не меняла его целенаправленности и принципов. Дело в том, что как тот, так и другой орган находились под полным и безраздельным контролем общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. В особую интендантскую комиссию Московского биржевого комитета входили исключительно фабриканты, руководившие этой предпринимательской организацией: П. П. Рябушинский, Ст. П. Рябушинский, Н. Ф. Беляев, В. П. Рогожин и др.⁸ Хлопчатобумажная секция Московского областного военно-промышленного комитета состояла из 15 человек. Из них 5 человек являлись членами совета общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, 8 — представителями фирм, входивших в состав общества, и только двое не являлись его членами, хотя и были тесно связаны с этим объединением⁹. Таким образом, по существу и тот и другой орган являлись ответвлениями общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. К этому следует добавить, что Московский биржевой комитет также находился под контролем общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Накануне войны из семи членов комитета четверо (П. П. Рябушинский, А. Л. Кноп, А. И. Кузнецов и А. Н. Найденов) являлись руководящими деятелями общества. В годы войны влияние общества в биржевом комитете еще более усилилось. Это прежде всего проявилось в избрании председателем Московского биржевого комитета председателя общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности П. П. Рябушинского.

Вся черновая подготовительная работа по обеспечению деятельности особой интендантской комиссии Мо-

⁷ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, л. 3; ф. 1082, оп. 1, д. 8, л. 2.

⁸ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 779, л. 1; д. 752, л. 103.

⁹ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 1, стр. 21; «Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Отчет о деятельности общества с 30 октября 1913 г. по 1 января 1915 г.», стр. 5, 23—24.

сковского биржевого комитета, а затем хлопчатобумажной секции Московского областного ВПК осуществлялась обществом фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Общество направляло и контролировало деятельность как особой интендантской комиссии, так и хлопчатобумажной секции. Организации хлопчатобумажной секции Московского областного ВПК предшествовало создание в обществе 17 июня 1915 г. военно-промышленного отдела, который на первых порах, видимо, координировал работу особой интендантской комиссии и хлопчатобумажной секции. В дальнейшем, по мере ассимиляции секцией функций особой комиссии, надобность в такой координации исчезла. Поэтому отдел реорганизовался в осведомительное бюро по военно-промышленным делам ¹⁰.

К лету 1915 г. общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности фактически сосредоточило в своих руках ряд важнейших функций по государственному регулированию хлопчатобумажной промышленности. Особое внимание при этом уделялось решению сырьевой проблемы.

До войны около половины хлопка, перерабатываемого на фабриках Российской империи, ввозилось из-за границы. Война резко сократила ввоз иностранного хлопка и создала чрезвычайно благоприятные условия для спекуляции хлопком отечественного происхождения. С первых же дней войны наблюдается неуклонный рост цен на среднеазиатский хлопок-сырец. Цены на хлопок поднимались значительно быстрее, чем цены на готовые хлопчатобумажные изделия ¹¹. Это вызвало сильное беспокойство капиталистов, группировавшихся вокруг общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Еще 31 июля 1914 г. на совещании в обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности рассматривалось состояние хлопкового рынка в связи с началом военных действий. 19 августа 1914 г. особое совещание крупнейших фабрикантов, созванное советом общества, обсуждало вопрос «о мерах борьбы с наблюдающимся

¹⁰ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 401, л. 14.

¹¹ Всероссийский союз городов. Главный комитет. Экономический отдел. «Положение текстильной промышленности», вып. 1. М., 1917, стр. 46, 50; ГИАМО, ф. 1213, оп. 1, д. 185, лл. # 839, 914, 1008—1009.

в последнее время спекулятивным повышением цен на азиатский хлопок нового урожая» и приняло решение ходатайствовать о понижении таможенных ставок на хлопок, ввозимый через порты Тихого океана. Совещание также признало необходимым воздержаться от покупки среднеазиатского хлопка до 1 сентября 1914 г. 2 сентября состоялось новое совещание, отметившее благоприятные результаты соглашения о прекращении закупок хлопка и продлившее его до 15 сентября. Очередное совещание 11 сентября 1914 г. высказалось против повышения пошлины на американский хлопок и акциза на русский хлопок. 13 сентября фабриканты постановили начать закупки хлопка по цене от 15,25 до 15,75 руб. за пуд с перевозкой до Москвы¹².

Хлопчатобумажные фабриканты приступили к закупкам, так и не добившись желаемого понижения цен на хлопок. Об этом свидетельствует содержание телеграммы, посланной председателем Московского биржевого комитета Г. А. Крестовниковым 19 сентября 1914 г. ферганскому генерал-губернатору. В телеграмме отразились планы государственного регулирования хлопковой торговли, которые уже в то время вынашивались хлопчатобумажными фабрикантами. Г. А. Крестовников сообщал: «В Москве сейчас биржевых цен на среднеазиатский хлопок нет, и вырешение справедливых и резонных цен на русский хлопок составляет крайне трудный вопрос ближайшего будущего... Если не удастся установить резонных цен, придется обратиться к правительству с предложением реквизировать весь русский хлопок, нормировать его цену и распределить его между фабриками, которые, без того работая сокращенно, могут остановиться»¹³.

На первых порах фабрикантам удалось добиться некоторых успехов лишь в деле организации доставки заграничного хлопка. Осенью 1914 г. в Англию и США направились специальная делегация для закупки хлопка. Через совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности предпринимателям удалось получить от правительства валюту для закупки хлопка за грани-

¹² ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1628, лл. 22—24, 29—30, 32—34 36—37; ГИАЛО, ф. 1245, оп. 1, д. 572, л. 7.

¹³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, л. 3.

цей¹⁴. К марту 1915 г. во Владивостоке, Архангельске, Ревеле и в Швеции скопилось около 3 млн. пудов хлопка. Поэтому общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности 5 марта 1915 г. обратилось к министру путей сообщения с ходатайством о предоставлении вагонов для перевозки этого хлопка в Центральный промышленный район¹⁵.

При Московском биржевом комитете была создана особая комиссия для распределения вагонов между заинтересованными фабрикантами. Комиссия состояла из семи человек, шесть из которых являлись представителями крупнейших хлопчатобумажных предприятий, входивших в общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, а седьмой — А. А. Бек — занимал должность заведующего товарным отделом Московского банка Рябушинских. Депутации фабрикантов удалось добиться у министра торговли и промышленности обещания ежедневно отправлять по Китайско-Восточной железной дороге десять вагонов с хлопком¹⁶.

В деле регулирования торговли хлопком отечественного происхождения обществу долгое время не удавалось добиться положительных результатов. Первое время фабриканты хлопчатобумажной промышленности рассчитывали осуществить регулирование русского хлопкового рынка опять-таки через Московский биржевой комитет. На совещании в обществе 21 мая 1915 г. они приняли решение о необходимости произвести на 1 июня 1915 г. учет всего хлопка в стране и ввести с этого же числа при Московском биржевом комитете обязательную регистрацию всех сделок. Московскому биржевому комитету предполагалось предоставить также право установления обязательных предельных цен на хлопок. 25 и 29 мая 1915 г. в обществе состоялись очередные совещания фабрикантов, обсуждавших вопрос о чрезвычайном повышении цен на хлопок отечественного происхождения¹⁷. Эти совещания, видимо, имели целью выработать общую для всех фабрикантов точку зрения на принципы регулирования хлопковой тор-

¹⁴ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1500, лл. 20, 23; д. 1628, лл. 41—43.

¹⁵ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 783, лл. 30—31.

¹⁶ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 778, л. 2; д. 779, л. 1; д. 783, л. 39.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 3, лл. 92—93; ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 74, лл. 8—10.

говли к предстоящему собранию хлопчатобумажных фабрикантов и представителей хлопкооторговых фирм, созванному 1 июня 1915 г. по предложению министра торговли и промышленности членом совета министра Н. И. Гучковым.

Последнее совещание, в котором участвовали представители общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности и текстильного отдела Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, состоялось при Московской бирже 1 и 3 июня 1915 г. В первую очередь капиталисты обратили внимание на вопросы транспортировки отечественного хлопка. По предложению Н. А. Второва они единодушно признали необходимым срочно осуществить ряд мероприятий по ускорению перевозки хлопка¹⁸. Значительно больше времени потребовалось для обсуждения принципов регулирования хлопковой торговли.

После продолжительных прений 1 июня 1915 г. капиталисты единогласно приняли следующие пожелания: 1) все собственники и держатели хлопка (кроме фабрикантов) обязывались ежемесячно сообщать сведения о количестве имеющегося у них хлопка; 2) при Московском биржевом комитете предполагалось создать комиссию для нормировки цен на хлопок. Обсуждение на этом не закончилось. Прибывшие в конце заседания П. П. Рябушинский и Н. Д. Морозов протестовали против принятых собранием пожеланий, считая принципиально недопустимым вмешательство правительства в экономические отношения. С другой стороны, представитель министерства торговли и промышленности А. Я. Чемберс внес предложение о создании в хлопковой торговле более устойчивого и действенного органа типа государственного закупочного синдиката. Он настаивал на обсуждении вопроса о создании комитета по приобретению хлопка.

Обсуждение этих вопросов продолжалось 3 июня 1915 г. Ход обсуждения показал, что «оппозиционные» выступления Рябушинского и Морозова являлись скорее тактическим ходом, нежели действительно особым мнением. В случае, если бы потребовалось противодействовать попыткам правительства осуществить государственное регулирование в нежелательном для фабрикантов

¹⁸ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1780, л. 159.

направлении, они сохраняли полную свободу действий. Кстати говоря, необходимость в этом обнаружилась уже через какие-то 6—7 месяцев. Кроме того, подобные выступления создавали видимость, что регулирование хлопковой торговли производится при противодействии крупнейших капиталистов.

В действительности ни о каком противодействии не может быть и речи. Дело в том, что, выразив свое особое мнение, Рябушинский и Морозов даже не внесли никакого предложения. В самом начале заседания 3 июня 1915 г. товарищ председателя общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности А. И. Кузнецов заявил, что никаких новых предложений ни от кого не поступало, а поэтому на обсуждение выносятся только предложение о создании при Московском биржевом комитете центрального комитета по нормировке цен на хлопок. Решение о создании такой организации после обсуждения было принято совещанием. Согласно этому решению центральному комитету при Московском биржевом комитете предоставлялось право периодически пересматривать и изменять нормированные цены на хлопок и распределять запасы хлопка между фабрикантами. Далее совещание определило состав комитета. Он намечался из 20 человек, 10 из которых представляли общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, 2 — Московский биржевой комитет, 2 — московских продавцов хлопка, 1 — Кокандский биржевой комитет, 2 — Петроградское общество заводчиков и фабрикантов и 3 — различные заинтересованные ведомства. Председатель избирался самим комитетом¹⁹. Совершенно очевидно, что при подобном составе этот государственный орган оказался бы под полным и безраздельным контролем хлопчатобумажных фабрикантов Центрального района. Предложение А. Я. Чемберса о создании единого закупочного органа фабриканты просто-напросто игнорировали, не высказав никаких соображений по этому вопросу. Фабриканты, видимо, опасались (и не без основания), что подобная организация не столько ликвидирует конкуренцию покупателей, сколько устраним конкуренцию продавцов и будет способствовать монопо-

¹⁹ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 398, лл. 109—117; ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 759, лл. 104—105; «Коммерческий телеграф», 10 июня 1915 г.

лизации хлопковой торговли в руках крупнейших банков, ее финансирующих. А это не могло не ослабить позиции фабрикантов на хлопковом рынке.

Совещание хлопкоотроговцев состоялось 4 июня 1915 г. и в порядке последовательности обсуждало все пожелания фабрикантов. Если решения, касавшиеся улучшения транспортировки хлопка, они приняли безоговорочно, то пожелания, касавшиеся регулирования хлопковой торговли, встретили весьма серьезные возражения. Хлопкоотроговцы единогласно признали необходимым регистрировать запасы хлопка и у фабрикантов, а также отвергли предложение о нормировке цен на хлопок старого урожая. Далее они предложили укомплектовать центральный комитет при Московском биржевом комитете на основе паритетного представительства фабрикантов и хлопкоотроговцев при наличии «нейтральной» группы — представителей ведомств. Хлопкоотроговцы охотно откликнулись на предложение Чемберса о создании единого закупочного органа. Они выразили готовность продавать хлопок по нормированной цене комитету, распределяющему его среди фабрикантов. Однако представители фабрикантов, присутствовавшие на этом совещании, в категорической форме заявили, что такая организация невозможна²⁰.

Пожелания хлопкоотроговцев доставили много неприятностей и хлопот фабрикантам. Царские чиновники использовали эти предложения и, опираясь на них, изменили состав и структуру предложенного фабрикантами органа. В момент усиления оппозиционных выступлений империалистической буржуазии летом 1915 г. правительство не сочло возможным осуществить проект в предложенном фабрикантами и хлопкоотроговцами варианте — создать орган, регулирующий хлопковую торговлю, при Московском биржевом комитете и наделить его соответствующими правами. На совещании в министерстве торговли и промышленности при обсуждении законопроекта «О некоторых мерах по упорядочению снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик» 1 и 2 июля 1915 г. представителям общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности пришлось уже до-

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 759, л. 106; ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 398, л. 113; «Коммерческий телеграф», 5 июня 1915 г.

биваться большего по сравнению с хлопкоторговцами количества мест в комитете.

7 июля 1915 г. царь утвердил постановление совета министров «О некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик». При министерстве торговли и промышленности учреждался комитет для заведования снабжением сырьем хлопчатобумажных фабрик (комитет хлопкоснабжения), которому предоставлялось право регулирования снабжения хлопком и нормирования цен на него, право ликвидации сделок, совершенных с нарушением норм, и реквизиции хлопка, проданного по таким сделкам. Все решения комитета утверждались министром торговли и промышленности²¹. Тем самым деятельность комитета в определенной степени находилась под контролем чиновничье-бюрократического аппарата самодержавия. Царские чиновники имели возможность вмешаться в работу этого органа, если бы она приняла «нежелательный» характер.

И все же, застраховав себя от возможных выступлений фабрикантов, правительство приложило максимум усилий, чтобы обеспечить интересы предпринимателей. Все их предложения и пожелания, относившиеся к вопросам конкретной деятельности комитета хлопкоснабжения, встречали самое внимательное и доброжелательное отношение министра торговли и промышленности²².

В комитете хлопкоснабжения фабриканты получили вполне обеспеченное большинство.

В состав комитета вошли пять представителей хлопчатобумажных фабрикантов Центрального промышленного района, один — от хлопчатобумажных фабрикантов Петроградского района, шесть представителей хлопкоторговцев, пять — от различных ведомств и по одному от Московского и Кокандского биржевых комитетов. Председатель комитета назначался министром торговли и промышленности²³.

Формально фабриканты и хлопкоторговцы имели равное число мест. На деле получалась иная расстанов-

²¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, л. 54.

²² ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 4, л. 8.

²³ «Бюллетень хлопкового комитета», 1915, № 3—4, стр. 6—7.

ка сил. Представителем Московского биржевого комитета являлся Н. Д. Морозов, а от Кокандского биржевого комитета в состав комитета вошел И. Н. Дербенев. Вся организация возглавлялась Н. И. Гучковым, тесно связанным с московскими финансовыми кругами и национальной империалистической буржуазией. Значительная часть московских хлопкооторговых фирм, имевших своих представителей в комитете, также находилась в сфере влияния крупнейших хлопчатобумажных фабрикантов или московских банков ²⁴.

По принципиальным вопросам регулирования хлопковой торговли (установление цен и т. п.) интересы московских и петроградских фабрикантов совпадали. Кроме того, при решении вопросов хлопкоснабжения фабриканты с полным основанием могли рассчитывать на поддержку представителей министерства торговли и промышленности и ГИУ, заинтересованных в установлении более низких цен на хлопок, так как они удешевляли стоимость тканей. В общем итоге, таким образом, представители общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности в комитете хлопкоснабжения имели достаточно обеспеченное большинство.

О ведущей роли московских фабрикантов в новом органе свидетельствует также факт избрания товарищем председателя комитета Н. Д. Морозова и назначение А. К. Витта (секретаря общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности) секретарем комитета. Показательно и то, что заседания комитета происходили в помещении общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Комитет действовал на средства фабрикантов ²⁵.

Несмотря на то что вновь созданный государственный орган оказался под контролем московских фабрикантов, им не удалось подчинить себе хлопчатобумажные предприятия Петроградского района. Фабриканты Петрограда самостоятельно обсуждали насущные нужды производства и принимали меры к обеспечению своих предприятий сырьем, топливом и рабочей силой.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 2, л. 1.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 4, л. 4; ГАИО, ф. 27, оп. 1, д. 182, лл. 18—19; ф. 108, оп. 1, д. 1767, лл. 37—38.

Руководители текстильного отдела Петроградского общества заводчиков и фабрикантов весьма ревностно следили за тем, чтобы предприятия Петроградского района не попали в сферу влияния общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Когда общество хлопчатобумажных фабрикантов направило предпринимателям Петроградского района опросный лист, чтобы выяснить количество заграничной валюты, потребной для предстоящих покупок хлопка, отдел специальным циркуляром потребовал от фабрикантов «сосредоточить все ответы петроградских предприятий в текстильном отделе Петроградского общества заводчиков и фабрикантов». Отдел отверг также предложение московских капиталистов о централизации всех военных заказов на хлопчатобумажные ткани в Московском областном ВПК²⁶.

При активном содействии отдела организовался текстильный отдел Петроградского окружного ВПК, который возглавили В. К. Чешер и Л. Б. Миллер. Оба они являлись представителями крупнейшего петроградского хлопчатобумажного предприятия — акц. о-ва Воронин, Лютш и Чешер²⁷.

Вся повседневная практическая работа по распределению военных заказов, аналогичная той, которая выполнялась особой интендантской комиссией при Московском биржевом комитете, сосредоточивалась в Петроградском комитете по распределению казенных заказов текстильного производства. Этот комитет размещался в кладовой о-ва Воронин, Лютш и Чешер²⁸.

Таким образом, сращивание монополистических союзов с государственным аппаратом, объединение силы монополий с силой государственной власти в хлопчатобумажной промышленности с самого начала имело большое своеобразие. С первых дней войны общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности координировало деятельность предпринимательских организаций по регламентации работы хлопчатобумажных предприятий в связи с выполнением военных заказов, а затем по ре-

²⁶ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 108, л. 85; ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, л. 3; ф. 1082, оп. 1, д. 115, л. 1.

²⁷ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 108, лл. 68—69а.

²⁸ ГИАЛО, ф. 1295, оп. 1, д. 114, лл. 91—93; ЦГИАЛ, ф. 45, оп. 1, д. 86, лл. 43, 58.

гулированию рынка сырья. Общество являлось тем центром, где намечались и разрабатывались важнейшие мероприятия, откуда направлялась повседневная практическая деятельность по регулированию, непосредственно осуществлявшаяся комиссией Московского биржевого комитета и хлопчатобумажной секцией Московского ВПК. Юридически последние оставались предпринимательскими органами, что не мешало им выполнять определенные функции государственных учреждений. Несмотря на примитивность и недоразвитость этих органов, они имели некоторые зримые черты государственно-монополистических институтов.

§ 2. Деятельность комитета хлопкоснабжения и предпринимательских организаций в хлопковую кампанию 1915/16 г.

Основной обязанностью комитета хлопкоснабжения на первом этапе его деятельности являлось утверждение цен на хлопок. До установления комитетом нормированных цен стоимость пуда хлопка в Москве составляла в среднем 32 руб. Комитет ограничил цену хлопка 24 р. 10 к. В то же время цены на хлопчатобумажные ткани не подвергались никакой регламентации. В результате при стабильной (со сравнительно незначительными отклонениями за счет спекулятивных махинаций) нормированной цене на хлопок, ничем не ограниченные цены на пряжу и ткани начали расти значительно сильнее, чем в предшествующий военный год²⁹. Так монополистическая буржуазия, используя в своих интересах государственное регулирование, обеспечила для себя дополнительный источник извлечения военной сверхприбыли. Прикрываясь «патриотическими» фразами о защите отечества, текстильные фабриканты наживались за счет ограбления трудового населения страны, на плечи которого ложились все последствия спекулятивного ажиотажа. В первую очередь рабочие и крестьяне переплачивали за ткани для собственного потребления; они же, в конечном итоге, рассчитывались за организованное ограбление казны текстильными фабрикантами и другими капиталистами.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 479, л. 8; «Положение текстильной промышленности», вып. 1, стр. 46, 50.

Второй важнейшей функцией комитета хлопкоснабжения с самого начала его деятельности являлось распределение хлопка отечественного происхождения между прядильными фабрикантами. Созданная в комитете комиссия по распределению хлопка возглавлялась Н. Д. Морозовым ³⁰.

Успех этой работы во многом зависел от разрешения транспортных затруднений. Через комитет хлопкоснабжения фабрикантам удалось наладить более или менее нормальную перевозку хлопка маршрутными поездками из Средней Азии к Москве и из Москвы в Петроград, Нарву, Тверь и Вышний Волочек.

Регулированием подвоза хлопка для петроградских хлопчатобумажных предприятий в пределах установленных комитетом норм занимался текстильный отдел Петроградского общества заводчиков и фабрикантов ³¹.

Комитет организовал также учет и контроль за движением хлопка и соблюдением нормированных цен. С этой целью он требовал обязательной регистрации документов по продаже хлопка. Кроме того, в течение сезона 1915/16 г. комитет установил такой порядок перевозки, по которому весь хлопок отечественного происхождения, переправлявшийся как по железным дорогам, так и водным путем, адресовался исключительно на имя комитета. Станция или пристань без специального разрешения комитета не имела права выдать груз его владельцам ³². В начале 1916 г. комитет принял решение о назначении специальных агентов в узловых железнодорожных пунктах (Ташкенте, Коканде, Красноводске, Эривани, Самарканде, Петровске и Москве) для наблюдения за перевозкой хлопка. Для руководства хлопковыми перевозками комитет создал специальную комиссию, которой вменялось в обязанность «иметь постоянное наблюдение и руководство передвижением хлопковых грузов». Председателем комиссии стал директор Тверской м-ры В. П. Рогожин ³³.

Однако принятые меры все же оказались недостаточными эффективными для ликвидации вопиющих злоупо-

³⁰ ГИАЛО, ф. 1268, оп. 1, д. 819, л. 35.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 1, д. 757, л. 6.

³² ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 44, л. 172; ГИАМО, ф. 322, оп. 1, д. 279, л. 64.

³³ ГИАЛО, ф. 1268, оп. 1, д. 819, лл. 14, 26.

треблений в хлопковой торговле, так как носили по преимуществу бумажно-бюрократический характер. Положение осложнялось тем, что отдельные важные звенья хлопковой торговли почти не подвергались государственному регулированию. Учет запасов хлопка в Средней Азии и Закавказье отсутствовал. Попытка фабрикантов в начале 1916 г. добиться издания обязательного постановления министра торговли и промышленности, которым бы запрещалось хранение хлопка в кипах на местах его производства и устанавливался соответствующий учет, не увенчалась успехом. Министр отклонил представленный ему проект постановления под тем предлогом, что означенная мера может «встретить протесты со стороны местного малокультурного населения»³⁴. В действительности, не «протесты» местного населения являлись препятствием к осуществлению предложенных фабрикантами мер. По всей видимости, здесь проявилось влияние петербургских банков, заинтересованных в хлопковой торговле.

Все препятствия, созданные комитетом хлопкоснабжения для предотвращения спекуляции в хлопковой торговле, при фактическом отсутствии действенного и эффективного контроля, можно было сравнительно легко обойти. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что к концу сезона 1915/16 г. в Средней Азии имелись запасы хлопка старого урожая, а на московских складах скопилось значительное количество хлопка, владельцы которого воздерживались от продажи, выжидая повышения цен на хлопок нового урожая³⁵.

Комитет хлопкоснабжения сосредоточил также в своих руках рассмотрение ходатайств фабрикантов о предоставлении им валюты для закупки хлопка за границей. Распределением валюты в комитете занималась специально организованная комиссия, состоявшая по преимуществу из фабрикантов и возглавлявшаяся Н. Д. Морозовым. Распределение железнодорожных вагонов, необходимых для перевозки импортного хлопка из Владивостока, также по-прежнему сосредоточивалось в особой комиссии Московского биржевого комитета³⁶.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 653, л. 194.

³⁵ «Промышленность и торговля», 1916, № 14, стр. 417.

³⁶ ГИАМО, ф. 322, оп. 1, д. 279, л. 70; ф. 143, оп. 1, д. 790, лл. 47—48; ГИАМО, ф. 1435, оп. 1, д. 334, лл. 8—9.

Несмотря на спекуляцию хлопком и на большую его «утечку» при доставке в промышленные центры, меры по регулированию хлопковой торговли все же обеспечили хлопчатобумажные предприятия необходимым количеством сырья. По данным комитета хлопкоснабжения на 1 октября 1916 г., только непосредственно на фабриках имелось 5,4 млн. пудов хлопка, т. е. почти трехмесячный запас ³⁷.

Распределением военных заказов и установлением цен на ткани, поставляемые военному ведомству, по-прежнему занимались комиссия Московского биржевого комитета и хлопчатобумажный отдел Московского областного ВПК ³⁸.

Цены, условия и нормы поставок тканей военному ведомству, разработанные в обществе фабрикантов и в хлопчатобумажном отделе Московского областного ВПК, по-прежнему автоматически принимались интендантством.

Разграничение функций между комитетом хлопкоснабжения и хлопкобумажным отделом Московского областного ВПК в их повседневной деятельности на первых порах было достаточно определенным. Первый занимался исключительно разрешением комплекса вопросов, связанных с распределением хлопка отечественного происхождения, а второй регламентировал работу большей части хлопчатобумажных предприятий на военные нужды.

Приемка хлопчатобумажных тканей, поставлявшихся интендантству, и в это время в большинстве случаев производилась приемной комиссией при особой комиссии Московского биржевого комитета по интендантским поставкам, сохранившей полномочия, предоставленные ей начальником ГИУ ³⁹.

Таким образом, на первом этапе своей деятельности как по объему, так и по содержанию ее, комитет хлопкоснабжения вполне отвечал тем пожеланиям, которые

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 649, л. 109.

³⁸ ЦГВИА, ф. 499, оп. 4, д. 309, лл. 21, 138, 327; д. 311, л. 182. «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 12, стр. 157.

³⁹ «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г.», стр. 187; ГИАМО, ф. 1213, оп. 1, д. 249, л. 1380.

выдвигались фабрикантами при его создании. Регулированием других важнейших сторон экономики хлопчатобумажной промышленности по-прежнему занимались предпринимательские организации, сохранявшие некоторые функции, присущие полномочным государственным органам.

Государственное регулирование хлопчатобумажного производства, осуществлявшееся от лица государства самими монополистами, не могло не носить узкоклассового, антинародного характера. Реакционно-бюрократические методы регулирования соответствовали интересам капиталистов, позволяя им получать неслыханные доходы, безнаказанно наживаясь на ограблении трудового населения страны. Борьба текстильных фабрикантов за более последовательное осуществление государственного регулирования в области хлопковой торговли разворачивалась с узкогрупповых, эгоистических позиций и не отвечала чаяниям народных масс, задыхавшихся в тисках дороговизны.

После учреждения комитета хлопкоснабжения борьба между фабрикантами и хлопкоотроговцами, деятельность которых в значительной степени контролировали крупнейшие петроградские банки, приняла еще более острый характер. Выполнение уже принятых комитетом хлопкоснабжения постановлений о введении твердых цен на хлопок встретило ожесточенное противодействие хлопкоотроговцев. С самого начала они стремились найти пути обхода нормированных цен, задерживая хлопок и продавая его при условии уплаты дополнительного вознаграждения. Уже в ноябре 1915 г. комитет хлопкоснабжения докладывал министру торговли и промышленности, что «некоторые лица, желая обеспечить себя наилучшим первосборным хлопком, заключают, в целях обхода предельных цен, сделки под условием выдачи продавцам коммиссионного вознаграждения. Засим некоторые фабриканты, покупая у чистачей (владельцев хлопчосчиствительных заводов. — В. Л.), торгующих хлопком в виде упакованного на местах волокна, товар по установленной цене, гарантируют своим контрагентам расходы по доставке товара в размере меньше разницы, существующей между установленными предельными ценами волокна в промышленных районах... Подобный способ дает возможность чистачу получить некоторую премию сверх

нормированной цены»⁴⁰. Другим способом обхода нормированных цен, возможным также только при взаимном согласии покупателей и продавцов, являлась продажа низкосортного сырья по ценам более высокой категории.

Безусловно, все подобные операции могли осуществляться лишь при финансовой поддержке банков, позволявшей торговцам придерживать хлопок. Они предопределяли недостаток сырья на отдельных прядильных предприятиях, что приводило к сокращению работ. «Как было установлено, — сообщалось в журнале «Промышленность и торговля», — прядильные фабрики испытывают затруднения в приобретении хлопка, так как держатели — хлопкооторговые фирмы и банки — отказываются продавать товар по нормированным ценам. По данным комитета на 12 марта, в Москве имелось свободного от продажи хлопка 512 000 пуд. Несмотря на наличность такого значительного количества хлопка, прядильщики на все предложения продать им хлопок получают отказ, причем банки ссылаются на отсутствие распоряжения от владельцев хлопка продавать»⁴¹.

Несмотря на всю важность для фабрикантов соблюдения нормированных цен на хлопок, все же не сырьевая проблема вызывала у них наибольшее беспокойство. Цены на хлопок определялись на целый сезон. При всех ухищрениях хлопкооторговцев и банков многого они не могли достигнуть: рост цен на хлопок был ограничен определенными рамками. В то же время совершенно иное положение наблюдалось с ценами на пряжу и ткани, где не было никаких ограничений. Спекулятивный рост цен на ткани вызывал недовольство широких слоев населения, все решительнее выступавших против вакханалии спекуляции. Недовольство народа использовали определенные буржуазные круги (хлопкооторговцы, представители земского и городского союзов и т. д.), требовавшие государственного и «общественного» регулирования торговли хлопчатобумажными тканями. Под влиянием этих факторов царское правительство стало склоняться к регламентации цен на пряжу и ткани. Выполнение этой задачи облегчалось ввиду того, что среди

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 11 (1915), д. 566, л. 41.

⁴¹ «Промышленность и торговля», 1916, № 14, стр. 417.

владельцев чисто ткацких фабрик все сильнее назревало недовольство хищничеством прядильных фабрикантов. Ткацкие фабриканты настойчиво добивались нормировки цен на пряжу.

Указом 17 декабря 1915 г. функции комитета хлопкоснабжения значительно расширялись. Комитет получил право устанавливать нормированные цены на пряжу и ткани и контролировать поставки по военным заказам⁴². Тем самым авторитету хлопчатобумажной секции Московского областного ВПК наносился чувствительный удар.

Новый указ, расширявший права комитета хлопкоснабжения в нежелательном для фабрикантов направлении, правительство издало без предварительной с ними консультации. Поэтому даже частичная реализация нового указа потребовала значительного времени.

Фабриканты, заседавшие в комитете хлопкоснабжения, отдавали предпочтение уже существующим формам государственного регулирования, когда все вопросы разрешались путем закулисных сделок между начальником ГИУ и хлопчатобумажным отделом Московского областного ВПК. Публичная фиксация цен на ткани противоречила их узкогрупповым интересам. До этого времени фабриканты фактически бесконтрольно устанавливали цены, организованно обирая казну и грабя трудящиеся массы в силу и в меру своих способностей. Государственное регулирование рынка хлопчатобумажных тканей через комитет хлопкоснабжения грозило несколько ограничить такую свободную «инициативу».

Вместе с тем, определив свое принципиальное отношение к новому указу, предприниматели не забывали и о том, чтобы в случае введения нормированных цен последние максимально соответствовали их интересам. На совещании в обществе 16 января 1916 г. фабриканты высказывались против нормирования цен на пряжу и ткани. Однако в случае введения нормированных цен они требовали установить их на достаточно высоком уровне⁴³.

При обсуждении этого вопроса предприниматели

⁴² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, лл. 54—57; ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, л. 203.

⁴³ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, л. 203; «Промышленность и торговля», 1916, № 5, стр. 142.

весьма недвусмысленно дали понять председателю комитета хлопкоснабжения Н. И. Гучкову, присутствовавшему на заседании, что они отрицательно относятся к указу. Крупный капиталист В. А. Балин заявил, что «если, несмотря на все возражения против введения этой меры, правительство решится осуществить таковую, то в этом случае промышленность будет вправе требовать своевременного обеспечения ее топливом и др. материалами, необходимыми для выработки товаров». Аналогичные пожелания в столь же категорической форме высказали Н. Ф. Беляев, В. П. Рогожин и другие представители прядильных фабрикантов. Напор фабрикантов оказался настолько сильным, что Н. И. Гучков на глазах изменял тон. В начале совещания он заявил, что предельные цены будут установлены обязательно, хотя и оговорился: через некоторое время эти цены можно будет пересмотреть. После ряда резких выступлений фабрикантов он уже заверял их, что вопрос о введении нормированных цен еще не предрешен, что на совещании обсуждается этот вопрос лишь с точки зрения целесообразности введения такой меры. Еще более откровенно говорил товарищ председателя комитета хлопкоснабжения Н. Д. Морозов, который утверждал: «Нормировка цен на пряжу представляет чрезвычайно трудную задачу, при ближайшем рассмотрении которой комиссия комитета хлопкоснабжения может прийти и к отрицательному заключению. Если же комиссия признает возможность и необходимость введения нормировки, то цены будут установлены безусловно приемлемые для фабрикантов»⁴⁴.

13 января комитет хлопкоснабжения под давлением фабрикантов-прядильщиков признал, что без специального обследования вводить нормировку нельзя. Для решения вопроса комитет избрал специальную комиссию, в которую вошли как фабриканты-прядильщики, так и ткацкие фабриканты. С помощью этой комиссии фабрикантам удалось добиться желательной для них затяжки введения нормированных цен на пряжу до апреля 1916 г. Дело в том, что массовые запродажи пряжи производились в январе и феврале 1916 г. на 4—5 месяцев вперед. Именно после завершения таких запродаж комиссия комитета хлопкоснабжения, нако-

⁴⁴ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, лл. 195—202.

еще-то «уяснила» вопрос и единогласно приняла решение «нормировать пряжу всех номеров, из которых изготавливаются ткани для интендантства, а также нормировать и самые ткани для казенных поставок». Вместе с тем комиссия отвергла предложение нормировать пряжу для частного рынка ⁴⁵.

17 марта 1916 г. нормированные цены на пряжу обсуждались в комитете хлопкоснабжения. Прядильные фабриканты добивались увеличения цен на пряжу для казенных заказов, утвержденных ими же на основании «добровольного» соглашения два месяца назад. Однако руководство комитета, опираясь на ткацких фабрикантов, которых подобная мера ставила в затруднительное положение, отклонило эти домогательства. Комитет утвердил также цены на ткани военного образца и на отдельные номера пряжи для вольного рынка ⁴⁶.

Отрицательное отношение фабрикантов к нормированию цен на пряжу и ткани объясняется не только их непосредственными материальными интересами. Они были обеспокоены также возможностью падения авторитета хлопчатобумажного отдела МВПК. Поэтому вполне понятно их стремление определить принципы взаимоотношений комитета хлопкоснабжения с отделом, прежде чем согласиться на осуществление мер, которые в принципе оценивались ими отрицательно.

Как уже упоминалось выше, вплоть до начала марта 1916 г. поставки хлопчатобумажных тканей интендантству продолжались на старых основаниях. Только в конце февраля 1916 г. начальник ГИУ сообщил Ст. П. Рябушинскому и В. П. Рогожину, что «порядок совместной работы интендантства с Московским биржевым комитетом по распределению и утверждению интендантских заказов несколько изменяется в соответствии с законом 17 декабря 1915 г., именно: утверждение цен по интендантским поставкам хлопчатобумажных тканей передается в комитет по заведыванию снабжением сырьем хлопчатобумажных фабрик» ⁴⁷. После этого В. П. Рогожин имел беседу с Н. И. Гучковым, во время которой

⁴⁵ «Коммерческий телеграф», 14, 18 января и 10 марта 1916 г.

⁴⁶ «Коммерческий телеграф», 2, 3, 10, 18, 21, 23 и 26 марта 1916 г.

⁴⁷ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1916, № 19/20, стр. 196.

они определили принципы взаимоотношений между комитетом хлопкоснабжения и предпринимательскими организациями. Царские чиновники капитулировали перед фабрикантами, уступив им по всем коренным вопросам. В. П. Рогожин в своем выступлении на заседании хлопчатобумажного отдела МВПК 2 марта 1916 г. заявил, что Н. И. Гучков «высказался за совместную работу комитета с хлопчатобумажным отделом». Основания этой «совместной» работы определялись следующим образом: «В тех случаях, когда хлопчатобумажному отделу потребуется санкция правительственного установления для придания своим решениям обязательной силы, комитет охотно даст такую санкцию... Биржевому комитету и хлопчатобумажному отделу надлежит только доводить до сведения комитета снабжения хлопком о своей работе. Что касается цен, то представляется необходимым, чтобы хлопчатобумажный отдел по-прежнему занимался выяснением цен совместно с фабрикантами, но представлял их на утверждение в комитет снабжения хлопком. Ввиду того, что в составе этого комитета ряд членов является лицами, чуждыми промышленности и недостаточно компетентными в вопросах фабричного производства, Н. И. Гучков согласен на образование при комитете снабжения хлопком особой комиссии в составе только безусловно компетентных лиц, которой и будет доверено утверждение цен по интендантским заказам». После этого сообщения отдел принял решение продолжить свою работу на прежних основаниях. Фабриканты согласились представлять выработанные отделом цены на утверждение создаваемой комитетом хлопкоснабжения особой комиссии⁴⁸.

В эту комиссию, состоявшую из семи человек, вошли руководители хлопчатобумажного отдела МВПК и особой интендантской комиссии Московского биржевого комитета — В. П. Рогожин и Ст. П. Рябушинский, крупные фабриканты В. А. Балин и А. Л. Лосев, представитель ГИУ и испытанный друг московских капиталистов — московский окружной фабричный инспектор⁴⁹.

Подобное разрешение конфликтных вопросов не могло не удовлетворить фабрикантов. Активность хлоп-

⁴⁸ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1916, № 19/20, стр. 196.

⁴⁹ ГИАЛО, ф. 1268, оп. 1, д. 819, лл. 39—40.

чатобумажного отдела значительно усиливается. В марте 1916 г. при распределении новых военных заказов на срок с мая по ноябрь 1916 г. хлопчатобумажный отдел МВПК впервые прибегает к равномерной принудительной разверстке военных заказов по всем предприятиям. Необходимость в ней диктовалась тем, что цены на ткани, поставлявшиеся интендантству, были впервые установлены ниже рыночных ⁵⁰.

Хлопчатобумажный отдел не ограничивался распределением заказов. Он осуществлял также контроль за использованием производственных мощностей хлопчатобумажных предприятий для работы на военные нужды. Опираясь на поддержку комитета хлопкоснабжения, отдел не только упрасивал, но и обязывал фабрикантов принимать военные заказы. Так, например, отдел постановил шире использовать для выполнения военных заказов ситцевые фабрики Иваново-Вознесенского района. Более того, московские капиталисты пытались через отдел использовать комитет хлопкоснабжения для вмешательства в работу хлопчатобумажной промышленности Петроградского района. «Известия Московского военно-промышленного комитета» сообщали, что в связи с значительной загруженностью фабрик Центрального района работой на оборону, «отдел исследовал через комитет хлопкоснабжения степень загруженности однородною работою фабрик Петроградского района. Найдя таковую весьма малою, по размерам в среднем в 2½ раза меньше против Центрального района, возбудил вопрос через тот же комитет о необходимости более равномерного с Москвою участия всех фабрик Петрограда в работах по обороне» ⁵¹. По отношению к фабрикантам Петроградского района эти попытки в целом особого успеха не имели. Значительно эффективнее они оказались для специализированных предприятий текстильной промышленности. Еще в начале 1916 г. ГИУ передало в хлопчатобумажный отдел поставку вязаных изделий военному ведомству. Фабриканты вязаных изделий оказались теперь в зависимости от отдела, так как здесь производились распределение пряжи по пред-

⁵⁰ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1916, № 27/30, стр. 76.

⁵¹ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1916, № 27-30, стр. 77, 79.

приятиям и поставки интендантству. На таких же условиях при отделе организовалась группа ленточных фабрикантов⁵².

Урегулирование взаимоотношений хлопчатобумажного отдела МВПК с комитетом хлопкоснабжения ослабило сопротивление фабрикантов введению нормированных цен на пряжу и суровые ткани.

2 апреля 1916 г. министерство торговли и промышленности по представлению комитета хлопкоснабжения утвердило предельные цены на разные виды хлопчатобумажной пряжи, в том числе и на отдельные номера, идущие на вольный рынок. Однако контроль за выполнением этих цен фактически отсутствовал. Поэтому нормированные цены почти открыто нарушались как продавцами, так и покупателями⁵³.

Прядильные фабриканты имели массу всевозможных лазеек для обхода принятых постановлений. Во-первых, сделка совершалась на ненормированные сорта пряжи по произвольной цене, а продавались нормированные сорта. Во-вторых, пряжа выпускалась будто бы для выработки миткаля по заказу прядильной фабрики. Расчеты при этом производились по ненормированным ценам на миткаль. В-третьих, к нормированной цене просто доплачивалась заранее обусловленная сумма⁵⁴.

Декларативное «регулирование» торговли полуфабрикатами не только не пресекло спекулятивных вожделений, но еще более усиливало ажиотаж в мануфактурной торговле. В конечном итоге от всех подобных комбинаций снова страдали потребители — трудящиеся массы города и деревни. Усиливалось недовольство народа. По данным департамента полиции, весной 1916 г. «общественный ропот» возникал не только в силу роста цен на продовольствие, но и вследствие увеличивающейся дороговизны на обувь, мануфактуру и мыло⁵⁵.

Отказы прядильных фабрикантов поставлять пряжу на условиях, которые они считали для себя невыгод-

⁵² ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 255, лл. 7—8; «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1916, № 27—30, стр. 76.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, л. 55; «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского района», 1916, № 3, стр. 17; № 5-6, стр. 20—21.

⁵⁴ «Коммерческий телеграф», 21 апреля и 2 мая 1916 г.

⁵⁵ ЦГАОР, ф. ДП-IV, 1915 г., д. 130, л. 135.

ными, приводили к срыву военных заказов. Дело дошло до того, что товарищ председателя хлопчатобумажного отдела Ст. П. Рябушинский в ответ на требования фабрикантов предоставить пряжу для выполнения военных заказов заявлял летом 1916 г., что они не смогут получить пряжу по нормированной цене, и рекомендовал покупать ее на частном рынке, т. е. по спекулятивной цене⁵⁶.

Уклонение ряда фирм от выполнения военных заказов заставило хлопчатобумажный отдел МВПК произвести в сентябре 1916 г. проверку прядильных фабрик. Оказалось, что норму поставок выполнили лишь 29 прядильных предприятий. Остальные 35 фабрик, сбыв 358,4 тыс. пудов пряжи, которую они должны были поставить ткацким фабрикантам для выполнения военных заказов, на вольном рынке по цене 78 руб. за пуд (вместо 43 руб.) получили дополнительную прибыль в размере 16 млн. руб.⁵⁷.

Затруднения с получением пряжи не могли не осложнить взаимоотношений прядильных фабрикантов, игравших решающую роль в обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, с ткацкими фабрикантами. От руководителей общества потребовались немалое искусство и серьезные усилия, чтобы удерживать последних в сфере своего влияния. Еще в марте 1916 г. в Москве происходило совещание ткацких фабрикантов Московского и Иваново-Вознесенского районов, на котором обсуждалось положение рынка пряжи. Совещание ограничилось решением провести анкету и созвать в дальнейшем специальное собрание, на котором намечалось выработать меры противодействия прядильщикам⁵⁸.

Руководители общества постарались ввести это «освободительное» движение в определенные рамки. Очередное собрание ткацких фабрикантов состоялось 8 июня 1916 г. Оно происходило уже под председательством Ст. П. Рябушинского. Хотя собрание формально созывалось для распределения военных заказов, фактически там решались организационные вопросы принципиального характера. Владельцы ткацких фабрик жа-

⁵⁶ «Коммерческий телеграф», 8 июня 1916 г.

⁵⁷ ГИАМО, ф. 340, оп. I, д. 225, лл. 29—30.

⁵⁸ «Коммерческий телеграф», 14 марта 1916 г.

ловались на прядильщиков, нарушавших закон о нормировке, сетовали на свое неравноправное положение в хлопчатобумажном отделе, проявлявшееся как в отсутствии их представительства, так и в том, что авансы под военные заказы распределялись отделом исключительно среди прядильных фабрикантов. После продолжительного обмена мнениями совещание избрало комиссию из 14 человек. Комиссии вменялось в обязанность обследование деятельности отдельных предприятий, выяснение имеющегося у них количества станков, рабочей силы и т. п. Эта комиссия, возглавившая группу чисто ткацких предприятий, занялась распределением между ними военных заказов и пряжи. Председатель комиссии и его товарищи вошли в хлопчатобумажный отдел МВПК. Вскоре группа организационно оформилась в виде ткацкого подотдела хлопчатобумажного отдела⁵⁹.

Если превышение нормированных цен на пряжу и ткани даже военных образцов было обычным явлением, то на частном рынке, не подвергавшемся регламентации, господствовала вакханалия спекуляции. Фабриканты продолжали тормозить установление нормированных цен на все виды хлопчатобумажных тканей. К середине июля 1916 г. комитет хлопкоснабжения смог лишь определить принципы, на которых хозяева фабрик согласились допустить осуществление такого нормирования. Предлагаемый фабрикантами план наиболее определенно изложил Н. Д. Морозов на совещании в министерстве торговли и промышленности 15 июля 1916 г. Он заявил, что «следует не нормировать, а санкционировать надбавки к ценам преysкурантов до войны, учитывая при такой надбавке все условия современного рынка». Совещание признало целесообразным осуществить нормирование цен по способу, предлагаемому комитетом хлопкоснабжения⁶⁰. Однако и этот план фабриканты не спешили реализовать. Определение принципа — полдела. Следовало еще осуществить этот принцип таким образом, чтобы он обеспечивал максимальную выгоду. 31 июля 1916 г. комитет нормировал лишь

⁵⁹ «Коммерческий телеграф», 9, 17, 22, 23 и 27 июня 1916 г.; ГИАМО, ф. 861, оп. 1, д. 154, лл. 45—46.

⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 497, л. 8.

цены на хлопчатобумажные ткани казенного образца, идущие для частного рынка⁶¹.

Оберегая свои спекулятивные доходы, фабриканты всячески противились осуществлению общего регулирования торговли хлопчатобумажными тканями посредством карточной системы, проекты введения которой появились в то время в союзах земств и городов. Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности поспешило доказать, что спекуляция хлопчатобумажными тканями, вызвавшая появление этих проектов, является прежде всего следствием деятельности банков. Банки выдавали ссуды перекупщикам под текстильные товары в размере покупной цены. Вместо карточной системы фабриканты предлагали осуществить некоторые второстепенные меры, не затрагивающие их интересов, но затрудняющие проникновение крупных петроградских банков в сферу мануфактурной торговли. Они требовали: 1) запретить банкам в течение войны выдавать ссуды на хлопчатобумажные ткани и товарные документы; 2) запретить оптовую торговлю хлопчатобумажными тканями лицам и фирмам, не занимавшимся этим видом торговли до 1914 г. Последнее из этих требований министерство торговли и промышленности удовлетворило 29 июля 1916 г., издав соответствующее обязательное постановление⁶².

Стремясь снять с себя обвинение в организации спекуляции мануфактурой, текстильные фабриканты создали своеобразный «буферный» орган при Московском биржевом комитете. На совещании в Московской бирже 18 июля 1916 г. было принято решение организовать при Московском биржевом комитете особую комиссию, которая «взяла бы на себя разработку вопросов, выдвигаемых современным состоянием рынка текстильных изделий в России». Причина создания этой комиссии откровенно изложена в записке и. д. председателя Московского биржевого комитета С. Н. Третьякова от 20 июля 1916 г. «Надобность в такой комиссии, — утверждалось в записке, — вызывается тем, что этот вопрос в самом близком будущем потребует определенного разрешения и эти меры должны быть тщательно обдуманы и разра-

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, л. 55.

⁶² ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 120, лл. 4—6; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, лл. 54—56.

ботаны. Прежде всего, очередным является вопрос о ценах на ткани, поступившие на рынок, и о целесообразных формах их распределения». В комиссию вошли представители выборных биржевого общества, отраслевых организаций (соответствующих обществ фабрикантов), представители Московского биржевого комитета в комитетах по регулированию промышленности⁶³.

В близких к хлопчатобумажным фабрикантам кругах эта комиссия громко именовалась особым совещанием по вопросам текстильной промышленности.

Несмотря на столь громкое наименование, деятельность комиссии развевталась очень медленно и стала более или менее заметной лишь в конце 1916 г.

Следовательно, государственно-монополистическая организация после создания комитета хлопкоснабжения, юридически являвшегося государственным органом, приобрела большую устойчивость и более определенные очертания. Регулирование хлопчатобумажной промышленности формально сосредоточивалось в комитете хлопкоснабжения. В действительности же оно оставалось в руках предпринимательских организаций. Во-первых, вся подготовительная работа (при распределении сырья, установлении цен и т. д.) осуществлялась обществом фабрикантов хлопчатобумажной промышленности и хлопчатобумажным отделом МВПК. Во-вторых, часть важнейших функций (распределение военных заказов и пр.) оставалась непосредственно в руках хлопчатобумажного отдела ВПК. Между отделом и комитетом хлопкоснабжения сложилось достаточно определенное разграничение обязанностей. В-третьих, в течение второго года войны общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности безраздельно контролировало комитет хлопкоснабжения, несмотря на некоторые трения с министерством торговли и промышленности. Это позволило крупнейшим текстильным фабрикантам, возглавлявшим общество, распространить свое влияние на новые группы специализированных предприятий (трикотажные и ленточные фабрики).

Положение фабрикантов в комитете хлопкоснабжения несколько изменилось лишь в конце 1916—начале 1917 г.

⁶³ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 51, л. 144.

§ 3. Попытки расширения сферы государственного регулирования хлопчатобумажной промышленности в конце 1916 — начале 1917 г.

Дальнейшее расширение функций комитета хлопкоснабжения в деле государственного регулирования хлопчатобумажной промышленности происходило осенью 1916 г., когда до крайнего предела усилилось недовольство народа непрерывно нараставшей дороговизной, заметно обострились трения между монополистической буржуазной и царской кликой. Созревал заговор буржуазии против самодержавия. Лидеры фабрикантов хлопчатобумажной промышленности являлись организаторами и активными участниками либерально-опозиционных выступлений (П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов и др.). Об усиливающейся оппозиционности в лагере буржуазии царское правительство имело прекрасную информацию. Политические факторы не могли не оказывать определенного влияния на пути и способы государственного регулирования хлопчатобумажной промышленности. Трогательное единство и сотрудничество фабрикантов с министерством торговли и промышленности подвергалось серьезному испытанию. Царское правительство, пытаясь успокоить народные массы, начинает принимать решения, не только не согласовывая их с фабрикантами, но даже вопреки их настойчивым пожеланиям. Эти трения определенное проявление получили еще при введении новых нормированных цен на хлопок урожая 1916 г.

Комитет хлопкоснабжения первоначально установил новую цену в размере 31 руб. за пуд с перевозкой до Москвы. Однако, как явствует из докладной записки председателя комитета хлопкоснабжения Н. И. Гучкова министру торговли и промышленности от 12 сентября 1916 г., утвердив эту цену, комитет признал ее несколько завышенной. По расчету комитета, в котором учитывался «нормальный» доход землевладельцев и хлопкоотроговцев, цена очищенного хлопка должна была составлять 29 р. 59 к. за пуд хлопка-волокна⁶⁴. Исходя из этого расчета, министр торговли и промышленности отклонил принятую комитетом цену и установил ее в

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, лл. 38—39.

размере 30 руб. за пуд. Однако обязательное постановление с новыми ценами так и не было опубликовано.

Дело в том, что предполагаемые нормированные цены на хлопок, сведения о которых достигли Средней Азии, вызвали там сильное недовольство местных хлопкоотторговцев и владельцев хлопкоочистительных заводов. Об этом начальник туркестанского охранного отделения сообщал в департамент полиции еще 5 сентября 1916 г. Хлопкоотторговцы выдвинули контрпредложение повысить цену на очищенный хлопок до 37 р. 75 к. за пуд. Их поддерживали туркестанский генерал-губернатор и министр земледелия⁶⁵.

Активные действия хлопкоотторговцев и банков в правительственных учреждениях сопровождалось полным бойкотом вводимых нормированных цен. Пока в Петрограде происходили междуведомственные препирательства, цена хлопка на местах поднялась до 45 руб. за пуд⁶⁶.

В конечном счете пересмотр нормированных цен на хлопок все же состоялся благодаря тому, что на это согласились фабриканты, сильно обеспокоенные положением хлопкового рынка. На этот раз они стремились разрешить сырьевую проблему на несколько иных основаниях, явно обнаруживая стремление к компромиссу с хлопкоотторговцами и банками. Это, видимо, объясняется как политическими факторами (стремлением лидеров буржуазно-либеральной оппозиции консолидировать все силы своего класса), так и тем, что угроза введения нормированных цен на все хлопчатобумажные ткани к этому времени стала более реальной. Последнее заставляло фабрикантов искать себе союзников в комитете хлопкоснабжения или, по крайней мере, обеспечить нейтралитет всех хлопкоотторговцев при рассмотрении этого щекотливого вопроса. Кроме того, склоняясь к компромиссу, фабриканты, очевидно, рассчитывали укрепить свое влияние в местах производства хлопка и улучшить свои позиции в хлопковой торговле. Опыт предшествующего хлопкового сезона, когда нормированные цены были в значительной степени сведены

⁶⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 426, лл. 68—69; оп. 27, д. 303, лл. 32—33, 38—39.

⁶⁶ «Утро России», 1 декабря 1916 г.

на нет и хлопок закупался по завышенным ценам, заставил их задуматься о необходимости более эффективного регулирования хлопковой торговли.

Совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности еще 3 сентября обсуждал вопрос о возможных мерах, направленных к соблюдению нормированных цен на хлопок урожая 1916—1917 гг. Совет заслушал доклад секретаря общества А. К. Витта о сосредоточении всех коммерческих сделок на хлопок в комитете хлопкоснабжения и постановил обсудить вопрос на общем собрании фабрикантов, намеченном на 5 сентября 1916 г. Хотя собрание отнеслось к этой мере одобрительно, реализовать ее сразу не удалось. Дело в том, что централизация сделок на хлопок и наделение комитета хлопкоснабжения посредническими функциями требовали согласия хлопкоторговцев. Последние соглашались на централизацию хлопковой торговли лишь при условии повышения нормированных цен на хлопок урожая 1916 г. 29 октября 1916 г. в совете общества состоялось совещание представителей общества в комитете хлопкоснабжения, которое «пришло к заключению о необходимости повысить принятую комитетом хлопкоснабжения цену на хлопок в 30 руб. при условии сосредоточения заключения сделок на хлопок в комитете и повышения цены на пряжу и ткани». 31 октября состоялось заседание совета, принявшего решение поставить на предстоящем совещании фабрикантов и хлопкоторговцев прежде всего вопрос о повышении цен на хлопок. Предложение о сосредоточении сделок в комитете должны были внести хлопкоторговцы⁶⁷. Совещание фабрикантов и хлопкоторговцев, состоявшееся 1 ноября 1916 г., признало необходимым централизовать продажу хлопка в комитете хлопкоснабжения. Для разработки проекта «Центрохлопка» участники совещания избрали комиссию в составе пяти хлопкоторговцев и пяти фабрикантов. 8 ноября 1916 г. на заседании комитета хлопкоснабжения комиссия доложила свои предложения. Было решено «представить министру торговли и промышленности заключение комитета по хлопкоснабжению о необходимости повышения основных предельных цен на хлопок ферганский нормальный

⁶⁷ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, лл. 111, 113, 119.

1-го сорта до 37 руб. 50 коп. за пуд франко-Москва при условии централизации всей купли-продажи русского хлопка и фактического снабжения им фабрик всей России в комитете для заведывания снабжением сырьем хлопчатобумажных фабрик».

Одновременно с этим решением был одобрен план организации соответствующего отдела комитета — «Центрохлопка»⁶⁸.

Объединенное выступление хлопкоотроговцев, банков и фабрикантов увенчалось успехом. Министр торговли и промышленности внес предложение об увеличении цен на хлопок на обсуждение совета министров. Вскоре цена на хлопок была увеличена до 36 руб. за пуд с перевозкой до Москвы⁶⁹. Таким образом хлопкоотроговцы и банки при поддержке фабрикантов обеспечили себе около 100 млн. руб. дополнительной сверхприбыли.

После первого успеха фабриканты энергично продолжали добиваться реализации второй части программы, согласованной с хлопкоотроговцами и банками, которая их интересовала в значительно большей степени. Совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности 15 ноября 1916 г. решил послать делегацию к министру торговли и промышленности и военному министру с ходатайством о скорейшем опубликовании нормированных цен на хлопок в размере 37 р. 50 к. и «об изменении предельных цен на пряжу и ткани в связи с повышением цены на хлопок»⁷⁰. Основная цель посещения заключалась в том, чтобы убедить министра торговли и промышленности в необходимости повышения цен на пряжу и миткаль, так как обязательным постановлением от 3 ноября 1916 г. предельные цены на пряжу продлевались до 15 декабря 1916 г., а на суровые ткани казенного образца — до 15 января 1917 г.⁷¹.

Министр торговли и промышленности отказался утвердить разработанные комитетом хлопкоснабжения новые цены. Для этого имелись определенные основания. Дело в том, что расценочная комиссия состояла преимущественно из фабрикантов-прядильщиков. Калькуляцию

⁶⁸ «Коммерческий телеграф», 2 и 9 ноября 1916 г.

⁶⁹ ЦГАОР, ф. 3891, оп. 1, д. 30, л. 14.

⁷⁰ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, л. 112.

⁷¹ «Утро России», 1 декабря 1916 г.

производства тканей фабриканты разработали далеко не беспристрастно. Комиссия определила, к примеру, стоимость пуда утка № 38 в 55 руб. Комитет понизил эту явно завышенную цену до 53 р. 50 к.⁷² В действительности, однако, стоимость производства пуда пряжи этого номера с учетом «нормальной» прибыли составляла 47 р. 1 к. И раньше фабриканты калькулировали цены подобным образом. Однако министр торговли и промышленности смотрел на их деятельность сквозь пальцы. Теперь же, в обстановке обострения взаимоотношений оппозиционной буржуазии с самодержавием, он использовал свою власть.

Совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности принял решение просить министра торговли и промышленности изменить постановление от 3 ноября 1916 г. Фабриканты особое внимание обращали на повышение нормированных цен на хлопок. При поддержке хлопкоотрастателей им удалось добиться удовлетворения своих требований. Комитет хлопкоснабжения в первых числах декабря 1916 г. утвердил новые цены на пряжу и суровые хлопчатобумажные ткани⁷³.

Организация «Центрохлопка» потребовала от фабрикантов куда меньше энергии, чем хлопоты по увеличению цен на пряжу и ткани. Комитет хлопкоснабжения окончательно утвердил «Центрохлопок» на заседании 25 ноября 1916 г. Теперь весь отечественный хлопок не реже двух раз в месяц следовало «представлять» для продажи в «Центрохлопок». Контракты на все сделки купли-продажи могли подписываться не иначе как на основании соответствующих приказов отдела⁷⁴. Тем самым бумажно-бюрократический контроль доводился до предела возможного. Фактически он сводился к регистрации и оформлению частных сделок. Выполнение нормированных цен по сделкам в какой-то мере формально гарантировалось. Но для злоупотреблений все же оставался широкий простор. Предприниматели имели такую лазейку, как дополнительные соглашения к официально заключенным сделкам. Хотя «Центрохлопок» до Фев-

⁷² «Коммерческий телеграф», 7 ноября 1916 г.

⁷³ «Коммерческий телеграф», 12 ноября, 2 и 7 декабря 1916 г.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 411, л. 104; ЦГИАЛ, ф. 1131, д. 44, л. 172а; д. 34, л. 10; ГИАМО, ф. 322, оп. 1, д. 279, л. 42; ф. 341, оп. 5, д. 476, л. 15.

ральской буржуазно-демократической революции по существу так и не успел развернуть своей деятельности, тревожные симптомы неэффективности подобного регулирования хлопковой торговли проявились совершенно определенно. Один из способов обхода нормировки цен на хлопок заключался в том, что стороны, получившие приказы на покупку-продажу тех или иных партий хлопка, заключали тайную сделку о доставке хлопка низших сортов с определенной приплатой сверх нормированной цены. На заседании в начале февраля 1917 г. «Центрохлопок» принял решение «бороться против такого явления путем введения фактического строгого контроля и экспертизы комитета за всеми партиями хлопка низшего сорта»⁷⁵. Однако комитет и его отделы не могли осуществить «фактический строгий контроль и экспертизу» как ввиду отсутствия необходимого технического аппарата, так и из-за противодействия фабрикантов и хлопко-торговцев подобному контролю.

В конце октября 1916 г. министерство торговли и промышленности решилось на небывало смелый шаг, командировав в Москву специального ревизора для обследования торговых сделок на хлопок. Разумеется, ему без особого труда удалось обнаружить, что несколько десятков мануфактурных фирм нарушали предельные цены на хлопок и пряжу. Ревизор обнаружил общую переплату (в результате нарушения нормированных цен) в размере 40 млн. руб.⁷⁶.

Эти действия министерства вызвали бурные протесты московских фабрикантов. Товарищ председателя комитета хлопкоснабжения Н. Д. Морозов отказался от своей должности, заявив, что министерство торговли и промышленности игнорирует комитет⁷⁷. Министр, по-видимому, был уже не рад, что расшевелил это осиное гнездо. Чтобы как-нибудь выпутаться из неудобного положения, он, по словам довольно осведомленной газеты «Биржевой курьер», «признал желательным ликвидировать историю со злоупотреблениями московских мануфактуристов возможно более тихим образом и ограничиться поручением председателю моск. хлоп. комитета

⁷⁵ «Коммерческий телеграф», 6 февраля 1917 г.

⁷⁶ «Биржевой курьер», 2 и 4 ноября 1916 г.

⁷⁷ «Утро России», 1 декабря 1916 г.

Н. И. Гучкову сделать в частном порядке соответствующее «отеческое» внушение изобличенным фирмам»⁷⁸. Тем не менее «антипредпринимательские» тенденции в деятельности министерства торговли и промышленности, отражавшие соответствующие настроения в правящих сферах, сохранялись.

17 октября 1916 г. Николай II утвердил положение совета министров, которым функции комитета хлопкоснабжения существенно расширялись. Комитет получил право распределять запасы хлопчатобумажных тканей, поступивших на вольный рынок, между торговцами мануфактурных товаров, а также устанавливать обязательную продажу таких тканей по нормированным ценам⁷⁹. Против последнего фабриканты категорически возражали.

Первое время после опубликования постановления фабриканты особенно не беспокоились. По всей видимости, они совершенно справедливо полагали, что им нет основания опасаться этих нововведений, так как комитет хлопкоснабжения не имел аппарата, необходимого хотя бы для формального контроля за их исполнением. Однако вскоре даже в периодической печати появились сведения, что министерство торговли и промышленности все же намерено осуществить постановление. Поэтому совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности 15 ноября 1916 г. по предложению Бардыгина решил выяснить в министерстве справедливость подобных слухов⁸⁰.

Безусловно, о готовившихся мерах по регулированию рынка хлопчатобумажных тканей фабриканты прекрасно знали. Еще 4 октября 1916 г. комитет хлопкоснабжения разослал хлопчатобумажным предприятиям циркуляр с требованием представить к 15 октября 1916 г. пересмотренные фабричные прейскуранты. При этом в циркуляре сообщалось, что 27 сентября 1916 г. комитет принял постановление о нормировании цен хлопчатобумажных тканей путем установления известной надбавки к ценам прейскурантов, существовавших перед войной⁸¹.

Тем не менее окончательная реализация постановле-

⁷⁸ «Биржевой курьер», 17 декабря 1916 г.

⁷⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, лл. 35—36.

⁸⁰ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, л. 112.

⁸¹ ГИАМО, ф. 322, оп. 1, д. 279, л. 32.

ния задержалась. Дело в том, что все прейскуранты, присланные фабрикантами, попали в министерство торговли и промышленности. Таких прейскурантов оказалось около 400 с десятками наименований тканей в каждом. Царские чиновники попали в затруднительное положение. Ввести единые нормированные цены не имелось никакой возможности. Цены на сходные виды тканей оказались у различных предприятий различными. К тому же фабриканты усилили свой нажим, стремясь доказать неосуществимость нормированных цен на готовые хлопчатобумажные ткани ввиду их разнообразия. Министр торговли и промышленности воздержался от утверждения подготовленного постановления⁸². Это, видимо, и успокоило предпринимателей. Но их торжество оказалось преждевременным. Дальнейший рост цен на хлопчатобумажные ткани, возбужденное настроение мелкобуржуазной общественности, вопли буржуазной прессы о хищничестве мануфактуристов позволили царским чиновникам гальванизировать этот проект.

7 декабря 1916 г. министерство торговли и промышленности издало обязательное постановление о нормировании цен на отделанные мануфактурные товары для вольного рынка. Нормирование осуществлялось в соответствии с принципами, выработанными самими фабрикантами: путем добавки к ценам довоенного прейскуранта определенного процента. Но процент этот чиновники определили значительно ниже того уровня, на котором настаивали фабриканты. Министр торговли и промышленности утвердил надбавку к предвоенным прейскурантам в размере 125%, а фабриканты, обосновывая свои притязания жульническими расчетами, требовали 170%-ной прибавки. К тому же, если учесть практиковавшиеся до войны скидки, то цены увеличивались соответственно на 200 и 280—285%⁸³.

Попытки фабрикантов добиться повышения нормированных цен по сравнению с довоенными еще на 80—85% не увенчались успехом. Тогда они стали бойкотировать утвержденные министерством цены. В газете «Коммерческий телеграф» сообщалось, что надбавка 40—50% к нормированной цене — обычное явление. При

⁸² «Коммерческий телеграф», 30 ноября 1916 г.

⁸³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 648, лл. 15—17, 40—41, 106.

этом иногда фабриканты в качестве «приложения» сбывали покупателям векселя безнадежных должников⁸⁴.

Министерство торговли и промышленности еще до опубликования постановления 7 декабря 1916 г. приняло некоторые другие шаги по расширению сферы государственного регулирования в хлопчатобумажной промышленности. В конце ноября 1916 г. в комитете хлопкоснабжения возникли две специальные комиссии для организации отделов по распределению пряжи («Центропряжа») и тканей («Центроткань»)⁸⁵. Первоначально фабриканты решение о создании этих комиссий встретили довольно благожелательно. На заседании совета общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности 24 ноября 1916 г. Н. Ф. Беляев высказался за централизацию торговли пряжей, а также суровыми и отделанными хлопчатобумажными тканями. Заявление Беляева не вызвало возражений у присутствующих⁸⁶. Более того, на заседании комитета хлопкоснабжения 28 ноября 1916 г. фабриканты сами настояли на создании наряду с комиссией по организации «Центропряжи» самостоятельной комиссии по организации отдела «Центроткань»⁸⁷. В первую комиссию, состоящую из семи человек, вошли фабриканты Н. В. Скобеев, В. П. Рогожин, В. П. Фаворский, С. Н. Полушин, хлопкоотроговцы В. С. Герсон и А. П. Крафт. Председателем комиссии стал представитель ГИУ Н. К. Шомов. Вторая комиссия имела в своем составе представителей фабрикантов С. И. Чернышева, А. А. Гарелина, С. В. Лурье, А. А. Серебрянникова, хлопкоотроговца Я. Х. Вадьяева, представителя интендантства. Комиссию возглавил крупный торговец мануфактурными товарами С. Д. Ижболдин⁸⁸.

Однако, несмотря на такой состав, работа комиссий приняла нежелательное для фабрикантов направление. Дело в том, что царские чиновники предлагали обезличить продукцию текстильных предприятий, а проектируемые ими отделы должны были вторгаться в сферу производства (сокращение количества производимых видов

⁸⁴ «Коммерческий телеграф», 26 января 1917 г.

⁸⁵ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 26, л. 163.

⁸⁶ «Коммерческий телеграф», 25 ноября 1916 г.

⁸⁷ «Коммерческий телеграф», 30 ноября 1916 г.

⁸⁸ ГИАЛО, ф. 1268, оп. 1, д. 870, лл. 85—86.

тканей, ревизия предприятий и т. п.)⁸⁹. Первым тревожным для капиталистов сигналом явилась анкета о выработке пряжи каждым предприятием, разосланная управлением делами комитета 28 декабря 1916 г.⁹⁰. Все это заставило совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности объявить бойкот комитету хлопкоснабжения. 16 января 1917 г. председатель совета направил членам общества циркуляр, в котором предлагалось воздержаться от делегирования представителей предприятий для участия в работах комиссий по разработке вопросов, связанных с централизацией торговли пряжей и бумажными тканями впредь до созыва особого совещания фабрикантов⁹¹. На заседаниях комитета хлопкоснабжения, очевидно с целью получения информации, присутствовал один В. П. Рогожин.

23 января 1917 г. совет общества выступил с докладной запиской министру торговли и промышленности, в которой категорически возражал против предполагаемой централизации торговли пряжей и тканями в комитете хлопкоснабжения. Фабриканты заявляли, что этот проект грозит опаснейшими осложнениями для хлопчатобумажной промышленности и взамен предлагали ряд малоэффективных мер второстепенного характера⁹².

Так и не получив ответа на анкету о размерах производства пряжи, разосланную 28 декабря, комитет направил новую специальную анкету для выяснения объема производства пряжи и суровых тканей на каждой фабрике. Указанные сведения предлагалось представить в комитет не позднее 15 февраля 1917 г. В ответ на эту анкету совет общества фабрикантов 1 февраля 1917 г. принял решение созвать 14 февраля чрезвычайное общее собрание членов общества для обсуждения проекта организации отделов комитета хлопкоснабжения и специальным циркуляром предложил членам общества воздержаться от ответов на анкету и статистические запросы⁹³. Об этом стало известно в комитете хлопкоснабжения. Н. И. Гучков распорядился сообщить фабри-

⁸⁹ «Коммерческий телеграф», 9 декабря 1916 г.; ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 821, лл. 1—24.

⁹⁰ ГИАМО, ф. 322, оп. 1, д. 279, л. 45.

⁹¹ ГИАМО, ф. 108, оп. 1, д. 2017, л. 343.

⁹² ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 453, лл. 225—227.

⁹³ ГИАМО, ф. 108, оп. 1, д. 2017, лл. 350, 353.

кантам, что циркуляр следует отменить, так как по закону неисполнение требований комитета хлопкоснабжения грозит уголовной ответственностью⁹⁴.

Угроза не оказала действия. 14 февраля 1917 г. в обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности состоялось чрезвычайное заседание членов общества. На этом заседании фабриканты отвергли основы проекта обязательного постановления о централизации торговли хлопчатобумажной пряжей и тканями. Они единодушно и решительно возражали против предполагаемого вмешательства сотрудников «Центропряжи» и «Центроткани» во внутреннюю производственную жизнь фабрик путем их ревизий и против обезлички продукции, утверждая, что это приведет к осложнениям в промышленной деятельности. Далее фабриканты заявили, что урегулирование взаимоотношений в их среде, а также с торговцами — их собственное внутреннее дело. Они не соглашались допустить сосредоточения всех тканей непосредственно в центральном органе при комитете хлопкоснабжения и распределения их среди торговцев, кооперативов и потребительских обществ, минуя оптовую торговлю⁹⁵. Сами фабриканты и торговцы в специально избранном для этого органе по типу хлопчатобумажного отдела МВПК предполагали разрешать все спорные вопросы по распределению пряжи и тканей для частного рынка. В этом случае «роль комитета хлопкоснабжения заключалась бы в том, что он давал бы официальную санкцию постановлениям нового органа и по его представлению производил бы ревизию, налагал бы кары и прочее», а также осуществлял бы общий правительственный надзор⁹⁶. Для выработки проекта новой организации общее собрание постановило избрать комиссию в составе 12 человек, высказав пожелание о пополнении ее представителями (по четыре человека) общества красильно-аппретурных фабрикантов и общества оптовых торговцев мануфактурными товарами⁹⁷.

Таким образом, конфликт сводился не только к вопросу о функциях новых органов, но и к вопросу о том, в чьих руках они будут находиться. Фабриканты были

⁹⁴ «Биржевой курьер», 9 февраля 1917 г.

⁹⁵ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 52, лл. 31, 93—94.

⁹⁶ «Утро России», 18 и 19 февраля 1917 г.

⁹⁷ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 821, л. 3.

принципиально не против ревизий, обследований и т. п. Они лишь хотели, чтобы эти ревизии осуществлялись непосредственно ими самими, чтобы царские чиновники не имели возможности помимо предпринимательского объединения проникнуть с целью контроля в сферу производства.

Идеи, выдвинутые совещанием фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, подхватил Московский биржевой комитет, который приступил к их реализации. 15 февраля 1917 г. в Московском биржевом комитете под председательством С. Н. Третьякова состоялось совещание по вопросу об учреждении при комитете хлопкоснабжения указанных специализированных отделов. В совещании приняли участие представители общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, общества красильно-аппретурных предприятий, общества оптовых торговцев мануфактурными товарами, хлопчатобумажного отдела МВПК. С. Н. Третьяков во вступительной речи вполне отчетливо определил сущность разногласий фабрикантов и чиновников. «Кажется, всеобщее признание получила мысль, — заявлял он, — что ввиду разных обходов нормировки цен необходимо какое-то вмешательство в дело торговли пряжей и тканями; разногласия имеются лишь по вопросу, до каких пределов должно простираться такое вмешательство, в каких и какими органами оно должно осуществляться»⁹⁸.

Собрание одобрило решения совещания хлопчатобумажных фабрикантов от 14 февраля и постановило для дальнейшей разработки вопросов создать комиссию «от заинтересованных в этом деле организаций»⁹⁹.

Новая комиссия, собравшись под председательством П. А. Бурышкина 20 февраля, разбилась на три подкомиссии и уже через несколько дней представила проекты регламентации торговли хлопчатобумажными изделиями. Подкомиссия по разработке вопроса об урегулировании торговли пряжей 21 февраля 1917 г. под председательством С. В. Лурье определила основные организационные принципы центрального органа по регулированию торговли пряжей. Комиссия признала, что

⁹⁸ «Коммерческий телеграф», 17 и 21 февраля 1917 г.

⁹⁹ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 821, л. 1.

«не следует вмешиваться в установившиеся отношения между фирмами, предоставив ткацким фирмам и на будущее время возможность получать пряжу от тех прядильных фирм, с которыми они раньше имели дело и к пряже которых приспособили свое ткацкое производство». «Будущий орган, — говорилось далее в протоколе комиссии, — не должен был обязывать данную прядильную фирму снабжать пряжею определенных номеров данную ткацкую фирму, предоставив ткацким фирмам по-прежнему находить нужную им пряжу по соглашению с прядильными фирмами. Также признавалось недопустимым отбирать пряжу у прядильно-ткацких фирм и отдавать ее на сторону, лишая пряжи их собственные ткацкие отделения». Все участники совещания единодушно признали, что регулирующий орган должен работать в тесном контакте с хлопчатобумажным отделом МВПК, «причем за хлопчатобумажным отделом полностью сохраняются его функции по загрузке прядильных фирм пряжею для заказов на оборону и по распределению пряжи между ткацкими фирмами, выполняющими заказы тканей на оборону. Излишек же пряжи, за покрытием заказов на оборону, поступает в распределение нового регулирующего органа». Сущность регулирования рынка пряжи сводилась к тому, что прядильные предприятия должны были продавать пряжу по согласованию с этим органом. Прядильные фирмы обязывались сообщать в центральный регулирующий орган сведения о предполагаемой выработке пряжи и каждый месяц отчитываться в фактической выработке и расходе пряжи. Хлопчатобумажный отдел сообщал в новый орган сведения о загрузке прядильных фирм военными заказами. Остаток пряжи (за вычетом военных заказов и собственного производства) разверстывался между ткацкими фирмами, чулочновязальными, ленточными и прочими фабриками. Последние сообщали распределяющему органу сведения о количестве перерабатываемой ими пряжи и о числе работающих ткацких станков. Приобретать пряжу они могли лишь по удостоверениям, выдаваемым хлопчатобумажным отделом и центральным регулирующим органом.

22 февраля 1917 г. под председательством В. П. Рождина заседала комиссия по выработке оснований рас-

пределения суровых хлопчатобумажных тканей. Члены комиссии заслушали информацию об итогах работы комиссии по пряже, одобрили ее выводы и в соответствии с ними предложили правила, регулирующие торговлю суровыми тканями. Вслед за тем третья подкомиссия определила порядок распределения готовых хлопчатобумажных изделий. Он основывался на тех же принципах¹⁰⁰.

Подкомиссия по урегулированию торговли хлопчатобумажной пряжей, на втором заседании 23 февраля 1917 г., учитывая пожелания всех предшествующих совещаний фабрикантов, признала целесообразным создать центральный регулирующий орган при Московском биржевом комитете. В составе этого органа намечалось включить по три представителя от комитета хлопкоснабжения, общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, общества красильно-аппретурных фабрикантов, общества оптовых торговцев мануфактурой в Москве, хлопчатобумажного отдела МВПК, петроградских и иваново-вознесенских фабрикантов. Председатель назначался Московским биржевым комитетом.

Центральный орган должен был состоять из трех отделов — по пряже, по суровой ткани и по готовой ткани. Центральный орган отчитывался в своей деятельности перед комитетом хлопкоснабжения, которому передавалось право решать конфликтные дела. «Последнему, — говорилось в протоколе заседания, — также представляются на разрешение те принципиальные вопросы, которые не предусмотрены конструкцией, определяющей компетенцию и порядок действия центрального органа»¹⁰¹.

Фабриканты, таким образом, в принципе не отвергали централизацию торговли хлопчатобумажными тканями. Но они не признавали ее, поскольку она оказывалась под контролем и руководством чиновников и выходила за допустимые с их точки зрения пределы. Монополисты текстильной промышленности вели борьбу за руль государственного регулирования, стремясь вырвать его окончательно у царизма, пытаясь создать специальные регулирующие органы в контролируемых

¹⁰⁰ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 50, лл. 21—23, 24—26; д. 52, лл. 57—58.

¹⁰¹ Там же, л. 29.

ими предпринимательских организациях. В этом отношении они пошли дальше монополистических групп других отраслей промышленности.

Конфликт между правительством и фабрикантами по вопросу о создании отделов комитета хлопкоснабжения неожиданно для обеих сторон урегулировала Февральская революция, уничтожившая монархию в России.

Как мы видим на примере комитета хлопкоснабжения последних месяцев перед Февральской революцией, над государственными регулирующими органами, контролировавшимися предпринимательскими организациями, в России всегда висела угроза активного вмешательства царских чиновников, в какой-то мере парализовавшая их деятельность. Несмотря на то что промышленникам удалось подчинить отдельные звенья государственного аппарата, призванного регламентировать экономическую жизнь, сила политической власти была все-таки не в их руках. Регулирующая деятельность предпринимательских объединений оказывалась возможной лишь постольку, поскольку она допускалась царским правительством, сохранявшим за собой право вмешательства в нее в случае необходимости. Если до активизации оппозиционных выступлений текстильных фабрикантов осенью 1916 г. это вмешательство почти не ощущалось, то в конце 1916 г. оно стало очевидным фактом. Руководящие государственные посты занимались ставленниками крепостников-помещиков, как бы последние ни были благожелательны к монополистам и их организациям. Самодержавно-монархический строй в известной степени препятствовал развитию государственно-монополистического капитализма в России, затрудняя сращивание капиталистических монополий с государственным аппаратом.

ГЛАВА VII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДРУГИХ ОТРАСЛЕЙ ТЕКСТИЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Шерстяная промышленность

В шерстяной промышленности необходимость регулирования производства и сбыта в годы войны была еще более острой, чем в хлопчатобумажной. Военные заказы здесь очень скоро превысили имевшиеся производственные мощности. Поэтому военное ведомство было особенно заинтересовано в бесперебойной и ритмичной работе этой отрасли текстильного производства.

Как уже говорилось выше, большая часть суконных предприятий страны перед войной объединялась обществом фабрикантов суконной промышленности. Естественно, что именно к этой организации еще в августе 1914 г. обратился начальник ГИУ с предложением объединить все суконные фабрики «с целью развития их производительности для исполнения казенных заказов». Общество фабрикантов суконной промышленности охотно откликнулось на это предложение. Состоялись общие собрания фабрикантов под председательством Н. Т. Каштанова (тонкие сукна) и А. Д. Протопова (грубые сукна). В соответствии с постановлениями этих совещаний суконные фабрики стали переключаться на выполнение военных заказов¹.

Общество фабрикантов суконной промышленности с самого начала войны уделило серьезное внимание решению сырьевой проблемы. Дело в том, что суконные фабрики России перерабатывали значительное количество привозной тонкой шерсти. В связи с войной в деле

¹ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 1, стр. 52; «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета по 31 января 1916 г.», стр. 197.

закупки как заграничной, так и отечественной тонкой шерсти возникли большие затруднения. Стремясь кардинально разрешить сырьевую проблему, общество фабрикантов суконной промышленности с первых дней войны настойчиво добивалось установления нормированных цен. Еще в августе 1914 г. председатель совета общества Н. Т. Каштанов предлагал фиксировать цены на шерсть. Однако ГИУ отклонило требования фабрикантов. 13 октября 1914 г. совет общества по предложению С. И. Четверикова снова решил ходатайствовать о нормировании цен на шерсть. Начальник ГИУ вновь отклонил их домогательства, заявив, что нормирование цен превышает его полномочия. Вместе с тем он обещал фабрикантам производить реквизицию сырья в тех или иных конкретных случаях². Пытаясь обеспечить своевременное исполнение военных заказов суконными предприятиями, ГИУ организовало закупку тонкой шерсти за границей, поручив эту операцию т-ву «Вл. Алексеев». Предполагалось всю закупленную за границей шерсть продавать фабрикантам по ее себестоимости для выполнения военных заказов³. Однако этот порядок вскоре был несколько изменен. Фабриканты, которым интендантство предоставляло валюту, стали закупать заграничную шерсть, минуя ГИУ, непосредственно используя услуги т-ва «Вл. Алексеев»⁴. Распределение валюты для закупки шерсти за границей осуществлялось обществом суконных фабрикантов. Главное интендантское управление лишь утверждало представляемые ему проекты распределения.

Запасы отечественной шерсти также сосредоточивались в руках общества фабрикантов суконной промышленности. Уже в первые месяцы войны обществу удалось добиться реквизиции 30 тысяч пудов тонкой шерсти в Лодзи. Распределение этой шерсти и определение на нее цен производилось комиссией, избранной советом общества 20 сентября 1914 г.⁵

Общество фабрикантов суконной промышленности занималось также организацией поставок тканей для

² ГИАЛО, ф. 1456, оп. 1, д. 445, лл. 20, 25.

³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1230, лл. 1—3.

⁴ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 493, л. 69.

⁵ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 1, стр. 52; ГИАЛО, ф. 1456, оп. 1, д. 445, лл. 10—11, 26.

интендантства. На совещании 29 июня—2 июля 1915 г. предприниматели утвердили цены, по которым они соглашались принять заказы на поставку различных тканей на срок с 1 октября 1915 г. по 1 июля 1916 г.: для серошинельного сукна — 1 руб. 95 коп., шароварного защитного — 2 руб. 18 коп., портяночного — 1 руб. 68 коп. за аршин. При этом фабриканты ходатайствовали перед начальником ГИУ о разрешении вырабатывать ткань худшего качества, с тем чтобы увеличить производство сукна⁶.

Общество фабрикантов суконной промышленности не ограничивалось распределением сырья, военных заказов и установлением на них нормированных цен. Совместно с представителями интендантства в июле 1915 г. Общество организовало обследование некоторых суконных фабрик Центрального промышленного района, которое имело своей целью выявить, насколько принятые тем или иным предприятием военные заказы соответствовали их производственным возможностям⁷.

Руководители общества фабрикантов суконной промышленности сосредоточили, таким образом, в своих руках все нити мобилизации этой отрасли промышленности. В погоне за более высокой прибылью они стремились также часть производственных мощностей использовать для работы на частный рынок, где с первых же дней войны начался спекулятивный ажиотаж в торговле шерстяными тканями. Поэтому предписание начальника ГИУ, которым запрещалось выпускать товар для вольного рынка, фабриканты встретили в штыки. Н. Т. Каштанов, изложивший это предписание в виде циркуляра от имени общества, подвергся резким нападкам со стороны других фабрикантов на заседании совета общества 7 октября 1914 г. В конечном итоге фабриканты добились от начальника ГИУ отмены этого предписания. Под их нажимом он дал разрешение продавать на рынке некоторую часть сукна⁸.

В дальнейшем большая часть работы по регулированию шерстяной промышленности постепенно переходит к шерстяной секции Московского областного ВПК,

⁶ ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 238, лл. 75—80, 82, 90; «Коммерческий телеграф», 2 июля 1915 г.

⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 439, лл. 6—8.

⁸ ГИАЛО, ф. 1456, оп. 1, д. 445, лл. 14, 35—36.

начавшей функционировать с 26 июня 1915 г. На секцию возлагались следующие задачи: снабжение суконных фабрик сырьем и материалами, необходимыми для производства; надзор за правильным, непрерывным и наиболее производительным их функционированием. Шерстяная секция целиком состояла из членов общества фабрикантов суконной промышленности. Председателем секции фабриканты избрали Н. Т. Каштанова — руководителя совета общества⁹.

Секция, преобразованная затем в отдел, начала распорядиться по-хозяйски. Когда в конце июня 1915 г. выяснилось, что фабриканты не могут удовлетворить потребностей ГИУ сверх законтрактованного количества, отдел постановил прекратить работу фабрик на частный рынок, сдавать интендантству прикрой и предлагать ему неудавшиеся, а также бракованные товары. Была осуществлена ревизия шерстомоечных заводов на Юге России¹⁰.

Однако отдел не успел развернуть своей деятельности. Права его несколько ограничил комитет по делам суконной промышленности, учрежденный в соответствии с указом от 7 июля 1915 г. В этом органе первоначально концентрировалось рассмотрение вопросов по снабжению шерстяной промышленности сырьем. В дальнейшем комитет получил право контроля за выполнением военных заказов, утверждения цен и т. п.¹¹.

Еще в самом начале 1915 г. общество фабрикантов суконной промышленности особое внимание обратило на упорядочение торговли отечественной тонкой шерстью. В январе 1915 г. суконные фабриканты заслушали доклад об организации особой комиссии для руководства снабжением фабрик тонкой шерстью. Комиссия вновь обратилась в ГИУ с предложением о введении твердых цен на шерсть¹².

5—6 марта 1915 г. ее поддерживали поставщики военного мундирного сукна, которые в прошении на имя

⁹ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 1, стр. 44.

¹⁰ «Деятельность Московского военно-промышленного комитета по 31 января 1916 г.», стр. 198; «Коммерческий телеграф», 12 и 27 августа 1915 г.

¹¹ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 8, стр. 2.

¹² «Коммерческий телеграф», 15 января 1915 г.

начальника ГИУ, настаивая на предоставлении им дополнительного количества валюты, обращали главное внимание на регулирование внутреннего рынка тонкой шерсти. Они требовали, чтобы все шерстоечные заведения работали только по заказам, даваемым поставщиками мундирного сукна. Для контроля за выполнением проектируемого постановления на каждую шерстомойку предполагалось прикомандировать правительственных агентов, содержащихся за счет фабрикантов. Далее предприниматели требовали введения предельных цен на мытую шерсть, образцы которой намечалось хранить в обществе фабрикантов суконной промышленности. При обществе учреждался также комитет для рассмотрения спорных вопросов при сделках. Предполагалось, что комитет должен состоять из четырех человек (двух представителей общества, одного — от шерстоечных заведений и одного — от торговцев шерстью).

Проекты, предложенные фабрикантами, начальник ГИУ встретил весьма благожелательно. В свою очередь министр торговли и промышленности согласился с планом установления надзора за шерстоечными заведениями и даже обещал содействовать в этом деле фабричной инспекции, но категорически высказался против введения твердых цен на тонкую шерсть. В министерстве прекрасно понимали, что нормирование цен на тонкую шерсть в первую очередь ударит по карману крупных помещиков-овцеводов. Поэтому министр предложил не жалеть валюты и расширить закупку шерсти за границей.

Военное ведомство, также, видимо, разобравшись в подоплеке дела, умерило свою энергию. Начальник ГИУ, теперь уже не касаясь вопроса о нормированных ценах, предложил обществу фабрикантов суконной промышленности выработать проект надзора за шерстоечными заведениями. 25 апреля 1915 г. проект был представлен в ГИУ. По этому проекту в Москве при обществе фабрикантов суконной промышленности для надзора за шерстоечными заведениями организовывалась специальная комиссия¹³.

К лету 1915 г. сырьевая проблема приобрела первостепенное значение и для предприятий, изготовлявших

¹³ ЦГВИА, ф. 499, оп. 6, д. 79, лл. 5, 7—8, 9, 11—12.

грубые суконные ткани. Соглашение фабрикантов, заключенное в сентябре 1914 г., о единых ценах при закупке шерсти мало помогло делу. Рынок грубой шерсти к этому времени уже основательно дезорганизовала спекуляция. Поэтому вопросы снабжения сырьем стали предметом внимательного изучения на совещании фабрикантов грубых сукон 29 июня — 2 июля 1915 г., происходившем под председательством А. Д. Протопопова. Совещание приняло решение запретить вывоз грубой шерсти из России и не выдавать задатки под шерсть. Совещание избрало комиссию, поручив ей определить твердые цены на грубую шерсть¹⁴.

Многочисленные ходатайства суконных фабрикантов о нормировании цен на шерсть, об организации специального органа для надзора за шерстомойками получили определенное удовлетворение в результате создания комитета по делам суконной промышленности. Однако этот орган был сконструирован на несколько иной основе, чем проектировали фабриканты. Попытки фабрикантов расширить права своих организаций в деле регулирования шерстяной промышленности, создать аппарат надзора за мочными заведениями из своих людей не получили достаточной поддержки ни в министерстве торговли и промышленности, ни в ГИУ¹⁵.

Комитет по делам суконной промышленности организовался в системе министерства торговли и промышленности, что давало царскому правительству возможность легко вмешиваться в работу этого органа. Первоначально суконный комитет состоял из двух отделов (секций): тонких сукон и грубых сукон. В состав комитета вошли четыре представителя ведомств, участвующие в работе обеих секций, четыре представителя фабрикантов грубых сукон и три представителя фабрикантов тонких сукон, избравшихся обществом суконных фабрикантов, два от предприятий, занимавшихся торговлей и мытьем тонкой шерсти, два от торговцев грубой шерсти, один от заведений для мойки грубой шерсти и один представитель Московского биржевого комитета. Если учесть, что торговцы шерстью являлись

¹⁴ ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 238, лл. 75—80, 82, 90; «Коммерческий телеграф», 2 июля 1915 г.

¹⁵ «Коммерческий телеграф», 3, 5 и 8 июня 1915 г.; ЦГВИА, ф. 499, оп. 6, д. 79, лл. 23—24, 29.

людьми, тесно связанными с хозяевами суконных предприятий, то последние овладели в комитете ключевыми позициями.

Очень скоро структура комитета по делам суконной промышленности существенным образом изменилась. По положению, утвержденному министром торговли и промышленности 5 августа 1915 г., он уже включал не два, а шесть автономных отделов: тонких сукон, грубых сукон, камвольный, искусственного барашка, полушерстяных тканей и торговцев грубой шерстью. Комитет возглавил А. Д. Протопопов — товарищ председателя Государственной думы, член совета общества суконных фабрикантов. В комитете насчитывалось теперь 17 представителей фабрикантов, 4 представителя ведомств и 8 торговцев шерстью, овцеводов и проч. На пленарных заседаниях фабриканты имели абсолютный численный перевес. В состав отделов вошли представители ведомств, члены комитета — фабриканты, торговцы шерстью соответствующего профиля и представитель Московского биржевого комитета. Вместе с тем на заседании каждого отдела с правом решающего голоса могла присутствовать $\frac{1}{3}$ владельцев предприятий, находящихся в его ведении¹⁶. В важнейших отделах комитета фабриканты были полными хозяевами положения. Товарищем председателя комитета по секции тонких сукон стал Н. Т. Каштанов. Товарищем председателя по секции грубых сукон фабриканты избрали В. Н. Патрикеева — товарища председателя совета общества суконных фабрикантов¹⁷. По признанию самих фабрикантов, комитет по делам суконной промышленности «почти слился с обществом суконных фабрикантов»¹⁸.

Дальнейшее расширение сферы государственного регулирования в шерстяной промышленности осуществлялось в том же направлении, что и в хлопчатобумажной.

Развитие государственного регулирования шерстяной промышленности происходило не только вширь, но и вглубь. Комитет по делам суконной промышленности с первых же шагов своей деятельности начинает довольно решительно вмешиваться при помощи общества фаб-

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 427, лл. 20, 22—23.

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 439, л. 2.

¹⁸ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 8, стр. 2.

рикантов суконной промышленности в производственные вопросы отдельных предприятий. Совет общества фабрикантов суконной промышленности 10 августа 1915 г., например, на основании предложения начальника ГИУ принял решение об осмотре некоторых суконных фабрик Симбирской и Киевской губерний¹⁹. На одном из первых заседаний комитета по делам суконной промышленности 20 и 21 августа 1915 г. обсуждались представленные обществом суконных фабрикантов данные (результаты проведенного им обследования суконных предприятий Центрального района) о недостаточной производительности некоторых фабрик. На основании этого материала комитет решил произвести обследование ряда предприятий, которые использовались явно недостаточно, и осмотреть мелкие фабрики с целью их возможного объединения для выполнения военных заказов²⁰.

При остром недостатке шерстяных тканей и быстром росте цен на них соблазн работы на вольный рынок был чрезвычайно велик. В 1916 г. значительная часть выработанных шерстяной промышленностью тканей (28 млн. аршин из 82 млн.) так и не попала в военное ведомство²¹. Даже крупные предприятия пытались, и часто безуспешно, сбывать часть своей продукции на вольном рынке. В июле 1916 г. комиссия отдела тонких сукон суконного комитета обнаружила, что значительная часть продукции фабрики Кудряшова реализовывалась владельцем на частном рынке. Ткань первоначально изготовлялась из пряжи защитного цвета, а затем перекрашивалась. Владелец фабрики отказался представить комиссии товарные книги, заявив, что таковые отсутствуют, хотя на крупном предприятии с 600 рабочих бесспорно имелось правильно поставленное делопроизводство²². Работа на оборону не особенно привлекала даже лидеров оппозиционно-патриотической буржуазии. В конце 1916 г. ревизия установила, что на Городищенской фабрике С. И. Четверикова 30 ткацких станков работали на частный рынок. Только с 1 мая по 1 сен-

¹⁹ «Коммерческий телеграф», 12 августа 1915 г.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 439, лл. 6—8.

²¹ См. К. А. Пажинов. Очерки..., т. 1, стр. 224.

²² ГИАМО, ф. 848, оп. 1, д. 245, л. 10.

тября 1916 г. эта фабрика выпустила для свободной продажи около 80 тыс. аршин тканей²³.

Совет министров постановлением от 17 декабря 1915 г. значительно расширил права суконного комитета. Комитет получил право распределять военные заказы по отдельным предприятиям, устанавливать цены на ткани, обследовать предприятия с целью выявления действительного уровня производства. В комитете сосредоточивался также надзор за мочными заведениями²⁴.

Однако фактическое распределение военных заказов и определение цен на ткани по-прежнему оставалось в руках фабрикантов и осуществлялось ими в обществе фабрикантов или в шерстяном отделе МВПК. Так, на заседании при обществе 4 мая 1916 г. они разработали новые цены на мундирное сукно. В октябре 1916 г. отдел распределял шерстяную пряжу для выполнения военных заказов и утверждал цены на некоторые виды тканей²⁵. Вопрос о распределении заказов на серошнелное сукно детально обсуждался на заседании общества суконных фабрикантов 1 февраля 1916 г. Предприниматели определили цену и прочие условия поставки ГИУ дополнительного количества указанного вида ткани. Приемка тканей для интендантства также производилась шерстяным отделом²⁶.

В комитете по делам суконной промышленности фабриканты распоряжались по-хозяйски. Порядок определения цен, принятый комитетом, обеспечивал капиталистам дополнительные барыши за счет спекулятивных махинаций с запасами шерсти²⁷.

В 1916 г. разрешение сырьевой проблемы являлось одной из важнейших задач для фабрикантов суконной промышленности.

Хозяева предприятий тонких сукон решили добиться установления удобного для них порядка на внутреннем рынке. С этой целью в конце 1915 г. они организовали

²³ «Коммерческий телеграф», 12 декабря 1916 г.

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 427, лл. 11—13.

²⁵ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1916, № 6-7, стр. 80.

²⁶ ГИАМО, ф. 861, оп. 1, д. 154, л. 234; ЦГВИА, ф. 499, оп. 3, д. 237, л. 34.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 655, л. 142.

проверку работы шерстомоек. Осмотр шерстомоечных заведений производил председатель шерстяного отдела МВПК и председатель общества фабрикантов суконной промышленности Н. Т. Каштанов. Он обнаружил, что многие шерстомоечные предприятия нарушают предписание мыть шерсть только для поставщиков военного ведомства²⁸.

Министр торговли и промышленности 27 января 1916 г. право покупки тонкой шерсти предоставил исключительно фабрикантам, выполнявшим военные заказы. Цена лучших безрепейных охвостьев (наименование одного из видов шерсти) ограничивалась 70 руб. за пуд. Цена на загрязненную шерсть устанавливалась в соответствии с ценой лучшего сорта путем соответствующей скидки. Свое право монопольной закупки шерсти фабриканты «уступили» четырем торговым фирмам: т-ву «Вл. Алексеев», Мелконовым-Езиковым, торговым домам «Стукен и К°» и «Альфред Гозер». Соглашение между этими четырьмя фирмами давало возможность скупщикам, занявшим монопольное положение на рынке, диктовать цены на шерсть. Отказ от продажи шерсти этим фирмам грозил ее реквизицией с понижением цены на 5 руб.

От имени одной из наиболее крупных фирм — «Стукен и К°» крупнейшие овцеводы получили оповещение об условиях закупки тонкой шерсти. Этот циркуляр их сильно беспокоил. На имя министра торговли и промышленности поступили многочисленные докладные записки, подписанные членами Государственного совета графом Ф. А. Уваровым, В. И. Чернецким, Н. Ф. Сухомлиновым и др. Министр не мог остаться безучастным к требованиям сиятельных овцеводов.

16 марта 1916 г. при министерстве состоялось совещание, на котором было обсуждено положение отечественного рынка тонкой шерсти. Представители овцеводов требовали восстановить свободную продажу шерсти. Однако обосновать свои притязания с достаточной убедительностью они не могли. Дело в том, что, по их же собственному признанию, предельные цены «не мо-

²⁸ «Известия Московского военно-промышленного комитета», 1915, № 1, стр. 52; «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета по 31 января 1916 г.», стр. 203.

гут быть признаны, с точки зрения интересов землевладения, низкими».

Председатель суконного комитета А. Д. Протопопов, выступавший на этом совещании, прямо указывал, что устанавливаемые предельные цены на шерсть имеют целью поощрить отечественное овцеводство, т. е. ограждают интересы крупнейших помещиков, имевших стада тонкорунных овец. Он привел пример со шленской шерстью, цену которой предполагалось установить в размере 85 руб. за пуд, в то время как на английском рынке она оценивалась всего в 65 руб. за пуд. Далее он указывал, что регламентация цен на тонкую шерсть необходима для прекращения спекуляции шерстью, тормозящей выполнение военных заказов. Вопрос о циркуляре торгового дома Стукен он обошел, выразив лишь «недоумение» по поводу разговоров о монопольном положении на шерстяном рынке четырех фирм. Следовательно, непримиримые, казалось бы, противоречия между овцеводами и промышленниками удалось сгладить за счет казны, назначив явно завышенные закупочные цены. Совещание удовлетворило ряд других притязаний овцеводов. Но в одном существенном вопросе они так и не достигли успеха — свободную торговлю шерстью восстановить не удалось²⁹.

Фабриканты в дальнейшем весьма решительно использовали права суконного комитета нормировать цены и реквизировать шерсть, особенно по отношению к перекупщикам и скупщикам шерсти. Так, например, 25 января 1917 г. отдел тонких сукон обратился в министерство торговли и промышленности с просьбой о реквизиции у 29 владельцев нескольких десятков тысяч пудов шерсти. Фабриканты добились положительного решения, и буквально накануне Февральской революции отдел, получив эту шерсть, готовился организовать ее приемку и отправку³⁰.

Для закупки шерсти за границей с декабря 1915 г. комитет ежемесячно предоставлял фабрикантам валюту на 3 млн. руб.³¹. Распределение валюты по-прежнему производилось в обществе фабрикантов суконной про-

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, лл. 17—25, 27.

³⁰ Там же, оп. 15, д. 491, лл. 93—95, 106, 115, 157.

³¹ Там же, оп. 27, д. 303, л. 56.

мышленности пропорционально поставкам интендантству.

Рынок грубой шерсти регламентировался в меньшей степени. Грубая шерсть в стране имелась в достаточном количестве. В сфере влияния царской России находился также сырьевой рынок Внешней Монголии. Поэтому в отделе грубых сукон комитета по делам суконной промышленности в начале 1916 г. вопрос о сырье обсуждался в совершенно иной плоскости. Отдел обратился в министерство торговли и промышленности с предложением организовать более рациональный вывоз шерсти из Внешней Монголии за границу через Владивосток в союзные и нейтральные страны, что обеспечило бы благоприятные условия для конкуренции русских фирм с иностранными. Благодаря благоприятной конъюнктуре рынка грубой шерсти фабриканты добились установления чрезвычайно выгодных для себя нормированных цен на этот вид сырья (10 руб. за пуд) и получали огромные барыши³².

Однако к лету 1916 г. усилилась спекуляция грубой шерстью, несмотря на наличие нормированных цен. Это заставило фабрикантов чаще прибегать к реквизиции шерсти у торговцев-скупщиков. К осени 1916 г. положение на рынке грубой шерсти еще более осложнилось, что заставило предпринимателей создать специальную закупочную организацию «Русская шерсть».

Осенью 1916 г. наблюдалось некоторое охлаждение во взаимоотношениях царской администрации с фабрикантами суконной промышленности. Это охлаждение отчасти объяснялось тем, что А. Д. Протопопов, которому в царском окружении вполне доверяли, стал министром внутренних дел и не мог уже участвовать в работе комитета. Однако здесь не происходило таких острых конфликтов, как в хлопчатобумажной промышленности. Это и понятно. Фабриканты суконной промышленности не играли такой активной роли в политической жизни страны, хотя отдельные их представители (С. И. Четвериков, В. В. Носов) пользовались значительным влиянием в оппозиционных кругах национальной империалистической буржуазии.

Постановление совета министров от 13 октября

³² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 426, лл. 31—32; д. 491, лл. 5—6.

1916 г. для шерстяной промышленности предусматривало точно такие же меры, что и для хлопчатобумажной. Однако они в меньшей степени затрагивали интересы фабрикантов суконной промышленности, так как преобладающая часть продукции шерстяных фабрик все же шла на военные нужды, а на вольный рынок официально поступал лишь забракованный товар³³.

Основное свое проявление «нелояльное» отношение царской администрации к фабрикантам нашло в протестах представителей тех или иных ведомств против утвержденных комитетом цен на ткани. На заседании суконного комитета 18—19 ноября 1916 г. представители ГИУ предложили утвердить цену на мундирное сукно в размере 4 р. 80 к. за аршин вместо цены 4 р. 97 к., принятой отделом тонких сукон. В конечном итоге фабриканты отклонили предложение представителей интендантства, несмотря на все их протесты³⁴.

Еще более характерен пример с серошинельным сукном. На заседании комитета 28—29 ноября 1916 г. предпринимателям пришлось признать, что калькуляцию производства серошинельного сукна отдел грубых сукон составил не совсем точно. Поэтому они согласились на понижение цены с 3 р. 55 к. до 3 р. 35 к. за аршин. Последняя цена и была утверждена комитетом. Представитель ГИУ, настаивавший на цене 3 р. 10 к., остался при особом мнении и доложил о нем министру торговли и промышленности. Министр не утвердил принятую комитетом цену, потребовав ее пересмотра. 20 января 1917 г. комитет вновь обсуждал вопрос о цене на серошинельное сукно, и утвердил ее в размере 3 р. 25 к. за аршин³⁵.

Даже подобные очень робкие посягательства царских чиновников на сверхприбыли капиталистов вызывали недовольство и протесты фабрикантов.

Следовательно, в суконной промышленности России в годы войны наблюдаются те же процессы сращивания монополистических союзов капиталистов с государственными органами, что и в хлопчатобумажном производстве. Некоторую особенность этого сращивания составляет более тесная, органическая связь между пред-

³³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 303, лл. 33—35.

³⁴ Там же, оп. 15, д. 655, лл. 145—146.

³⁵ Там же, лл. 164—165.

принимательскими организациями, практически осуществляющими государственное регулирование, и комитетом по делам суконной промышленности. Государственный орган фактически слился с объединениями капиталистов.

§ 2. Льно-джутовая промышленность

В льняной промышленности — третьей важнейшей отрасли текстильного производства — с первых дней войны выполнение военных заказов осуществлялось приблизительно на тех же началах, что и в шерстяной. Решающая организующая роль здесь принадлежала Всероссийскому обществу льнопромышленников, которое с самого начала войны распределяло заказы на льняные ткани и предметы вещевого довольствия армии непосредственно на собраниях поставщиков, происходивших еженедельно. На собраниях обсуждались не только вопросы распределения тканей, но и вопросы приемки, сдачи и расчета по заказам. Эти собрания происходили регулярно вплоть до июля 1915 г.³⁶

В конце декабря 1914 г. Всероссийское общество льнопромышленников разослало специальную анкету с целью выявить степень занятости льняных фабрик работой на военные нужды. В результате этой анкеты выяснилось, что фабрики, заказы которым распределялись обществом, работали на военные ведомства в размере 60—75% своей производительности. Многие капиталисты сдавали мешочную ткань в главное управление землеустройства и земледелия через посредство Русско-Азиатского банка. В среднем такие поставки составляли 40% производства льняных предприятий этого профиля³⁷.

В связи с неуклонно возрастающими потребностями флота и армии в льняных тканях начальник ГИУ 17 июня 1915 г. запросил общество льнопромышленников о степени загруженности льняных предприятий военными заказами³⁸. Для ответа на этот запрос общество собра-

³⁶ «Деятельность Московского военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г.», стр. 17, 19.

³⁷ Там же, стр. 18—19.

³⁸ ЦГВИА, ф. 499, оп. 4, д. 301, л. 12.

ло подробные сведения о состоянии льнопрядильного и льноткацкого производства, а 25—26 июля созвало совещание фабрикантов, на котором предполагалось обсудить меры к улучшению работы льняной промышленности на военные нужды. На совещании присутствовали представители предприятий, имеющих 95% работающих льнопрядильных веретен. Совещание единогласно постановило всю незапроданную пряжу передать в распоряжение учрежденного при Всероссийском обществе льнопромышленников комитета для удовлетворения пряжей мелких ткацких предприятий (прежде всего мешочных), получивших казенные заказы от льняной секции (отдела) МВПК³⁹. Комитет собирался почти ежедневно. К ноябрю 1915 г. он распределил около 270—280 тыс. пудов льняной пряжи. Благодаря деятельности комитета льнопромышленникам удалось ослабить позиции Русско-Азиатского банка в синдикате мешочных фабрикантов⁴⁰. Если в течение первого года войны банк еще контролировал объединившиеся предприятия, то к концу его он не имел заметного влияния на их деятельность. Средние и мелкие льноткацкие фабрики стали контролироваться руководством Всероссийского общества льнопромышленников⁴¹.

Льняной отдел МВПК состоял исключительно из льнопромышленников. Еще на первом заседании отдела 30 июня 1915 г. при рассмотрении организационных вопросов фабриканты постановили право выбора в отдел «предоставить совету Всероссийского общества льнопромышленников»⁴². Отдел возглавил С. Н. Третьяков — председатель совета общества. Вполне естественно, что деятельность отдела направлялась в соответствии с указаниями и пожеланиями фабрикантов. Распределение военных заказов стало одной из основных его функций. Уже на первом своем деловом заседании отдел утвердил разверстку на поставку тканей, произведенную Всероссийским обществом льнопромыш-

³⁹ «Вестник льняного дела», 1915, № 11, стр. 21.

⁴⁰ «Деятельность Московского военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г.», стр. 23—24; «Коммерческий телеграф», 30 апреля и 17 мая 1914 г.

⁴¹ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 153, л. 9; ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 1, д. 75, лл. 69—71.

⁴² ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 153, л. 1.

ленников. Для упорядочения этой работы в начале 1916 г. были определены общие условия поставок для всех фабрикантов и утверждены стандартные бланки для заключения контрактов. Льняной отдел на своих заседаниях утверждал также разработанные Всероссийским обществом льнопромышленников цены на льняные изделия ⁴³.

Мероприятия по регулированию льняной промышленности, осуществлявшиеся Всероссийским обществом льнопромышленников и льняным отделом МВПК, иногда встречали сопротивление со стороны отдельных фабрикантов. Это заставило руководителей общества поставить вопрос об организации регулирующего органа, подобного тем, которые существовали в хлопчатобумажной и суконной промышленности.

Первоначальный проект нового органа разработали льняной отдел МВПК и комитет по распределению пряжи Всероссийского общества льнопромышленников. Он обсуждался затем в Центральном военно-промышленном комитете и после этого поступил на рассмотрение в правительственные органы ⁴⁴. Военное министерство и особое совещание по обороне утвердили этот проект без каких-либо принципиальных изменений. Однако совет министров внес в него существенные поправки.

Некоторые разделы положения о льно-джутовом комитете, разработанного льнопромышленниками, встретили резко отрицательное отношение у представителей джутовой промышленности. Последние обратились с протестом в совет министров. Они жаловались на неравноправное, подчиненное положение джутовых фабрикантов в комитете, добивались расширения их представительства и создания специального автономного отдела ⁴⁵.

Совет министров учел эти пожелания. 27 ноября 1915 г. царь утвердил указ об образовании комитета по делам льняной и джутовой промышленности. Комитет

⁴³ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 153, лл. 1, 43; «Вестник льняного дела», 1915, № 11, стр. 20; «Коммерческий телеграф», 26 января 1916 г.

⁴⁴ «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г.», стр. 24—25; «Коммерческий телеграф», 12 марта 1916 г.

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1212, лл. 26, 29, 31—32.

состоял из автономных льняного и джутового отделов. Председатель комитета и его товарищи по каждому отделу назначались министерством торговли и промышленности, при котором и создавался комитет. Комитет и его льняной отдел обосновывались в Москве, а джутовый отдел — в Петрограде. Комитету и его отделам предоставлялось право выяснять производительность предприятий, определять предельные продажные цены на лен, пряжу и ткани, обсуждать вопросы о реквизиции тканей, секвестре предприятий и т. п. В составе комитета первоначально входили шесть представителей ведомств, четыре — от Всероссийского общества льнопромышленников, три — от льняного отдела Московского областного ВПК, два — от джутовой промышленности, один — от Земгора и один представитель Центрального ВПК ⁴⁶.

Организационное оформление комитета сильно затянулось. Уже сам факт создания комитета при министерстве торговли и промышленности рассматривался фабрикантами (проектировавшими комитет при ГИУ) как свидетельство стремления царской администрации ограничить права предпринимательских объединений в деле регулирования льняной промышленности. Не имея соответствующих гарантий, они не желали поддерживать новый государственный орган, хотя и были представлены там вполне удовлетворительно.

Всероссийское общество льнопромышленников и льняной отдел МВПК первое время игнорировали льно-джутовый комитет. Так, например, 25 января 1916 г. в ответ на отношение председателя льно-джутового комитета Н. И. Гучкова о необходимости принять решительные меры к выполнению заказов различных ведомств на брезент льняной отдел сообщил, что выработка брезента уже распределена по пасху 1916 г. и отдел ничего не может сделать. Далее не без иронии заявлялось, что для решения этого вопроса необходима скорейшая организация льно-джутового комитета, обладающего всей полнотой власти ⁴⁷.

В своей «оппозиционной» комитету деятельности фабриканты, используя междуведомственные трения,

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 423, лл. 4—5.

⁴⁷ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 153, л. 51.

опирались на военное ведомство. По предложению начальника ГИУ от 19 декабря 1915 г. Всероссийское общество льнопромышленников создало особую военную комиссию, в которую вошли представители фабрикантов и главного интендантства⁴⁸. Комиссия должна была определять производственную мощность и размеры казенных заказов тех или иных предприятий, а также распределять казенные заказы. В это же время в соответствии с пожеланиями ГИУ Всероссийское общество льнопромышленников провело анкетное обследование производительности прядильных и ткацких фабрик на 1 января 1916 г.⁴⁹ Совет общества разработал новые цены на пряжу и ткани, которые затем утвердила военная комиссия. Кроме того, совет принял решение предложить фабрикантам передать в распоряжение общества все ткани, которые будут выработаны на их предприятиях в 1916 г.⁵⁰

Трения между льнопромышленниками и министерством торговли и промышленности ослабли к марту 1916 г., когда министерство предоставило фабрикантам соответствующие «гарантии». Об этом свидетельствуют программное выступление Н. И. Гучкова и решения льняного отдела льно-джутового комитета на первом его заседании 11 марта 1916 г. В своей речи Н. И. Гучков заявил, что взаимоотношения между предпринимательскими организациями и льно-джутовым комитетом должны урегулироваться на тех же основаниях, что и в хлопчатобумажной промышленности⁵¹.

Льняной отдел комитета детально разработал принципы тесного сотрудничества между льняным отделом льно-джутового комитета, с одной стороны, и Всероссийским обществом льнопромышленников и льняным отделом МВПК, — с другой. С первых же шагов своей деятельности отдел признал правомерность той работы, которая осуществлялась предпринимательскими организациями в деле регулирования льняной промышленности. Он подтвердил те права, которые уже имелись

⁴⁸ ЦГВИА, ф. 499, оп. 4, д. 312, л. 6.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 499, оп. 11, д. 7, л. 32.

⁵⁰ «Вестник льняного дела», 1916, № 3, стр. 22; «Деятельность Московского областного военно-промышленного комитета и его отделов по 31 января 1916 г.», стр. 33—34.

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 610, л. 6.

у этих организаций. По существу льняной отдел комитета взял на себя лишь часть тех функций, которые до сих пор выполнялись ГИУ. В деле действительного регулирования промышленности эти функции являлись далеко не решающими, так как все они в конечном итоге сводились к одобрению мер и утверждению решений, принятых Всероссийским обществом льнопромышленников и льняным отделом МВПК⁵².

Решающая роль в деле государственного регулирования льняной промышленности по-прежнему принадлежала ведущему предпринимательскому объединению — Всероссийскому обществу льнопромышленников.

Сразу же после начала деятельности льно-джутового комитета фабриканты развернули особо бурную деятельность вокруг утверждения цен на пряжу, идущую для производства тканей по военным заказам.

23 марта 1916 г. цены, выработанные Всероссийским обществом льнопромышленников, рассматривались объединенной комиссией льняного отдела МВПК и Всероссийского общества льнопромышленников. Комиссия санкционировала представленные на ее рассмотрение цены⁵³. После этого их рассматривала и утвердила постоянная комиссия льняного отдела льно-джутового комитета, где фабриканты составляли большинство⁵⁴. В льняном отделе эти цены прошли без существенных изменений. Несмотря на особое мнение представителя интендантства, совершенно справедливо считавшего, что фабриканты заявили чрезмерно высокие цены, последние утвердил льно-джутовый комитет, а затем министр торговли и промышленности⁵⁵.

Представитель интендантства Терещенко при изложении своего особого мнения по этому вопросу довольно убедительно раскрыл те жульнические приемы, к которым фабриканты прибегали при определении цен на пряжу. Цены на пряжу вырабатывались на основе цен на лен для второй половины сезона, значительно более высоких, чем в первую половину сезона, хотя большая часть фабрик имела запасы льна, закупленного по

⁵² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 610, лл. 6—7.

⁵³ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 153, л. 73.

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 610, л. 7.

⁵⁵ Там же, лл. 22—23, 25; «Вестник льняного дела», 1916, № 4, стр. 24—25, 27.

низким ценам первой половины. Он предлагал брать средние годовые цены. Далее Терещенко отмечал, что при расчете цен пряжи для фабрик со средним оборудованием взят повышенный процент выхода угаров. Тем самым, по его мнению, производилось премирование за отсталость и предоставлялись незаслуженные барыши хорошо оборудованным предприятиям. Все подобные мелкие «неточности» привели к тому, что Терещенко определил стоимость выработки мокрой пряжи № 14 в 27 р. 6 к., а комиссия — в 27 р. 66 к. Цена пряжи этого номера (с учетом предпринимательской прибыли в размере 10%) устанавливалась в размере 30 руб. «Законную» 10%-ную прибыль при помощи всевозможных махинаций при калькулировании фабриканты увеличивали еще на 2—3%. «Законность» и правомерность 10%-ной прибыли не вызвали возражений и у Терещенко. В рассматриваемой докладной записке он лишь возражал против того, что при калькулировании цен на ткани предпринимательская прибыль определяется в размере 16% на легкие и 20% на тяжелые ткани. Следует отметить, что и сам Терещенко безоговорочно соглашался с некоторыми явно завышенными данными фабрикантов. Так, например, повышение расходов на жалование рабочих до 86%, как указывали фабриканты, не соответствовало действительности. Уровень номинальной заработной платы рабочих льняной промышленности повысился, но далеко не в такой степени⁵⁶.

На тех же основаниях устанавливались цены на мешочные ткани. В мае 1916 г. отдельные мешочные фабриканты начали заключать контракты на поставку мешков по цене 80 и 85 коп. за штуку, но ввиду слухов об утверждении льняным отделом льно-джутового комитета цены на мешки в размере 99 коп. взяли свои заявления обратно. Тогда, по настоянию представителей министерства земледелия, министр торговли и промышленности понизил цену на льняной мешок до 93 коп.

Льняные фабриканты зорко оберегали свое монопольное положение по ограблению казны. На заседании льняного отдела комитета 22 июля 1916 г. они выразили свое недовольство фактом заказа за границей несколь-

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 305, лл. 10—11.

ких миллионов мешков главноуполномоченным по закупке хлеба для армии⁵⁷.

Распределение тканей по военным поставкам также производилось во Всероссийском обществе льнопромышленников. 28 марта 1916 г., например, общество льнопромышленников представило в ГИУ заявки фабрикантов на поставку тяжелых и легких тканей на весь 1916 г.⁵⁸ Те нормы распределения заказов, которые устанавливались обществом, в льняном отделе льно-джутового комитета лишь санкционировались⁵⁹. 17 мая 1916 г. с ведома льняного отдела комитета совещание фабрикантов в обществе льнопромышленников произвело переразверстку заказов согласно выяснившейся потребности интендантства в легких льняных тканях⁶⁰.

Фабриканты стремились расширять функции льняного отдела льно-джутового комитета в полезном для себя направлении. По их настоянию отделу было предоставлено право окончательного решения вопросов, связанных с регламентацией экспорта льна за границу⁶¹.

Президиум льняного отдела, в который входили председатель, два его товарища, председатель экспортной комиссии, председатель подкомиссии по распределению пряжи между ткацкими предприятиями, в сентябре 1916 г. обратился к министру торговли и промышленности с просьбой о предоставлении отделу права реквизиции брезента у торговцев⁶².

В сентябре 1916 г. министерство торговли и промышленности предоставило по ходатайству льно-джутового комитета его отделам право распределять мешки между различными государственными и «общественными» учреждениями, работавшими на оборону. Все заказы на мешки теперь должны были передаваться непосредственно в соответствующий отдел комитета⁶³.

В начале февраля 1917 г. на заседании специальной комиссии ГИУ, работавшей под председательством ген. Акимова, фабриканты высказались за дальнейшее расширение прав льно-джутового комитета. Комиссия

⁵⁷ ГИАМО, ф. 861, оп. 1, д. 154, л. 29.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 499, оп. 11, д. 7, лл. 1, 21, 31—35.

⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 610, лл. 24—25.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 499, оп. 11, д. 7, лл. 67—68.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 603, л. 15.

⁶² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 610, л. 72—74.

⁶³ ЦГВИА, ф. 499, оп. 9, д. 130, л. 193.

признала, что для удовлетворения потребности армии и флота в брезенте льно-джутовому комитету необходимо предоставить право устанавливать фабрикам контрольные цифры, подлежащие обязательному выполнению в указанные сроки, а также право реквизировать своей властью льняную пряжу и ткани в случае необходимости. В постановлении совещания далее говорилось о необходимости все заказы на ткани проводить через комитет⁶⁴.

В октябре 1916 г. в льняном отделе комитета по инициативе фабрикантов обсуждался проект нормирования цен на лен. Фабриканты считали, что цены на лен должны устанавливаться в соответствии с ценами на пряжу, идущую для изготовления тканей по военным поставкам. Однако ввести нормированные цены на лен так и не удалось⁶⁵.

Энергично добиваясь расширения прав комитета в нужном для себя направлении, фабриканты вместе с тем не менее энергично стремились предотвратить возможность вмешательства министерства торговли и промышленности в их «внутренние» дела. Так, на заседании льняного отдела 3 августа 1916 г. они всячески стремились обосновать и доказать нецелесообразность нормирования цен на льняные ткани, идущие на частный рынок. Сущность их аргументации сводилась к следующему: большая часть льняных тканей, поступавших на вольный рынок, непригодна для выполнения военных заказов, являясь предметом роскоши, а не предметом первой необходимости. Цены на дорогие ткани поднимались медленнее, спекуляции в торговле ими якобы не наблюдалось. Благодаря усилиям фабрикантов вопрос остался неразрешенным⁶⁶.

Такая настойчивость вполне понятна. Продажа льняных тканей на вольном рынке приносила еще большие барыши, чем казенные поставки. Если, например, к декабрю 1916 г. повышение цен на ткани военных образцов по сравнению с летними ценами составляло в среднем 30%, то на частном рынке цены возрастали на 50—60%⁶⁷.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 499, оп. 11, д. 15, лл. 11—12.

⁶⁵ «Вестник льняного дела», 1916, № 10, стр. 27—28.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 5, д. 610, лл. 56—58.

⁶⁷ «Коммерческий телеграф», 20 декабря 1916 г.

В начале 1917 г. со стороны царской администрации по отношению к льно-джутовому комитету практиковались действия, аналогичные тем, которые мы наблюдали уже на примере других комитетов по регулированию текстильной промышленности. Точно так же, как и в шерстяной промышленности, эти действия здесь ограничились мелочными придирками и притеснениями, по существу не затрагивавшими коренных интересов фабрикантов.

В конце первого года войны наметилась тенденция к сближению предпринимательских организаций льняной и джутовой промышленности. Это объяснялось тем, что джутовые предприятия, с одной стороны, все больше переходили на обработку льна, а с другой, — удельный вес джутовой промышленности в производстве мешочно-упаковочной ткани заметно понизился вследствие значительного сокращения числа работающих предприятий⁶⁸. Роль же и значение Всероссийского общества льнопромышленников неуклонно возрастали. Все это заставило джутовых фабрикантов внимательно отнестись к предложению льняных фабрикантов о создании единой организации. Однако на первых порах они сосредоточили свою деятельность в льно-джутовом комитете, где был образован специальный джутовый отдел, пользовавшийся автономными правами.

Выборы в джутовый отдел производились на общем собрании джутовых фабрикантов 4 марта 1916 г., где присутствовали представители семи предприятий. Председателем отдела был избран глава джутового картеля А. Д. Лебедев. На шестом заседании отдела 6 мая 1916 г. отдел создал комиссию для распределения заказов на льняные и джутовые изделия, необходимые для военных нужд⁶⁹. Однако отдел фактически бездействовал. Руководители картеля не спешили загружать свои предприятия менее выгодными казенными заказами⁷⁰. Лишь в октябре 1916 г. фабриканты определили порядок приобретения и доставки джута для выполнения заказов министерства земледелия. Они постановили, что «закупку джута должны производить не сами промышленники, а представлять свои требования в джутовый

⁶⁸ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, л. 1212, л. 4.

⁶⁹ ГИАЛО, ф. 1167, оп. 1, л. 28, лл. 12—14; 17—18, 22, 26.

⁷⁰ Там же, д. 69, л. 15; д. 70, л. 61.

отдел, который обязан доставлять джуту во Владивосток». Далее в решении заседания записано: «Выполнение таможенных формальностей, погрузку и провоз из Владивостока берет на себя министерство земледелия по ходатайству джутового отдела. Для провоза джута понадобится по 5 вагонов в день»⁷¹.

В 1916 г. Всероссийское общество льнопромышленников предприняло еще одну попытку пополнить свой состав за счет джутовых фабрикантов. На годичном собрании Всероссийского общества льнопромышленников 10 июня 1916 г. вновь обсуждался вопрос о приеме джутовых предприятий. Собрание поручило совету выработать проект устава общества по принципу секционных группировок⁷². Объединение так и не состоялось. В противовес этим попыткам джутовые фабриканты легализовали свой картель под видом общества для содействия развитию джутовой промышленности, учредителем которого являлся А. Д. Лебедев. Устав общества был утвержден министерством торговли и промышленности 19 сентября 1916 г. Содержание его свидетельствует о том, что общество по своей форме являлось типичной «представительной» организацией предпринимателей. Руководство обществом находилось в руках правления, избираемого на два года⁷³.

Таким образом, развитие государственно-монополистических органов в льняной промышленности имело те же этапы, что и в других крупнейших отраслях текстильного производства. Следует особо отметить лишь настойчивые попытки льнопромышленников, использовавших государственные органы регулирования и затруднения джутовых фабрикантов с получением сырья, подчинить своих старых конкурентов и распространить влияние Всероссийского общества льнопромышленников на родственное джутовое производство.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Война создала самые благоприятные условия для дальнейшего развития монополистического капитала в текстильной промышленности. Благодаря высоким воен-

⁷¹ ГИАЛО, ф. 1167, оп. 1, д. 28, л. 51.

⁷² «Коммерческий телеграф», 21 июня 1916 г.

⁷³ ГИАЛО, ф. 1378, оп. 1, д. 67, лл. 1—9.

ным сверхприбылям накопления текстильных фабрикантов увеличивались, резервные средства возрастали. Процесс централизации капитала значительно ускорялся; монополистические группы капиталистов, сложившиеся до войны, укрепляли свои позиции. Заметно повысились роль и значение монополистических объединений, прикрывавшихся оболочкой «профессиональных» организаций, через систему подсобных и контролируемых органов (комиссии Московского биржевого комитета, отделы Московского военно-промышленного комитета, отраслевые комитеты по регулированию) сосредоточивших в своих руках государственные функции по регулированию промышленности для работы на военные нужды.

Опираясь на свою возросшую экономическую мощь, используя ослабление позиций иностранного капитала в отдельных звеньях экономики России, текстильные фабриканты устремились в другие отрасли тяжелой промышленности. Теперь им удастся, основав ряд значительных предприятий, прочнее закрепиться на новом поприще. Заметно усилились их позиции в сфере льняной, хлопковой и других отраслях торговли. Возросла роль московских банков в экономической жизни страны. Тем не менее, несмотря на эти заметные сдвиги, центром деятельности московских банковских воротил по-прежнему оставалась текстильная промышленность.

Позиции монополистов-текстильщиков в годы войны заметно упрочились. Этому способствовали как военная конъюнктура, предопределившая недостаток тканей на рынке, так и, в особенности, реакционно-бюрократический, антинародный характер государственного регулирования текстильного производства, осуществлявшегося царским правительством в интересах капиталистов.

В годы войны диапазон деятельности крупнейших отраслевых монополистических объединений текстильных фабрикантов в связи с новыми задачами заметно расширился. Их мощь и авторитет неизмеримо увеличились. Овладев отдельными звеньями государственного аппарата, они полностью монополизировали внутренний рынок, извлекая максимум выгоды из чрезвычайно благоприятной конъюнктуры рынка, многократно усилив ограбление трудящихся масс.

После создания комитета хлопкоснабжения, сукон-

ного комитета и комитета по делам льняной и джутовой промышленности государственное регулирование текстильной промышленности осуществлялось капиталистами в этих государственных учреждениях и от их имени. Формально все эти комитеты являлись лишь подсобными совещательными органами при министерстве торговли и промышленности, призванными обсуждать многочисленные вопросы и разрабатывать конкретные меры по улучшению положения в той или иной отрасли промышленности. Все решения и представления комитетов должны были утверждаться министром торговли и промышленности. Однако министерство в конечном итоге стояло на страже интересов монополистов. Кроме того, оно не имело ни средств, ни возможностей заниматься существом дел, а поэтому, как правило, лишь штемпелевало принятые в комитетах постановления.

Состав комитетов предопределял преобладающее влияние фабрикантов на характер и направление их работы. Вся деятельность этих государственных органов также свидетельствует о том, что они по существу находились в руках крупнейших объединений капиталистов. Хотя решения комитетов подлежали утверждению министерством торговли и промышленности, до осени 1916 г. фабриканты имели полную возможность безраздельно хозяйничать в этих органах. Правительственные круги не могли предотвратить неизбежный в условиях мировой войны империалистической эпохи процесс перерастания монополистического капитализма в капитализм государственно-монополистический. Во время мировой войны возникновение и развитие государственно-монополистических органов диктовалось самыми жизненными и коренными потребностями народного хозяйства капиталистических стран. Царская Россия не могла быть исключением.

Однако самодержавный строй, сохранение полноты политической власти в руках крепостников-помещиков во главе с Романовыми замедляли темпы развития государственно-монополистического капитализма, предопределяли примитивность и недоразвитость существующих государственно-монополистических органов. Вследствие общей экономической отсталости и пережитков феодально-крепостнических отношений как в экономике, так и в политическом строе уровень развития государ-

ственно-монополистического капитализма в России в целом заметно отличался от уровня его развития в крупнейших империалистических странах Западной Европы. Дело не только в том, что существующие государственно-монополистические органы были слабо развиты и ограничены в своих функциях. Все они, взятые в совокупности, поражая своей сложностью и громоздкостью, в строгом смысле слова не представляли еще единой системы, не являлись слаженным и четко работающим механизмом.

С другой стороны, степень зрелости государственно-монополистических институтов текстильной промышленности определялась также преобладавшими в ней типами монополистических союзов. Во-первых, «профессиональные», или отраслевые, «представительные» организации, оболочкой которых прикрывались картельные соглашения фабрикантов, не годились для сложной учетно-регистрационной работы, обеспечивающей те или иные стороны государственного регулирования. Во-вторых, сами по себе простейшие картельные соглашения, с их крайне ограниченными функциями, являлись серьезным «препятствием» для более последовательного, всестороннего и глубокого государственного регулирования через специально созданные предпринимательские органы и государственные комитеты. Как бы ни расширялись функции этих органов, в конечном итоге они действовали на базе низших форм монополистических союзов. Если в металлургической промышленности России центральный регулирующий орган использовал разветвленный учетно-распределительный и контрольный аппарат крупнейших синдикатов, то в текстильном производстве картельные соглашения не имели аппарата, пригодного для государственного регулирования. По существу он создавался заново, формально вне рамок крупнейших отраслевых союзов, но в органах, ими контролировавшихся. Бесспорно, создание этого аппарата, дополняя и усиливая картельные соглашения, делало отраслевые монополистические союзы более устойчивыми, укрепляло их позиции. Но бесспорно и то, что учетно-регистрационный, распределительный и распорядительный аппарат, созданный в комитетах по регулированию текстильной промышленности и в соответствующих отделах Московского ВПК, не обеспечивал той

степени централизации и координации, которая характеризует деятельность синдикатов.

Тем не менее, с точки зрения узкогрупповых, сугубо эгоистических интересов, государственные органы по регулированию текстильной промышленности вполне удовлетворяли крупнейших московских капиталистов, позволяя им закрепить руководящее положение в текстильном производстве и множить свои доходы.

В результате изменения соотношения сил после потери Лодзинского района, используя в своих интересах государственное регулирование хлопкоснабжения, хлопчатобумажные предприятия Центрального промышленного района сосредоточили в своих руках львиную долю производства хлопчатобумажных изделий. Если в 1912 г. в России было переработано 23,9 млн. пудов хлопка, а в Центральном промышленном районе 16,3 млн. пудов (68%), то в 1916 г. соответственно — 22 млн. пудов и 18,6 млн. пудов (85%)¹. Преобладающая часть хлопчатобумажных тканей также изготовлялась в этом районе. В том же году предприятия Московской, Владимирской, Костромской и других губерний Центра выработали 90,8% всех хлопчатобумажных тканей². Капиталисты хлопчатобумажной промышленности района в годы войны занимали безраздельно монопольное положение на рынке.

Государственное регулирование промышленности, осуществлявшееся в годы войны, даже не ставило перед собой цели комплексно разрешить проблему мобилизации промышленности в плане максимального использования резервных производственных мощностей. Правительство и буржуазия стремились лишь обеспечить нормальную работу крупных предприятий и ничего не сделали, чтобы создать условия для нормальной производственной деятельности мелких и средних фабрик, а также предельно загрузить петроградские фабрики. Важнейшие проблемы, возникавшие перед фабрикантами, обсуждались и разрешались в плане узкогрупповых интересов, в соответствии с целями и задачами

¹ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 593, л. 356; «Известия общества заводчиков и фабрикантов Московского района», 1914, № 8, стр. 34; ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 28, л. 5.

² «Центроткань», 1918, № 2-3, стр. 5.

получения максимальной прибыли и укрепления своих позиций на внутреннем рынке.

Экономическая политика царского правительства в области хлопковой торговли, проводившаяся в угоду фабрикантам, банкам и хлопкоторговцам, характеризующаяся полным забвением самых элементарных интересов трудового населения, предопределила сокращение посевов хлопчатника в районах его производства. В бюллетене т-ва Э. Циндель за декабрь 1916 г. — февраль 1917 г. сообщалось, что посевы хлопчатника в 1916 г. сократились на 20—25%³.

Классовый, буржуазно-помещичий подход к проблеме регулирования экономики текстильной промышленности, ярко выраженный антинародный характер этого регулирования явились одной из главных причин лихорадочной, неравномерной работы текстильных предприятий в годы войны, предвещавшей неизбежность надвигающейся хозяйственной разрухи, грозные симптомы которой с каждым месяцем проявлялись все отчетливее.

Государственное регулирование текстильной промышленности в годы первой мировой войны обеспечило текстильным фабрикантам колоссальные военные сверхприбыли за счет беспощадного ограбления трудового населения всей страны. Всемерно используя государственные органы регулирования текстильной промышленности в своих корыстных интересах, текстильные фабриканты изо дня в день множили свои капиталы за счет военных сверхприбылей, наживаемых на поте, слезах и крови народа. Доходы фабрикантов особенно увеличились именно после того, как начали функционировать комитеты по регулированию текстильной промышленности.

Если в 1914/15 г. чистая прибыль хлопчатобумажных предприятий с капиталом от 500 тыс. до 1 млн. руб. по официальным заниженным данным составляла 12,93%, предприятий с капиталом от 1 млн. до 5 млн. руб. — 13,79%, с капиталом 5—10 млн. — 16,49% и предприятий с капиталом свыше 10 млн. руб. — 18,28%, то в 1915/16 г., большая часть которого протекала после учреждения комитета хлопкоснабжения, эта прибыль соответственно составляла 33,88%, 38,15%, 61,93% и

³ ЦГВИА, ф. 13251, оп. 3, д. 362, л. 7.

31,92% ⁴. Если средняя прибыль по всем хлопчатобумажным предприятиям, о которых имелись официальные сведения (91 предприятие), в 1914/15 г. составляла 14,5%, то в 1915/16 г. — 37,9%.

На отдельных предприятиях чистая прибыль, даже по официальным отчетным данным, достигала почти фантастического уровня. Тверская м-ра при основном капитале в 9 млн. руб. получила чистой прибыли 10,4 млн. руб. (110%), т-во С. Морозова на 15 млн. основного капитала получила 9,5 млн. руб. прибыли (63%). Прибыль т-ва Зуевской м-ры Зимина составляла 82%, т-ва Рябушинских — 75% и т. д. ⁵.

Общая сумма прибыли, подлежащей распределению, в 1915/16 операционном году по 142 текстильным предприятиям составила более 174 млн. руб. Только 91 предприятие хлопчатобумажной промышленности распределило прибыль в размере 134,4 млн. руб. ⁶.

Источники этих колоссальных военных сверхприбылей сразу обнаруживаются, если мы сравним цены на хлопок, пряжу и хлопчатобумажные ткани в начале войны и в конце 1916 г. По данным Всероссийского союза городов, в июне 1914 г. пуд хлопка продавался по цене 16 р. 95 к., а в декабре 1916 г. он стоил 37 р. 50 к. (рост до 220%), хлопчатобумажная пряжа — соответственно 22 руб. и 105 руб. (увеличение почти в 5 раз), миткаль — 9,5 коп. за аршин и 44 коп. (увеличение почти в 5 раз), демикатон — 9,5 коп. и 50 коп. (увеличение более чем в 5 раз). В объяснительной записке союза прямо указывалось, что, наряду со спекуляцией и наводнением рынка бумажными деньгами, такой рост цен предопределялся тем, что «цены приняли теперь явно монопольный характер, владельцы товаров оказались в положении монополистов, потому что завал мануфактурного рынка, наблюдавшийся до войны, сменился теперь бестоварьем». Далее в записке приводятся расчеты статистического бюро при экономическом отделе Союза городов, при помощи которых с учетом вздорожания цен на сырье, рабочие руки и пр. определялось

⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 479, лл. 10—11.

⁵ «Вестник финансов промышленности и торговли», 1917, № 21, стр. 292—293; «Биржевой курьер», 23 ноября 1916 г.

⁶ «Вестник финансов промышленности и торговли», 1917, № 21, стр. 292.

«нормальное» и «оправдываемое» дороговизной вздорожание хлопчатобумажных тканей. Эти расчеты свидетельствуют, что такое «допустимое» вздорожание тканей «начиная с июня 1916 г. равнялось около $\frac{1}{3}$ действительного вздорожания их в разные моменты»⁷. Следовательно, материалы, приводимые в записке, наглядно показывают, что официальные сведения о прибылях хлопчатобумажных предприятий занижали действительные доходы капиталистов.

Деятели Всероссийского союза городов умалчивают о причинах, позволявших сохранять ножицы в ценах, на сырье и готовые хлопчатобумажные изделия. Кроме того, приводимые ими здесь цифры не дают еще полного представления о тех колоссальных средствах, которые выкачивались из народного хозяйства текстильными фабрикантами с помощью мер государственно-монополистического характера, в первую очередь за счет беспощадного ограбления народных масс.

Приблизительные сведения об этом содержатся в других материалах, опубликованных союзом в 1917 г. Только за счет хлопковых торговцев в 1915/16 г. фабриканты получили около 300 млн. руб. сверхприбыли. В конечном итоге эти средства были получены благодаря эксплуатации непосредственных производителей хлопка, находившихся в кабале у местных скупщиков. Торговцы хлопком, искусственно занижая закупочные цены на сырец, имели возможность обеспечить себе высокие прибыли. Примерно такую же сумму фабрикантам переплатили потребители хлопчатобумажных тканей, покупавшие их по спекулятивным ценам. В целом средства, полученные хлопчатобумажными фабрикантами при помощи государственно-монополистических мер в торговле хлопком, оценивались буржуазными экономистами в 600 млн. руб.⁸.

⁷ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 50, лл. 41—43.

⁸ «Положение текстильной промышленности», вып. 1, стр. 9—11. Значительную долю своих военных сверхприбылей текстильные фабриканты вынуждены были отдавать монополистам тяжелой промышленности, сотни миллионов рублей переплачивая за уголь, нефть, металл, красители и прочие материалы, необходимые для текстильного производства. Кроме того, в годы войны фабриканты особенно стремились скрыть истинный размер своих прибылей, списывая прибыли текущего года в возмещение убытков прежних лет, увеличивая запасной капитал и т. д. и т. п.

Авторы этих подсчетов, скорее, занизили, нежели завысили сумму прибылей. Они исходили из того, что с лета 1915 г. до апреля 1916 г. 40%, а с апреля 1916 г. почти 70% всех произведенных хлопчатобумажных тканей шло на военные нужды. Эти данные составлены на основании официальных материалов хлопчатобумажного отдела МВПК⁹. Но они основательно завышены. По официальным сведениям комитета хлопкоснабжения, для заказов на оборону с 1 января по 1 сентября 1916 г., т. е. в момент наиболее интенсивного выполнения казенных заказов, использовалось лишь 50,2% всей выработанной за это время хлопчатобумажной пряжи¹⁰. Остальная часть продукции сбывалась на частном рынке по спекулятивным ценам, что позволяло фабрикантам получать без особых хлопот десятки миллионов барышей.

В дальнейшем работа на оборону еще более сократилась, хотя фабриканты продолжали утверждать, что их предприятия перегружены военными заказами. По подсчетам общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, работа на оборону с 1 ноября 1916 г. должна была составить приблизительно 15%¹¹. Позднейшие подсчеты, сделанные по материалам комитета хлопкоснабжения, подтверждают тенденциозность оценки фабрикантами степени мобилизации хлопчатобумажной промышленности. Из 3 180 511 000 аршин хлопчатобумажных тканей, выработанных хлопчатобумажной промышленностью в 1916 г., на военные нужды поступила лишь половина¹².

Таким образом, самый приблизительный подсчет показывает, что степень загруженности хлопчатобумажных предприятий военными заказами за 2,5 года войны (до 1 января 1917 г.) в среднем не превышала 25% общей выработки, составив в 1916 г. около половины ее. Цифры, характеризующие мобилизацию хлопчатобумажной промышленности, принятые в экономической литературе, не соответствуют действительности. В книге П. И. Лященко «История народного хозяйства СССР», например, имеются такие данные: «В 1916 г. уже до

⁹ ГАИО, ф. 28, оп. 1, д. 101, лл. 35, 44.

¹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 29, л. 12.

¹¹ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1884, л. 99.

¹² «Центроткань», 1918, № 2-3, стр. 5.

80% выработки тканей шло на военные нужды и на долю всего населения оставалось не более 20—15% всей выработки»¹³. Аналогичные утверждения содержатся в более поздней работе К. А. Пажитнова. «Ткацкое и ситцевое производства, — утверждает он, — переключились на выпуск более грубых и дешевых сортов тканей для армии, поглощавшей к концу войны до 80% всей продукции текстильной промышленности»¹⁴.

П. И. Лященко, а вслед за ним и другие исследователи, видимо, попали в сети тех хитросплетений и ухищрений, к которым фабриканты прибегали для доказательства высокой нормы военных заказов — вначале до 40%, а затем до 67%. Прием, к которому они прибегали, не отличался особой оригинальностью. Когда это требовалось, фабриканты объявляли, что на такое-то число хлопчатобумажная промышленность загружена военными заказами в таком-то (40, 67 или 70) проценте к ее производительности. Так, например, в отчете Иваново-Вознесенского ВПК, представленном в Центральной ВПК, сообщалось: «Комитет может констатировать, что в местном районе текстильная промышленность работает за последнее время на нужды обороны в среднем до 40% своей производительности»¹⁵. Однако этот процент совершенно не соответствовал степени действительной загруженности текстильных фабрик Иваново-Вознесенска работой на оборону. На самом деле процент военных заказов оказался значительно ниже. По данным того же военно-промышленного комитета, с начала войны и по 1 июня 1916 г., т. е. почти за два года, текстильные фабрики Иваново-Вознесенска выполнили военных заказов на 23,7 млн. руб., в то время как сумма производства только за 1915 г. составляла более 126 млн. руб. Таким образом, военные заказы в течение первых двух лет войны в Иваново-Вознесенске не превышали 13—15%¹⁶.

¹³ П. И. Лященко. Ук. соч., т. II, стр. 643.

¹⁴ К. А. Пажитнов. Ук. соч., т. 2, стр. 138.

¹⁵ «Деятельность областных и местных военно-промышленных комитетов на 10 февраля 1916 г.», ч. 1. Пг., 1916, стр. 41.

¹⁶ См. В. Я. Лаврычев. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны, стр. 30. В нашей работе ошибочно завышен исчисленный нами процент загрузки иваново-вознесенских предприятий на оборону (25—30%).

Причину стремления иваново-вознесенских фабрикантов «подогнать» уровень военных заказов именно к 40% раскрывает циркуляр хлопчатобумажного отдела МВПК от 11 января 1916 г. Этим циркуляром предписывалось загрузить все хлопчатобумажные предприятия заказами на оборону не менее чем на 40% их производительности. В противном случае предприятия лишались привилегий при приобретении сырья, топлива и прочих материалов¹⁷. Именно эти соображения учитывались фабрикантами в первую очередь.

Кроме того, всячески раздувая данные о загруженности фабрик военными заказами, предприниматели преследовали и другую цель: сохранить довольно значительное количество работавших на них военнообязанных. Такой вывод вытекает из содержания журнала заседания бюро МВПК от 7 октября 1916 г. На этом заседании Ю. П. Поплавский заявил: «Комитет по отсрочкам на основании выданных хлопчатобумажным отделом удостоверений предоставил отсрочки в соответствии с указанными в этих удостоверениях 67% загруженности предприятий заказами для армии. Если после 1 ноября с. г. в удостоверениях будет фигурировать меньший %, то необходимым следствием этого явится, что некоторая часть рабочих в текстильных предприятиях будет лишена отсрочек и взята в армию»¹⁸.

Государственное регулирование текстильной промышленности, осуществлявшееся руками фабрикантов, обеспечило, таким образом, получение ими колоссальных военных сверхприбылей. Организованное хищничество мануфактуристов, прикрывавшееся государственным регулированием, было настолько вопиющим, что даже в буржуазных кругах, близких к капиталистам текстильной промышленности, по этому вопросу делались весьма примечательные полупризнания. Так, Всероссийский союз городов осуждал деятельность комитета хлопкоснабжения, «в течение долгого времени не сделавшего ничего для того, чтобы нормировка сырья служила интересам потребителей»¹⁹. Аналогичная, но более развернутая оценка деятельности комитетов по

¹⁷ ГАИО, ф. 28, оп. 1, д. 101, лл. 35, 44.

¹⁸ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1884, л. 99.

¹⁹ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 50, л. 43.

регулированию различных отраслей промышленности содержится в тезисах доклада Л. Б. Кафенгауза «Организация промышленности в годы войны», подготовленных для Всероссийского союза городов (в конце октября 1916 г.). «Правительственные промышленные комитеты, — утверждалось в тезисах, — действуют до сих пор без определенного плана, бессистемно, и контролируют главным образом снабжение предприятий и учреждений, работающих для армии; благодаря этому тяжесть недостатка и дороговизны на частном рынке еще усугубляется. Организация правительственного контроля проникнута крайним бюрократизмом; при разработке и проведении в жизнь различных мероприятий принимают руководящее участие большей частью только ограниченные группы крупных промышленников, вследствие чего публикуемые обязательные распоряжения не соответствуют интересам широких слоев населения и всего народного хозяйства в целом»²⁰.

Контроль, учет, надзор проводились лишь постольку, поскольку они соответствовали интересам фабрикантов. Некоторые отклонения, являвшиеся следствием усиления трений между самодержавием и империалистической буржуазией, не могли изменить общей направленности этого регулирования. Конкретные меры, принимавшиеся на разных этапах регулирования текстильной промышленности, не могли ослабить спекуляцию. Они, наоборот, способствовали развитию спекулятивного ажиотажа в этой отрасли народного хозяйства.

²⁰ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 2271, л. 1.

МОНОПОЛИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

ГЛАВА VIII

ПРОЦЕСС МОНОПОЛИЗАЦИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Некоторые особенности централизации производства

Процессы централизации текстильного производства и сращивания промышленного капитала с банковым продолжались и после Февральской революции. Однако вследствие крайнего обострения классовых противоречий в стране, неуклонного усиления революционного движения эти процессы получили своеобразную окраску. Усиливавшаяся с каждым месяцем угроза революции заставила часть фабрикантов, выжидавших стабилизации положения, действовать осторожнее, воздерживаться от крупных операций. С другой стороны, часть финансистов, более оптимистично оценивавшая политическое положение, активизировала свою деятельность, скупая текстильные фабрики и предприятия других отраслей промышленности.

После Февральской революции лишь отдельные крупные старые мануфактурные предприятия Центрального района продолжали «собирать» хлопчатобумажные фабрики. Более или менее значительные операции по покупке текстильных предприятий осуществлялись по преимуществу в случае угрозы перехода последних в нежелательные руки — к опасным конкурентам.

В этом направлении заметно выделяется деятельность правления т-ва Э. Циндель, стремившегося реорганизовать и расширить свое предприятие. Летом 1917 г. вновь обсуждался вопрос о формальном слиянии т-ва Воскресенской м-ры с т-вом Э. Циндель. 6 октября

1917 г. правление т-ва Э. Циндель приняло решение о покупке совместно с т-вом А. Я. Балина Собинской и Лемешкинской мануфактур, принадлежавших Лосевым. Управление приобретенными предприятиями предполагалось организовать на паритетных началах. Однако Балины вскоре отказались от сделки, и т-во Э. Циндель скупило контрольные пакеты предприятий самостоятельно¹.

Таким образом, незадолго перед Великой Октябрьской социалистической революцией завершился начальный этап формирования группы хлопчатобумажных предприятий трестовского типа, в которую вошли т-во Э. Циндель, Воскресенская, Собинская и Лемешкинская м-ры.

Некоторые крупные фирмы, заинтересованные в текстильной промышленности, принимали в 1917 г. форму акц. о-в и планировали расширение сферы своей деятельности. 24 июня 1917 г. правительство утвердило устав акц. о-ва Ю. С. Нечаева-Мальцева, учрежденного для эксплуатации крупной хлопчатобумажной фабрики, двух стекольных фабрик, четырех стекольных заводов, лесных дач и торфяных болот, принадлежавших графу Л. И. Игнатьеву. Преобладающая часть акций о-ва осталась в руках Л. И. Игнатьева и его жены. На первом общем собрании акционеры приняли решение расширить хлопчатобумажную фабрику, построить электростанцию на торфе и т. д. С этой целью основной капитал общества увеличивался с 25 до 50 млн. руб.².

Однако после февральской революции более характерным для текстильных фабрикантов Центрального района явилось стремление реализовать свою недвижимую собственность, особенно в тех случаях, когда принадлежавшие им хлопчатобумажные предприятия в недалекой перспективе требовали значительных затрат по их реконструкции.

В августе 1917 г. хлопчатобумажные фабрики торгового дома «Кокушкин и Маракушев» в Иваново-Вознесенске перешли к крупному оптовику-мануфактуристу З. М. Персицу, который незадолго перед этим приобрел

¹ «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 77—78; ГИАМО, ф. 774, оп. 1, д. 1554, лл. 1—2; д. 1578, лл. 2—5; л. 1590, л. 2.

² ГИАМО, ф. 322, оп. 1, д. 280, лл. 5, 18, 19.

красильно-аппретурную фабрику в Москве. В течение весны — лета в другие руки перешли Шуйская, Горкинская и Истомкинская м-ры. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Полушины продали свои фабрики в Москве и Иванове-Вознесенске шуйскому фабриканту Терентьеву³.

В суконной промышленности России объединение предприятий осуществлялось под контролем и руководством банков. Группа суконных фабрикантов во главе с В. П. Патрикеевым осенью 1917 г. приобрела за 24 млн. руб. суконную фабрику т-ва Торнтон. Сделка финансировалась Московским промышленным банком. Одновременно с этим произошло объединение других суконных предприятий. Румянцевская суконная фабрика А. Д. Протопопова и торговый дом «Платье» объединились в единое общество с основным капиталом 12 млн. руб.⁴ В 1917 г. организовалось также общество камвольных фабрикантов, объединявшее около 30 предприятий с 16 тыс. рабочих⁵. По всей видимости, при поддержке Московского промышленного банка летом 1917 г. фабриканты суконной промышленности организовали взаимное страхование от возможных потерь при закупке шерсти. 7 июня 1917 г. во Всероссийском обществе суконных фабрикантов владельцы предприятий подписали соглашение об отчислении в страховой фонд 2% от суммы покупки шерсти. Для организации страхования создавалось специальное бюро во главе с крупнейшими суконными фабрикантами В. К. Пельцером, П. В. Бухгеймом, В. Д. Хутаревым⁶.

В 1917 г. объединительные тенденции наблюдались и в торговле шерстяными тканями. 23 мая 1917 г. был утвержден устав общества торговцев сукном, учрежденного «для выяснения и обсуждения вопросов, касающихся торговли суконными, шерстяными и полушерстяными тканями, для разработки мер к ее преуспеванию и для представительства интересов названной торговли»⁷.

³ «Коммерческий телеграф», 18 апреля, 9 августа и 30 сентября 1917 г.; ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1784, л. 135.

⁴ «Коммерческий телеграф», 5 сентября 1917 г.

⁵ ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 29, лл. 28—29.

⁶ ГИАЛО, ф. 1266, оп. 1, д. 1836, лл. 1—9; д. 1835, л. 9.

⁷ «Коммерческий телеграф», 26 мая 1917 г.

В 1917 г. капиталистам хлопчатобумажной промышленности удалось не только сохранить, но и несколько укрепить свои позиции в хлопковой торговле. Представители московских банков и хлопкооторговых фирм, контролируемых московскими банками, доминировали в только что организованном Всероссийском обществе хлопковых промышленников и торговцев хлопком. На съезде фабрикантов и хлопкопромышленников в конце лета 1917 г. это общество представляли А. Л. Кноп, И. И. Аигин (Российское взаимное хлопкопромышленное т-во — Московский банк), В. С. Герсон (директор т-ва для торговли и промышленности в Персии — Соединенный банк), А. И. Турков (т-во «Искандер», принадлежавшее Московскому промышленному банку), Я. Х. Вадьяев, А. Н. Крафт, Н. М. Шлосберг, Г. Д. Чемаенский (Московский купеческий банк)⁸.

Таким образом, московские банки имели на ответственном съезде среди делегатов общества хлопковых промышленников и торговцев хлопком подавляющее большинство голосов. В то же время петроградские банки прямого представительства не имели. Лишь Русско-Азиатский банк был представлен через Соединенный банк, контрольным пакетом акций которого он овладел совместно со Стахеевым⁹.

После Февральской революции деловая активность Рябушинских и их Московского банка заметно ослабла. Они не прилагали заметных усилий к тому, чтобы реализовать свои начинания в льноэкспортном и лесозэкспортном деле. Мы не имеем никаких сведений о попытках приобретения Рябушинскими в этот период контрольных пакетов акций коммерческих банков и промышленных предприятий. Известна только одна крупная финансовая операция, проведенная Рябушинскими накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 13 сентября 1917 г. они согласились совместно с Московским купеческим банком открыть кредит Московско-Казанской железной дороге на срок 5 лет в размере 22,5 млн. руб. На долю Рябушинских из этой суммы приходилось 14 млн. руб. В это же время близ Саратовского вокзала в Москве правлением Москов-

⁸ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 43, л. 90.

⁹ См. Т. М. Китанина. Ук. соч., стр. 130—131.

ского банка сооружались большие товарные склады для хранения грузов, перевозившихся по Рязано-Уральской железной дороге¹⁰.

И все же, несмотря на отмеченные тенденции, позиции Рябушинских в хлопчатобумажной промышленности несколько улучшились. Этому, в частности, способствовало изменение руководства крупнейшим хлопчатобумажным предприятием России — т-вом С. Морозова. Во главе т-ва встали близкие Рябушинским люди — братья А. Г. и Ф. Г. Карповы¹¹.

«Пассивность» Рябушинских, по всей видимости, объяснялась политической конъюнктурой. Чувствуя нарастание революции, они решили выждать «лучшие» времена. Необходимо также учитывать, что разработанный Рябушинскими в конце 1916 г. план будущей деятельности предполагал значительные капиталовложения за границей, а в условиях мировой войны проведение таких операций было крайне затруднительно.

Изложенный материал, на наш взгляд, все же не может служить обоснованием для выводов, сделанных некоторыми исследователями, утверждавшими, что деятельность Рябушинских по собиранию концерна и организации монополистических объединений сильно отставала от деятельности Н. А. Второва и И. И. Стахеева в этом направлении¹². Как уже отмечалось выше, до Февральской революции ни о каком преобладании Н. А. Второва, не говоря уже об И. И. Стахееве, говорить нельзя. Однако в 1917 г. положение несколько изменилось. Н. А. Второв и И. И. Стахеев, используя сложное политическое положение, разворачивают крупные спекулятивные операции. Они без колебаний скупали предприятия, охотно продававшиеся фабрикантами Петрограда и Центрального района, напуганными революционными событиями.

После Февральской революции Н. А. Второв еще более настойчиво устремляется в другие отрасли промышленности и, в первую очередь, в топливную и машиностроительную. Он пытается овладеть Донецко-

¹⁰ ГИАМО, ф. 254, оп. 1, д. 75, лл. 27—29; «Коммерсант», 12 апреля 1917 г.

¹¹ «Коммерсант», 29 июля 1917 г.

¹² См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 58—59.

Юрьевским о-вом, вступает в переговоры с Мещерским об объединении Донецко-Юрьевского о-ва с Коломенским, Сормовским и Белорецким заводами. Ему удалось приобрести контрольный пакет акций Московского вагоностроительного завода и овладеть совместно с Петроградским учетным банком крупным угольным предприятием — копиями «Грушевский антрацит». Вслед за ним он подчиняет углепромышленное акц. о-во Московского промышленного района¹³. На чрезвычайном общем собрании акционеров о-ва Воскресенских копей в начале мая 1917 г. большую часть акций предъявили представители Московского промышленного банка. По их настоянию основной капитал общества увеличивается до 3 млн. руб.¹⁴.

В это же время Второв начинает прибирать к рукам Кольчугинский завод. Член совета Московского промышленного банка Н. А. Калмыков представлял Кольчугинский завод на совещаниях контрагентов «Электропровода» в 1917 г. и вошел в состав правления этого синдиката. Несколько ранее (середина 1916 г.) тот же Н. А. Калмыков вошел в состав правления акц. о-ва Московского электролитического завода, контролируемого ранее торговым домом Вогану¹⁵. Еще накануне Февральской революции был утвержден устав «Русско-американского экспортно-импортного о-ва», учрежденного Московским промышленным банком. Правление о-ва, избранное после революции, возглавил член совета банка С. В. Челноков. К концу 1917 г. основной капитал о-ва составлял уже 3 млн. руб.¹⁶. К началу 1917 г. Второву удалось приобрести значительный пакет акций о-ва Брянских машиностроительных заводов. Однако контрольный пакет оставался в руках Русско-Азиатского банка¹⁷.

По данным периодической печати, прибыль, полученная Н. А. Второвым за годы войны от эксплуатации

¹³ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 60; ГИАМО, ф. 673, оп. 7, д. 223, лл. 33, 42.

¹⁴ «Коммерсант», 5 мая 1917 г.

¹⁵ ГИАМО, ф. 883, оп. 2, д. 341, лл. 21, 31; ф. 51, оп. 10, д. 1668, лл. 4, 7; д. 2859, л. 5.

¹⁶ ГИАМО, ф. 51, оп. 10, д. 1817, лл. 2, 13.

¹⁷ См. И. Ф. Гиндин. Ук. соч., стр. 5—9; «Биржевой курьер», 7 января 1917 г.; ЦГАНХ, ф. 3984, оп. 1, д. 3, л. 28.

всех его предприятий, составляла внушительную сумму в 125—150 млн. руб.¹⁸.

В годы войны в петроградских финансово-промышленных кругах заметную роль стала играть группа Стахеева — Батолина — Путилова, опиравшаяся на Русско-Азиатский банк и действовавшая с ним в тесном контакте. Благодаря грандиозным спекуляциям продовольствием И. И. Стахеев сумел мобилизовать огромный капитал, который он использовал для покупки предприятий в различных отраслях народного хозяйства. Он развивает организованные до войны нефтепромышленные о-ва в Эмбинском районе, Охотское рыбопромышленное о-во на Дальнем Востоке, Батолинское лесопромышленное о-во, обеспечивает себе руководящее положение в ряде железнодорожных о-в (Московско-Казанской, Бугульминской и Северо-Донецкой дорог), организует хлопкопромышленные предприятия в Средней Азии и т. д. и т. п. После Февральской революции группа Стахеева, при поддержке Русско-Азиатского банка, приобрела контрольные пакеты Соединенного и Волжско-Камского банков¹⁹.

Одним из основных направлений экспансии И. И. Стахеева являлась хлопчатобумажная промышленность. Скупку хлопчатобумажных предприятий он начал еще до Февральской революции. Первой крупной операцией явилась покупка у Петроградского частного коммерческого банка контрольного пакета акций Российской бумагопрядильни в Петрограде. Наживаясь на спекуляции хлебом, стремясь вложить свои деньги в более устойчивые ценности, И. И. Стахеев не особенно торговался, переплачивая сотни тысяч рублей. Акции Российской бумагопрядильни накануне Февральской революции он купил за 135 руб. при номинале в 75 руб. Стахеев настолько спешил, что дал письменное согласие уплатить по 135 руб. за акцию, хотя буквально накануне правление банка, не рассчитывая на столь высокую оценку, приняло решение продать акции в среднем не ниже 125 руб. за штуку²⁰. До предложения Стахеева,

¹⁸ «Коммерческий телеграф», 12 сентября 1917 г.; «Хлопчатобумажная промышленность», 1918, № 5, стр. 1.

¹⁹ «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 81—87.

²⁰ ЦГИАЛ, ф. 597, оп. 2, д. 409, лл. 26—27.

несмотря на спекулятивный ажиотаж, развернувшийся в годы войны, и на искусственное повышение ценности акций о-ва на бирже синдикатом банков, это предприятие не находило покупателей. Утверждение Т. М. Китаниной о том, что о-во Российской бумагопрядильной м-ры являлось «высокорентабельным предприятием»²¹, нельзя признать правильным. Дело в том, что по своим технико-экономическим данным это предприятие было малоперспективным, требующим значительных капиталовложений для ремонта и обновления оборудования и реорганизации важнейших производственных отделов. Дела о-ва шли настолько неудовлетворительно, что в 1916 г. для детального обследования положения объединенных предприятий направлялся заведующий отделом предприятий Петроградского частного коммерческого банка. В докладе о деятельности о-ва Российской бумагопрядильни за первую половину 1916 г. он убедительно показал, что прибыль, полученная предприятием, обуславливалась непрерывным ростом цен на хлопчатобумажные ткани и сравнительно стабильными ценами на хлопок²².

Сразу же после того, как Стахеев приобрел контрольный пакет акций Российской бумагопрядильни, правление этого предприятия приняло решение о покупке Триумфальной бумагопрядильни и части акций о-ва «Фергана»²³. К середине апреля 1917 г., после покупки Истомкинской м-ры Шибаева, И. И. Стахеев владел уже пятью хлопчатобумажными предприятиями (т-во Российской бумагопрядильни, т-во Северной ткацкой м-ры, т-во Гергарди, т-во Триумфальной м-ры и Истомкинская м-ра)²⁴. Вслед за тем в Центральном промышленном районе Стахеев приобрел за тройную цену Шуйскую м-ру и хорошо оборудованную Старо-Горкинскую м-ру, а также группу петроградских хлопчатобумажных предприятий (Петровскую, Спасскую и Шлиссельбургскую м-ры). Накануне Великой Октябрьской социалистической революции И. И. Стахеев сосредоточил в своих руках 10 хлопчатобумажных предприя-

²¹ Т. М. Китанина. Ук. соч., стр. 119.

²² ЦГИАЛ, ф. 597, оп. 2, д. 413, лл. 226—227.

²³ ГИАЛО, ф. 1196, оп. 3, д. 8, лл. 2—3, 5; «Коммерсант», 4 февраля 1917 г.

²⁴ «Коммерческий телеграф», 18 апреля 1917 г.

тий, на которых имелось около 500 000 прядельных веретен и 10 тыс. ткацких станков²⁵.

По своей мощности группа предприятий Стахеева приблизилась к группе т-ва внутренней и вывозной торговли. Однако, если Н. А. Второв объединил первоклассные хлопчатобумажные предприятия определенного профиля, то И. И. Стахеев собирал все, что попадалось, — предприятия совершенно неравноценные и неоднородные. Тем не менее созданная им группа имела потенциальные возможности после соответствующей реконструкции превратиться в монополию высшего типа.

В нашей литературе в последнее время распространено мнение, что группа И. И. Стахеева создавалась для борьбы с т-вом внутренней и вывозной торговли²⁶. Это не совсем точное утверждение основывается на газетной заметке, где прямо заявлялось, что Стахеев «предлагает объединить все эти мануфактуры в синдикат, направленный против московского синдиката мануфактур, группирующихся около Н. А. Второва». Однако через неделю та же газета опубликовала сообщение, опровергающее собственное утверждение. В газете говорилось: «Нас просят сообщить, что эти приобретения ни в коей степени не находятся в связи с образованием какого-либо синдиката, направленного против Н. А. Второва. Как известно, фабрики, объединенные т-вом внутренней и вывозной торговли, вырабатывают главным образом ситцы, тогда как фабрика т-ва Шибаева производит бумажное трико, полусукно и полубархат, а остальные три петроградские предприятия — бумажную пряжу»²⁷. Деятельность Стахеева пока еще непосредственно не угрожала Н. А. Второву и его объединению. Однако в хлопчатобумажной промышленности у Второва появился опасный соперник, борьба с которым в дальнейшем угрожала принять весьма острый характер.

Следовательно, сравнительно кратковременный промежуток между двумя революциями 1917 г. в текстильной промышленности знаменовался интенсивным про-

²⁵ «Коммерсант», 28 июня и 28 сентября 1917 г.

²⁶ См. Т. М. Китанина. Ук. соч., стр. 120; К. И. Бобков. Ук. соч., стр. 88.

²⁷ «Коммерческий телеграф», 18 и 25 апреля 1917 г.

цессом централизации капитала и производства. Особо следует отметить факт создания крупной группы хлопчатобумажных предприятий «чуждыми» текстильной промышленности финансистами (Стахеевым — Батолиным), опиравшимися на крупнейшие петербургские банки. Последнее, бесспорно, не могло не обострить борьбы различных групп монополистов за руководящее положение в крупнейших предпринимательских союзах. Если эта борьба протекала подспудно, почти не обнаруживаясь на поверхности, то здесь проявлялось воздействие крайне напряженной политической обстановки. Дело в том, что нарастание революции, неуклонный рост сознательности, сплоченности и организованности пролетариата заставляли соперничающие группы промышленников стремиться к единству действий в борьбе с рабочим классом.

§ 2. Антирабочая политика монополистов текстильной промышленности в 1917 г.

Завоевание рабочим классом России, в результате Февральской революции, невиданных в стране политических свобод создало благоприятные условия для улучшения положения пролетарских масс. В результате огромной разъяснительной работы большевиков рабочий класс все настойчивее выдвигает требование рабочего контроля над производством и распределением продуктов, введения 8-часового рабочего дня и др. Поэтому рабочий вопрос становится для капиталистов еще более важным, жгучим и неотложным, чем в предшествующие годы.

Все предпринимательские организации свою деятельность в значительной степени сосредоточили вокруг вопросов, возникающих на почве взаимоотношений с рабочими. Даже в предпринимательских союзах, ранее уделявших мало внимания рабочему вопросу, последний выдвинулся теперь на передний план.

Текстильные фабриканты, создав Московский торгово-промышленный комитет и возглавив организационный комитет Всероссийского союза торговли и промышленности, всеми средствами стремились приостановить дальнейшее развитие революции, направить ее в такое русло, которое позволило бы обеспечить постепенное

затухание революционного движения. Решению именно этих задач были подчинены все коллективные выступления капиталистов.

На заседании Московского торгово-промышленного комитета, происходившем 7 марта 1917 г. под председательством А. И. Кузнецова и С. Н. Третьякова, заслушивались информации о положении на фабрично-заводских предприятиях. Капиталисты осудили попытки рабочих явочным порядком ввести 8-часовой рабочий день, предлагая ждать разрешения вопроса о продолжительности рабочего дня законодательным путем. Столь же отрицательно отнеслись они к фактам смещения рабочими ненавистных им лиц из состава фабричной администрации. Фабриканты требовали разрешать такие конфликты путем примирительного разбирательства ²⁸.

14 марта Московский торгово-промышленный комитет заслушал сообщения о настроении рабочих и снова обсуждал вопрос о 8-часовом рабочем дне. Капиталисты вновь единодушно выступили против введения 8-часового рабочего дня, объявив вопрос о сокращении рабочего времени вопросом государственного значения, настаивая на разрешении его в правильно образованных законодательных учреждениях ²⁹, т. е. в Учредительном собрании, созыв которого буржуазия в дальнейшем упорно оттягивала.

Первый Всероссийский съезд торговли и промышленности, состоявшийся 12—22 марта 1917 г. в Москве, вслед за московскими фабрикантами резко осудил борьбу пролетариата за 8-часовой рабочий день и снова потребовал разрешения рабочего вопроса исключительно путем постепенных законодательных актов ³⁰.

Некоторое время после Всероссийского торгово-промышленного съезда Московский торгово-промышленный комитет продолжал координировать антирабочую политику предпринимательских организаций Центра России. Так, 28 марта по предложению С. Н. Третьякова он в

²⁸ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 3, л. 7; д. 1, лл. 20, 25.

²⁹ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 1, лл. 15—16; «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 160, 161.

³⁰ «Всероссийский союз торговли и промышленности. Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 19—22 марта 1917 г.», М., 1918, стр. 8—18, 231.

принципе одобрил идею организации «соглашательных или примирительных камер для разрешения конфликтов между фабрикантами и рабочими. Здесь же, в ответ на запрос т-ва С. Морозова, капиталисты признали невозможным производить удержания из заработной платы рабочих для нужд Советов рабочих депутатов³¹. 12 апреля совет общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района обратился в комитет с предложением обсудить меры противодействия насильственному удалению рабочими представителей администрации с предприятий³².

Временное правительство при разрешении рабочего вопроса с самого начала прислушивалось к голосу предпринимателей. В программе, изложенной министром торговли и промышленности А. И. Коноваловым, законодательное оформление 8-часового рабочего дня отодвигалось на неопределенный срок, а центр тяжести законодательной работы переносился на вопросы, разрешение которых наиболее дальновидными фабрикантами намечалось еще до революции (развитие профессиональных союзов, создание примирительных учреждений и пр.)³³. Деятельность созданного Временным правительством отдела труда министерства торговли и промышленности в области рабочего законодательства с первых же шагов осуществлялась в тесном контакте с советом съездов представителей промышленности и торговли, Всероссийским союзом торговли и промышленности и Московским торгово-промышленным комитетом.

Дальнейшее обострение классовых противоречий заставило капиталистов приступить к созданию специальных центров, предназначенных для организации наступления на рабочий класс, их права и интересы³⁴. Инициативу проявили московские капиталисты. Вскоре после Февральской революции их лидеры, возглавлявшие крупнейшие отраслевые объединения, пришли к

³¹ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 1, л. 32.

³² ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 3, л. 21.

³³ См. П. В. Волобуев. Экономическая программа буржуазии и Временного правительства. «Исторические записки», т. 67, стр. 51.

³⁴ См. В. В. Рейхардт. Русская буржуазия в борьбе за сохранение экономического господства. «Красная летопись», 1930, № 1/34, стр. 29—31.

выводу о необходимости консолидации сил в борьбе с рабочим движением. В отчете общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности за 1917 г. утверждалось: «Расширяющееся и усиливающееся движение среди рабочих, выставляющих ряд за рядом все новые экономические требования, все усиливающаяся разруха в промышленной жизни — ставили перед представителями промышленности задачу ввести рабочее движение в более или менее спокойное русло, создать условия возможности успешной и планомерной работы»³⁵. Комиссия общества по рабочему вопросу на заседании 11 марта признала необходимым созвать съезд заведующих фабриками для обмена мнениями о положении фабрично-заводских предприятий. Съезду в первую очередь предстояло заняться подготовительной работой по «организации местных фабрикантских совещаний для обсуждения и согласования решений по вопросам, возникающим в фабрично-заводских комитетах, организуемых рабочими»³⁶.

Съезд фабрикантов и заведующих фабриками состоялся 16 марта 1917 г. Здесь обсуждались наиболее важные вопросы фабрично-заводской жизни. Капиталисты поддержали предложение руководителей общества о создании союза объединенной промышленности в центре и организации районных совещаний владельцев предприятий на местах³⁷.

В крупных фабрично-заводских центрах одно за другим стали возникать местные совещания капиталистов. Они получили наименование районных обществ фабрикантов и заводчиков. К концу июня 1917 г. насчитывалось 12 таких обществ: Владимиро-Ковровское, Иваново-Вознесенское, Щелковское, Тверское, Московское, Орехово-Зуевское, Александровское, Богородское, Середское, Кинешемское, Егорьевско-Раменское, Шуйское³⁸. Некоторые из этих обществ (Иваново-Вознесенское, например) существовали еще до революции. Теперь функции антирабочего союза здесь получили еще большее развитие. На собрании членов Иваново-Возне-

³⁵ «Хлопчатобумажная промышленность», 1918, № 1—2, стр. 13.

³⁶ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 2017, лл. 382, 390.

³⁷ «Хлопчатобумажная промышленность», 1918, № 1—2, стр. 14—16.

³⁸ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 473, л. 48.

сенского общества фабрикантов и заводчиков 19 мая состоялось решение о реорганизации общества. Общество возглавил президиум из семи человек, а все повседневное и текущее руководство сосредоточивалось теперь в исполнительном бюро³⁹.

8 апреля состоялось первое общее собрание фабрикантов Шуйского района. Определяя принципы деятельности новой организации, предприниматели согласились, что «никто из членов общества не вправе делать какие-либо изменения» условий найма рабочих без согласия совета общества. Новое общество намеревалось осуществлять тесное сотрудничество с Иваново-Вознесенским обществом фабрикантов и заводчиков⁴⁰.

В мае 1917 г. организовалось Кинешемское общество фабрикантов и заводчиков. В основе этого объединения лежал следующий принцип: «Никакой сепаратной деятельности в области фабричной и заводской промышленности для членов общества недопустимо. Решения большинства обязательны для меньшинства предприятий данного района. Члены, не подчиняющиеся постановлению большинства, исключаются из состава Общества и в своей дальнейшей деятельности лишаются всякой поддержки». Большинство обеспечивалось за крупнейшими предприятиями: распределение голосов было в их пользу⁴¹. Фабриканты избрали комиссию для разработки устава. Комиссия получила руководящие указания, сводившиеся к заключению, что в «кардинальных пунктах устав не должен отличаться от уставов других обществ, а именно Ивановского, Шуйского и Ковровского»⁴².

Наряду с местными обществами предпринимателей весной и летом 1917 г. организовались и действовали их межрайонные объединения. Орехово-Зуевское общество объединилось с обществом фабрикантов Богородско-Глуховского района в единую межрайонную организацию. На одном из регулярно собиравшихся совещаний крупнейших фабрикантов этого района они постановили «положить начало для дальнейшей постоянной организации, имеющей целью совместное обсуждение вопросов,

³⁹ ГАИО, ф. 7, оп. 1, д. 156, л. 3.

⁴⁰ ГАИО, ф. 641, оп. 1, д. 14, л. 1.

⁴¹ ЦГАОР, ф. 5457, оп. 1, д. 60, лл. 1—2, 8—9.

⁴² ГАИО, ф. 138, оп. 1, д. 4782, л. 1.

представляющих общее значение для предприятий района»⁴³. Общество организационно оформилось в конце августа — начале сентября 1917 г. Председателем совета стал представитель т-ва м-р С. Морозова б. царский министр А. В. Кривошеин. Это объединение имело узкозамкнутый характер. Более мелкие предприятия, входившие в местные общества, не допускались в новую организацию. Уставом предусматривалось, что членами общества могли стать лишь крупнейшие предприятия, насчитывавшие не менее 1,5 тыс. рабочих⁴⁴.

В это же время оформилось иваново-кинешемское объединение местных антирабочих союзов. В. В. Рот еще 5 мая на общем собрании шуйских фабрикантов заявил: «Предполагается, что местные общества фабрикантов и заводчиков будут организованы в районные организации, причем нашей районной организацией будет район городов Кинешма — Вичуга — Иваново — Шуя — Ковров»⁴⁵.

Организационное оформление союза объединенной промышленности несколько затянулось. До создания новой организации вопросы антирабочей политики хлопчатобумажные фабриканты разрешали в обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Так, 29 апреля совет общества разослал циркуляр, которым рекомендовалось воздерживаться от удовлетворения требований рабочих о включении временных военных прибавок к заработной плате в основные расценки⁴⁶.

Учредительное собрание союза объединенной промышленности состоялось 9 мая в помещении общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. В совет союза вошли представители всех местных обществ и Всероссийского общества льнопромышленников. Совет избрал временный президиум в составе С. А. Морозова, А. М. Невядомского и В. В. Рота. Заседания совета первоначально происходили в охотничьем кабинете ресторана «Метрополь», а затем в помещении т-ва м-р С. Морозова⁴⁷. Вскоре союз объединил 17 отраслевых

⁴³ ГАОРМО, ф. 3631, оп. 3, д. 133, лл. 58, 64—65.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 6868, оп. 1, д. 64; лл. 155—156, 255—256; д. 128, л. 1.

⁴⁵ ГАИО, ф. 641, оп. 1, д. 14, л. 4.

⁴⁶ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12032, л. 1.

⁴⁷ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 8, л. 8; ГАИО, ф. 641, оп. 1, д. 5, лл. 1—2; «Коммерсант», 11 мая 1917 г.

и местных предпринимательских объединений. В состав союза вошли общество заводчиков и фабрикантов Московского района и Всероссийское общество суконных фабрикантов ⁴⁸.

Хлопчатобумажные фабриканты поставили перед союзом задачу «объединить, по возможности, не только все хлопчатобумажные предприятия, но и предприятия других отраслей Центрального промышленного района, так как выдвинулась необходимость более активного участия промышленников в развивающемся рабочем движении, которое носило не столько профессиональный характер, сколько выдвигало общие политические требования, создавая областные и всероссийские объединения» ⁴⁹. Под «более активным участием в рабочем движении» имелась в виду активизация борьбы с революционными пролетарскими массами. Сразу же после своего организационного оформления союз проводит 10 и 12 мая в помещении общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности конференцию представителей промышленников Ивановского, Шуйского, Кинешемского и Ковровского районов, на которой обсуждались вопросы, отражавшие важнейшие стороны взаимоотношений капиталистов с рабочими: об организации фабрично-заводских комитетов и примирительных камер, об уровне заработной платы рабочих, интенсификации труда и 8-часовом рабочем дне ⁵⁰. Приглашенный на заседание конференции представитель рабочих большевик Н. А. Жиделев выдвинул совершенно неприемлемые с точки зрения фабрикантов требования о повышении заработной платы. Пытаясь оказать давление на пролетарские организации, руководители союза обратились через Московский торгово-промышленный комитет к Временному правительству с сообщением об угрожающем положении в промышленности ввиду «невыполнимых и даже несуразных требований рабочих» ⁵¹.

С первых же дней существования союза его руководители взяли на вооружение такое испытанное средство борьбы с рабочим классом, как массовый локаут.

⁴⁸ ГАИО, ф. 641, оп. 1, д. 14, л. 7; ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12629, л. 1.

⁴⁹ «Хлопчатобумажная промышленность», 1918, № 1—2, стр. 16.

⁵⁰ ЦГАОР, ф. 5457, оп. 1, д. 60, л. 10.

⁵¹ ГАИО, ф. 641, оп. 1, д. 14, л. 7; д. 7, лл. 1—2, 6.

Остановка фабрик рассматривалась предпринимателями в первую очередь в плане борьбы с рабочим движением. На чрезвычайном общем собрании членов союза 22 мая 1917 г. фабриканты под предлогом недостатка топлива и сырья признали необходимым «остановить все фабрики и заводы, за исключением первоочередных, работающих на оборону», с 15 июня по 15 августа 1917 г. Рабочих предполагалось использовать на сельскохозяйственных работах. Кроме двухнедельного пособия они не получали от владельцев предприятий никакой заработной платы. Идея скрытого локаута одобралась Московским торгово-промышленным комитетом⁵². Окончательному решению этого вопроса в комитете предшествовали совещания промышленников 8 и 12 июня, проводившиеся С. Н. Третьяковым. В процессе этих совещаний выяснилось, что, по словам Н. Д. Морозова, «заккрытие фабрик из-за недостатка хлопка не оправдывается обстоятельствами», что целесообразно перераспределить хлопок между предприятиями. Не столь катастрофическим оказалось положение и с топливом. Лишь после подтверждения министерством торговли и промышленности невозможности получения в будущем значительного количества топлива из Баку механизм организации локаута был пущен в ход⁵³.

Стремясь при помощи остановки фабрик терроризировать рабочих и дезорганизовать рабочее движение, фабриканты все же опасались, что их действия могут вызвать новую волну революционных выступлений пролетариата. Поэтому через смежные предпринимательские организации они добивались от министерства торговли и промышленности официальной санкции на локаут, организации использования безработных в сельском хозяйстве и выдачи им пособия за счет правительства.

Активное противодействие рабочего класса, массовые протесты профсоюзов задержали осуществление этой меры. В Москве 16 и 17 июня под руководством большевиков состоялся съезд представителей 164 фаб-

⁵² «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 404—405; ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12629, лл. 1—2.

⁵³ «Торгово-промышленная газета», 14 и 15 июня 1917 г.; ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 4, л. 24.

рично-заводских комитетов предприятий текстильной промышленности, насчитывавших более 200 тыс. рабочих. Съезд избрал областное бюро фабрично-заводских комитетов и принял резолюцию, в которой намечался план решительной борьбы с локаутами⁵⁴. Под напором революционного пролетариата даже эсеро-меньшевистский Московский областной совет оказал определенное противодействие локаутчикам. Соединенное совещание представителей Московского Совета рабочих и солдатских депутатов и промышленников в конце июня 1917 г. определило условия, при которых допускалась остановка предприятий. Во-первых, совещание признало необходимым продолжать работу на предприятиях, имевших возможности получить сырье и топливо. Во-вторых, в случае необходимости немедленной остановки фабрики капиталисты не могли увольнять рабочих и обязаны были выплачивать им полностью заработную плату до окончательного решения вопроса (срок последнего считался 1 июля). В-третьих, вопрос о закрытии фабрик решался на местах общими собраниями рабочих и утверждался Советом рабочих депутатов. В-четвертых, закрытие предприятий не могло превышать месячный срок, и все предприятия обязывались возобновить работу за месяц до выборов в Учредительное собрание⁵⁵.

Однако фабриканты продолжали настаивать на длительной остановке предприятий. 27 июня 1917 г. в союзе объединенной промышленности состоялось очередное обсуждение этого вопроса. На заседании присутствовали представители Всероссийского общества льнопромышленников, общества фабрикантов суконной промышленности, общества фабрикантов камвольного производства, общества фабрикантов красильно-аппретурных предприятий, общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района и двенадцати районных обществ фабрикантов и заводчиков. Капиталисты подтвердили свое решение об остановке предприятий, при которой рабочим предполагалось выдать пособие лишь в размере двухнедельного заработка. Кроме того, в соответствии с проектируемым декретом

⁵⁴ «Правда», 23 июня 1917 г.; «Социал-демократ», 20 июня 1917 г.

⁵⁵ «Торгово-промышленная газета», 27 июня 1917 г.

Временного правительства все фабриканты обязывались внести в фонд оказания помощи безработным сумму в размере месячного фонда заработной платы. В Петроград выехала делегация, возглавлявшаяся С. Н. Третьяковым, для того, чтобы выяснить отношение Временного правительства к изложенным предложениям и возбудить ходатайство об издании закона о государственном страховании от безработицы⁵⁶.

30 июня более широкое собрание фабрикантов при Московской бирже подтвердило основные идеи резолюции союза объединенной промышленности⁵⁷. Союз объединенной промышленности и другие предпринимательские организации добивались санкции Московского районного комитета снабжения на остановку предприятий⁵⁸. Социал-соглашатели, преобладавшие среди представителей демократических организаций в районном комитете снабжения, склонялись к закрытию предприятий. Однако, стремясь скрыть свою капитуляцию перед локаутчиками, они внесли в условия закрытия фабрик ряд оговорок, ослаблявших действие локаута. Согласно постановлению № 2 Временного бюро снабжения от 1 июля 1917 г. остановка текстильных предприятий в пределах 15 губерний Центра и Севера России могла произойти лишь после специального решения бюро снабжения и на срок не более шести недель. В течение этого времени рабочие организации продолжали функционировать, а рабочие получали $\frac{2}{3}$ заработка. Промышленники голосовали против этих условий, но С. Н. Третьяков заявил, что они все же подчинятся постановлению. Постановлением № 3 от 1 июля 1917 г. объявлялось о шестинедельной остановке текстильных предприятий в пределах Московской окружной железной дороги на общих условиях, предусмотренных постановлением № 2. При этом двухнедель-

⁵⁶ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 473, лл. 48, 50.

⁵⁷ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 4, лл. 24, 52.

⁵⁸ Районные комитеты снабжения возникли в июне 1917 г. Они комплектовались на паритетных началах из представителей ценовых (буржуазных) и демократических элементов. В состав Московского районного комитета снабжения входили и большевики (Г. М. Кржижановский, С. Я. Эмдин и др.). Однако они были в меньшинстве, поэтому не имели возможности предотвратить локаут (ЦГАОР, ф. 472, оп. 1, д. 72, лл. 21—23; «Коммерческий телеграф», 25 и 26 июля 1917 г.).

ная заработная плата выдавалась рабочим перед остановкой предприятия⁵⁹.

Противодействие рабочих помешало осуществить локаут на более обширной территории. Опираясь на пролетарские массы, большевистское руководство Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов и Центрального бюро фабрично-заводских комитетов Иваново-Вознесенского района, например, не допустили осуществления массового локаута в своем районе. Хотя хлопчатобумажные предприятия города находились не в лучшем положении, чем в Москве, большевики, имея точные данные о снабжении фабрик сырьем и топливом, предотвратили остановку большей части фабрик⁶⁰.

Массовый локаут был одним из направлений наступления контрреволюционных сил. Московская буржуазия, стремясь обеспечить единовластие Временного правительства, закрывая предприятия, направляя рабочих в деревню, пыталась внести дезорганизацию в пролетарские ряды. Союз объединенной промышленности в своем циркуляре от 5 июля 1917 г. настоятельно рекомендовал фабрикантам строго выполнять условия перерыва. Несмотря на неудовлетворительные, с точки зрения союза, условия локаута, несмотря на прямой ущерб, наносимый фабрикантам обязательством выплатить $\frac{2}{3}$ заработной платы за время остановки фабрик, союз предлагал согласиться с этим требованием. В циркуляре утверждалось, что, поскольку якобы комитет снабжения является государственным органом, «не подчиниться означенному постановлению в данный момент не представляется возможным и можно только рекомендовать путь частных соглашений, если только такие могут быть достигнуты»⁶¹.

Массовый локаут на фабриках Москвы и ее пригородов являлся составной частью подготовлявшегося буржуазией контрреволюционного переворота, намечавшегося первоначально на первую половину августа и приуроченного к открытию Государственного совещания. Утверждение о необходимости обеспечить сельское хозяйство рабочими руками не выдерживает критики

⁵⁹ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12618, лл. 1—2; ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1766, л. 312; «Коммерческий телеграф», 17 августа 1917 г.

⁶⁰ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1766, лл. 312—314.

⁶¹ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 473, лл. 48, 50, 55.

уже потому, что сельскохозяйственные работы никем не организовывались. Рассчитывать же на значительный стихийный уход рабочих в деревню не имелось никаких оснований, так как на предприятиях района преобладали местные рабочие, т. е. выходцы из нечерноземных губерний, где особого недостатка рабочих рук не ощущалось. К тому же большая часть промышленных рабочих утратила прямые экономические связи с деревней. Затруднения с сырьем и топливом, на которые ссылались фабриканты, они сами же в значительной степени создавали преднамеренно.

Фабриканты шли на значительные материальные жертвы для того, чтобы в решающий момент борьбы за контрреволюционную диктатуру разрядить скопление пролетарских масс в промышленных центрах, ограничить возможности их организации. Конференция фабзавкомов Москвы, происходившая 24—28 июня 1917 г., дала правильную оценку подобным замаскированным локаутам, указывая, что они являются средством не только экономической, но и политической борьбы, используются для ослабления сил рабочего класса — главной опоры революции⁶².

Попытка проведения августовского локаута показала вместе с тем, что многие московские фабриканты в политическом отношении оказались крайне близорукими людьми, неспособными пожертвовать выгодами минуты ради осуществления больших политических планов в интересах своего класса. Несмотря на призывы союза объединенной промышленности, большинство текстильных предприятий уклонилось от осуществления локаута. Только 33 предприятия из 105, находившихся в зоне прекращения фабричных работ, остановили производство⁶³. Это лишний раз свидетельствует о том, что положение текстильных предприятий Москвы было не настолько катастрофическим, чтобы следовало объявлять шестинедельный перерыв.

Наряду с подготовкой массового локаута, руководители союза рекомендовали и поощряли тактику частичных локаутов. «По вопросу о непримиримых требованиях рабочих, — записано в протоколе заседания членов

⁶² «Экономическое положение России...», ч. I, стр. 410.

⁶³ «Коммерческий телеграф», 17 августа 1917 г.

союза от 16 июня 1917 г., — было принято, что единственным средством у предпринимателя, когда требования разорительны, является остановка и закрытие фабрики»⁶⁴.

Тактика локаутов, принятая на вооружение союзом объединенной промышленности в качестве основного средства борьбы с экономическими требованиями рабочих, требовала от членов местных предпринимательских организаций определенной широты кругозора, высокой самодисциплины и организованности. Поэтому с первых же дней существования союза его руководство стремилось привить эти качества всем рядовым участникам объединения. В циркуляре временного президиума союза объединенной промышленности от 16 мая указывалось «на недопустимость неисполнения постановлений как общих собраний членов, так и совета Союза и районных обществ»⁶⁵. В циркуляре от 20 июня 1917 г. этот призыв еще более откровенен: «Совет Союза объединенной промышленности горячо взывает ко всем промышленникам объединиться фактически, а не номинально вокруг Союза объединенной промышленности. Пора, наконец, понять, что как бы ни было сильно экономически отдельное предприятие, но оно не в состоянии бороться с организованной рабочей массой»⁶⁶.

Союз объединенной промышленности пытался также установить единые нормы заработной платы на однородных предприятиях хлопчатобумажной промышленности. С этой целью рассылались анкеты и созывались совещания (например, 4 июля 1917 г.) директоров и заведующих фабрик⁶⁷. Однако такие единые расценки не удалось выработать. Очевидно, мешали конкуренция, особенности различных районов и большая пестрота в уровне заработной платы.

Некоторые принципиальные вопросы антирабочей политики капиталистами хлопчатобумажной промышленности разрешались на заседаниях межрайонных объединений местных обществ фабрикантов. Так, на объединенных собраниях представителей Иваново-Вознесенского, Шуйского, Кинешемского и Ковровско-

⁶⁴ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12628, л. 1.

⁶⁵ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1776, л. 1.

⁶⁶ Там же, д. 1995, л. 55.

⁶⁷ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12617, л. 10.

го обществ в апреле — мае 1917 г. определялись уровень заработной платы рабочих и отношение капиталистов к фабрично-заводским комитетам⁶⁸. Фабриканты Орехово-Зуевского и Богородско-Глуховского районов весной — летом 1917 г. неоднократно собирались для обсуждения требований рабочих Орехово-Зуева, Богородска и других промышленных центров о повышении заработной платы и улучшении условий труда⁶⁹.

Текстильные предприятия Петрограда после Февральской революции также не удовлетворились старым соглашением о солидарных действиях в рабочем вопросе в рамках текстильного отдела общества заводчиков и фабрикантов. В июле 1917 г. при текстильном отделе они организовали союз текстильных предприятий Петроградского района по обработке хлопка. Члены Союза дали письменное обязательство подчиняться решениям этого объединения по всем вопросам взаимоотношений с рабочими и в первую очередь по вопросу об уровне заработной платы. Выполнение обязательств гарантировалось векселями, сумма которых определялась количеством рабочих. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции союз занимался рассмотрением вопроса о новых расценках труда рабочих — текстильщиков Петрограда. Тарифные ставки, одобренные союзом, принимались всеми хлопчатобумажными предприятиями Петроградского района, объединенными этой организацией⁷⁰.

Временное правительство в конечном итоге поддерживало контрреволюционную политику антирабочих союзов. Социал-соглашатели, входившие в коалиционное Временное правительство, всячески пытались внушить рабочим массам, что они стойко отстаивают и защищают интересы пролетариата. Однако все намеченные ими «демократические» мероприятия и законопроекты повисали в воздухе и всерьез не угрожали монополистам. Буржуазное Временное правительство

⁶⁸ ГАИО, ф. 641, оп. 1, д. 14, лл. 4, 7; д. 7, лл. 1, 2, 6; ф. 7, оп. 1, д. 15, л. 5.

⁶⁹ ГАОРМО, ф. 3631, оп. 3, д. 133, лл. 58, 64—65.

⁷⁰ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 1, д. 487, лл. 138, 226; ф. 1295, оп. 1, д. 78, лл. 71—73; ЦГИАЛ, ф. 150, оп. 2, д. 14, лл. 5—6.

в действительности могло осуществлять лишь пробуржуазную политику в рабочем вопросе. Вместо создания в промышленности всенародного контроля над производством, решительного ограничения баснословных сверхприбылей капиталистов, министры-«социалисты» обращались к рабочим с призывом повышать производительность труда.

Видные руководители ведомств безоговорочно поддерживали требования капиталистов заморозить заработную плату. Так, ставленник монополии П. И. Пальчинский, занимавший ответственный пост председателя в особом совещании по обороне, 8 июня 1917 г. писал в докладной записке на имя председателя совета министров: «Единственной мерой, по мнению Особого совещания, которая могла бы приостановить все продолжающийся и непомерный для государства рост расходов, вызываемых работами на оборону, является установление Временным правительством определенного размера рабочей платы». Аналогичные, хотя и не столь категорические утверждения содержались в докладной записке управляющего министерством торговли и промышленности В. А. Степанова об основных принципах экономической политики Временного правительства. И в том и в другом документах отрицалась допустимость вмешательства рабочих в управление предприятиями. Все содержание их свидетельствует о стремлении Временного правительства оградить капиталистов от вмешательства пролетарских организаций в производственные вопросы⁷¹.

После разгрома июльской демонстрации, в период подготовки контрреволюционного мятежа Корнилова, наступление предпринимательских организаций на рабочий класс еще более усилилось.

Обращение Всероссийского союза торговли и промышленности к Временному правительству, утвержденное 18 июля 1917 г., содержало по существу ультимативные требования. Капиталисты пугали Временное правительство неизбежным крахом промышленности, голодом и нищетой, если социальные преобразования будут осуществляться «разрушительным», по их мнению,

⁷¹ «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 234—246; П. В. Волобуев. Ук. соч., стр. 64.

путем⁷². 22 июля 1917 г. совет союза объединенной промышленности направил районным обществам и членам союза циркуляр о непризнании власти Советов рабочих и солдатских депутатов и о недопустимости вмешательства фабричных комитетов в управление фабриками⁷³.

Временное правительство делает очередные уступки буржуазии, открыто признав право капиталистов на локауты. Социал-соглашатели все больше капитулировали перед фабрикантами в рабочем вопросе.

В августе 1917 г. предпринимательские антирабочие союзы еще более активизировали свою деятельность. Выступления П. П. Рябушинского на II Всероссийском торгово-промышленном съезде с его призывом задушить голодом революционные массы, резолюции съезда, всем своим содержанием в первую очередь направленные против революционного творчества пролетариата, как бы подвели итог всей предшествующей контрреволюционной деятельности предпринимательских организаций в рабочем вопросе. В соответствии с прокорниловской контрреволюционной программой, одобренной съездом, осуществлялась дальнейшая антирабочая деятельность союза объединенной промышленности.

Союз вновь возбудил вопрос об очередном закрытии фабрик Центрального промышленного района, намечал локаут на сроки, совпадающие со временем предполагаемого выступления Корнилова. Однако на этот раз фабриканты решили обойтись без излишних затрат. После ликвидации двоевластия капиталисты чувствовали более твердую почву под ногами. Используя усиливающийся натиск контрреволюционных элементов, уповая на контрреволюционный переворот, они пытаются осуществлять более жесткую политику в борьбе с рабочим движением, в свою очередь подчиняя ее основной задаче — разгрому революционного пролетариата.

Союз совета объединенной промышленности 9 августа единогласно принял решение — за простой фабрик из-за недостатка топлива и сырья после 15 августа

⁷² ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 42, лл. 98—100; «Утро России», 19 июля 1917 г.

⁷³ «Материалы по истории СССР», вып. III. Изд-во АН СССР, М., 1956, стр. 48—50.

не платить. Руководство союза разослало всем районным обществам соответствующий циркуляр⁷⁴.

Московский торгово-промышленный комитет 17 августа одобрил решения союза объединенной промышленности⁷⁵. Локаутчики заручились также поддержкой министра торговли и промышленности С. Н. Прокоповича, который признал, что объявление, подготовленное союзом, вполне законно, но «необходимо учесть момент и сохранить известный такт», проводя решение вопроса об остановке предприятий в контакте с министерством труда⁷⁶.

Накануне корниловского мятежа (24 — 25 августа) совет союза объединенной промышленности обратился в местные общества фабрикантов с циркуляром, вновь призывая промышленников к солидарности и единству. В циркуляре настоятельно предлагалось «предостеречь отдельных членов Вашего о-ва от сепаратных без разрешения Совета Вашего общества выступлений и по вопросам рабочего движения установить самую тесную связь с Союзом объединенной промышленности»⁷⁷.

В эти тревожные дни союз разослал во все районные общества циркуляр, в котором сообщалось о результатах переговоров с товарищем министра труда Гвоздевым: «На приеме представителей Шуйского общества фабрикантов и заводчиков товарищем министра труда Гвоздевым последний высказал следующее: «1) Если рабочие требуют минимума, то требовать от них гарантий минимума выработки. 2) Если район или предприятие не в состоянии выполнить предъявленных требований, то показать цифровым материалом. 3) Если отдельные фирмы в заработках будут превышать соседние, то против них принимать меры, так как это совершенно недопустимо, ибо вносит дезорганизацию, и о всех таких фабрикантах сообщать министру...»⁷⁸. Условия Гвоздева фабриканты могли выполнить сравнительно легко. Они имели богатый опыт составления фальшивых калькуляций, которые представители

⁷⁴ ГАКАЛО, ф. 809, оп. 1, д. 1, л. 40.

⁷⁵ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 4, л. 60.

⁷⁶ «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 411—414.

⁷⁷ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1995, л. 44.

⁷⁸ «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 557—558.

рабочих организаций, не получившие права контроля над производством, не могли проверить.

Провал корниловской авантюры повлек за собой неудачу организованного локаута, хотя на отдельных предприятиях он был осуществлен.

После корниловского мятежа союз объединенной промышленности предпринял более последовательную попытку выработки единых расценок заработной платы для рабочих хлопчатобумажной промышленности различных районов Центра России. Толчком послужил конфликт владельцев ситцевых и красильно-аппретурных предприятий г. Москвы с профессиональным союзом рабочих и работниц текстильно-волоконных веществ Московского центрального округа. В начале сентября между представителями профсоюза и союза объединенной промышленности происходили переговоры об уровне заработной платы. На первом заседании согласительная комиссия установила принцип районности заработной платы. «Решено в первую очередь, — сообщалось в циркуляре союза объединенной промышленности от 16 сентября 1917 г., — выработать расценки для фабрик г. Москвы и местностей, расположенных внутри кольца Московской окружной железной дороги, на основании существующих цен на необходимые продукты и предметы потребления. Затем для других районов должен быть введен поправочный коэффициент в расценки г. Москвы. Размер коэффициента устанавливается в зависимости от местных условий и цен». В связи с таким решением совет союза предлагал районным обществам воздержаться как отдельным предприятиям, так и районам, от каких-либо соглашений с рабочими, до окончания работы согласительной комиссии, а также выяснить и сообщить размер поправочного коэффициента для района⁷⁹.

Деловая повседневная деятельность по борьбе с рабочим движением по-прежнему осуществлялась местными обществами фабрикантов и заводчиков, выполнявшими общие циркулярные предписания союза объединенной промышленности. Так, общее собрание представителей хлопчатобумажных предприятий Орехово-Зуевского и Богородско-Глуховского районов 25 ав-

⁷⁹ ГАИО, ф. 641, оп. 1, д. 5, л. 158.

густа 1917 г. постановило принять к руководству и исполнению циркуляр союза объединенной промышленности от 23 августа 1917 г. В соответствии с циркуляром собрание постановило: «Никаких денежных отчислений в пользу профессиональных рабочих союзов, а также Советов рабочих депутатов производить не следует. Отчисления, уже производимые на означенную цель некоторыми предприятиями, необходимо с известного срока прекратить»⁸⁰.

Союз объединенной промышленности вмешивался в те конфликты между рабочими и местными обществами, разрешение которых имело принципиальное значение. Так, 2 сентября совет союза по просьбе общества фабрикантов прядильно-ткацкого и ситценабивного производства г. Москвы обсуждал положение дел на Даниловской м-ре и в т-ве А. Гюбнера в связи с требованием рабочих выдать наградные за 1916 г. Совет союза вынес отрицательное решение, предложил обществу отказаться от рассмотрения этих требований и предпринял более решительные действия. В протоколе заседания совета имеется запись, отражающая основные выводы обсуждения положения дел на ситценабивных предприятиях. Совет постановил: «Составить объявление за подписью союза объединенной промышленности, обществ заводчиков и фабрикантов, льнопрядильных, шелковых, красильно-аппретурных с отказом в выдаче наградных. Означенное объявление вывесить на всех фабриках и разослать всем организациям промышленников с указанием воспользоваться означенным объявлением в случае возникновения подобного изложенному положению»⁸¹.

Вопросы взаимоотношений рабочих и капиталистов локального значения обсуждались и разрешались районными предпринимательскими объединениями.

В конце августа — начале сентября 1917 г. фабриканты хлопчатобумажной промышленности вынуждены были окончательно признать неудачу своей попытки объединить под руководством союза объединенной промышленности антирабочую деятельность капиталистов Центрального промышленного района. Союз оставался

⁸⁰ ГАОРМО, ф. 3631, оп. 3, д. 133, лл. 76—77.

⁸¹ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1766, л. 210.

организацией, охватывающей исключительно хлопчатобумажную промышленность. В других отраслях текстильной промышленности непосредственно действовали отраслевые предпринимательские объединения, осуществлявшие антирабочую политику самостоятельно, хотя и в тесном контакте с союзом объединенной промышленности и его районными организациями. Всероссийское общество льнопромышленников даже создало специальные местные организации. По инициативе Всероссийского общества льнопромышленников обсуждал льно-джутовый комитет. 27 августа комитет созвал совещание представителей рабочих и фабрикантов для обсуждения проекта центральной примирительной камеры (для льняной промышленности), выработанного комиссией при совете общества, проекта коллективного договора с рабочими и обсуждения вопроса о создании центрального профсоюза рабочих-льнянщиков. План работы совещания предварительно детально разработало Всероссийское общество льнопромышленников⁸².

Всероссийское общество суконных фабрикантов еще 4 июля 1917 г. заключило соглашение с делегатами профсоюза рабочих по выработке текстильно-волоконистых веществ Московского центрального округа о нормах оплаты труда рабочих суконной промышленности⁸³. В октябре 1917 г. это же общество выступило против прекращения работ, признав, что производство шерстяных фабрик в связи с выполнением военных заказов ни в коем случае не должно сокращаться до истощения всех запасов топлива⁸⁴.

Рабочий вопрос постоянно обсуждался также на заседаниях совета, в комиссиях и на общих собраниях общества шелковых фабрикантов, которым в конце лета 1917 г. объединялось 55 предприятий с 18—19 тыс. рабочих. Особое внимание уделялось определению уровня заработной платы⁸⁵.

Деятельность союза объединенной промышленности в некоторой степени дублировалась также обществом

⁸² ГАКО, ф. 516, оп. 1, д. 193, л. 99.

⁸³ ГАЙО, ф. 641, оп. 1, д. 5, л. 73.

⁸⁴ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 2, л. 6.

⁸⁵ ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 29, лл. 51—53; ф. 349, оп. 1, д. 2399,

фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Поэтому еще в начале июня 1917 г. предпринимались первые шаги в направлении слияния союза с обществом фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, а в конце сентября 1917 г. объединение стало совершившимся фактом. Вместо союза объединенной промышленности и общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности капиталисты организовали союз хлопчатобумажной промышленности Центрального промышленного района⁸⁶. В первом параграфе устава нового союза при определении его целей и задач говорилось, что новая организация учреждается «для развития, ограждения и представительства общих интересов хлопчатобумажной промышленности, а также для осведомления членов союза по всем текущим вопросам промышленной жизни». Для выполнения этих задач союз обладал следующими правами: «а) представительство интересов хлопчатобумажной промышленности в правительственных и общественных учреждениях...; б) содействие к урегулированию отношений между предпринимателями и рабочими...; в) ...исследование и улучшение условий производства и сбыта вырабатываемых фабрикатов». Распределение голосов в новой организации предопределяло господствующее положение кучки крупнейших капиталистов. Представители предприятий, имевших менее 500 рабочих, получили 1 голос, от 500 до 1000 — 2 голоса, от 1000 до 2000 — 3 голоса, от 2000 до 4000 — 4 голоса, от 4000 до 8000 — 5 голосов, от 8000 до 12 000 — 6, свыше 12 000 — 7 голосов⁸⁷.

В уставе союза хлопчатобумажной промышленности прямо фиксировалось то сочетание функций «представительного» учреждения, антирабочего союза и монополистического объединения, которым характеризовалась деятельность его предшественника — общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности. Особое развитие получили функции антирабочего союза. Новая структура союза в первую очередь соответствовала задачам борьбы с рабочим движением. Первоначально организовалось четыре отдела: 1) труда, 2) прядильно-ткацкий, 3) красильно-набивной, 4) чисто ткацкий.

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, д. 2104, л. 1; ГАКАЛО, ф. 809, оп. 1, д. 1, л. 44; ГАЙО, ф. 108, оп. 1, д. 1766, л. 218.

⁸⁷ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 614, лл. 9, 11.

В состав отдела труда, созданного на базе старого союза объединенной промышленности, через районные общества входили все предприятия, участвовавшие в союзе. К концу 1917 г., союз хлопчатобумажной промышленности объединял 164 предприятия с 311 тыс. рабочих⁸⁸.

Совет союза фабрикантов хлопчатобумажной промышленности был избран на заседании 21 сентября 1917 г. В него вошли представители крупнейших фабрик. Пост председателя совета оставался вакантным, а товарищами председателя были избраны И. П. Лопатин, доверенное лицо А. И. Коновалова, и А. Г. Карпов, представитель т-ва м-р С. Морозова. Совет союза занимался рассмотрением и решением вопросов, затрагивавших интересы хлопчатобумажной промышленности в целом. Это касалось как экономических вопросов, так и антирабочей политики⁸⁹. Антирабочая деятельность совета союза особое развитие получила уже после Великой Октябрьской социалистической революции. Она проявлялась в первую очередь в противодействии рабочим организациям в деле строительства основ социалистической экономики, в деле установления эффективного рабочего контроля в текстильной промышленности.

Реорганизуя и сливая союз объединенной промышленности с обществом фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, руководители этих организаций рассчитывали также окончательно подчинить и ассимилировать общество фабрикантов красильно-аппретурного производства и общество ткацких фабрикантов. Последнее оформилось в самостоятельную организацию 11 апреля 1917 г. Эти надежды не оправдались. Несмотря на все их усилия, оба общества уклонились от вступления в союз. Они отказались самоликвидироваться, ибо подобная мера влекла за собой полную потерю самостоятельности и независимости красильно-аппретурных и ткацких предприятий, оставшихся вне сферы прямого влияния гигантских комбинированных предприятий. После Великой Октябрьской социалистической революции оба объединения продолжали дей-

⁸⁸ ГИАМО, ф. 225, оп. 1, д. 29, л. 20.

⁸⁹ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 614, лл. 13—15; «Коммерческий телеграф», 17 января 1918 г.

ствовать самостоятельно и даже наладили выпуск общих бюллетеней о политической обстановке и положении промышленности⁹⁰.

В период реорганизации союза объединенной промышленности обсуждение важнейших вопросов антирабочей политики московской группировки буржуазии концентрировалось во Всероссийском союзе торговли и промышленности. Так, на заседании совета союза 2 сентября 1917 г. обсуждалось отношение Всероссийского общества суконных фабрикантов к оплате рабочим за время простоя предприятий. Совет создал специальную комиссию, поручив ей рассмотреть как этот вопрос, так и другие стороны взаимоотношений труда и капитала. В состав комиссии вошли видные деятели союза: А. Э. Вормс, С. В. Лурье и Ю. И. Поплавский⁹¹.

Вместе с тем в момент реорганизации союза объединенной промышленности и общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности лидеры Всероссийского союза торговли и промышленности стремились создать новое объединение предпринимательских антирабочих организаций. Первоначально это объединение в периодической печати именовалось Всероссийским союзом союзов. Вопрос об объединении различных промышленных организаций Центрального района обсуждался и был решен в положительном смысле на заседании в здании Биржи 16 сентября 1917 г. Представители различных организаций создали временный совет и специальное организационное бюро, в которых преобладали текстильные фабриканты (С. Н. Третьяков, В. А. Хутарев, С. И. Четвериков, С. А. Морозов и др.). Основную цель союза его организаторы видели в защите интересов отечественной промышленности. В действительности эта защита сводилась главным образом к координации и организации антирабочих выступлений. Особое внимание уделялось выяснению текущих вопросов, связанных с рабочим движением, и выработке общих условий фабрично-заводского труда. Учреждаемая организация должна была базироваться на коллективном договоре

⁹⁰ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1766, л. 218; д. 2008, лл. 12, 23, 26; ГАКАЛО, ф. 809, оп. 1, д. 1, л. 44.

⁹¹ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 41, лл. 69, 72.

всех промышленников, предполагавшем принцип материальной заинтересованности всех участников союза⁹².

Первое официальное заседание совета союза, где окончательно оформилось организационное бюро, состоялось 16 октября 1917 г.⁹³. Председателем совета нового союза объединенной промышленности (так теперь эта организация стала именоваться в периодической печати) стал А. Н. Невядомский, являвшийся одновременно председателем совета отдела труда союза хлопчатобумажной промышленности Центрального района. На очередном заседании организационного бюро 20 октября 1917 г. обсуждался вопрос о забастовочном движении в Иваново-Кинешемском фабричном районе. Бюро постановило: 1) в случае, если со стороны рабочих не было эксцессов, предложить им в трехдневный срок приступить к работе, а при отказе увольнять; 2) в случае «насилий» (препятствия к вывозу товаров, захват предприятий и проч.) обратиться к местным властям, а затем, после бесплодного ожидания результатов вмешательства местной администрации в течение 5 дней, закрыть фабрику, прекратить высылку денег и отправку сырья⁹⁴. С первых дней своего существования новый союз объединенной промышленности вдохновлял, направлял и организовывал контрреволюционные действия капиталистов-локаутчиков и саботажников.

Организационное бюро союза объединенной промышленности второго состава продолжало развивать и другие направления деятельности своего предшественника. На заседании бюро обсуждались вопросы об оплате рабочих за время «стихийного» простоя. Во время обсуждения выяснилось, что нет единообразия при определении условий прекращения работ. Бюро в принципе признало необходимым выработать единые условия взаимоотношений с рабочими в случае «стихийной» остановки предприятия⁹⁵. Повторяя установки своего предшественника, бюро еще в период реорганизации, в конце сентября 1917 г. обратилось в союз хлопчатобумажной промышленности с требованием отказаться

⁹² ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 616, л. 10; «Коммерческий телеграф», 12 сентября 1917 г.

⁹³ «Коммерческий телеграф», 18 октября 1917 г.

⁹⁴ ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 1995, лл. 85—86.

⁹⁵ ГАКАЛО, ф. 809, оп. 1, д. 1, л. 1.

от каких-либо сепаратных соглашений с рабочими. В циркуляре говорилось: «Ввиду образования при бюро комиссий для рассмотрения требований профессионального союза по обработке текстильно-волоконистых веществ предложить членам союза воздержаться до окончания работ этой комиссии от каких бы то ни было отдельных соглашений с рабочими, а равно не вести переговоров и не вступать в такие переговоры и соглашения»⁹⁶. Более того, по данным, сообщавшимся руководителями профессионального общества рабочих по обработке волокнистых веществ, к капиталистам, не входившим в союз объединенной промышленности, предполагалось «применять» принудительные меры вплоть до бойкота и лишения кредита с целью заставить их выполнять решения организации⁹⁷.

Во время переговоров, всячески их затягивая, представители союза объединенной промышленности упорно противодействовали сколько-нибудь удовлетворительному разрешению вопроса о минимуме заработной платы. В конечном итоге они добились срыва переговоров и начали под разными предлогами закрывать предприятия. Я. Э. Рудзутак, оценивая тактику фабрикантов в выступлении на делегатском собрании профессионального общества по обработке волокнистых веществ 15 октября 1917 г., прямо указывал, что промышленники ведут сознательную борьбу с пролетариатом. Намечая пути борьбы с локаутчиками, рабочие-текстильщики единодушно потребовали на этом совещании передачи всей власти в руки Советов, введения рабочего контроля над производством и распределением и национализации важнейших отраслей промышленности⁹⁸.

Отстаивая интересы предпринимателей, союз объединенной промышленности обращался в правительство с ходатайствами о защите интересов капиталистов при конфликтах с пролетарскими организациями⁹⁹.

Решения совета союза объединенной промышленности имели обязательную силу для входивших в него организаций. Так, на общем собрании членов общества

⁹⁶ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 12617, л. 9.

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 6868, оп. 1, д. 117, л. 42.

⁹⁸ Там же, лл. 41, 47, 50; д. 128, лл. 19, 31.

⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 895, л. 79.

фабрикантов и заводчиков Орехово-Зуевского и Богородско-Глуховского районов 26 октября 1917 г. обстоятельно обсуждался и был положительно решен вопрос о введении прибавки к заработной плате рабочих в размере 1 руб. в день. Это обсуждение было следствием принципиального решения, принятого Союзом объединенной промышленности нового состава о целесообразности увеличения прожиточного минимума рабочих¹⁰⁰. Общее собрание Всероссийского общества суконных фабрикантов, обсуждавшее в начале декабря 1917 г. требование рабочих о повышении заработной платы, признавало, что поскольку оно входит в состав союза объединенной промышленности, то не имеет права принимать новых расценок без объединенного центра, которым является союз объединенной промышленности¹⁰¹.

Перед Великой Октябрьской социалистической революцией для осведомления объединяемых предпринимательских организаций и их членов о выдающихся событиях союз организовал выпуск бюллетеней, в которых публиковались сведения о забастовочном движении и соглашениях предпринимателей с рабочими¹⁰².

Политика Временного правительства в рабочем вопросе после вступления в его состав лидеров той группы московских мануфактуристов, которая возглавляла как союз объединенной промышленности, так и Всероссийский союз торговли и промышленности, становится еще более непримиримой. Требование предпринимателей о закрытии фабрик и заводов, настойчиво выдвигавшееся их организациями в сентябре 1917 г., получило поддержку главного экономического комитета, который возглавил крупный текстильный фабрикант С. Н. Третьяков. Главный комитет, по существу, поощрял политику локаутов. 9 октября 1917 г. главный экономический комитет, обсуждая вопрос о сокращении производства в Центральном промышленном районе вследствие недостатка топлива, признал невозможным возложить на предпринимателей выплату рабочим вознаграждения, превышающего месячную заработную плату¹⁰³.

¹⁰⁰ ГАОРМО, ф. 3631, оп. 3, д. 133, лл. 54—56.

¹⁰¹ «Коммерческий телеграф», 10 ноября 1917 г.

¹⁰² ГАИО, ф. 108, оп. 1, д. 2007, лл. 11, 12.

¹⁰³ «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 426—427.

Голод, которым П. П. Рябушинский угрожал трудящимся массам на II Всероссийском съезде торговли и промышленности, накануне Великой Октябрьской социалистической революции становился для рабочего класса России реальной действительностью.

Таким образом, во-первых, формы картельных монополистических объединений, получившие наибольшее распространение в текстильной промышленности России, оказались достаточно гибкими и удобными для защиты интересов предпринимателей. Отраслевые «представительные» или «профессиональные» по форме объединения капиталистов в период между Февральской и Великой Октябрьской социалистической революциями оказались на переднем крае борьбы с нараставшим напором пролетарских требований. Они пытались консолидировать усилия фабрикантов в деле осуществления антирабочей политики. Не прибегая к сложной реорганизации, эти объединения расширили свои антирабочие функции. Рабочий вопрос стал доминирующим в их деятельности. Во-вторых, монополисты текстильной промышленности между двумя революциями настойчиво стремились создать дееспособные центры, призванные организовать, направлять и координировать контрреволюционную деятельность отраслевых союзов. Однако вследствие разногласий капиталистов по конкретным вопросам антирабочей политики эффективность их коллективных действий ослаблялась, организационное оформление координирующих центров задерживалось. Промышленной буржуазии не удалось создать прочного и единого антирабочего фронта. Усилия буржуазии приостановить нарастание революционного движения в стране, предотвратить социалистическую революцию оказались тщетными.

ГЛАВА IX

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. Борьба фабрикантов хлопчатобумажной промышленности против демократизации государственных регулирующих органов

Февральская буржуазно-демократическая революция не могла не оказать серьезного влияния на некоторые стороны государственного регулирования промышленности. С одной стороны, в результате революции русская империалистическая буржуазия захватила ключевые позиции в ведомствах Временного правительства, занимавшихся вопросами экономики. Капиталистам текстильной промышленности при этом принадлежала ведущая роль. Их представитель — член совета общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности А. И. Коновалов становится министром торговли и промышленности. С другой стороны, революция пробудила к активной политической деятельности самые широкие слои трудящихся масс, которые чем дальше, тем сильнее и настойчивее добивались введения действительного и эффективного регулирования народного хозяйства в интересах народа, а не в интересах кучки капиталистов. В огне революционной борьбы возникли массовые организации трудящихся — Советы рабочих и солдатских депутатов и Советы крестьянских депутатов, а также легальные профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты.

Если первый фактор многократно усиливал позиции капиталистов в органах регулирования, то действие второго грозило свести на нет те усилия, которые делались фабрикантами в борьбе за единовластие. Деятельность

комитета хлопкоснабжения после Февральской буржуазно-демократической революции отражает борьбу этих двух противоположных тенденций.

Первым шагом Временного правительства в деле регулирования текстильной промышленности явилось подтверждение всех обязательных постановлений царского правительства. В начале марта 1917 г. министерство торговли и промышленности направило губернским, областным и городским комиссарам Временного правительства циркуляр, которым предписывалось опубликовать ко всеобщему сведению, что существующие при министерстве торговли и промышленности комитеты по отдельным отраслям промышленности продолжают действовать на прежних основаниях, а также установленные ранее таксы на сырье и изделия остаются в силе¹.

Всячески противодействуя попыткам трудящихся масс добиться установления действительного учета и контроля над производством и распределением, капиталисты использовали в своих интересах ту реальную политическую власть, которая оказалась у них в руках после Февральской революции и в особенности после ликвидации двоевластия.

Если политическая программа империалистической буржуазии сводилась в конечном счете к требованию контрреволюционной буржуазной диктатуры, то в области экономической она ратовала за сохранение и укрепление капиталистических производственных отношений, за ограниченный архиреакционный, антинародный бюрократический контроль и государственное регулирование. Хозяйственная политика крупной буржуазии после Февральской буржуазно-демократической революции подчинялась одной основной задаче — сохранению и укреплению экономического господства своего класса².

Первоначально фабриканты склонялись к старой, дореволюционной схеме государственного регулирования текстильной промышленности, разработанной ими еще в 1915 г., в соответствии с которой предполагалось всю полноту фактической власти сосредоточить непос-

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, л. 10.

² См. В. В. Рейхардт. Ук. соч., стр. 19; П. В. Волобуев. Ук. соч., стр. 23—29.

редственно в предпринимательских организациях. Хлопчатобумажный отдел Московского ВПК 10 марта 1917 г. принял решение о создании «в самом скором времени при Московском биржевом комитете органов, регулирующих распределение и торговлю пряжей и тканями»³.

Но старая схема совершенно не соответствовала новой политической обстановке. Поэтому уже с середины марта 1917 г. фабриканты стараются тщательно замаскировать действительную решающую роль предпринимательских организаций в регулировании хозяйства, сосредоточив центр всей внешней, показательной работы в комитете хлопкоснабжения. Они устранили старого председателя комитета Н. И. Гучкова, не проявившего гибкости в последние месяцы царского режима и доставившего им немало неприятных минут своими «вызывающими» действиями. Председателем комитета 23 марта 1917 г. стал Н. Д. Морозов⁴.

Новое руководство комитета хлопкоснабжения настойчиво добивалось расширения его прав. Н. Д. Морозов в письме на имя министра торговли и промышленности настаивал на предоставлении комитету права выдавать удостоверения, подтверждающие работу тех или иных предприятий на оборону. 26 апреля 1917 г. в очередной записке Н. Д. Морозов требовал предоставить «Центрохлопку» право распределять запасы хлопка, где бы они ни находились, и в случае необходимости прибегать к реквизиции без санкции министерства торговли и промышленности. Министр удовлетворил домогательства фабрикантов⁵. В руках комитета постепенно сосредоточивались некоторые функции в деле регулирования производства. Комитет накануне Великой Октябрьской социалистической революции имел право знакомиться с работой предприятий и требовать предъявления бухгалтерских и делопроизводственных книг, вмешиваться в производственные дела предприятий, обеспечивая исполнение одних заказов раньше других. Ему же принадлежало право возбуждать вопрос о секвестре плохо работающих предприятий⁶.

³ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, л. 332.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 611, лл. 16—18; оп. 27, д. 303, лл. 48—49.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 609, лл. 51, 75—76, 86.

⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 611, л. 19.

Бесспорно, позиции монополистов вследствие расширения функций комитета хлопкоснабжения укреплялись. Однако деятельность комитета чем дальше, тем больше не удовлетворяла трудящиеся массы и демократические организации. Идея действенного контроля за производством и распределением продуктов в интересах всего народа все сильнее и сильнее овладевала широкими слоями населения. Спекулятивный ажиотаж в торговле хлопчатобумажными тканями достиг такого размаха, что, испытывая давление народных масс, Временное правительство не могло открыто противодействовать дальнейшему расширению государственного регулирования хлопчатобумажной промышленности в нежелательном для фабрикантов направлении. Поэтому предприниматели стремились создать видимость демократизации комитета хлопкоснабжения. Вскоре после Февральской революции представители фабрикантов в беседе с А. И. Коноваловым высказали пожелания о необходимости изменения конструкции всех комитетов, регулирующих текстильную промышленность. Министр просил промышленников обсудить этот вопрос⁷.

В начале апреля 1917 г. на частном совещании в министерстве торговли и промышленности фабриканты изложили свой план реорганизации комитета хлопкоснабжения в «Комитет по делам хлопчатобумажной промышленности» в составе трех автономных отделов — хлопкового, промышленного и распределения готовых тканей. Реорганизованный комитет предполагалось пополнить представителями демократических организаций⁸.

По новому положению, утвержденному министром торговли и промышленности 4 мая 1917 г., комитет состоял уже из 59 человек, т. е. превращался в громоздкий и неповоротливый орган, способный совещаться, заседать и обсуждать, но не действовать и работать. Из этого состава 30 членов комитета являлись представителями промышленности и торговли, 7 — представителями ведомств, 6 — земского союза и других буржуазных организаций, 4 — представителями буржуазных кооперативов, 5 — крестьянского союза, 2 — торго-

⁷ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 1, л. 28.

⁸ ГИАЛО, ф. 1305, оп. 2, д. 145, лл. 12—15.

во-промышленных служащих и 5 — Советов рабочих и солдатских депутатов⁹. При многочисленности комитета, пленарные заседания которого собирались сравнительно редко, вся текущая и деловая работа постепенно сосредоточивалась в управлении делами, отделах и комиссиях. Сотрудники комитета подбирались предпринимателями или их ставленниками. Заработная плата выплачивалась из средств фабрикантов. Поэтому чиновники послушно выполняли волю, директивы и указания своих хозяев.

Введение пяти представителей Советов рабочих и солдатских депутатов в состав комитета не могло изменить направления его деятельности, да и ведущая роль в рабочей группе принадлежала представителям соглашательских, оппортунистических партий. «Демократизация» комитета имела явно показной характер¹⁰.

Большевики проводили огромную организационно-разъяснительную работу с тем, чтобы добиться не мнимой, а действительной демократизации органов регулирования. «Путь к спасению от катастрофы, — писал В. И. Ленин в конце мая 1917 г., — лежит только в установлении действительно рабочего контроля за производством и распределением продуктов. Для такого контроля необходимо, во-1-х, чтобы во всех решающих учреждениях было обеспечено большинство за рабочими не менее трех четвертей всех голосов при обязательном привлечении к участию, как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически научно образованного персонала»¹¹. Ленинский проект резолюции об экономических мерах борьбы с разрухой 1 июня 1917 г. приняла конференция фабзавкомов в Петрограде.

Под давлением трудящихся масс меньшевики и эсеры — представители Совета рабочих и солдатских депутатов в комитете хлопкоснабжения выступили с требованием ввести паритетное представительство. Политическая обстановка была настолько напряженной, что фабриканты сочли целесообразным уступить, согласив-

⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 611, лл. 16—18; оп. 27, д. 303, лл. 48—49.

¹⁰ См. А. Лозовский (С. А. Дридзо). Рабочий контроль. Пг., 1918, стр. 12—13, 46—47.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 475—476.

шлись избрать комиссию для разработки новой структуры комитета¹². Комиссия разработала новый проект положения о комитете, по которому его общая численность составляла 51 человек. Из них 23 человека — представители торгово-промышленных организаций, 4 — ведомств («нейтральная» группа), 23 — демократических организаций (Советы рабочих и солдатских депутатов, Совет крестьянских депутатов, центральный совет кооперативных съездов, Совет депутатов торгово-промышленных служащих). Один представитель (от Крестьянского союза) не включался ни в ту, ни в другую группу. Так как представители ведомств поддерживали капиталистов, а «устойчивость» и «последовательность» некоторых представителей «демократических» элементов была более чем сомнительной, капиталисты и при таком составе комитета могли иметь достаточно обеспеченное большинство. Реорганизация комитета на основе пресловутого принципа паритетного представительства, усиленно превозносившегося социал-соглашателями, на деле сохраняла бы преобладающую и решающую роль капиталистов в этом органе¹³. При осуществлении проекта позиции предпринимателей в комитете остались бы достаточно прочными еще и потому, что все важнейшие отделы и комиссии находились под их полным контролем. Так, в составе отдела «Центросуровая ткань», избранного комитетом хлопкоснабжения 11 июня 1917 г. фабриканты — члены общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности составляли явное большинство. Точно такое же положение наблюдалось в «Центропряже». В «Центрохлопке» мануфактуристы Московского района совместно с представителями петроградских предпринимателей и зависимых от них хлопкоотроговцев также сохраняли вполне обеспеченное большинство. В таких важнейших комиссиях, как проверочно-расценочная, военная, валютная и др., фабриканты и служащие с их предприятий находились в подавляющем большинстве. Представители демократических организаций в эти деловые рабочие органы не имели доступа¹⁴.

¹² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 649, л. 26.

¹³ См. А. Лозовский. Ук. соч., стр. 47—48.

¹⁴ ЦГАНХ, ф. 7659, оп. 1, д. 3, лл. 8—9, 11, 13—15, 17, 19; ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 36, лл. 1—3.

Предложения, разработанные комиссией, так и не были реализованы. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции комитет хлопкоснабжения действовал в составе, утвержденном постановлением министра торговли и промышленности от 4 мая 1917 г.¹⁵ Ликвидация двоевластия, укрепившая позиции контр-революционных элементов в стране, позволила фабрикантам отказаться от своих обещаний, сохранив более удобный для них состав центрального регулирующего органа.

В обстановке резко возросшей политической активности трудящихся масс фабриканты «примирились» также с существованием комиссий по разработке положений о «Центропряже» и «Центросуровой ткани». После Февральской революции они основательно потрудились, чтобы окончательно подчинить их своим целям и задачам. На соединенных заседаниях указанных комиссий в конце марта — начале апреля 1917 г. капиталисты одобрили проекты распределения суровой хлопчатобумажной пряжи и тканей на частном рынке, в основе которых лежали планы, разработанные комиссией Московского биржевого комитета в конце февраля 1917 г.¹⁶ Эти проекты в дальнейшем составили основу изданного 2 июня 1917 г. министром торговли и промышленности обязательного постановления, по которому распределение пряжи и суровых тканей, поступавших на частный рынок, сосредоточивалось в комитете хлопкоснабжения. Распределение пряжи для выполнения военных заказов по-прежнему оставалось компетенцией хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета и текстильного отдела Петроградского военно-промышленного комитета. Фирмы и лица, между которыми распределялись пряжа и суровые ткани для частного рынка, получали от комитета хлопкоснабжения специальные удостоверения на право покупки пряжи и суровья по нормированным ценам. Для организации этого распределения в комитете хлопкоснабжения создавались специальные отделы («Центропряжа» и «Центросуровая ткань»), имевшие право производить сбор

¹⁵ См. В. Казаков. Как не надо регулировать производство. «Текстильный рабочий», 1917, № 5, стр. 7.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 1, лл. 153—158; ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 52, лл. 56—64.

сведений о производительности всех фабрик, запасах на них сырья, пряжи, тканей, в случае необходимости осуществлять проверку представленных сведений через своих уполномоченных¹⁷.

Но так же, как неоднократно бывало и раньше, изменение политической обстановки в стране сразу же отразилось и на позиции буржуазии. После событий 3—5 июля 1917 г. капиталисты фактически отказались от осуществления ими же подготовленного постановления, являвшегося определенной уступкой народным массам, требовавшим введения эффективного регулирования в текстильном производстве и мануфактурной торговле.

28 июня 1917 г. комитет хлопкоснабжения направил всем хлопчатобумажным предприятиям циркуляр, которым предписывалось прядильным фабрикам сообщить к 15 августа 1917 г. по установленной форме сведения о предполагаемой выработке и расходе хлопчатобумажной пряжи, а ткацким — сведения о количестве необходимой пряжи и предполагаемом ее поступлении. В циркуляре далее указывалось, что с 1 сентября 1917 г. продажа и покупка пряжи на частном рынке может совершаться только по ордерам комитета хлопкоснабжения. Тем не менее затребованные сведения поступали очень плохо. Тогда управление делами предупредило фабрикантов, что в случае непредставления сведений вывоз пряжи и тканей с фабричных складов будет запрещен¹⁸. Однако капиталисты, уповавшие на победу открытой контрреволюции, не особенно опасались этих угроз. Сведения так и не поступили. Отсутствие их не давало возможности приступить к регулированию рынка пряжи. Поэтому в начале сентября 1917 г. комитет хлопкоснабжения уведомил фабрикантов, что открытие деятельности «Центропряжи» откладывается на неопределенное время. Само собой разумеется, что «Центросуrowая ткань», также не могла функционировать¹⁹. Распределение хлопчатобумажной пряжи начало осуществляться только с 15 октября, т. е. буквально накануне Великой Октябрьской социалистической революции. «Центросуrowая ткань» до Великой Октябрьской

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, лл. 19—20.

¹⁸ ГИАМО, ф. 322, оп. 1, д. 279, лл. 135, 138.

¹⁹ «Бюллетень Центротекстиля», 1918, № 35, стр. 2.

социалистической революции так и не начала действовать.

Практически ни «Центросуровая ткань», ни «Центропряжа» до Великой Октябрьской социалистической революции еще не функционировали. Вскоре после победы пролетарской революции совет союза хлопчатобумажной промышленности (организация — преемник общества фабрикантов) на первом своем заседании 7 ноября 1917 г. принял решение «временно отложить введение в действие централизации торговли пряжей и суровыми тканями»²⁰.

Следовательно, монополисты-текстильщики не спешили с осуществлением своего проекта централизованного распределения полупродуктов текстильного производства. Они давали себе отчет в том, что осуществление его потребует определенной отчетности, гласности и прочих неприятных для них последствий, неизбежных при существующей политической обстановке. Отчетность и гласность, облегчая возможность осуществления рабочего контроля, могли затруднить безнаказанную спекуляцию и ограбление трудового населения страны. «Медлительность» капиталистов объяснялась также надеждами на благоприятный поворот политических событий, что позволило бы вернуться к еще более реакционным проектам распределения продукции непосредственно через предпринимательские организации.

Вместе с тем, создавая громоздкие, чисто бюрократические и совершенно нежизненные органы регулирования, текстильные фабриканты облегчали себе борьбу против рабочего контроля. Ссылаясь на подобную «регулирующую» деятельность, осуществлявшуюся в основном на бумаге, они саботировали все сколько-нибудь действенные меры контроля в текстильном производстве. Под флагом такого «контроля» процветала узаконенная спекуляция.

Еще более сложным оказалось положение с контролем за распределением отделанных хлопчатобумажных тканей.

6 марта 1917 г. комитет хлопкоснабжения, ссылаясь на ходатайства различных кооперативных организаций

²⁰ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 614, л. 15.

и земств с просьбой содействовать им в приобретении мануфактурных товаров, принял решение просить министра торговли и промышленности предоставить комитету право устанавливать обязательную продажу хлопчатобумажных тканей²¹.

В последних числах марта комитет создал отдел торговой инспекции, который получил право производить соответствующие реквизиции товаров у фабрикантов и торговцев хлопчатобумажными тканями. Отдел должен был работать в непосредственном контакте с комиссаром по мануфактурному делу Московского комитета общественных организаций С. Н. Третьяковым²².

Идея создания института торговых инспекторов возникла, обсуждалась и была одобрена предпринимательскими организациями под прямым давлением демократических элементов, настроения которых в какой-то степени отражали представители эсеров-меньшевистского Московского Совета рабочих депутатов в Московском комитете общественных организаций. На заседании Московского торгово-промышленного комитета 11 марта 1917 г. С. Н. Третьяков доложил об обсуждении в Московском комитете общественных организаций вопроса о спекуляции в мануфактурной торговле и высказанных в связи с этим мнениях, что представители торговли и промышленности должны отозваться на замечания в их адрес. С. Н. Третьяков предложил осуществить единственную, на его взгляд, меру, способную ослабить обвинения всей торговли и промышленности в спекуляции, — создать институт торговых инспекторов из служащих текстильных фирм. Комитет одобрил предложение С. Н. Третьякова²³.

Создание инспекторов при «беспартийном» и «внеклассовом» органе, каким буржуазия пыталась представить комитет общественных организаций, давало возможность скрывать классовый характер контроля. Для приличия торговые инспектора, руководимые фабрикантами, на первых порах еще пытались осуществить проверку складов, торговых книг и других документов, выбирая предприятия, не принадлежащие руководящей

²¹ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 4, л. 48.

²² ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 609, л. 86.

²³ ГИАМО, ф. 1228, оп. 1, д. 1, л. 24.

кlijke московских мануфактуристов. Они обнаружили, например, в торговых книгах клиентов т-ва Понизовского записи, свидетельствовавшие о том, что при продаже нормированных тканей т-во получало от своих покупателей сверх выданного счета добавочные приплаты. Эти факты быстро становились достоянием периодической печати. В дальнейшем, однако, активность торговых инспекторов все больше ослабевала и в конце концов совершенно сошла на нет. Это, видимо, отчасти связано с созданием общероссийских государственных органов по регулированию торговли готовыми хлопчатобумажными изделиями.

Проекты создания таких органов предприниматели подготовили еще в апреле 1917 г. 19 апреля соединенное заседание комиссий по образованию «Центропряжи» и «Центроткани» одобрило проект организации распределения хлопчатобумажных изделий на частном потребительском рынке. Проект предусматривал создание при комитете хлопкоснабжения центрального отдела по распределению хлопчатобумажных изделий («Центропродажа»). В состав центрального отдела должны были войти по два представителя от следующих учреждений и организаций: Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, Московского центрального кооперативного комитета, Московского союза потребительских обществ, Московского народного банка, Московского профессионального союза коммерческих и торговых служащих, общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности, Всероссийского союза торговли и промышленности, общества оптовых торговцев мануфактурными товарами в Москве и общества розничных торговцев мануфактурными товарами. Центральный отдел распределял ткани по районам. Для распределения хлопчатобумажных изделий между существующими в пределах уездной или окружной территории кооперативными и общественными организациями и частными лицами предполагалось учредить уездные или окружные отделы по распределению хлопчатобумажных изделий. В состав их предполагалось включить по два представителя от исполнительного комитета при уездном или окружном комиссаре Временного правительства, городского самоуправления, земского самоуправления, потребительской кооперации, кредитной кооперации,

местного общества приказчиков, биржевого или купеческого общества²⁴. Таким образом, в обстановке подъема революционного движения фабриканты вынуждены были создать видимость демократизации органа, предназначенного для распределения тканей. Но ключевое звено регулирования торговли — установление нормированных цен — по-прежнему оставалось в руках капиталистов. В самой «Центропродаже» они также нашли бы средства направить ее деятельность в нужном для себя направлении.

Проект так и не был реализован. Дело в том, что среди фабрикантов отсутствовало единодушие по вопросу о необходимости столь существенных уступок. На совещании 19 апреля 1917 г. представители предпринимателей не возражали против этого проекта. А через два дня при обсуждении вопроса в обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности победила другая точка зрения. Совет общества признал, что осуществление указанного проекта повлечет за собой полное уничтожение аппарата оптовой торговли мануфактурными товарами. Не исключено, что на позицию фабрикантов решающее влияние оказали такие политические события, как демонстрация пролетариата против империалистической политики Временного правительства и создание первого коалиционного кабинета.

В дальнейшем детальное обсуждение этого вопроса происходило в известной нам особой комиссии Московского биржевого комитета по торговле хлопчатобумажными тканями. 23 мая 1917 г. комиссия большинством голосов утвердила новый проект организации «Центропродажи». По этому проекту отдел по готовым тканям имел целью «наблюдение за равномерным распределением готовых хлопчатобумажных тканей на территории государства и соблюдением в торговле тканями установленных цен». Для осуществления своих задач «отдел должен был вести правильную регистрацию всех продаж готовых тканей, совершаемых фабрикантами и оптовыми торговцами», а в случае необходимости запрашивать объяснения фирм и осуществлять фактическую ревизию. При отделе предполагалось сосредото-

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 1, лл. 149—150; ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 473, лл. 22—23.

чить штат торговых инспекторов, наблюдающих за продажей товара по установленным ценам в соответствии с сортом и качеством товара. В отличие от предыдущего новый проект всю торговлю хлопчатобумажными тканями оставлял в руках фабрикантов и торговцев. Роль кооперативов, потребительских обществ и мелкобуржуазных общественных организаций в мануфактурной торговле сводилась на нет²⁵.

Проект, таким образом, полностью учитывал пожелания фабрикантов. Тем не менее и он не был осуществлен. Под влиянием требований народных масс представители Советов рабочих и солдатских депутатов на I Всероссийском продовольственном съезде (21—26 мая 1917 г.) предложили осуществить государственную монополию в торговле хлопчатобумажными тканями. Совещание представителей губернских продовольственных комитетов, состоявшееся на следующий день после съезда, приняло решение создать при министерстве продовольствия центральный орган по распределению готовых тканей. В ответ на все эти пожелания Временное правительство ограничилось полумерами, далекими от введения действительной государственной монополии. 7 июня 1917 г. министру продовольствия было предложено приступить к организации планомерного снабжения населения тканями, обувью, мылом и другими предметами первой необходимости²⁶. Министр продовольствия, выполняя это указание, создал специальный орган — управление уполномоченного министерства продовольствия в г. Москве по снабжению тканями (сокращенное наименование «Центроткань»). В состав управления с совещательным правом вошли представители различных буржуазных общественных организаций²⁷.

На первых порах «Центроткань» ограничилась частными соглашениями, в соответствии с которыми фабриканты добровольно ей предоставляли 50% тканей, поступавших на рынок²⁸. Такое решение вопроса настолько удовлетворило капиталистов, что на заседании комитета хлопкоснабжения они признали даже излиш-

²⁵ «Коммерческий телеграф», 24 и 31 мая 1917 г.

²⁶ «Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства. 1917», № 143, отдел первый, стр. 1243.

²⁷ «Центроткань», 1918, № 1, стр. 3—4, 10—11.

²⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 656, л. 14.

ним обсуждать проект положения о «Центропродаже» при комитете хлопкоснабжения. Вместе с тем фабриканты настоятельно подчеркивали, что все вопросы, связанные непосредственно с производством хлопчатобумажных тканей (в том числе и установление цен на ткани), должны сосредоточиваться в комитете хлопкоснабжения и для распределения тканей на местах должны использоваться не только общественные организации, но и оптовые и розничные торговые предприятия²⁹.

Однако идея государственной монополии на ткани была настолько популярной в массах, что министерство продовольствия все же вынуждено было разработать проект положения об исключительной поставке всех хлопчатобумажных тканей для распределения среди населения в «Центроткань». Принцип монополизации торговли хлопчатобумажными тканями изложил уполномоченный министра продовольствия по распределению тканей Л. Б. Кафенгауз на совещании комиссии по снабжению предметами широкого потребления 1 июля 1917 г. Он сообщил о намерении министерства создать специальные распределительные органы. В центре распределения мануфактуры согласился взять на себя Московский союз потребительских обществ («Центросоюз»), с которым министерство продовольствия заключило контракт. «Центросоюз» обязался принимать товар от фабрикантов, хранить его, подбирать ассортимент по губерниям и отсылать на места по распоряжению «Центроткани». На местах для распределения тканей организовывались специальные мануфактурные отделы при продовольственных комитетах. Комиссия одобрила основные положения доклада и признала необходимым ввести государственную монополию на ткани в «возможно скорейшем времени»³⁰.

3 июля 1917 г. под председательством С. Н. Третьякова состоялось заседание Московского торгово-промышленного комитета, на котором товарищ министра продовольствия Титов доложил об основах выработанного министерством продовольствия законопроекта. Товарищ министра разъяснил, что упомянутый законопроект является прямым следствием введения в стране

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, л. 31.

³⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 656, лл. 14—16.

хлебной монополии. Министерство продовольствия рассчитывало получить хлеб в деревне в обмен на ткани. Проект подвергся ожесточенной критике со стороны капиталистов (П. П. Рябушинского, Н. Д. Морозова, С. Н. Третьякова и др.). Наряду с избитыми аргументами о том, что монополия ликвидирует торговый аппарат, они говорили о безработице сотен тысяч конторщиков и приказчиков, занятых в торговле, возмущались недоверием министерства продовольствия к фабрикантам и торговцам, иронизировали по поводу неудачных экспериментов министерства с хлебной монополией, требовали ликвидировать анархию в стране и т. д. и т. п.³¹ Не возражая в принципе против централизации мануфактурной торговли, капиталисты требовали использовать в качестве важнейшего составного звена аппарата распределения тканей частные торговые фирмы, т. е. добивались проведения ограниченной государственной монополии непосредственно руками фабрикантов и торговцев.

В соответствии с пожеланиями фабрикантов проект обсуждался на ряде совещаний, где для придания демократического декорума присутствовали представители Советов рабочих и солдатских депутатов и Советов крестьянских депутатов³². Министры-«социалисты» из кожи лезли, чтобы при обсуждении этого вопроса представить дело так, будто правительство намерено ликвидировать спекулятивные прибыли фабрикантов и торговцев. Эта лжедемократическая комедия разыгрывалась с целью отвлечь народные массы от борьбы за действительный рабочий контроль в хлопчатобумажной промышленности. Вполне понятно, что новоявленные чиновники свою задачу старались разрешить так, чтобы как можно меньше затронуть интересы фабрикантов. Например, комиссия по рассмотрению проекта закона о мануфактурной монополии, заседавшая под председательством уполномоченного министра продовольствия по снабжению тканями Л. Б. Кафенгауза, приняла решение внести на рассмотрение Московского биржевого комитета разработанный комиссией законопроект, а затем уже со всеми поправками и дополнениями, признан-

³¹ «Коммерческий телеграф», 4 июля 1917 г.

³² «Центроткань», 1918, № 1, стр. 3.

ными желательными, передать в министерство продовольствия³³. Фабриканты по заслугам оценили лояльность Л. Б. Кафенгауза. Он был выдвинут и назначен на пост товарища министра торговли и промышленности. Газета «Утро России», сообщая о предполагаемом назначении, превозносила Л. Б. Кафенгауза за энергию, проявленную им в деле организации распределения тканей.

Несмотря на все поправки, которые фабриканты на разных стадиях обсуждения внесли в законопроект, в конечном итоге он их все-таки не удовлетворял. После ликвидации двоевластия, в обстановке подготовки контрреволюционного переворота, капиталисты не могли и не хотели примириться с законопроектом, предусматривавшим централизацию торговли тканями при широком использовании кооперативов, потребительских обществ и других мелкобуржуазных общественных организаций.

В борьбе против «монополии» мануфактурной торговли текстильные фабриканты опирались на авторитет созданных ими общероссийских предпринимательских объединений. Участники заседания совета Всероссийского союза торговли и промышленности 11 июля 1917 г. единодушно одобрили позицию фабрикантов и высказались за создание в Москве «частно-торгового распределительного органа, функциями которого являлись бы, во-первых, закупки мануфактурного товара, а во-вторых, распределение этого товара в провинции при посредстве местных торгово-промышленных организаций — под контролем правительства и общественных организаций»³⁴.

Общество фабрикантов хлопчатобумажной промышленности 2 августа 1917 г. пришло к заключению, что введение проектируемой монополии якобы может разрушить веками сложившийся торговый аппарат, с которым текстильная промышленность неразрывно связана, и привести к роковым последствиям. Общество признало, что «смягчение мануфактурного кризиса может быть осуществлено и при условии сохранения существующего торгового аппарата, если все выпускаемые на свободный рынок ткани будут распределяться

³³ «Коммерческий телеграф», 11 июля 1917 г.

³⁴ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 41, л. 62.

особым центральным органом, которому должен быть поручен надзор за всей торговлей готовыми тканями. Равным образом для урегулирования местных рынков и для содействия центральному органу в городах, издавна приобретающих значение естественных районных центров распределения товара в стране, должны быть учреждены особые подотделы центрального органа»³⁵.

В резолюции II Всероссийского торгово-промышленного съезда в категорической форме отвергалась идея распределения мануфактурных товаров через продовольственные комитеты и потребительские общества ввиду огромного расхода на них государственных средств и неосведомленности их в вопросах мануфактурной торговли. Для организации мануфактурной торговли предлагалось создать особый общегосударственный орган при министерстве торговли и промышленности, который возглавляли бы фабриканты и торговцы. Этот орган должен был распределять все готовые мануфактурные изделия, за исключением поступающих на военные нужды, и действовать в контакте с организациями, закупающими хлеб. Распределение тканей среди государственных и общественных учреждений, частных торговых предприятий и кооперативов планировалось «посредством нарядов, передаваемых фабрикам». Для регулирования местной торговли в городах, являвшихся естественными районными центрами распределения товара, съезд постановил создать особые районные отделы, к участию в работе которых на самых широких началах должны были привлекаться представители мануфактурной торговли³⁶.

После Государственного совещания в период непосредственной подготовки контрреволюционного корниловского мятежа хлопчатобумажные фабриканты заняли еще более жесткую позицию. На заседании комитета хлопкоснабжения 11 августа 1917 г. они оценили проект министерства продовольствия как замаскированную попытку монополизации производства и торговли тканями и даже отказались от его постатейного обсуждения³⁷.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, лл. 52—53.

³⁶ ГАКО, ф. 516, оп. 1, д. 187, лл. 4—6; «Утро России», 6 августа 1917 г.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 26, л. 371.

Под влиянием энергичных действий фабрикантов Временное правительство сдавало свои позиции, постепенно отказываясь от попыток осуществления даже той, далеко не полной монополии на хлопчатобумажные ткани, проект которой разработала «Центроткань».

Изменилась точка зрения и этого органа. На одном из заседаний в 20-х числах августа 1917 г. «Центроткань» вынесла постановление, согласно которому фабриканты должны сдавать в обязательном порядке в министерство продовольствия лишь 60% тканей, идущих на вольный рынок³⁸.

Законопроект, обсуждавшийся 23 августа 1917 г. в главном экономическом комитете, был уже изменен в соответствии с этим решением. По пункту 2 законопроекта министерству продовольствия предоставлялось право принудительной загрузки хлопчатобумажных предприятий своими заказами в размере 50% их производительности на свободный рынок. Причину изменения отношения чиновников Временного правительства к первоначальному проекту «Центроткани» раскрыл в своем выступлении в главном экономическом комитете товарищ министра продовольствия Титов. Он заявил: «Это произошло с ведома министерства торговли и промышленности, которое пошло навстречу ходатайству промышленников, заинтересованных в сохранении за собой права свободной продажи части тканей»³⁹.

Наиболее дальновидные приказчики капиталистов (Кафенгауз, Титов) при поддержке мелкобуржуазных элементов в главном экономическом комитете сделали еще одну попытку добиться введения подготовленной ими монополии в торговле хотя бы на бумаге. Подобная позиция совпадала с установками и общей линией соглашательской политики обмана трудящихся масс, проводившейся Керенским и К°. Поэтому главный экономический комитет принял такой проект постановления Временного правительства, по которому министру продовольствия предоставлялось право (а не вменялось в обязанность) загружать хлопчатобумажные предприятия своими заказами на всю свободную от военных заказов

³⁸ «Коммерческий телеграф», 23 августа 1917 г.

³⁹ ЦГАОР, ф. 3348, оп. 1, д. 155, л. 27.

производительность. 25 августа проект утвердило Временное правительство ⁴⁰.

Текстильные фабриканты прекрасно уловили оттенок этой формулировки. На предварительном совещании в Москве, состоявшемся по инициативе П. П. Рябушинского и происходившем под председательством Н. Д. Морозова, обсуждался вопрос о распределении всех хлопчатобумажных тканей, поступающих на рынок для частного потребления. На официальном совещании 5 сентября, где присутствовали товарищ министра продовольствия Титов и новый уполномоченный министра по снабжению тканями Воскобойников (являвшийся в то же время членом юридического отдела Всероссийского союза торговли и промышленности), последние признали, что 40% тканей, остающихся в распоряжении фабрикантов, будут направляться не в адрес местных продовольственных комитетов, а по усмотрению их владельцев, но при условии периодического оповещения «Центроткани» о совершаемых сделках и отправках. Далее по предложению П. П. Рябушинского совещание решило просить товарища министра продовольствия принять эффективные меры к прекращению «самовольных» действий местных продовольственных органов по отправке тканей, а также сделать распоряжение, чтобы 40% тканей не подвергались последними отчуждению ⁴¹.

Все последующие события говорят о том, что министр продовольствия удовлетворил домогательства капиталистов. 9 сентября 1917 г. он издал постановление, в силу которого права уполномоченного министра продовольствия по распределению тканей значительно расширились, однако фабриканты обязывались поставлять в «Центроткань» лишь 60% тканей, поступавших на вольный рынок ⁴². В соответствии с этим постановлением новый уполномоченный А. А. Воскобойников приказом от 22 сентября обязал фабрикантов поставлять 60% тканей с 1 октября 1917 г. Этим приказом фабрикантам

⁴⁰ ЦГАОР, ф. 3348, оп. 1, д. 155; л. 27; ф. 6, оп. 1, д. 1643, лл. 1—2; «Экономическое положение России...», ч. 1, стр. 292—293.

⁴¹ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 42, л. 29; д. 41, л. 81; «Коммерческий телеграф», 6 сентября 1917 г.

⁴² «Собрание узаконений и распоряжений Временного правительства», 1917, № 259, отдел первый, стр. 3076.

также предписывалось дважды в месяц сообщать в «Центроткань» сведения об остатках мануфактуры на складах, а также регистрировать все сделки купли-продажи⁴³.

«Новый» порядок взаимоотношений с министерством продовольствия не представлял никакой опасности для фабрикантов. Для фабрикантов не имело особого значения, 50% или 40% тканей должны были они предоставлять для продажи в распоряжение министерства. Самое важное заключалось в том, что юридически оформлялось их право свободно торговать на рынке. Объем продукции, реализуемой таким образом, они могли без особых затруднений расширить.

Дело в том, что постоянный учет военных заказов и проверка загруженности фабрик работой на «оборону» по-прежнему находились в руках хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета, т. е. фабрикантов. Все возможности, которые вытекали из этого, капиталисты широко использовали. В ряде официальных документов для общего пользования загрузка хлопчатобумажных фабрик заказами на оборону определялась в 75% и даже в 82% их производительности⁴⁴. Но ни та ни другая цифра не соответствовали действительности. По другим данным, составленным капиталистами для «внутреннего» пользования, предполагаемая загрузка работой на «оборону» на второе полугодие 1917 г. выражалась значительно меньшей цифрой — всего 39%⁴⁵.

Таким образом, даже крайне урезанная государственная монополия в торговле хлопчатобумажными тканями усилиями фабрикантов при поддержке ведомств Временного правительства была сорвана.

Чиновники Временного правительства достаточно хорошо понимали, что без предоставления министерству продовольствия всех 100% тканей, поступающих на вольный рынок, невозможно бороться со спекуляцией. Тот же самый товарищ министра продовольствия Титов, который 5 сентября благосклонно выслушивал требова-

⁴³ «Центроткань», 1918, № 1, стр. 3, 10.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 609, л. 89; ЦГВИА, ф. 499, оп. 11, д. 9, л. 47.

⁴⁵ ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 130, л. 5.

ния фабрикантов, всего несколькими днями ранее заявлял, что «Министерство продовольствия не хочет уничтожать торгового аппарата, но хочет иметь возможность бороться со спекуляцией, которая неизбежна, если в руках промышленников останется 50% товара»⁴⁶. И тем не менее в своих публичных выступлениях и интервью тот же Титов превозносил новый закон как сокрушительный удар по спекуляции, как мероприятие, положившее начало регулируемому снабжению населения тканями⁴⁷.

С другой стороны, деятельность «Центроткани» не могла серьезно угрожать интересам фабрикантов еще и потому, что этот орган не имел аппарата, необходимого для осуществления предоставленных ему прав. С первых же шагов своей деятельности «Центроткань» значительную часть важнейших функций передоверила органам министерства продовольствия на местах (губернским и уездным продовольственным комитетам), которые не имели ни опыта, ни необходимого учетно-распределительного аппарата. Только накануне Великой Октябрьской социалистической революции в этом деле наметились некоторые сдвиги. На 1 октября 1917 г. из 42 губерний, представивших сведения, мануфактурные отделы существовали в 31 губернии. В 23 губерниях эти отделы приступили лишь к учету запасов мануфактуры⁴⁸.

Особенно большие права получили Московский городской и Московский губернский продовольственные комитеты, которым предоставлялось право учета мануфактуры в Москве и Московской губ., где сосредоточилась большая часть мануфактурных складов оптовых фирм и крупнейших хлопчатобумажных предприятий. 13 августа 1917 г. в Московском городском продовольственном комитете состоялось совещание по вопросу об учете мануфактуры. Совещание признало необходимым взять на учет все хлопчатобумажные, льняные, шерстяные, суконные, шелковые и прочие ткани и создало комиссию по учету тканей в составе восьми человек.

⁴⁶ ЦГАОР, ф. 3348, оп. 1, д. 155, л. 27.

⁴⁷ «Финансовое обозрение», 20 августа 1917 г.

⁴⁸ «Коммерческий телеграф», 20 октября 1917 г.; «Центроткань», 1918, № 1, стр. 3—4, 10—11.

Комиссию возглавил ставленник фабрикантов А. К. Витт⁴⁹.

Решения совещания об учете тканей, на первый взгляд, оставляют благоприятное впечатление. Однако при дальнейшей их детализации фабриканты смогли добиться внесения столь существенных коррективов, что им удалось совершенно устранить какую-либо серьезную угрозу своим интересам.

На заседаниях комиссии представители мелкобуржуазных организаций высказались за фактический учет тканей, т. е. обход и осмотр всех складов и мануфактурных магазинов. В проекте постановления, подготовленном комиссией и утвержденном министром продовольствия, эта идея нашла определенное выражение. По постановлению на 25 августа 1917 г. (в дальнейшем срок изменился) назначался фактический учет всех тканей. К этому сроку все предприятия и торговые фирмы представляли в комитет хлопкоснабжения сведения о количестве имеющихся у них тканей. В течение десяти дней эти сведения должны были разбираться, уточняться и проверяться специально созданными районными комиссиями по учету торговых запасов тканей.

Однако последняя мера оказалась не такой всеобъемлющей, как это можно предположить на основании опубликованного в печати постановления. Комиссия сразу же допустила весьма существенную оговорку, не попавшую в текст постановления. Проверка представленных фабрикантами и торговцами сведений осуществлялась лишь в тех случаях, когда необходимость в этом признавалась комиссией. Поэтому от идеи фактического учета тканей по существу ничего не оставалось. Этот вывод подтверждается и другими фактами.

Согласно постановлению, вывоз тканей из Москвы в течение 10 дней, необходимых для учета тканей, запрещался. По истечении 10 дней вывоз тканей мог производиться на основании специальных разрешений, выдаваемых «Центротканью». Однако на заседании комиссии 21 августа 1917 г. представитель министерства продовольствия откровенно заявил, что «Центроткань» не имеет никакой возможности и технических средств

⁴⁹ ГАОРМО, ф. 2252, оп. 5, д. 13, лл. 1, 8; «Коммерческий телеграф», 10 августа 1917 г.

немедленно взяться за дело выдачи разрешений. Он утверждал, что только через два дня и только в том случае, если продовольственный комитет и другие организации обеспечат «Центроткань» техническим аппаратом и окажут необходимое содействие, она сможет взять на себя всю сложную работу по выдаче разрешений. Поэтому дело выдачи разрешений было передоверено Московскому городскому продовольственному комитету. В связи с этим 27 августа временная комиссия по учету тканей реорганизовалась и получила наименование «Центральной комиссии по учету тканей». Постоянным председателем комиссии остался А. К. Витт. Первым вопросом, обсуждавшимся на заседании центральной комиссии 30 августа 1917 г., был вопрос об освобождении от проверки сообщаемых сведений тех фирм, относительно добросовестности которых не могло возникнуть сомнений. Определение степени добросовестности комиссия возложила на специальный орган в составе трех человек, пополнившийся тремя представителями от комитета хлопкоснабжения, суконного и льноджутового комитетов, получавшими право решающего голоса при рассмотрении вопросов по своей отрасли промышленности⁵⁰. Таким образом, по существу сами фабриканты решали — проверять или не проверять представленные ими сведения.

Естественно, что при такой организации дела «Центроткань» так и не смогла обеспечить достаточно полный учет изделий текстильной промышленности. Еще меньших успехов «Центроткань» добилась в деле распределения тканей. Фабриканты совершенно игнорировали комитет и основную массу тканей продолжали самостоятельно сбывать на частном рынке. За полгода своей деятельности «Центроткань» распределила менее 5% выработанных за этот срок хлопчатобумажных тканей⁵¹.

Порядок распределения 40%, поступавших на свободный рынок, остававшихся в распоряжении фабрикантов и торговцев, так и не был окончательно определен вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Фабриканты и торговцы, учитывая

⁵⁰ ГАОРМО, ф. 2252, оп. 5, д. 13, лл. 13—14, 22—23, 28—29.

⁵¹ «Центроткань», 1918, № 1, стр. 10; З. Лозинский, Ук. соч., стр. 81.

обстановку в стране, пытались создать видимость регулирования и в частной торговле. Решением Всероссийского союза торговли и промышленности 19 сентября 1917 г. создается специальная комиссия по разработке вопросов о порядке распределения мануфактуры через торгово-промышленные организации. В соответствии с проектом, разработанным комиссией, предполагалось организовать при Всероссийском союзе торговли и промышленности центральный орган в составе торговцев и промышленников («Союзткань»), возглавлявшийся уполномоченным Всероссийского союза торговли и промышленности. Для непосредственного распределения тканей среди населения на местах создавались губернские и уездные исполнительные органы. Проект вызвал резкие возражения среди оптовых торговцев, опасавшихся остаться не у дел. Они выдвинули требование восстановления свободы торговли в полном объеме и предоставления им всех 100% тканей, поступавших на вольный рынок⁵².

Проект не удовлетворил и членов комиссии. Они отказались рассматривать проект, так как признали его принципиально неприемлемым. Предполагаемая схема организации распределения «остатков» мануфактуры дублировала порочную, по их мнению, схему «Центроткани». На заседании совета 3 октября 1917 г. после продолжительного обмена мнениями проект был возвращен комиссии для доработки. Комиссия, пополненная Н. Д. Морозовым, В. П. Рогожиным, С. Д. Ижболдиным и другими видными деятелями буржуазных организаций, радикально изменила проект. Она признала, что новый распределительный орган, состоящий из промышленников и торговцев, должен получить право распределять все 100% тканей как в центре, так и на местах, что этот орган следует создать при Всероссийском союзе торговли и промышленности⁵³. В дальнейшем принципы распределения тканей еще раз обсуждались 17 октября 1917 г. на заседании совета союза, постановившем «не отказываясь для распределения хлопчатобумажных тканей между населением в размере

⁵² ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 42, лл. 31—37; «Коммерческий телеграф», 8 октября 1917 г.

⁵³ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 41, л. 79; д. 42, л. 37.

даже 40%, признать целесообразным и желательным передачу всей выработки тканей, свободной от военных заказов, торгово-промышленному классу». Президиуму и комиссии поручалось окончательно решить вопрос о порядке распределения тканей в соответствии с положениями, одобренными на заседании⁵⁴.

Вопрос о распределении мануфактурных тканей 23 октября 1917 г. обсуждался на совещании мануфактурных торговцев. В ходе обсуждения указывалось, что в последнее время «в правящих кругах заметно преобладает мнение о передаче дела распределения хлопчатобумажных тканей из ведения министерства продовольствия в руки торгово-промышленного класса»⁵⁵. Позиция товарища министра-председателя А. И. Коновалова, председателя главного экономического комитета С. Н. Третьякова, государственного контролера С. А. Смирнова, вступивших во Временное правительство в конце сентября 1917 г., не отличалась от точки зрения других фабрикантов и мануфактурных торговцев. Определенным свидетельством сдвига правительственных кругов в вопросе о мануфактурной монополии является характер обсуждения его в совете союза объединенной промышленности 24 октября 1917 г. Фабриканты не просят предоставить им право распределять 100% тканей для частного рынка, а определяют условия, при выполнении которых они соглашались организовать централизованное распределение мануфактуры⁵⁶. Предприниматели добивались не столько восстановления свободного торгового оборота, сколько свободы регулирования от имени государства всей мануфактурной торговли. Реакционно-бюрократический контроль, предусмотренный существующими положениями, заменялся еще более реакционным контролем, сосредоточивавшимся в руках предпринимательских организаций.

Фактического срыва государственной монополии в торговле хлопчатобумажными тканями фабриканты добились благодаря пособничеству социал-соглашателей. Только при их поддержке капиталисты могли вво-

⁵⁴ ГИМ ОПИ, ф. 10, оп. 1, д. 41, лл. 81—82; «Коммерческий телеграф», 19 октября 1917 г.

⁵⁵ «Коммерческий телеграф», 21 и 24 октября 1917 г.

⁵⁶ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 614, л. 14.

дить в заблуждение трудящиеся массы, выдавая бесплодные полумеры за государственную монополию в торговле хлопчатобумажными тканями, демагогически заявляя о проведении фактического учета тканей в стране и т. п.

Меньшевики — представители Совета рабочих депутатов в комитете хлопкоснабжения (Е. И. Рубин и др.) не могли не знать, что поставки тканей министерству продовольствия осуществлялись за счет военных заказов, что они были мизерными в количественном отношении, что основная масса тканей, поступавших на частный рынок, попадала к спекулянтам.

Представитель Московского Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевик Е. И. Рубин присутствовал на заседании Московского городского продовольственного комитета, где фабриканты определили такие принципы учета тканей, которые обеспечивали лишь видимость контроля в этом деле. Е. И. Рубин не возражал против подобных мер. Более того, он молчаливо соглашался с составом комиссии по учету тканей, хотя туда не вошли представители рабочих организаций, а фабриканты в этом органе получили решающее влияние⁵⁷.

Следовательно, после Февральской революции капиталисты хлопчатобумажной промышленности всеми средствами противодействовали демократизации регулирующих органов, отвергали и саботировали любые проекты расширения государственного регулирования, содержавшие хоть какие-нибудь потенциальные возможности для вмешательства представителей более широких слоев населения в сферу производства и в вопросы распределения тканей. С другой стороны, используя помощь своих ставленников во Временном правительстве, крупнейшие капиталисты пытались еще более укрепить свои позиции в хлопчатобумажной промышленности, опираясь по преимуществу на контролируемый ими комитет хлопкоснабжения, и обеспечить достаточно высокие прибыли. Механизм обеспечения высоких прибылей и после революции особенно отчетливо обнаруживается при рассмотрении сырьевой проблемы и порядка нормирования цен на хлопчатобумажные изделия.

⁵⁷ ГАОРМО, ф. 2252, оп. 5, д. 13, лл. 13—14, 20, 22—23, 28—29.

§ 2. Сырьевая проблема и нормирование цен на хлопчатобумажные изделия в 1917 г.

После Февральской буржуазно-демократической революции вопросы организации снабжения предприятий хлопком по-прежнему занимали видное место в работе различных органов, призванных регулировать хлопчатобумажную промышленность. «Центрохлопок», созданный осенью 1916 г., продолжал действовать. Права его, как уже отмечалось, несколько расширились.

Особое внимание фабриканты обращали на доставку сырья и топлива к фабрикам. В отношении комитета хлопкоснабжения в министерство торговли и промышленности, датированном 15 апреля 1917 г., настойчиво выдвигалось требование объявить хлопчатобумажную промышленность работающей на оборону в размере 100% и отнести ее к первоочередным отраслям по снабжению сырьем и топливом. Министерство торговли и промышленности поддержало эти требования⁵⁸.

В результате ряда мер, осуществлявшихся по требованиям фабрикантов, на 1 сентября 1917 г. в Центре России имелись значительные запасы хлопка. На фабричных складах, у торговцев, банков и в пути на 1 сентября 1917 г. имелось 6 220 тыс. пудов иностранного и русского хлопка, закупленного фабрикантами. Из этого количества 2 677 тыс. пудов находилось на фабричных складах⁵⁹.

Это, однако, не означает, что после Февральской буржуазно-демократической революции все затруднения были ликвидированы. Борьба хлопкоотроговцев и банков с фабрикантами из-за сырья продолжалась. Сразу же после Февральской революции некоторые хлопкоотровые фирмы стали отказывать в кредите предприятиям, получившим хлопок по приказам «Центрохлопка», комитета хлопкоснабжения. Однако это противодействие удалось парализовать благодаря тому, что два крупных банка согласились продолжать финансирование сделок на хлопок. В циркуляре совета общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности членам общества от 13 марта 1917 г. сообщалось, что «Московский про-

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 609, л. 90.
⁵⁹ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 44, л. 172а.

мысленный банк и Азовско-Донской коммерческий банк известили представителя н. общества в комитете хлопкоснабжения С. В. Лурье, что означенные банки готовы финансировать сделки на хлопок, совершаемые по приказам комитета»⁶⁰.

Нарушения хлопкоторговцами правил централизованной продажи хлопка к осени 1917 г. получили столь широкое распространение, что председатель комитета хлопкоснабжения 16 сентября 1917 г. телеграфировал министру торговли и промышленности, настаивая на предоставлении комитету права производить проверку и осмотр торговых книг у лиц и фирм, торгующих хлопком. В случае невозможности положительно решить этот вопрос в целом комитет требовал предоставить ему полномочия на проверку торговых книг фирмы Х. Л. Кана, где только что удалось обнаружить грубые нарушения существующих нормированных цен⁶¹.

В сентябре 1917 г. совет общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности созвал ряд совещаний для определения отношения общества к «Центрохлопку». Фабриканты, заявив, что деятельность «Центрохлопка» не совсем их удовлетворяет, признали, однако, желательным существование этого органа. Для выработки нового положения о «Центрохлопке» была создана специальная комиссия. Комиссия согласовала некоторые основные положения, которые сводились к следующему: 1) Состав «Центрохлопка» в новом хлопковом сезоне определяется на основе принципа паритетного представительства фабрикантов и хлопкоторговцев. 2) Распределение хлопка производится четыре раза в год на трехмесячные периоды. 3) Оплата за купленный хлопок производится только с момента прибытия хлопка на фабрику⁶².

В обстановке небывалого размаха спекулятивного ажиотажа значительное количество хлопка старого урожая 1916/17 г. оставалось на складах хлопкоторговцев, рассчитывавших на повышение цен с начала нового сезона. Старая цена хлопка равнялась 36 руб. за пуд, а новая — 118 руб. Продажа старого хлопка по новой цене сулила колоссальные прибыли. По некоторым

⁶⁰ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 473, л. 1.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 34, лл. 1, 5.

⁶² «Хлопчатобумажная промышленность», 1918, № 1-2, стр. 15.

данным, только в Средней Азии к началу нового сезона оставалось более 2 млн. пудов хлопка старого урожая⁶³. Попытки комитета хлопкоснабжения получить этот хлопок не увенчались успехом.

На основании решения Всероссийского хлопкового съезда комитет хлопкоснабжения постановил создать при Туркестанской краевой управе организацию для выявления запасов хлопка-волокна старого урожая и контроля над вывозом его из Средней Азии. Вместе с этой мерой комитет признал необходимым повысить цену на хлопок-волокно урожая 1916 г., установив ее в Москве в размере 60 руб. за пуд⁶⁴. Подобная премия за спекуляцию не могла ввести в заблуждение хлопко-торговцев, которые знали, что на хлопок нового урожая предполагается установить еще более высокие цены. Фабриканты сравнительно легко согласились на введение таких высоких спекулятивных цен на хлопок нового урожая, так как цены на ткани осенью 1917 г. устанавливались в полном соответствии с ценами на хлопок. Благодаря этому предприятия, имевшие значительные запасы хлопка, закупленного по старым ценам (отдельные предприятия таким хлопком были обеспечены до марта 1918 г.), могли получать фантастические барыши⁶⁵.

Вместе с тем фабриканты, рассчитывавшие на понижение цен на хлопок в случае окончания войны, которое они предвидели, отказались дать обязательство закупить весь хлопок урожая 1917 г. по спекулятивной цене 118 руб. за пуд. С другой стороны, московские и петроградские банки отказались финансировать операции по закупке хлопка по новым ценам, если Государственный банк в свою очередь не откроет им кредит на 600 млн. руб., а фабриканты не дадут обязательство закупить весь хлопок по установленной нормированной цене. Об этом 25 сентября 1917 г. сообщал секретарь комитета хлопкоснабжения в докладной записке, подготовленной для министра финансов⁶⁶. Несмотря на подобные ультимативные условия, фабриканты все же отказались

⁶³ ЦГАОР, ф. 5457, оп. 2, д. 1, л. 13; «Текстильный рабочий», 1917, № 1, стр. 6; «Коммерческий телеграф», 22 июля 1917 г.

⁶⁴ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 48, л. 102.

⁶⁵ «Коммерческий телеграф», 7 октября 1917 г.

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 1212, л. 103.

закупать весь отечественный хлопок по цене 118 руб. за пуд. Переговоры с банками и хлопкоотборщиками продолжались в прядильно-ткацком отделе союза хлопчатобумажной промышленности. На заседании 3 октября совет отдела согласился гарантировать приобретение 3 млн. пудов при условии уплаты за хлопок лишь после его прибытия в Центральный промышленный район. На заседании 10 октября, где присутствовали представители банков и хлопкоотборщиков, совет согласился гарантировать приобретение 4,5 млн. пудов хлопка с уплатой 80% стоимости отправленного хлопка в случае представления дубликатов железнодорожных документов о его погрузке и отправке. Централизацию хлопковой торговли участники совещания признали возможной лишь в случае организации страхования хлопка от всех рисков, включая народные волнения. Сохранились некоторые разногласия по частным вопросам, сравнительно легко устранимые в практической повседневной деятельности⁶⁷. Для страхования хлопка под руководством банков организовалось объединение 15 страховых обществ — «Центрострах»⁶⁸. На заседании комитета хлопкоснабжения 17—18 октября 1917 г. при рассмотрении вопроса о способах реализации урожая хлопка 1917 г. фабриканты вновь подтвердили свое решение гарантировать покупку 4,5 млн. пудов хлопка⁶⁹. Смысл всех споров и разногласий между фабрикантами и банками заключался в том, чтобы, создав видимость неразрешимости противоречий, добиться финансирования хлопковых операций за счет казны. Тем самым и банки и фабриканты получали дополнительные возможности для развертывания спекулятивных махинаций. Кроме того, при проведении политики локаутов капиталисты имели все основания ссылаться на недостаток сырья, доставка которого задерживалась ввиду преднамеренно и искусственно обострившихся разногласий между фабрикантами и банками.

Предметом особых забот фабрикантов по-прежнему являлось утверждение нормированных цен на пряжу

⁶⁷ ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 614, лл. 15—16; «Хлопчатобумажная промышленность», 1918, № 1-2, стр. 21—22.

⁶⁸ ГИАМО, ф. 327, оп. 2, д. 34, лл. 428—429.

⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 649, л. 60.

и разные виды тканей. В нормировочной комиссии комитета хлопкоснабжения фабрикантам всегда удавалось проводить выгодные для себя цены. В марте 1917 г. комиссия единогласно приняла цену пряжи «ватер» № 34 в размере 65 руб. за пуд. Характерно, что представитель министерства торговли и промышленности считал цену 63 руб. за пуд ценой, вполне гарантирующей фабрикантам прибыль не меньше получаемой ими при старых нормированных ценах⁷⁰.

В мае — июне 1917 г. производилась разработка новых нормированных цен на хлопчатобумажные отделанные ткани. При определении принципов калькулирования цен фабриканты взяли завышенные исходные данные. На заседании оценочной комиссии 2 и 4 мая 1917 г. «нормальная» предпринимательская прибыль определялась в размере 15%. Кроме того, предполагалось учитывать 8% на оборотный капитал и т. д.⁷¹. Однако детализация цен потребовала времени, тем более, что фабриканты не особенно спешили с этим делом. Комитет хлопкоснабжения до 1 июля 1917 г. оставил старые цены, которые давно уже совершенно не соблюдались.

Капиталисты довольно оперативно разработали новые нормированные цены. Совещание фабрикантов в обществе фабрикантов хлопчатобумажной промышленности 24 мая «признало допустимым возбуждение ходатайств о повышении расценок каждой фирмы на отделанные ткани, кроме ситца и ручного товара, в пределах не свыше 30% против действующих ныне утвержденных прейскурантов»⁷². Тем не менее, видимо для проволочки времени, при комитете хлопкоснабжения была создана специальная оценочная комиссия. Комиссия занялась «индивидуальной» (для каждого предприятия) оценкой всех тканей, идущих на вольный рынок. По требованию этой комиссии фабриканты обязывались представлять образцы тканей существующего прейскуранта⁷³.

2 июня 1917 г. состоялось соединенное заседание текстильно-нормировочной комиссии, экспертной комис-

⁷⁰ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 609, лл. 3—4, 10.

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 649, лл. 22—23.

⁷² ГАИО, ф. 138, оп. 1, д. 3850, л. 9.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, л. 27.

сии и управления делами комитета, где снова обсуждался вопрос о нормировании цен на ткани. Дело в том, что материалы, поступившие с фабрик, со всей очевидностью свидетельствовали о крайнем разнообразии возможных нормированных цен. Поэтому снова встал вопрос о некоторых общих принципах при их исчислении. На заседании рассматривались таблицы, представленные ткацким подотделом хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета, по которым на основании сведений, получаемых с фабрик, можно было бы быстро определить стоимость различных тканей. Заседание приняло решение разослать по фабрикам соответствующие анкеты, сообщив при этом о тех ставках на ткачество, беление, крашение, отделку, которые приняты оценочной комиссией при установлении цен на ткани⁷⁴. Сбор сведений оказался делом не легким. Определение оценочной комиссией индивидуальных цен на ткани сильно затянулось. В течение двух месяцев в подкомиссиях, комиссиях и комитетах фабриканты пережевывали давно predetermined вопрос. Только на заседании 27—28 июня 1917 г. комитет хлопкоснабжения принял решение оставить старые нормированные цены преysкурантов, увеличив их на 30%⁷⁵. В соответствии с этим решением министр торговли и промышленности 20 июля 1917 г. издал обязательное постановление о порядке продажи на частном рынке всех отделанных хлопчатобумажных тканей⁷⁶.

Таким образом, после Февральской буржуазно-демократической революции так и не было установлено единых нормированных цен, так как преysкуранты цен различных предприятий на одни и те же ткани имели некоторые различия.

Этот разноречивый, способствовавший процветанию спекуляции, еще более усиливался тем, что на изделия хлопчатобумажных предприятий Петроградского района существовали более высокие цены.

Фабриканты Петроградского района добивались введения особых цен еще летом 1917 г. При установлении нормированных цен на некоторые сорта пряжи в

⁷⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, лл. 27—28.

⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 649, лл. 28—29.

⁷⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, лл. 37—38.

комитете хлопкоснабжения 27 — 28 июня 1917 г. они настаивали на утверждении для их предприятий повышенных цен. Свое требование они аргументировали более значительным увеличением, чем в Центральном промышленном районе, заработной платы рабочих — текстильщиков Петрограда. Однако предприниматели Центрального района отклонили их домогательства⁷⁷.

В октябре 1917 г. снова возник этот вопрос. Под давлением рабочих фабриканты Петроградского района вынуждены были увеличить заработную плату на 60 — 70%. Поэтому они еще настойчивее стали добиваться установления на ткани, вырабатывавшиеся в Петрограде, специальных цен. 20 сентября 1917 г. комитет хлопкоснабжения утвердил для Петроградского района повышенные (на 15,3%) цены на ткани⁷⁸.

Завышенные нормированные цены на ткани, утвержденные с учетом 15 — 20%-ной прибыли по их же представлениям, фабрикантов не удовлетворяли. Они стремились получить 50 — 70 — 100%-ную и более высокую прибыль, используя неповторимо выгодную конъюнктуру, созданную войной и спекуляцией. Комиссия по реквизициям комитета хлопкоснабжения еще в середине мая 1917 г. вынуждена была признать, что «большинство лиц, производящих торговлю хлопчатобумажными товарами, почти не пользуются выработанными комитетом хлопкоснабжения нормированными ценами»⁷⁹. Спекуляция еще более усилилась в конце мая — июне 1917 г., когда товар, полученный с фабрик, моментально расхватывался покупателями по ценам, значительно превышавшим нормированные, и когда склады многих торговых фирм совершенно опустели⁸⁰.

К концу сентября — началу октября 1917 г. спекуляция тканями достигала чудовищных размеров. Крупный комиссионер по продаже изделий т-ва м-р В. Морозова, жалуясь на плохое отношение к нему владельцев предприятия, писал в правление 8 ноября 1917 г., что «ажиотаж мануфактурными товарами

⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, л. 649, л. 27.

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, л. 54, л. 10; ф. 23, оп. 15, л. 796, л. 14—17, 19; оп. 27, л. 306, л. 84.

⁷⁹ «Коммерческий телеграф», 16 мая 1917 г.

⁸⁰ «Коммерческий телеграф», 30 мая, 2 июня и 1 июля 1917 г.

начался главным образом в 1917 г.», когда ему было уделено очень мало товара⁸¹. Миткаль, нормированный по цене 45 коп. за аршин, совершенно открыто продавался по 1 р. 45 к. В розничной торговле хлопчатобумажные ткани продавались по цене 3 руб. аршин. Это заставило центральную комиссию по учету тканей 28 сентября 1917 г. признать необходимым образование специального органа, ведающего контролем за розничной торговлей тканями, и учреждение института торговых инспекторов. Члены комиссии признали также целесообразным ввести ограничения в розничной торговле тканями, выдавая в одни руки не более 7—8 аршин по специальным карточкам или же делая соответствующую отметку в паспорте⁸². Безусловно, подобные паллиативы не могли заменить действительного и эффективного учета и контроля над производством и распределением в текстильной промышленности.

В обстановке полной неразберихи и нагромождения различных отделов, комитетов и комиссий, имевших право регулировать текстильную промышленность, но не имевших ни желания, ни средств, ни возможностей для осуществления действительно эффективного контроля за производством и распределением, фабриканты и торговцы могли беспрепятственно нарушать принятые постановления, безнаказанно спекулируя хлопчатобумажными тканями, наживаясь на нищете и лишениях народных масс. Особенно полезной в этом отношении для фабрикантов после Февральской революции оказалась деятельность хлопчатобумажного отдела Московского ВПК, сохранившего в своих руках важнейшую составную часть государственного регулирования — распределение и контроль за исполнением военных заказов.

§ 3. Хлопчатобумажный отдел Московского областного военно-промышленного комитета в 1917 г.

Деятельность хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета после Февральской буржуазно-демократической революции заметно активизировалась.

⁸¹ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 185, л. 291.

⁸² «Коммерческий телеграф», 20 сентября и 7 октября 1917 г.

Добиваясь расширения прав комитета хлопкоснабжения, фабриканты вместе с тем стремились повысить роль и значение хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета, особенно при решении важнейших вопросов, прежде всего связанных с выполнением казенных заказов. Отдел еще 7 марта 1917 г. постановил, что «весь вопрос о распределении казенных заказов подлежит изъятию из ведения военной комиссии хлопчатобумажного комитета, и распределение заказов сосредоточить, как это и было прежде, в хлопчатобумажном отделе, к которому все ведомства должны обращаться непосредственно». Более того, в решении признавалось, что «надлежит непосредственно в хлопчатобумажном отделе производить распределение заказов между Центральным и Петроградским районами, для чего приглашать представителей текстильного отдела Петроградского окружного военно-промышленного комитета». Далее отмечалось, что определение степени обязательной загрузки фабрик работой на оборону должно производиться также в отделе. В случае уклонения тех или иных фирм от военных поставок отдел должен обращаться к комитету хлопкоснабжения. Вместе с тем отдел признал, что нормировкой цен на ткани должен заниматься комитет хлопкоснабжения, который обязан всякий раз запрашивать заключение хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета, хлопкового комитета Московской биржи, общества фабрикантов хлопчатобумажной промышленности и общества красильно-аппретурных фабрикантов⁸³.

Рассмотрение «программных» вопросов регулирования хлопчатобумажной промышленности на первых заседаниях хлопчатобумажного отдела сочеталось с решением некоторых конкретных вопросов, выдвигавшихся повседневной практикой. На заседании 7 марта 1917 г. отдел постановил создать особую комиссию для пересмотра поступающих в отдел заказов от различных кооперативов и учреждений, не имеющих отношения к работе на оборону. На заседании 15 марта руководители отдела решили ввести практику выдачи удостоверений на покупку пряжи для производства ряда военных тка-

⁸³ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, лл. 329—330.

ней и собрать через ткацкий подотдел и общество красильно-аппретурных предприятий данные об обеспечении фабрик топливом. На этом же заседании отдел поддержал выдвижение Н. Д. Морозова на пост председателя комитета хлопкоснабжения. На заседании 29 апреля 1917 г. отдел образовал комиссию для распределения тканей по ходатайствам общественных организаций и тыловых учреждений. Создание этой комиссии обуславливалось тем, что организация центрального органа по распределению тканей затянулась, а в комитете хлопкоснабжения и хлопчатобумажном отделе скопилось значительное количество заказов этих организаций на мануфактуру. В апреле 1917 г. хлопчатобумажным отделом производилось статистическое обследование выполнения хлопчатобумажными предприятиями заказов на оборону с 1 ноября 1916 г. по 1 мая 1917 г.⁸⁴

Права и функции хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета в деле регулирования военных поставок, несмотря на стремление фабрикантов не подчеркивать действительную роль и значение этого органа, все же несколько расширились и в дальнейшем. В июне 1917 г. главное интендантское управление фактически передало в ведение отдела решение вопроса о предоставлении хлопчатобумажным фабрикам отсрочек по военным поставкам и начислении неустоек за нарушение сроков поставок⁸⁵. 2 июня 1917 г. постановлением министра торговли и промышленности хлопчатобумажному отделу МВПК предоставлялось право распределения в Московском промышленном районе хлопчатобумажной и вигоневой пряжи для производства тканей по военным заказам⁸⁶.

Хлопчатобумажный отдел Московского областного военно-промышленного комитета являлся именно тем органом, с помощью которого фабрикантам удавалось легко обходить постановления Временного правительства о поставке хлопчатобумажных тканей министерству продовольствия и, прикрываясь фиктивным регу-

⁸⁴ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, лл. 239, 276—277, 284—286; «Коммерческий телеграф», 23 апреля 1917 г.

⁸⁵ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, л. 248.

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1131, оп. 1, д. 61, л. 79; «Коммерческий телеграф», 22 июля 1917 г.

лированием, основную массу тканей сбывать по завышенным, спекулятивным ценам.

Поставки фабрикантов министерству продовольствия до 1 октября 1917 г. намечались в размере 50% производства хлопчатобумажных тканей, поступавших на вольный рынок, а с 1 октября — в размере 60%. Как показывает обработка официальных цифровых данных, в действительности такие поставки составляют 8—10%, а не 50 и 60%. Однако и эти данные нуждаются в существенных уточнениях. Дело в том, что уже в первые дни своего существования «Центроткань» получила от хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета значительное количество репса, от которого отказалось ГИУ⁸⁷. Эти поставки, вошедшие в общую сумму поставок фабрикантов «Центроткани», вместе с тем учитывались как военные заказы. Такой порядок постепенно становится системой. 19 млн. аршин хлопчатобумажных тканей, имевшихся в распоряжении уполномоченного министерства продовольствия в конце июня 1917 г., по его собственному признанию, полностью было получено от военного ведомства⁸⁸.

В начале июля 1917 г. хлопчатобумажный отдел Московского ВПК сообщал фабрикантам: «Общее количество репса, в свое время заявленное к поставке интендантству и ныне аннулированное интендантством для настоящей поставки министерству продовольствия, уменьшено быть не должно, так как это количество было учтено отделом в счет загрузки прядильно-ткацких фабрик заказами на государственную оборону, а чисто-ткацким предприятиям было отпущено соответствующее количество пряжи»⁸⁹.

В хронике хлопчатобумажного отдела Московского областного военно-промышленного комитета в конце июля 1917 г. отмечалось: «Все поставки хлопчатобумажной ткани для министерства продовольствия, согласно выяснившегося положения, будут проходить для распределения среди хлопчатобумажных фабрикантов и соответствующего учета наравне с заказами на обо-

⁸⁷ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, л. 370; ф. 1082, оп. 1, д. 130, лл. 6—7.

⁸⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 656, л. 15.

⁸⁹ ГАКАЛО, ф. 850, оп. 1, д. 11728, л. 248.

рону страны через хлопчатобумажный отдел. Первый заказ уже поступил»⁹⁰. Рассмотренный принцип учета заказов министерства продовольствия еще раз подтвердило частное совещание фабрикантов и чиновников Временного правительства 11 сентября 1917 г.⁹¹. Таким образом, Временное правительство, широко вещательно объявив о том, что 60% тканей, остающихся после выполнения военных заказов, должно поступать в распоряжение «Центроткани», преобладающую массу тканей получало через хлопчатобумажный отдел Московского областного военно-промышленного комитета в счет военных поставок. По существу, все ткани, идущие на частный рынок (за самым мизерным исключением), вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции свободно «распределялись» самими фабрикантами по спекулятивным ценам.

Переход основных заказов министерства продовольствия в ведение хлопчатобумажного отдела в дальнейшем повлек за собой передачу в отдел распределения пряжи, необходимой для выполнения этих заказов. В середине октября 1917 г. на заседании хлопчатобумажного отдела Ст. П. Рябушинский, В. П. Рогожин и др. настойчиво доказывали необходимость предоставления такого права отделу. Отдел принял их предложение, а через несколько дней министерство продовольствия утвердило предложенный им порядок распределения хлопчатобумажной пряжи⁹². После этого в руках отдела сосредоточилось распределение почти всей хлопчатобумажной пряжи, производившейся в Московском промышленном районе.

Усиление роли и значения хлопчатобумажного отдела Московского военно-промышленного комитета позволило крупным московским фабрикантам распространить свое влияние на новые группы фабрикантов смежных отраслей производства. 10 марта 1917 г. при хлопчатобумажном отделе образовалось общество ватных фабрикантов. Отдел приветствовал объединение ватных фабрикантов, но выразил пожелание, чтобы «впредь оно называлось «Группой ватных фабрикантов», наподобие уже существующих при хлопчатобу-

⁹⁰ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, л. 356.

⁹¹ ЦГАИХ, ф. 7659, оп. 1, д. 12, л. 93.

⁹² «Коммерческий телеграф», 17 и 21 октября 1917 г.

мажном отделе группы фабрикантов ленто-ткацких изделий и группы московских фабрикантов вязаных изделий»⁹³.

Изменение соотношения сил в комитете хлопкоснабжения в их пользу московские фабриканты использовали также для очередных попыток оказать нажим на фабрикантов Петроградского района и их организации. 16 марта 1917 г. военная комиссия комитета хлопкоснабжения постановила «обратить внимание текстильного отдела (Петроградского окружного ВПК. — В. Л.), что нежелание его распределить в Петроградском районе заказы петроградских учреждений совершенно нарушает установленное соглашение и вносит дезорганизацию в дело планомерного и своевременного удовлетворения потребности в тканях учреждений, работающих на оборону». 23 марта 1917 г. на основании решения военной комиссии управление делами направило текстильному отделу Петроградского военно-промышленного комитета копию ряда военных заказов на миткаль и обязало распределить эти заказы среди петроградских фабрикантов, несмотря на отказ последних вырабатывать миткаль по нормированным ценам.

В мае 1917 г. петроградские фабриканты, отказавшись выполнить переданный в Петроград военной комиссией комитета заказ на 5 млн. аршин марли, обратились за поддержкой в отдел промышленности Министрства торговли и промышленности. Последний снова передал этот вопрос на заключение комитета хлопкоснабжения. 31 мая 1917 г. комитет постановил: «1) Предложить текстильному отделу Петроградского окружного военно-промышленного комитета распределить между фабрикантами Петроградского района незамедлительно заказ на 5 000 000 арш. гигроскопической марли по нормировочной цене... 2) Если текстильный отдел Петроградского окружного военно-промышленного комитета, несмотря на обязательства, им принятые, уклонится от распределения означенного заказа 5 000 000 арш. марли, распределить означенный заказ между фабрикантами Петроградского района непосредственно. 3) Если фабрикантами Петроградского

⁹³ ГИАМО, ф. 341, оп. 5, д. 399, л. 283.

района не будет выполнено предписание комитета, то возбудить против уклонившихся предприятий уголовное преследование». Это решение оказало определенное воздействие на петроградских фабрикантов. В начале июля 1917 г. текстильный отдел сообщил в комитет хлопкоснабжения о распределении между предприятиями этого заказа, но вместе с тем просил установить для этой поставки «справедливые», т. е. повышенные нормированные цены⁹⁴.

Таким образом, после Февральской революции права хлопчатобумажного отдела Московского областного ВПК в деле государственного регулирования хлопчатобумажной промышленности расширяются, а роль его заметно возрастает. Капиталисты добивались восстановления старых позиций, утраченных в последние месяцы царского режима. Вместе с тем стремление капиталистов восстановить и расширить права хлопчатобумажного отдела являлось проявлением тенденции противодействия демократизации регулирующих органов, характеризующей отношение капиталистов к государственному регулированию в период нарастания революционной активности пролетариата. В «своей» организации они чувствовали себя увереннее и спокойнее, чем в комитете хлопкоснабжения, подвергавшемся непрерывным и более реальным угрозам демократизации его состава.

§ 4. Государственное регулирование в шерстяной и льняной промышленности

В комитете по делам суконной промышленности после Февральской революции наблюдались примерно те же процессы реорганизации государственных регулирующих органов. Однако фабриканты сохранили старое руководство комитета. На заседании 17—18 марта 1917 г. они избрали председателем комитета А. Я. Чемберса, занимавшего ранее ту же должность по назначению.

После революции фабрикантам суконной промышленности пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить завоеванные ими позиции на рынке шерсти.

⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 45, оп. 1, д. 177, лл. 60, 61—62, 75; д. 178, л. 152; ф. 23, оп. 27, д. 306, лл. 26—27.

Крупные овцеводы и торговцы шерстью упорно пытались ликвидировать монопольное положение фабрикантов в области закупки шерсти. Выдвигая старые доводы против существующих правил торговли шерстью, они не преминули использовать и тот факт, что постановления, вводившие эти правила, разрабатывались при активном участии А. Д. Протопопова. Как известно, последний дискредитировал себя в глазах буржуазной общественности ренегатством из лагеря оппозиции в дворцово-правительственную клику и приобрел в качестве последнего министра внутренних дел царского правительства дурную славу яростного защитника рушившегося самодержавия.

Основные требования овцеводов нашли отражение в телеграмме председателя Кизлярского комитета овцеводов от 1 мая 1917 г. председателю Государственной думы. В этой телеграмме разъяснялось, что овцеводы не желают сдавать тонкую шерсть синдикату из четырех фирм, которые получают благодаря этому двойные барыши. Далее в телеграмме требовалось установить цену шерсти в соответствии с ценами заграничного и отечественного рынка на шерсть, пряжу и ткани⁹⁵. В сущности, все дело сводилось к установлению более выгодных нормированных цен. Овцеводы отказались от всех своих претензий, как только было удовлетворено их требование повышения цен. Они настаивали на том, чтобы цены устанавливались не в зависимости от действительных расходов по овцеводству, а в соответствии с последними лондонскими ценами, плюс оплата расходов на транспорт до Архангельска, пошлины, стоимость погрузки и разгрузки, прибавка за «лучшее» качество русской шерсти. Все эти «расходы», по подсчету овцеводов, составляли 13 руб. за пуд шерсти. На заседании 27 апреля 1917 г. отдел тонких сукон удовлетворил эти требования. С учетом такой прибавки цена тонкой шерсти определялась в размере 103 руб. за пуд. Однако овцеводы на этом не остановились. На общем заседании комитета в начале мая 1917 г. они добились дальнейшего повышения цен. После всех манипуляций нормированная цена шерсти увеличилась до 135 руб. за пуд⁹⁶.

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 655, лл. 173, 206—207.

⁹⁶ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 609, лл. 173—174; оп. 15, д. 655, л. 212.

Аналогичная борьба наблюдалась по вопросу об организации торговли грубой шерстью. В 1917 г. открыл свои действия закупочный синдикат «Русская шерсть».

В марте — апреле 1917 г. овцеводы и торговцы грубой шерстью направили в министерство торговли и промышленности ряд записок, в которых они требовали ликвидации синдиката. Последние к этому времени создали Всероссийское общество шерстоторговцев, возбудившее ходатайство о предоставлении ему права покупки шерсти. Кроме того, торговцы требовали, чтобы контроль за выполнением обязательного постановления поручался не суконному комитету, состоящему в основном из фабрикантов, а специальному органу. Этот орган должен был комплектоваться в составе представителей фабрикантов, торговцев и чиновников.

Основные требования торговцев удовлетворения не получили.

28 апреля 1917 г. министр торговли и промышленности утвердил правила торговли грубой шерстью, по которым закупка грубой шерсти предоставлялась исключительно владельцам суконных фабрик. Последние это право могли передать торговым фирмам. Все суконные фабрики, объединенные товариществом «Русская шерсть», передоверяли ему свои права на закупку шерсти. «Русская шерсть» благодаря этому фактически стала государственно-монополистической организацией. При таком положении все уступки, сделанные торговцам, не могли иметь практического значения. Деятельность закупочного синдиката ни в коей мере не могла, например, ограничить комиссия, созданная на паритетных началах из фабрикантов и торговцев с добавлением представителей ведомств, которой предоставлялось право арбитража по сделкам купли-продажи шерсти⁹⁷.

Цены на шерсть, утвержденные министром торговли и промышленности, также оказались сравнительно низкими: всего в два раза выше довоенных. В то же время стоимость сукон увеличилась, по данным овцеводов-казахов Семипалатинского уезда, в пять раз⁹⁸. Если с крупными овцеводами-помещиками фабриканты считались и после Февральской революции, то отношение

⁹⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 655, лл. 66, 70, 80—82, 101, 106, 281; оп. 27, д. 306, лл. 11—12.

⁹⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 791, л. 11.

них к торговцам грубой шерстью, среди которых в Казахстане и Средней Азии преобладали «туземцы», было совершенно иным. Тем более они нисколько не задумывались об интересах трудящихся масс.

Действуя через «Русскую шерсть», фабриканты довольно успешно добивались реализации принятых решений. В случае отказа продавать шерсть по нормированной цене они угрожали реквизицией. Эта угроза оказывалась достаточно эффективной, так как сбыть шерсть в другое место, по существу, не имелось возможности.

В сентябре — октябре 1917 г., когда цены на все товары очень сильно повысились, в министерство торговли и промышленности поступила новая серия жалоб овцеводов и мелких торговцев шерстью на действия фабрикантов и прежде всего общества «Русская шерсть». Однако последнее находилось под защитой комитета по делам суконной промышленности, который нарочито «не замечал» монопольного положения этой организации на рынке шерсти⁹⁹.

Недовольство населения непрерывным ростом цен на шерстяные ткани, которые попадали на рынок (бракованные, полушерстяные и т. п.), заставило комитет создать в июле 1917 г. временный отдел по снабжению населения дешевыми шерстяными и суконными товарами¹⁰⁰. Однако при огромном дефиците шерстяных тканей на рынке подобная полумера не могла улучшить положение. Цены на такие ткани, как драп и трико в августе 1917 г. увеличились по сравнению с довоенным временем в 20 раз¹⁰¹. Поэтому на заседании комитета в середине сентября 1917 г. обсуждался вопрос об учете всей шерстяной пряжи, поступающей на вольный рынок. «Решено, — записано в журнале заседания, — всю шерстяную пряжу взять на счет комитета и под контролем последнего распределить ее между предприятиями, работающими на оборону»¹⁰². При осуществлении этого постановления возникли большие трудности. Преобладающая часть пряжи на частный рынок поступала

⁹⁹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 792, лл. 144, 148.

¹⁰⁰ «Коммерческий телеграф», 22 июля 1917 г.

¹⁰¹ «Коммерческий телеграф», 3 августа 1917 г.

¹⁰² «Коммерческий телеграф», 20 сентября 1917 г.

незаконно за счет уклонения от выполнения военных поставок. Для регулирования рынка пряжи требовалось иметь некоторые юридические основания, т. е. официальное разрешение на продажу определенного количества продукции суконных фабрик на частном рынке. Поэтому фабриканты поставили вопрос о частичной демобилизации шерстяной промышленности. На заседании комитета по делам суконной промышленности в середине октября 1917 г. им удалось добиться решения о продаже на частном рынке 30% грубых сукон, камвольных и полушерстяных изделий. На этом же заседании были утверждены нормированные цены на ткани, предназначавшиеся для свободной продажи¹⁰³.

Фабриканты, возглавлявшие комитет по делам суконной промышленности, очевидно, учитывая общую политическую обстановку, еще в начале мая 1917 г. приняли решение о некоторой демократизации этого органа. В состав комитета предполагалось включить 7 «нейтральных» представителей ведомств, 9 представителей различных политических и общественных групп (в том числе и представителей Совета рабочих и солдатских депутатов) и 30 представителей суконной промышленности¹⁰⁴. Однако такая «демократизация» оказалась явно недостаточной. На заседании комитета по делам суконной промышленности 4—5 июля 1917 г. представители Совета рабочих депутатов потребовали предоставления им равного с фабрикантами количества мест в комитете. Для разработки нового положения о комитете создается специальная комиссия¹⁰⁵.

В ходе переговоров с фабрикантами эсеро-меньшевистское руководство Совета и здесь отказалось от последовательного осуществления принципа паритетного представительства. Тем не менее, представительство Совета рабочих и солдатских депутатов в комитете по делам суконной промышленности оказалось более полнокровным, чем в других органах по регулированию текстильной промышленности. В новый состав комитета, утвержденный перед Великой Октябрьской социалисти-

¹⁰³ «Коммерческий телеграф», 17 октября 1917 г.

¹⁰⁴ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 609, л. 175; «Коммерческий телеграф», 18 и 20 мая 1917 г.

¹⁰⁵ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 751, лл. 241.

ческой революцией, вошли 21 представитель рабочих и 24 представителя промышленности, министерств и земского союза ¹⁰⁶.

*
* *
*

В комитете по делам льняной и джутовой промышленности после Февральской буржуазно-демократической революции льняным фабрикантам также удалось улучшить свое положение. Вместо Н. И. Гучкова в марте 1917 г. председателем комитета капиталисты избрали проф. С. А. Федорова ¹⁰⁷. Однако постановлением министра торговли и промышленности от 5 мая 1917 г. льно-джутовый комитет был пополнен представителями рабочих. В состав льняного отдела Московский Совет рабочих и солдатских депутатов избрал четырех представителей. Учитывая общее количество членов комитета, достигавшее пятидесяти человек, следует признать такое представительство совершенно не-удовлетворительным ¹⁰⁸.

Особую настойчивость фабриканты проявили при разрешении сырьевой проблемы. Они добивались нормирования цен на лен на внутреннем рынке. Этот вопрос обсуждался на заседании калькуляционной комиссии льняного дела в июле 1917 г. В конечном итоге были приняты очень высокие цены на лен, превышавшие цены, по которым производил закупку льна в России франко-британский льняной комитет ¹⁰⁹.

В области внешней торговли льном произошли некоторые изменения. После Февральской революции англо-французские экспортеры добились окончательного признания права на самостоятельную закупку льна в России. Рябушинские вынуждены были сделать очередную уступку, фиксирующую существующее положение в льняной торговле. В докладе управления объединенной организации, контролируемой Рябушинскими, съезду льноторговцев, созванному советом съез-

¹⁰⁶ «Текстильный рабочий», 1917, № 5, стр. 7.

¹⁰⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 308, л. 52.

¹⁰⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 15, д. 103, лл. 73—74; оп. 27, д. 306, л. 16; «Текстильный рабочий», 1917, № 5, стр. 7—8.

¹⁰⁹ ГИАМО, ф. 848, оп. 1, д. 176, лл. 5—6, 8—9; ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, лл. 36—37.

дов представителей льняного дела 16 июня 1917 г., намечались основные принципы организации льноэкспорта в сезон 1917—1918 г. Совещание, одоблив в принципе предложенную схему, не утвердило проекта в целом. В проект (в первую очередь по вопросу об управлении объединенной организации) были внесены существенные коррективы, устранившие монопольное положение прежних руководителей¹¹⁰.

Утвержденные комитетом по делам льняной и джутовой промышленности 7 октября 1917 г. «основания» для экспортной торговли льняными материалами свидетельствуют о том, что эта схема получила одобрение. В этих «основаниях» указывалось, что «к продаже льняных материалов на экспорт допускаются лишь лица, фирмы и организации, коим это будет поручено льняным отделом»¹¹¹. Об особых правах объединенной организации в деле льноэкспорта не говорилось ни слова.

Затем обсуждение вопроса об организации льноэкспорта состоялось на заседании главного экономического комитета 19 октября 1917 г. Участники совещания, по существу, согласились с решением совещания в льняном отделе льно-джутового комитета. Материалы отчета о первом заседании совещания при главном экономическом комитете свидетельствует о том, что отдельные участники его (товарищ министра торговли и промышленности В. И. Масальский, С. Н. Третьяков и др.) достаточно ясно давали себе отчет в том, что хозяйничанье англо-французских экспортеров на русском рынке несовместимо с достоинством, с суверенитетом самостоятельного государства. Тем не менее, в конечном итоге, все они считали возможным допустить англо-французский аппарат к самостоятельной работе на льняном рынке России¹¹². Временное правительство, рассчитывавшее на политическую и экономическую поддержку англо-французского империализма в борьбе с революционным движением, не могло проводить в сфере внешней торговли политику, достойную независимого государства.

¹¹⁰ ГАКО, ф. 516, оп. 1, д. 193, лл. 1—4, 11, 13.

¹¹¹ ЦГАНХ, ф. 3338, оп. 4, д. 9, л. 10.

¹¹² ЦГВИА, ф. 13251, оп. 3, д. 329, лл. 3—5.

Установление новых «оснований» в экспортной торговле льном означало конец объединенной организации. Попытки Рябушинских монополизировать льняной экспорт кончились полным крахом. Англо-французские экспортеры русского льна сумели предотвратить угрозу своим интересам и добились наиболее благоприятных условий для хищнической деятельности в области льняного экспорта.

Среди льнопромышленников после Февральской революции наблюдалось стремление к расширению прав льно-джутового комитета и его льняного отдела. На заседании 29 мая 1917 г. льняной отдел комитета принял решение «принять на учет всю выработку фабрик для частного рынка и все нормировать; создать техническую комиссию для суждения и указания, на каких фабриках можно было бы заменить малоходовые в населении сорта более ходовыми; поручить управлению делами льняного отдела выработать весь план организации регулирования производства фабрик и контроля такового, немедленно произвести анкету по фабрикам, сколько они могут выработать для частного рынка»¹¹³. Выполняя это постановление, управление делами к середине июня 1917 г. разработало проект создания при льняном отделе льно-джутового комитета промышленной организации, которая могла бы объединить все без исключения (даже самые мелкие) льняные предприятия. Объединение, в соответствии с проектом, возглавлялось управлением в составе трех-пяти человек, избравшихся съездом представителей фабрик. Правлению объединенной организации вменялись в обязанность разработка мероприятий по мобилизации льняной промышленности для работы на оборону, нормировка цен, определение основных типов тканей. Все решения по этим вопросам подлежали утверждению льняным отделом. Проект создания такого принудительного государственного синдиката предполагалось обсудить на съезде льнопромышленников в начале августа 1917 г.¹¹⁴. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется сведений о его дальнейшей судьбе.

¹¹³ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 27, д. 306, л. 28.

¹¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 405, оп. 1, д. 22, лл. 56—57; «Коммерческий телеграф», 8 августа 1917 г.

В распределении военных заказов решающая роль по-прежнему принадлежала Всероссийскому обществу льнопромышленников и льняному отделу Московского областного военно-промышленного комитета, как и ранее производивших разверстку заказов ¹¹⁵.

При утверждении нормированных цен льняной отдел также по-прежнему руководствовался соответствующими решениями этих организаций. Калькуляционная комиссия льняного отдела 11 июля 1917 г. приняла, например, решение «запросить Всероссийское общество льнопромышленников, какие цены на льняную пряжу признает оно возможным определить на время с 1 августа» ¹¹⁶. 6 октября 1917 г. отдел утвердил (с очень незначительными изменениями) новые цены на льняные ткани, предложенные советом общества. Эти цены, утвержденные советом на срок с 1 октября 1917 г. по 1 января 1918 г., были на 46—51—56% выше ранее существовавших ¹¹⁷.

Следует также отметить, что льняной отдел льноджутового комитета поддержал идею объединения всех существующих комитетов по регулированию промышленности, выдвинутую в Московском торгово-промышленном комитете С. Н. Третьяковым на заседании 4 апреля 1917 г. В докладе о деятельности льноджутового комитета представитель министерства торговли и промышленности сообщал: «Льняной отдел имел заседание 2-го с. м. (мая. — В. Л.), в котором Суздальцевым было внесено внеочередное заявление о желательности объединения деятельности комитетов по делам льняной и джутовой промышленности, по хлопкоснабжению, по делам суконной промышленности, а равно других, имеющих к промышленности отношение, в одном общем органе...» ¹¹⁸. Это предложение, видимо, не встретило сочувствия у фабрикантов других отраслей промышленности. Однако льнопромышленники не отказались от осуществления своей идеи. Назначение С. Н. Третьякова на пост председателя главного экономического комитета позволило снова вернуться к

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. 499, оп. 11, д. 39, л. 28; ГИАМО, ф. 1082, оп. 1, д. 154, лл. 36, 40; «Коммерсант», 22 июня 1917 г.

¹¹⁶ ГИАМО, ф. 848, оп. 1, д. 176, л. 6.

¹¹⁷ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 551, лл. 37—38.

¹¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 17, д. 609, л. 211.

этому плану. 3 октября 1917 г. комитет по делам льняной и джутовой промышленности заслушал «проект объединения всех торгово-промышленных организаций, как-то: комитетов хлопкового, кожевенного, суконного и т. п., в одну общую организацию с тем, чтобы установить контакт в их деятельности». Этот проект предполагалось передать для обсуждения в экономическом совете¹¹⁹. Однако экономический совет уже закончил свое непродолжительное существование, а главный экономический комитет так и не успел обсудить проект. Попытки создания более стройной системы государственно-монополистических органов в текстильной промышленности явно запоздали. Великая Октябрьская социалистическая революция поставила вопрос о необходимости регулирования текстильной промышленности на принципиально иной основе в интересах трудящихся масс и при их активнейшем участии.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

После Февральской революции государственное регулирование текстильной промышленности получило некоторое развитие. Позиции отраслевых предпринимательских объединений в государственных регулирующих органах еще более укрепились. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции функции всех комитетов по регулированию текстильной промышленности сводились к распределению сырья, полуфабрикатов и готовых изделий и установлению нормированных цен. Комитетам было предоставлено также право «регулирования» производства (проверка фабричных книг, требование выполнения одних заказов раньше других, ходатайство о наложении секвестра). Однако эффективность государственного регулирования текстильной промышленности оставалась низкой. Во-первых, при отсутствии необходимого аппарата весьма скромные полномочия в деле «регулирования» производства в значительной степени оставались на бумаге. Во-вторых, регулирование имело поверхностный характер, ибо важнейшие составные элементы его отсутствовали. Единые нормированные цены на все ткани так

¹¹⁹ «Коммерческий телеграф», 4 октября 1917 г.

и не были установлены. Ткани на частном рынке продавались по более высоким ценам, чем ткани, поставлявшиеся интендантству. Распределение сырья и полуфабрикатов в хлопчатобумажной и льняной промышленности сводилось лишь к предоставлению каждому предприятию права на получение их определенного количества. Каждый фабрикант осуществлял закупку сырья самостоятельно. Не было сделано серьезных попыток создания государственных закупочных органов, хотя перебои в снабжении сырьем весьма болезненно отражались на производстве. Такой порядок закупки составлял массу всевозможных лазеек для нарушения установленных комитетами твердых цен на сырье и полуфабрикаты.

Государственный учет и контроль за распределением и производством, подобный установленному в текстильной промышленности, не мог серьезно ограничить хозяйственно-коммерческую самостоятельность отдельных предприятий. Капиталисты, допустив некоторое, весьма незначительное ущемление своей самостоятельности, получили от такого государственного регулирования огромные преимущества. В комитетах в действительности по-прежнему происходило не распределение сырья, полуфабрикатов и тканей, а «огосударствление» тех соглашений, которые вырабатывали фабриканты по этим вопросам в своих организациях.

Государственно-монополистические органы, обеспечивавшие государственное регулирование текстильной промышленности, после Февральской революции сохраняли черты ограниченности и недоразвитости, присущие самому регулированию. Несмотря на ряд проектов, направленных к развитию регулирующих функций государственно-монополистических институтов, в их деятельности не произошло никаких существенных изменений по сравнению с дофевральским периодом. Учетно-распределительный и регистрационный аппарат не получил сколько-нибудь значительного расширения. Степень развитости государственно-монополистических органов, объем и содержание их деятельности сильно отставали от требований момента, определявшихся продолжающейся войной, нарастающей хозяйственной разрухой и непрерывно увеличивающейся дороговизной предметов первой необходимости. Деятельность госу-

дарственно-монополистических органов после Февральской революции капиталистами, в конечном итоге, подчинялась одной основной задаче — сохранению и упрочению экономического господства своего класса. С теми же целевыми установками обеспечения классового господства и установления контрреволюционной диктатуры была связана политика монополистических объединений и созданных ими антирабочих союзов по отношению к пролетарским массам. Тактика организованных локаутов, настойчиво осуществлявшаяся в период подготовки контрреволюционного заговора Корнилова, имела своей целью не только оказать экономическое давление на рабочих, но и дезорганизовать пролетарские ряды в критические моменты революционного движения.

Монополисты текстильной промышленности всячески противодействовали демократизации регулирующих органов, установлению революционно-демократического, рабочего контроля в текстильном производстве и в мануфактурной торговле. В революционной стране они, утратив чувство реальности, цеплялись за реакционно-бюрократические схемы и органы регулирования и контроля, которые противоречили интересам народных масс и не могли не усугублять расстройство всего народного хозяйства.

На примере текстильной промышленности мы можем видеть, насколько был прав В. И. Ленин, оценивая саботажническую политику капиталистов в деле осуществления действительного и всенародного учета и контроля. В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» В. И. Ленин писал: «Современный, новейший, республиканско-демократический саботаж всякого контроля, учета, надзора состоит в том, что капиталисты на словах «горячо» признают «принцип» контроля и необходимость его (как и все меньшевики и эсеры, само собою разумеется), но только настаивают на «постепенном» планомерном «государственно-упорядоченном» введении этого контроля. На деле же этими благовидными словечками прикрывается *срыв* контроля, превращение его в ничто, в фикцию, игра в контроль, оттяжки всяких деловых и практически серьезных шагов, создание необыкновенно сложных, громоздких, чиновничьи-безжизненных учреждений контроля, кото-

рые насквозь зависимы от капиталистов и ровнехонько ничего не делают и делать не могут»¹.

Капиталисты не могли не сознавать необходимости элементарного регулирования и контроля в народном хозяйстве страны в условиях войны и нарастающей разрухи. К разрешению этих проблем они подходили со своих классовых позиций, стремясь стабилизировать экономику за счет лишений и невзгод трудящихся масс. Однако признание необходимости контроля и регулирования в революционной России (как показал буржуазии опыт первых месяцев после свержения царизма) приводило к самым нежелательным последствиям. Оно затрудняло противодействие революционному пролетариату, осложняло борьбу против требований рабочего контроля, как самого последовательного и действенного средства по обеспечению регулирования народного хозяйства. Отсюда требования восстановления свободного торгового оборота, являвшиеся проявлением определенной растерянности и колебаний в лагере московской торгово-промышленной буржуазии, не решавшейся открыто противопоставить лозунгу рабочего контроля лозунг прямого и неограниченного контроля монополий, выдвинутый и осуществлявшийся лидерами московской империалистической буржуазии тайком, за спиной народных масс. Если на первых порах после Февральской революции руководители московских торгово-промышленных организаций открыто признавали необходимость государственного регулирования экономики, то по мере распространения идей рабочего контроля в массах пролетариата, усиления борьбы рабочего класса они все сильнее ратовали за «свободную» торговлю. В действительности под прикрытием требований свободной торговли протаскивались реакционно-бюрократические формы ограниченного государственного контроля и регулирования.

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции в стране был повсеместно установлен действенный рабочий контроль за производством и распределением, который явился одним из важнейших шагов на пути коренной перестройки всей экономики России.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 301.

Процесс монополизации текстильной промышленности, интенсивно начавшийся на рубеже двух веков, усилился в годы кризиса (1900—1903) и особое развитие получил после первой русской революции, будучи ускорен периодически повторявшимися заминками в сбыте продукции текстильного производства. Перед первой мировой войной преобладающая масса предприятий хлопчатобумажной, шерстяной, льняной и джутовой промышленности участвовала в тех или иных монополистических союзах и соглашениях. Централизация производства и капитала достигала высокой стадии развития. Руководство монополистическими союзами и московскими банками, тесно связанными с текстильным производством, находилось в руках сравнительно небольшой группы крупнейших текстильных фабрикантов (Морозовы, Рябушинские, Кнопы, Второв и др.).

Условия войны и вызванная ими необходимость государственного регулирования текстильной промышленности способствовали расширению функций и организационному укреплению крупнейших отраслевых предпринимательских объединений. С другой стороны, определенная недоразвитость этих союзов, природная ограниченность сферы их деятельности отчасти предопределили недоразвитость государственного регулирования текстильной промышленности в годы войны, его малую эффективность, особенно в деле регламентации и контроля за производством и распределением готовой продукции.

Рассмотрение результатов государственного регулирования текстильной промышленности со всей очевидностью свидетельствует о крайнем обострении в России в годы войны противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Государственное регулирование текстильной промышленности способствовало дальнейшему ускорению капиталистического обобществления и централизации производства и распределения. Но оно осуществлялось таким образом, что кучке фабрикантов обеспечивались неограниченные возможности расхищения всенародного труда, чудовищного ограбления трудящихся масс. Спекуля-

тивная вакханалия в мануфактурной торговле являлась одной из причин, предопределивших неуклонное ухудшение положения трудящихся масс и стихийное нарастание их недовольства существующим строем. Тем самым государственное регулирование текстильной промышленности, осуществлявшееся царизмом и буржуазией, объективно являлось одним из факторов, способствовавших назреванию и углублению революционного кризиса в стране.

Оценивая степень зрелости и развитости государственно-монополистического капитализма в России с учетом изложенного нами материала, нельзя отрицать. во-первых, определенной недоразвитости самих государственно-монополистических институтов и отсутствия стройной системы согласованно действующих государственно-монополистических органов. Во-вторых, невозможно игнорировать общую экономическую отсталость России. Удельный вес отраслей народного хозяйства, в которых существовал более или менее развитый государственно-монополистический капитализм, в России был значительно меньшим, чем в других странах. Промышленность по объему валовой продукции заметно уступала сельскому хозяйству с преобладавшей там мелкобуржуазной стихией. В промышленности доминировало производство средств потребления. А здесь государственно-монополистические органы не достигали того уровня развития, который мы наблюдаем в металлургической и других отраслях промышленности, где они опирались на разветвленный аппарат мощных синдикатов.

Вместе с тем изучение процессов монополизации текстильной промышленности России с бесспорной очевидностью опровергает домыслы буржуазных псевдочученых, вплоть до наших дней тщательно пытающихся «научно» доказать «случайность» Великой Октябрьской социалистической революции и отрицающих ее экономические предпосылки. Монополистический капитал, возникший и действовавший на чисто «национальной» почве текстильного производства (не говоря уже о металлургической и других отраслях промышленности, тесно связанных с иностранным капиталом), развивался теми же путями, которые характерны для наиболее крупных империалистических государств. Хотя моно-

полии и государственно-монополистический капитализм в России не имели такого всеобъемлющего значения, какое они приобрели в Англии, Франции и в особенности в Германии, определенные материальные предпосылки для социалистической революции в нашей стране были налицо.

Высокая степень концентрации производства и централизации капитала, государственно-монополистические институты, возникшие в годы войны, создали в текстильной промышленности определенные материальные предпосылки, необходимые для начала социалистических преобразований.

Учетно-распределительный и регистрационный аппарат, созданный в органах государственного регулирования текстильной промышленности, был использован рабочим классом нашей страны при строительстве центральных органов управления социалистической промышленностью. Все старые комитеты (хлопкоснабжения, суконный, льноджутовый, «Центроткань»), коренным образом реорганизованные, вошли в виде отделов в «Центротекстиль», подчинявшийся ВСНХ.

Те успехи, которых рабочие-текстильщики добились в деле строительства центрального хозяйственного аппарата регулирования производства и распределения, были по достоинству оценены В. И. Лениным. В. И. Ленин, рассматривая деятельность рабочих по организации управления промышленностью России в начале мая 1918 г., с самой положительной стороны характеризовал опыт рабочих-текстильщиков: «А рабочие текстили, табачники, кожевенники не боятся, как деклассированные мелкобуржуазные интеллигенты, «государственного капитализма», не боятся «учиться у организаторов трестов». Эти рабочие в центральных руководящих учреждениях, типа «главкожи» или «центротекстиля» сидят рядом с капиталистами, *учатся у них*, налаживают тресты, налаживают «государственный капитализм», при Советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма»¹.

Реорганизация старых органов регулирования в текстильной промышленности началась в декабре 1917 г.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 317.

10 декабря 1917 г. в состав «Центроткани» вошли девять представителей рабочих-текстильщиков. Однако решительное наступление на старые органы регулирования текстильной промышленности начинается с середины января 1918 г. Постановлением ВСНХ от 12 января 1918 г. комитету хлопкоснабжения вменялось в обязанность разработать и осуществить мероприятия по введению хлопковой монополии. Состав комитета изменялся на основе осуществления принципа приоритета ($\frac{2}{3}$ состава) рабочей группы. 18 января 1918 г. на основании того же принципа реорганизовался совет «Центроткани». Уполномоченный б. министерства продовольствия при этом окончательно отстранялся от исполнения каких-либо обязанностей в «Центроткани». 26 января 1918 г. при «Центроткани» состоялось совещание представителей президиума «Центроткани», комитета хлопкоснабжения, суконного и льно-джутового комитетов. Совещание положительно разрешило вопрос о создании объединенного органа, призванного регулировать работу текстильной промышленности в целом. В Центральный комитет по регулированию текстильной промышленности («Центротекстиль») вошли по три представителя от всех комитетов и представитель президиума ВСНХ. Представительство от комитетов устанавливалось исходя из принципа приоритета рабочих групп (два человека из трех) ².

План организации и работы нового органа детально определил Первый всероссийский съезд текстильщиков, открывшийся в конце января 1917 г. На съезде были заслушаны доклады о положении (В. П. Ногин) и о регулировании (А. С. Бубнов) текстильной промышленности. Делегаты съезда подавляющим большинством голосов приняли резолюцию, суммирующую те предложения, которые по вопросам организации текстильной промышленности внесли докладчики-большевики. В резолюции намечалось направление дальнейшего развития текстильной промышленности на основе национализации. Рабочий контроль над производством в общегосударственном масштабе рассматривался как переходная ступень планомерной организации производства, как первый шаг «к полному регулированию хозяйственной

² «Центроткань», 1918, № 2-3, стр. 1—2, 15—16.

жизни». Для решения этой задачи съезд наметил целую систему мероприятий. В первую очередь съезд подтвердил необходимость организации центрального, а также районных органов регулирования текстильной промышленности в системе ВСНХ, составленных на основании преобладания в них представителей рабочих ($\frac{2}{3}$ общего состава). Все существующие органы регулирования текстильной промышленности, по мнению съезда, следовало подчинить Центротекстилю и реорганизовать на тех же основаниях, на которых создан последний. В резолюции далее отмечалась необходимость проведения государственной монополии на торговлю хлопком и осуществление монополии на продажу тканей³.

Съезд утвердил положение о «Центротекстиле», которое развило и конкретизировало некоторые важнейшие пункты резолюции. Важнейшие права и обязанности «Центротекстиля» заключались в утверждении статута подчиненных ему органов регулирования, в создании новых органов, в учете и распределении сырья и ткани, в организации однотипных закупочных органов («Центрохлопок», «Центрошерсть» и «Центролен»), в предоставлении этим органам прав государственной монополии и в руководстве их деятельностью. «Центротекстилю» было также предоставлено право конфискации и национализации предприятий и управления такими предприятиями. Состав нового органа и порядок решения им вопросов определялся в соответствии с ранее установленным принципом, согласно которому представители рабочих групп, независимо от числа присутствующих на заседании, всегда имели $\frac{2}{3}$ голосов. Фабриканты в количественном отношении фактически составляли лишь около 20% всего состава «Центротекстиля» (15 из 72 членов пленума). Повседневный практической деятельностью нового органа руководил президиум из 11 человек. 9 из них избирались «Центротекстилем», один назначался ВСНХ и один Всероссийским союзом текстильщиков⁴.

1 апреля 1918 г. положение о «Центротекстиле» с самыми незначительными изменениями утвердил (в присутствии В. И. Ленина) президиум ВСНХ. «Центро-

³ ЦГАОР, ф. 5457, оп. 2, д. 1, лл. 15—16; 18—19, 42—43, 90.

⁴ ЦГАНХ, д. 3338, оп. 1, д. 495; «Центроткань», 1918, № 4—5, стр. 12—13.

текстиль», как центральный государственный орган регулирования текстильной промышленности, подчинявшийся текстильному отделу ВСНХ, получил законодательное оформление⁵.

В своей повседневной практической работе «Центротекстиль» руководствовался решениями I Всероссийского съезда текстильщиков и постановлениями ВСНХ. Он развернул активную деятельность как в направлении расширения функций существующих комитетов, так и по их коренной перестройке, полному подчинению их «Центротекстилю», а также по организации новых органов.

Вся эта работа производилась при активнейшем участии и широкой поддержке пролетарских масс. Опираясь на активную помощь рабочих, руководство «Центротекстиля» использовало опыт капиталистов как специалистов и организаторов, училось у них. Вместе с тем представители рабочих стремились парализовать влияние капиталистов в регулирующих органах текстильной промышленности, постепенно отстраняя их от решения дел, вытесняя и отсекая их от этих органов, изолируя их от служащих.

Пока предприятия находились в руках фабрикантов, которые осуществляли все финансово-коммерческие операции (хотя и под контролем рабочих), деятельность «Центротекстиля» носила государственно-капиталистический характер. Но этот государственный капитализм проводился под руководством органов Советской власти, под контролем широких масс рабочих и поэтому принципиально отличался от госкапитализма при диктатуре империалистической буржуазии. Разветвленный аппарат рабочего контроля на местах, на который опирались представители рабочих в центральных органах, являлся гарантией того, что развитие государственного капитализма будет осуществляться в нужном для трудящихся масс направлении. Развитие государственно-капиталистических функций направлялось так, чтобы в кратчайшие сроки завершить создание материальной базы, необходимой для коренных социалистических преобразований в текстильной промышленности и в первую очередь для национализации. Это хорошо пони-

⁵ «Народное хозяйство», 1918, № 2, стр. 22, 43, 44.

мали капиталисты. Перспектива национализации промышленности вызывала у них настолько сильную тревогу, что они не смогли ее скрыть. Так, например, на первом заседании комитета хлопкоснабжения, состоявшемся после I Всероссийского съезда текстильщиков, представители фабрикантов всячески пытались внушить рабочим, что осуществление национализации вызовет паралич всей хозяйственной жизни страны⁶.

При создании системы органов управления текстильной промышленности были использованы те производственные связи, которые сложились до революции между предприятиями, входящими в тресты или группы трестовского типа. Т-во м-р Э. Циндель, т-во Воскресенской, Собинской и Лемешкинской м-р, составлявшие единый производственный комплекс во главе с т-вом Э. Циндель, вошли в феврале 1919 г. в единое кустовое объединение, получившее наименование «Московско-владимирских хлопчатобумажных фабрик РСФСР»⁷. В конце 1918—начале 1919 г. было организовано правление объединенных государственных фабрик петроградской ниточно-трикотажной промышленности («Петронитрик»). Это кустовое объединение включило петроградские предприятия, входившие в ниточный трест и составившие его основу. Кроме того, сюда вошли более мелкие самостоятельные предприятия (Петроградская ниточная фабрика, акц. о-во Дж. Бек)⁸. Производственные связи между предприятиями, входившими в т-во внутренней и вывозной торговли, были настолько тесными, что на совместном заседании «Центротекстиля», Всероссийского союза текстильщиков и представителей рабочих четырех фабрик (по предложению последних) с целью лучшей организации контроля на объединенных предприятиях и подчинения их «Центротекстилю» был создан орган из девяти человек. В состав его вошли по два человека от рабочих организаций каждой фабрики и один представитель союза текстильщиков. Объединенный орган представителей рабочих всех четырех фабрик должен был взять в свои руки все фактическое руководство предприятиями и контролировать торговую деятельность т-ва внутренней

⁶ ГАОРМО, ф. 627, оп. 2, д. 31, лл. 6—7.

⁷ ЦГАНХ, ф. 3338, оп. 1, д. 25, лл. 156—157.

⁸ ГИАЛО, ф. 1436, оп. 3, д. 10, л. 14; д. 9, л. 5.

и вывозной торговли⁹. Этот орган действовал несмотря на протесты правления т-ва внутренней и вывозной торговли, пытавшегося в своих жалобах доказать, что т-во — самостоятельное предприятие, независимое от четырех хлопчатобумажных фабрик. «Девятка» как орган рабочего контроля существовала до национализации промышленных предприятий. Она не сохранилась потому, что при национализации хлопчатобумажных предприятий и организации кустовых объединений осуществлялось более рациональное группирование предприятий с учетом их географического расположения. Предприятия, контролируемые «девяткой», вошли в разные «кусты»¹⁰.

Аппарат закупочного синдиката «Русская шерсть» был использован при организации «Центротекстиля». Еще летом 1918 г. «Центротекстиль» пытался использовать синдикат для закупки шерсти в различных районах страны. 22 октября 1918 г. президиум ВСНХ по предложению шерстяного подотдела отдела снабжения «Центротекстиля» национализировал т-во «Русская шерсть». Все имущество и капиталы т-ва перешли в «Центротекстиль». Технический аппарат «Русской шерсти» влился в закупочный аппарат шерстяного подотдела¹¹.

В результате огромного созидательного труда рабочие-текстильщики, организуемые профсоюзами под руководством большевистской партии, использовав аппарат старых дореволюционных органов регулирования, коренным образом реорганизованный, преобразованный и многократно расширенный, создали впервые в истории человечества один из органов управления социалистической промышленности.

⁹ ЦГАОР, ф. 5457, оп. 2, д. 8, лл. 27—28.

¹⁰ ГАОРМО, ф. 2122, оп. 1, д. 83, л. 5; А. А. Лебедев и А. Н. Опацкий. Состояние русской хлопчатобумажной промышленности к началу 1920 г., стр. 25.

¹¹ См. В. Я. Лаврычев. Создание центральных государственных органов управления текстильной промышленности в 1918 г. Сб. ст. «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». Изд-во МГУ, 1957, стр. 134, 142.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ФОНДОВ

ЦГАОР

- ф. 6 — Канцелярия Временного правительства.
- ф. 102 — Департамент полиции министерства внутренних дел.
- ф. 472 — ЦК фабзавкомов Петрограда.
- ф. 579 — П. Н. Милюков.
- ф. 3348 — П. И. Пальчинский.
- ф. 3891 — Управление сельской продовольственной части министерства внутренних дел.
- ф. 5457 — ЦК текстильщиков.
- ф. 6868 — Истпроф ЦК текстильщиков.
- ф. 7952 — Государственное издательство «История фабрик и заводов».

ЦГАНХ

- ф. 3338 — Главное правление текстильных предприятий («Глав-текстиль»).
- ф. 3429 — ВСНХ.
- ф. 3984 — Комитет хозяйственной политики ВСНХ.
- ф. 7659 — Центральный комитет текстильной промышленности («Центротекстиль»).

ЦГИАЛ

- ф. 20 — Департамент торговли и мануфактур министерства финансов.
- ф. 22 — Центральные учреждения по части торговли и промышленности министерства финансов.
- ф. 23 — Министерство торговли и промышленности.
- ф. 32 — Совет съездов представителей промышленности и торговли.
- ф. 45 — Петроградский окружной военно-промышленный комитет.
- ф. 63 — О-во комаровских железорудных месторождений и южноуральских заводов.

- ф. 96 — Главный производственный комитет.
- ф. 150 — Петроградское общество заводчиков и фабрикантов.
- ф. 405 — Льняной комитет министерства земледелия.
- ф. 560 — Общая канцелярия министерства финансов.
- ф. 595 — Волжско-Камский коммерческий банк.
- ф. 597 — Петроградский частный коммерческий банк.
- ф. 598 — Петроградский учетный и ссудный банк.
- ф. 616 — Азовско-Донской коммерческий банк.
- ф. 622 — Московский промышленный банк.
- ф. 626 — Международный коммерческий банк.
- ф. 630 — Русско-Азиатский банк.
- ф. 634 — Русский торгово-промышленный банк.
- ф. 638 — Сибирский торговый банк.
- ф. 935 — Н. П. Гарин.
- ф. 1005 — Ю. С. Нечаев-Мальцев.
- ф. 1131 — Комитет для заведования снабжения сырьем хлопчатобумажных фабрик.
- ф. 1276 — Канцелярия совета министров.
- ф. 1284 — Департамент общих дел министерства внутренних дел.
- ф. 1393 — Ревизия сенатора Н. П. Гарина.
- ф. 1425 — Документальные материалы торгово-промышленных акционерных обществ и товариществ (коллекция).

ЦГВИА

- ф. 2 л. — Главное интендантское управление (ленинградские материалы).
- ф. 499 — Главное интендантское управление.
- ф. 12642 — Главный по снабжению армии комитет Союза земств и городов.
- ф. 13251 — Центральный военно-промышленный комитет.

ГИАМО

- ф. 16 — Канцелярия московского генерал-губернатора.
 - ф. 46 — Канцелярия московского градоначальника.
 - ф. 51 — Московская казенная палата.
 - ф. 64 — Московское губернское по делам об обществах присутствие.
 - ф. 143 — Московский биржевой комитет.
 - ф. 225 — Общество для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности.
 - ф. 253 — Московский купеческий банк.
 - ф. 254 — Московский банк.
 - ф. 255 — Московский народный банк.
 - ф. 263 — Московское отделение Русско-Азиатского банка.
 - ф. 269 — Московское отделение Сибирского банка.
 - ф. 270 — Соединенный банк.
 - ф. 271 — Московский учетный банк.
 - ф. 322 — Т-во Ю. С. Нечаева-Мальцева.
 - ф. 327 — Российский взаимный страховой союз.
 - ф. 331 — Т-во Даниловской м-ры.
 - ф. 333 — Т-во Измайловской красильно-аппретурной м-ры
- Ф. и Л. Герасимовых,

- ф. 340 — Промышленное и торговое товарищество П. Малютина.
- ф. 341 — Т-во м-р В. Морозова.
- ф. 342 — Т-во м-р С. Морозова.
- ф. 349 — Т-во Г. Симоно и К°.
- ф. 450 — Московская контора Государственного банка.
- ф. 673 — Т-во м-р Н. Н. Коншина.
- ф. 715 — Товарищество Купавинской фабрики бр. Бабкиных.
- ф. 774 — Т-во Э. Циндель.
- ф. 848 — Московское районное заводское совещание.
- ф. 861 — Т-во Московского автомобильного завода.
- ф. 883 — Московское т-во «Вл. Алексеев», П. Вишняков и А. Шамшин.
- ф. 1082 — Московский областной ВПК.
- ф. 1213 — Полянская бумагопрядильная фабрика торгово-промышленного товарищества бр. Крестовниковых.
- ф. 1228 — Московский торгово-промышленный комитет.
- ф. 2102 — Российское общество химической промышленности 1914 г.
- ф. 2103 — Российское акц. о-во коксовой промышленности и бензолового производства.

ГАОРМО

- ф. 627 — Московский губернский отдел союза текстильщиков.
- ф. 2122 — Московский районный экономический комитет.
- ф. 2252 — Московский городской продовольственный комитет.
- ф. 3631 — Орехово-Зуевский трест ВСНХ.

ГИАЛО

- ф. 1167 — Акц. о-во Кулотинской джутовой м-ры.
- ф. 1196 — О-во Российской бумагопрядильной м-ры.
- ф. 1245 — Акц. о-во бумагопрядильной м-ры Джемс Бек.
- ф. 1256 — Т-во «Новая бумагопрядильня».
- ф. 1266 — Т-во «Торнтон».
- ф. 1268 — Акц. о-во Александро-Невской м-ры Паля.
- ф. 1295 — Акц. о-во Сампсониевской м-ры.
- ф. 1305 — Т-во бр. Леонтьевых.
- ф. 1318 — Т-во м-р Кожевникова.
- ф. 1321 — Андреевское торгово-промышленное т-во.
- ф. 1378 — Петроградская джутовая м-ра т-ва Д. Н. Лебедева.
- ф. 1412 — Правление компании Петровской м-ры, т-ва Спасской и т-ва Шлиссельбургской м-р.
- ф. 1436 — Т-во Невской ниточной м-ры.
- ф. 1456 — Акц. о-во Гутуевской м-ры Аух.

ГАВО

- ф. 14 — Канцелярия Владимирского губернатора.
- ф. 266 — Старший фабричный инспектор.

ГАИО

- ф. 2 — Иваново-Вознесенская городская управа.
- ф. 7 — Общество фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района.

ф. 27 — Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактуры.

ф. 28 — Иваново-Вознесенский ВПК.

ф. 101 — Т-во м-р А. М. Гандурина.

ф. 108 — Куваевская м-ра.

ф. 138 — Т-во м-р И. Коновалова.

ф. 125 — Иваново-Вознесенская м-ра.

ф. 154 — Т-во м-р Н. Дербенева.

ф. 191 — Т-во м-р Н. Зубкова.

ф. 205 — Т-во м-р Д. Г. Бурылина.

ф. 636 — И. К. Коновалов.

ф. 641 — Шуйское общество фабрикантов и заводчиков.

ГАКАЛО

ф. 126 — Тверской городской ВПК.

ф. 809 — Государственный Тверской хлопчатобумажный трест.

ф. 850 — Т-во Тверской м-ры.

ГАКО

ф. 457 — Старший фабричный инспектор.

ф. 516 — Анонимн. о-во Костромской м-ры Гратри, Жерар и Мухиной.

ГАХО

ф. 71 — Харьковский земельный банк.

ф. 922 — Старший фабричный инспектор.

ГАЯО

ф. 674 — Т-во Большой Ярославской м-ры.

ГИМ ОПИ

ф. 10 — П. А. Бурышкин.

ф. 31 — В. А. Маклаков.

ф. 424 — Собрание документальных материалов периода буржуазно-демократической революции в России.

РОБИЛ

ф. 70 — В. И. Герье.

ф. 260 — Рябушинские.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
--------------------	---

РАЗДЕЛ I. МОНОПОЛИЗАЦИЯ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 1900—1914 гг.

Г л а в а I. Некоторые особенности развития текстильной про- мышленности	19
§ 1. Структура, размещение и концентрация текстильного производства	19
§ 2. Текстильная промышленность и банки	32
§ 3. Особенности сбыта изделий текстильной промышленности. Г л а в а II. Развитие монополистических соглашений и объ- единений в сфере сбыта продукции	50
§ 1. Монополистические объединения и соглашения на завер- шающей стадии цикла хлопчатобумажного производства	60
§ 2. Монополистические объединения и соглашения в прядиль- но-ткацком производстве хлопчатобумажной промышлен- ности	60
§ 3. Монополистические союзы в суконной, льняной, джутовой и шелковой промышленности	84
Г л а в а III. Тенденции к трестированию до первой мировой войны	98
§ 1. Централизация производства. Первые попытки проникно- вения в другие отрасли промышленности	121
§ 2. Возникновение монополистических объединений высшего типа	121
Г л а в а IV. Монополисты текстильной промышленности в борьбе с рабочим движением	145
Краткие выводы	154
	180

РАЗДЕЛ II. МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 — февраль 1917 г.)

Г л а в а V. Влияние войны на текстильную промышленность	186
§ 1. Общее состояние текстильного производства	186
§ 2. Деятельность специализированных картелей в годы вой- ны и дальнейшая картелизация текстильного производ- ства	189

§ 3. Усиление тенденций к централизации производства. Проникновение в другие отрасли промышленности. Банки и текстильная промышленность	206
§ 4. Текстильные фабриканты и попытки осуществления «нового» курса в рабочем вопросе	230
Глава VI. Государственное регулирование хлопчатобумажной промышленности	243
§ 1. Первые шаги в деле государственного регулирования и создание комитета хлопкоснабжения	243
§ 2. Деятельность комитета хлопкоснабжения и предпринимательских организаций в хлопковую кампанию 1915/16 г.	256
§ 3. Попытки расширения сферы государственного регулирования хлопчатобумажной промышленности в конце 1916—начале 1917 г.	272
Глава VII. Государственное регулирование других отраслей текстильного производства	287
§ 1. Шерстяная промышленность	287
§ 2. Льно-джутовая промышленность	300
Краткие выводы	310

РАЗДЕЛ III. МОНОПОЛИИ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

Глава VIII. Процесс монополизации текстильной промышленности после Февральской революции	322
§ 1. Некоторые особенности централизации производства	322
§ 2. Антирабочая политика монополистов текстильной промышленности в 1917 г.	331
Глава IX. Государственное регулирование текстильной промышленности после Февральской революции	358
§ 1. Борьба фабрикантов хлопчатобумажной промышленности против демократизации государственных регулирующих органов	358
§ 2. Сырьевая проблема и нормирование цен на хлопчатобумажные изделия в 1917 г.	384
§ 3. Хлопчатобумажный отдел Московского областного военно-промышленного комитета в 1917 г.	391
§ 4. Государственное регулирование в шерстяной и льняной промышленности	397
Краткие выводы	406
Заключение	410
Список использованных фондов	418

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
43	10 снизу	фабрики	фабриканты
105	4 сверху	локальное	постоянное
402	19 снизу	дела	отдела
411	10 снизу	тщательно	тщетно

Зак. 566

Лаверычев Владимир Яковлевич

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ
В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
РОССИИ

(1900—1917 гг.)

Переплет художника *Михельсона Е. А.*

Редактор *Дробижев В. З.*

Технич. редактор *Мухина Л. В.*

Корректора *Петкевич М. М.,*

Эльмус М. И.

Сдано в набор 25/V 1963 г.

Подписано к печати 26/XII 1963 г.

Л-32 254

Формат 84×108/32

Печ. л. 13,25

Уч.-изд. л. 24,10

Изд. № 117

Заказ № 566

Тираж 1000 экз.

Цена 1 р. 35 к.

Издательство Московского университета

Москва, Ленинские горы

Административный корпус.

Типография Издательства МГУ

Москва, Ленинские горы

1р. 35к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА